

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СИБИРИ

Выпуск 36

Г. Коопалк

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СИБИРИ
Серия основана в 1975 г.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДУХОВНОЙ
КУЛЬТУРЫ В ПАМЯТНИКАХ
ПИСЬМЕННОСТИ XVI–XXI вв.

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
доктор исторических наук *А.Х. Элерт*

НОВОСИБИРСК
2017

УДК 09(093)(571)“15/20”

ББК 63.2

П 78

Рецензенты:

доктор исторических наук *В.А. Ильиных*,
кандидат исторических наук *Е.Н. Туманик*,
кандидат филологических наук *Л.В. Озолиня*

Редколлегия:

доктор исторических наук *А.Х. Элерт* (отв. редактор),
доктор исторических наук *Н.С. Гурьянова*,
доктор филологических наук *Л.И. Журова*,
доктор исторических наук *Н.Д. Зольникова*,
доктор исторических наук *Н.П. Матханова*,
доктор филологических наук *Т.В. Панич*,
кандидат филологических наук *Л.В. Титова* (отв. секретарь),
И.А. Шпилов (секретарь)

Утверждено к печати

Ученым советом Института истории СО РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 17-01-14001/17 ОГОН).

Подготовлено в рамках Комплексной программы фундаментальных
научных исследований СО РАН № П.2.П «Интеграция и развитие»
(номер проекта в ИСГЗ ФАНО 0326-2015-0018)

Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. /
П 78 Отв. ред. А.Х. Элерт; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. — Новосибирск, 2017. — 384 с. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 36).

Очередной выпуск научных трудов серии «Археография и источниковедение Сибири» составлен из статей участников прошедшей в октябре 2017 г. в Институте истории СО РАН III Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы отечественной истории, археографии и источниковедения», посвященной памяти академика Н.Н. Покровского. Научные разработки исследователей Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Новосибирска, Ростова-на Дону, Омска охватывают широкий спектр вопросов, касающихся разнообразных тем серии: история православной и старообрядческой письменной культуры, литературные памятники средневековья и книжность, история текстов и рукописная традиция сочинений разных жанров, археографические находки и источниковедческие методики анализа.

Книга рассчитана на историков, филологов, культурологов, музыковедов и всех интересующихся историей книжной и духовной культуры.

ISBN 978-5-93889-339-9

© Институт истории СО РАН, 2017

От редколлегии

Очередной 36-й выпуск серии «Археография и источниковедение Сибири» включил статьи, большая часть которых основана на докладах, прозвучавших на III Всероссийской научной конференции, посвященной памяти выдающегося российского историка, академика Николая Николаевича Покровского (1930–2013). Конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, археографии и источниковедения» прошла 12–14 октября 2017 года в новосибирском Академгородке, в Институте истории Сибирского отделения РАН, где много лет работал ученый. Открывают сборник статьи, в которых предложены новые материалы для изучения биографии Н.Н. Покровского. Анализ эпистолярного наследия и письменных воспоминаний самого историка помог воссоздать уникальные черты личности талантливого ученого на фоне советской эпохи.

Тематика статей, вошедших в сборник, отражает многообразие и широту научных интересов Н.Н. Покровского: здесь и вопросы древнерусской книжности, от ее истоков до заката Средневековья, и проблемы отечественной истории, поставленные на широком временном диапазоне, от переломного XVII века до новейшего времени. Продолжено изучение судеб творческого наследия Максима Грека, в реабилитации которого немаловажную роль сыграли «Судные списки», открытые в 1960-е гг. Н.Н. Покровским. Вновь затронуты вопросы интерпретации агиографических источников в Степенной книге. С новых сторон рассмотрены литературные особенности летописей и письменных памятников ранней сибирской литературы, публицистических сочинений и легендарных сказаний. Значительное внимание в сборнике уделено вопросам истории Русской Православной Церкви и старообрядчества, взаимоотношений Церкви и государства, а также христианизации народов Сибири.

Путь историка Н.Н. Покровского счастливо сопровождался множеством уникальных открытий. Каждый источник, обнаруженный им в архивах или в археографических экспедициях, у хранителей древних традиций — старообрядцев, подвергался тщательному источниковедческому и текстологическому анализу. Все научные концепции академика основаны на прочном методологическом фундаменте. Классические методы текстологии, источниковедения и археографии дополнялись разработками эдиционных методик, без которых не мыслилось издание документов новейшего времени. Комплекс статей сборника, в которых подняты вопросы отечественной истории XVII–XX вв., отличается многообразием материалов: это решения церковных соборов, эго-документы, делопроизводственные и экспедиционные документы, приходские книги, лекционный курс, журнальная пресса, мемуары. Несколько статей посвящены описаниям книжных и рукописных собраний, существенно дополняя сведения опубликованных справочников. Предложено новое описание ризницы Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, решены проблемы атрибуции старообрядческих книг из собрания М.Н. Тихомирова и гектографических изданий староверов, описаны книжные коллекции российских ученых в фондах г. Екатеринбурга.

Интерпретация источников, зачастую впервые вводимых в научный оборот, демонстрирует эффективные методики анализа и атрибуции, значительное внимание уделено историко-культурному контексту. Представленные исследования способствуют формированию более глубокого, целостного представления об историческом и историко-литературном процессе в России на протяжении нескольких столетий, об особенностях общественного сознания и отечественной духовной культуры.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ АКАДЕМИКА Н.Н. ПОКРОВСКОГО

УДК 821.161.1-6"1957/1963"

Н.Д. ЗОЛЬНИКОВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НА ФОНЕ ЛУБЯНКИ И ИТЛ: ПЕРЕПИСКА Н.Н. ПОКРОВСКОГО И ЕГО БЛИЗКИХ В 1957–1963 гг.

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: nnpokrov@gmail.com

В статье на материале личной переписки исследуется повседневная жизнь Н.Н. Покровского и его близких в период его пребывания под стражей на Лубянке и затем в мордовских лагерях. Выделены наиболее актуальные обсуждавшиеся в переписке темы, рассмотрены приоритеты, определявшие жизнь как заключенного, так и его родственников.

Ключевые слова: заключенные, администрация, лагерная работа, наука, иностранные языки.

Обширный комплекс семейной переписки Н.Н. Покровского за 1957–1963 гг., когда он находился в заключении в мордовских лагерях, сохранила его мать, Т.А. Прасолова. Письма – нарративный источник личного происхождения; в отечественном источниковедении накоплен богатейший опыт его критики, только с опорой на который можно справиться с реальной оценкой информативных возможностей взятого для исследования комплекса. В частности, переписка арестанта имеет дополнительные по сравнению с обычными искажения реальности: многое приходилось описывать гораздо более положительно, чем оно было на самом деле. Корреспонденты всегда имели в виду опасность перлюстрации; в некоторых случаях возникает ощущение, что письмо вообще рассчитано на то, что его прочтет надзирающий глаз. Истина иногда обнаруживалась при сопоставлении писем разных корреспондентов, в которых описано одно и то же событие, или же при пересказе стороннего мнения о том же предмете. Часть тем по разным причинам вообще не затрагивалась, в том числе и для того, чтобы не травмировать близких. В письмах Н.Н. Покровского, за одним исключением, почти нет подробностей о том, что занимало большую часть его дня, а именно – о принудительной

лагерной работе. Понятно, что таким образом наше представление о повседневной жизни, которую вел заключенный, серьезно ограничивается. И все же краткие упоминания о работе (обычно по настоянию матери, боявшейся, что сын тянет непосильные для него нагрузки) позволяют хотя бы пунктирно прочертить и эту линию лагерной повседневности. Гораздо больше внимания в письмах уделялось другим сюжетам, например — быту ростовских и московских родственников, который иногда прописывался очень подробно. Однако и здесь немало лакун: комплекс состоит в основном из писем Н.Н. Покровского матери в Ростов-на-Дону и ей же — из Москвы от жены сына, З.В. Бородиной. Письма самой Т.А. Прасоловой, за парой исключений, не сохранились; о содержании ее корреспонденций, и, следовательно, ее жизни, мы узнаем только из ответных писем сына и невестки.

Для того, чтобы верно оценить лагерную переписку Н.Н. Покровского с матерью, нужно отметить, что их внутренняя связь и до трагического 1957 г. была очень тесной. Об этом свидетельствуют несколько сохраненных Т.А. Прасоловой писем сына «допосадочно» времени, когда он был студентом, затем аспирантом и, наконец, преподавателем кафедры источниковедения МГУ. Родительская семья Н.Н. Покровского была очень любящей, спаянной, редко разлучалась, поэтому когда после войны внезапно умер муж Татьяны Андреевны, а дети один за другим уехали учиться в Москву, она очень тяжело переживала внезапно свалившееся одиночество и разрушение семейного гнезда, всегда бывшего оплотом во всех испытаниях. И хотя дочь Светлана вернулась в Ростов-на-Дону, но была уже замужем, и молодые стали жить отдельно. Н.Н. Покровский осел в Москве, где обзавелся семьей и работой. Все это время он виделся с матерью, как правило, дважды в год, на каникулах, а после поступления на работу — и того реже. По письмам Н.Н. Покровского до ареста видно, как он скучал по матери, рвался к ней, постоянно вспоминая тот довоенный мир с обожаемыми родителями, любимым домом, южной природой, который некогда был источником счастья. При этом никак нельзя сказать, что он был несчастлив в Москве. Наоборот — завершение учебы в числе лучших, аспирантура (ее пришлось добиваться, судя по одному из писем, преодолевая противодействие неких недоброжелателей), блестящая защита кандидатской диссертации и, наконец, работа по специальности на кафедре источниковедения МГУ, о которой он мог только мечтать; наконец, счастливый брак — все это было залогом успешного жизненного взлета.

Из писем Н.Н. Покровского к матери конца 1956 – начала 1957 г. видно, насколько напряженной была его научная жизнь: каждого из тех важных проектов, которые он в это время вел, хватило бы, чтобы

целиком заполнить все наличное время. 8 ноября 1956 г., будучи в гостях у своего научного руководителя и заведующего кафедрой М.Н. Тихомирова, Н.Н. Покровский узнал о грядущем включении в издательский план 1957 г. его книги (по теме кандидатской диссертации). Предстояли срочные труды по доработке диссертации и оформлению ее в монографию и столь же срочная перепечатка (денег на это пришлось попросить у матери).¹

В конце ноября 1956 г. Н.Н. Покровский предпринял очередную попытку (предыдущие не удались) договориться о публикации главного труда отца, посвященного имамату Шамиля и кавказским войнам. Дело это стало важнейшим сыновним долгом для Николая Николаевича, сознававшего огромную ценность отцовской книги, не имевшей аналогов в историографии. Он писал матери 20 ноября 1956 г.: «Все последние дни у меня были до предела заняты “кавказским вопросом” — проходила всесоюзная конференция по Шамилю, она шла 4 дня и ежедневно часов 12 уходило на нее, все остальные дела пришлось отодвинуть в сторону, даже занятия, так что теперь я в труднейшем положении, но иначе поступать нельзя было: на конференции... были все нужные люди... Речь идет о самом главном — о возможности напечатания папиной работы, всей целиком. Такая возможность определенно появилась... Удалось весьма заинтересовать дагестанское историческое начальство в судьбе папиной книги, и вот уже второй день я веду переговоры о возможности опубликования ее в Дагестанском филиале Академии наук СССР... директор института истории, языка и литературы этого филиала Г.А. Даниялов прямо уже заявил мне: “мы эту работу обязательно напечатаем”... Важно, что мне удалось добиться изрядного эффекта, показав койкому в конце конференции подробное оглавление папиной работы... капитальность этого труда поразила многих... Впечатление было тем сильнее, что о папиных работах очень положительно говорили в выступлениях на конференции... Даниялов сказал мне, что он учился работать на папиных статьях... Но положение очень сложное, т.к. нельзя дать кому бы то ни было слизнуть хоть кусочек из папиных работ, а конечно, подобные глотательные тенденции имеются... Мне, видимо, понадобятся многие папины материалы, я тогда напишу тебе конкретно, что именно... Очень и очень прошу тебя, постарайся вспомнить и подробно изложить мне историю папиной книги с 1938 г. — кто и когда собирался издавать ее... ведь он делал это несколько раз, поэтому существуют разные редакции монографий, мне

¹ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 20.11.1956. Л. 3 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

нужно будет разбираться во всем этом».² Начатый проект как будто обещал успех, но для сдачи книги в печать нужно было срочно свети воедино как минимум три варианта книги, долго и безуспешно скитавшейся по разным издательствам при жизни Н.И. Покровского. Обращает на себя внимание тот напор, с которым Н.Н. Покровский пытался продвинуть дело: всего лишь новоиспеченный молодой кандидат наук, он сумел заручиться не только поддержкой академика Н.М. Дружинина, но и одного из партийных функционеров — первого секретаря Дагестанского обкома.³

Наконец, к завершению близился еще один важный для Н.Н. Покровского проект: подготовка к изданию аннотированного указателя мемуарной литературы по истории советского общества, который готовил коллектив составителей. Судя по письмам, Н.Н. Покровский был одной из главных фигур в этом проекте, недаром позже уже из заключения он писал: «мой указатель». Мемуары, явленные обществу благодаря этому проекту, открывали много правды, неудобной для властей предрежущих. Николай Николаевич писал матери 10 февраля 1957 г.: «Последние недели у меня сплошная лихорадка из-за этого проклятого указателя мемуаров; если бы ты знала, сколько приходится нервничать и волноваться; я постепенно начинаю становиться взрослым — впервые я попал в такую острую борьбу, сколько всяческой подлости вокруг, все знают и понимают, что мы делаем нужнейшее дело, делаем его в невероятно трудной обстановке хотя бы с чисто технической точки зрения — работа требует особых условий, которые не обеспечены и в малейшей степени, все дело держится на одном нашем “энтузиазме”, на том, что мы уже чуть ли не два месяца ежедневно часов по 8, а то и 10 тратим на это — и все же всякий и каждый сует палки в колеса, через каждые несколько дней дело окончательно проваливается — все боятся, все трясутся за свою шкуру — “ах, какая опасная вещь”; во время нынешнего временного похолодания наши исторические “столпы” ужасно трусят и вообще “растерявшись”. ...Так много трудов положено на это и столько нервов (после недавней особенно сильной драки, окончившейся, правда, в мою пользу, я целую ночь не мог спать)... Все остальные мои работы отошли на второй план, что иногда имеет последствия просто катастрофические».⁴

² Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 20.11.1956. Л. 1–3 (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского). Здесь и далее подчеркивания в письмах сделаны их авторами.

³ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 01.12.1956. Л. 2 об. (Там же).

⁴ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 10.02.1957. Л. 1, 1 об. (Там же).

Эти заботы, как мы увидим, будут занимать Н.Н. Покровского и в заключении. Но в письмах к матери никак не отразилось по понятным причинам еще одно его важнейшее занятие этого времени: как раз в конце 1956 — первой половине 1957 г. оформлялся тайный кружок, который возглавлял Л.Н. Краснопевцев, аспирант МГУ. Об «Университетском деле» писали очень мало; время для настоящего исследования этого протеста против режима еще не пришло и мы будем касаться его лишь в той мере, в какой это необходимо для поставленной темы. Решения XX съезда КПСС, породившие надежды на освобождение от сталинского наследия, как известно, очень быстро стали пересматриваться. Реакция на это возвратное движение и выразилась в протестных акциях, хотя и не массовых, но отмеченных по всей стране, в брожении в среде творческой интеллигенции, возникновении тайных студенческих кружков. Так, еще до задержаний по «Университетскому делу», аналогичные аресты прошли в Киеве и Ленинграде.⁵ Итогом собраний московской молодежи, привлеченной по «Университетскому делу», стала листовка, подписанная «Союзом патриотов» с требованиями демократизации и очищения общества от сталинского наследия и крайне резкими обличениями Н.С. Хрущева как одного из организаторов репрессий и человека, малопригодного для руководства государством и партией. С середины августа 1957 г. одного за другим до конца месяца задержали 9 человек, хотя следствие требовало гораздо более обширных арестов. В феврале следующего года состоялся суд, на котором им были предъявлены политические обвинения, в том числе по статьям УК РСФР 58, п. 10, ч. 1 и 58, п. 11 в антисоветской агитации и стремлении заменить существующий строй на капиталистический. Члены группы эту вину не признали, доказывая, что не имели антигосударственных замыслов, а стремились к продолжению демократических реформ. Приговор по тем временам был очень жестким, от 6 до 10 лет ИТЛ. Для Н.Н. Покровского, получившего 6 лет, приговор ужесточался бессрочным запретом проживания в Москве (подобному наказанию подверглись лишь трое).⁶

Такой резкий переход от успешно развивавшейся карьеры и жизни в целом (о прежнем благополучии всех арестованных писали все исследователи «Университетского дела»), естественно, кардинально изменил как их собственную жизнь, в том числе повседневную,

⁵ Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 200–215; Аксютин Ю.В. Хрущевская оттепель и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 276–278.

⁶ «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 106.

так и их близких. На последних обрушилась скорбь из-за печальной судьбы арестованных. З.В. Бородина писала разбитой горем свекрови, что нужно сохранять мужество, что у многих других положение неизмеримо хуже: «И матери есть в ужасном положении. У одной было 4 сына. Одного давно как-то зарубили (не знаю, где). Второй — среди наших, а третий, одновременно с нашей историей, провалился на реке под лед и утонул. Отец запил горькую, мать осталась с самым младшим. И стоит проблема продажи коровы — нет денег, а они нужны... Вот горе, так горе и не знаешь, куда спрятаться от него».⁷ Родственники арестантов к тому же испытывали негативное давление партийно-государственной системы; в частности, жену лидера группы Л.Н. Краснопевцева упорно пытались уволить (в аналогичных случаях такое не раз практиковалось). З.В. Бородиной повезло больше: она работала в Библиотеке им. В.И. Ленина и ее тогдашнее начальство относилось к ней настолько хорошо, что давало возможность отлучаться с работы для свиданий с мужем — сначала во время его предварительного заключения в тюрьме на Лубянке после суда, а затем в период, когда он находился в ИТЛ. Правда, З.В. Бородина должна была неукоснительно отрабатывать пропущенное время или же заранее «зарабатывать» его впрок для будущих поездок.

Очень важным для арестованных было отношение к ним родственников и бывших товарищей по работе. Л.Н. Краснопевцев писал, что все сочувствовали им и оказывали неизменную поддержку (за исключением «идейного главаря сталинистов истфака Савинченко», потребовавшего расстрела для всех обвиняемых).⁸ На самом деле далеко не все было так однозначно. До оглашения приговора никто толком не знал, какие арестованным предъявляются обвинения. Многие, зная их как блестящих, подающих надежды молодых ученых, к тому же, как правило, активных общественников, надеялись, что произошла ошибка, следствие разберется и людей отпустят. В начале октября З.В. Бородина писала: «...Саша М[альцев?] все время справляется, что нового. Все они очень хорошо относятся, страшно переживают, помнят, конечно. Об этом не может быть и речи. И даже больше. Все надеются, что все обойдется благополучно и он вернется к своим древностям».⁹ В это время сочувствие арестованным выража-

⁷ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 23.01.1958. Л. 2 (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

⁸ *Краснопевцев Л.Н.* Записки хранителя // <http://muzeum.me/index.php?news&n=8> (дата обращения 07.07.2017).

⁹ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 05.10.1957. Л. 2 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

ли те, кто позже, после приговора, слышать о них уже не хотели, или же высказывали свое осуждение.

Мать Н.Н. Покровского, узнав о приговоре, пришла в тяжелое отчаяние: «6 лет заключения — шесть долгих лет. Что мне делать? ...как мог Николай забыть так, забыть свои обязанности перед женой, сыном, матерью, ввязаться в грязную политику? Зачем ему это было нужно... Вся жизнь для него была зеленой улицей — все шло удачно и так все безжалостно сорвать — потерять — во имя чего? Ради чего? Мальчишество маменькина сынка, не знающего, почем фунт лиха... Рухнули все надежды, все ушло, и муж — и сын — Зачем жить? Будь проклят тот день, когда я родилась... Господи, сжался над нами».¹⁰ Невестка не осудила свекровь, лишь напомнила ей, как нужна ее сыну их общая поддержка. Чтобы понять реакцию Т.А. Прасоловой, нужно знать, что она всю жизнь тяжело работала: еще гимназисткой репетиторствовала для оплаты своего обучения, на ее же деньги выучились два ее младших брата; сама она сумела получить два высших образования. И будучи замужем, имея профессию врача, всегда работала более чем на одной ставке, пытаясь поддержать достойный уровень существования семьи в тяжелейшие годы репрессий и голода. Внезапную смерть мужа в марте 1946 г. она всегда считала убийством, зная о том, что КГБ давно добирается до него: перед мгновенно развившейся болезнью Н.И. Покровского ему поставили в санатории какой-то странный единственный укол.¹¹ Смерть мужа Т.А. Прасолова пережила на огромных дозах брома; до конца своей долгой жизни она была вынуждена принимать сильные антидепрессанты. К тому же нужно учитывать, что ко времени суда над сыном ей было уже 60 лет и от ее богатырского здоровья мало что осталось, однако она продолжала работать. Конечно, уже очень скоро после своего мартовского письма невестке она начала оказывать всемерную поддержку и сыну, и его семье.

А поддержка была очень нужна. Много раз в письмах свекрови З.В. Бородина писала о том, как важна для нее возможность поделиться заботами и получить от нее письмо, что одной ей не вынести этот груз печали. И она умела донести голос матери до сына. Свидания на Лубянке до суда были запрещены, и первый раз после ареста З.В. Бородина увидела мужа почти через полгода, когда начались судебные заседания. Посторонних, в том числе родственников аресто-

¹⁰ Письмо Т.А. Прасоловой З.В. Бородиной от 25.03.1958. Л. 1–1 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

¹¹ *Покровский Н.Н., Покровская С.Н. Мемуары // Общественная мысль и традиция русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.* Новосибирск, 2005. С. 533, 536.

ванных, на него не пускали, но они могли увидеть своих страдальцев, когда их проводили из зала суда через коридор в другие помещения. 4 февраля 1958 г. Зоя Васильевна писала свекрови: «Целый день провела в суде. Начиналось в 10 час. утра (кончилось в 7), но я там была за час. Слышала, что когда их привезут — можно будет увидеть. Видела я его сегодня 5 раз... совсем близко. Он проходил в коридоре мимо меня... Я стала громко кричать, что Вы мне пишете, что вчера получила от Вас письмо. Передала от Вас большущий привет и еще что-то. Кричала до тех пор, пока он шел по коридору и пока не скрылся за дверью. Он все слышал, т.к. на каждую мою фразу отвечал кивками головы, давая понять, что все услышано».¹²

З.В. Бородина пришла на свидание с одной из своих сестер. В том же письме она писала: «Вначале настроение, видимо, у него было очень тяжелое, но потом, когда увидел Риту (в первый раз он заметил только ее), заулыбался, очень обрадовался... Рита, фактически, была представителем всей нашей семьи. Во мне, в Вас он уверен, а остальные ведь могут по-разному к нам с Вами относиться и это его, видимо, очень, очень сильно мучило».¹³ Днем позже: «Относительно визита Риты я была права. Через адвоката он (Н.Н. Покровский. — Н.З.) передал, что Ритино посещение его действительно потрясло и он ей этого по гроб жизни не забудет».¹⁴ В другом письме З.В. Бородина писала, что ее мать, видимо, осуждала в душе зятя, но это сменилось сочувствием после того, как она увидела заключенного: «Мама моя, вплоть до свидания, пыталась в душе его в чем-то упрекать. Теперь этого нет. Когда она увидела его глаза, все забылось. Нет человека — только глаза: боль и мука... все в них. Мы можем работать, болеть, терзаться и страдать. Они — только страдать и только терзаться, за всех и за себя, сознавая всю глупость и весь фатализм случившегося».¹⁵

Совершенно очевидно, что горячая любовь и сочувствие мужу не распространялись на его деятельность в тайном кружке. И у Н.Н. Покровского в его одиночке, вероятно, начались мучительные раздумья о судьбе близких и цене своей нелегальной работы. Из одного из писем З.В. Бородиной мы узнаем, что он тяжело страдал от бессонницы: «Месяца три назад я начал спать, — сказал он мне, — я поверил, что вы будете жить и работать».¹⁶ Много позже, в 1994 г., из всей груп-

¹² Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 04.02.1958. Л. 1–1 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

¹³ Там же. Л. 1 об.

¹⁴ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 05.02.1958. Л. 1 (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

¹⁵ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 25.03.1958. Л. 1 об. (Там же).

¹⁶ Там же.

пы именно Н.Н. Покровский написал самые проникновенные строки о судьбе близких после катастрофы 1957 г., считая это «едва ли не самым главным для себя»: «Нельзя забывать о том, что довелось вынести нашим родным, женам и матерям. Многие из них потеряли работу, а почти никакой общественной помощи им не оказывалось. Изрядная часть знакомых даже перестала их узнавать. И все эти годы они простаивали в очередях на передачу, отправляли посылки, безуспешно хлопотали в прокуратуре, замерзали на мордовских дорогах, не подавая и виду на свиданиях, как им трудно. И дружно держались друг за друга при всех наших раздорах. И всегда ободряли нас. Без них нам было бы не выдержать».¹⁷

Не менее важной была и материальная сторона жизни. Зарплата библиотекаря З.В. Бородиной была небольшой. С маленьким, очень болезненным тогда ребенком она жила в родительской семье, которая в тот период была в стесненных обстоятельствах настолько, что пришлось прибегнуть к займу у Т.А. Прасоловой. А деньги ее невестке нужны были постоянно, и большей частью для мужа. На первом месте здесь была проблема передач. Сразу после ареста сына Т.А. Прасолова стала высылать невестке денежные переводы. Последняя неукоснительно отчитывалась в тратах. Через полтора месяца после ареста мужа Зоя Васильевна писала: «Итак, на 10/X, когда я получила Ваши и Колины деньги и расплатилась с долгами, у меня осталось 1000 р. Из них я сделала передачу 15/X на 150 р. (100 р. продукт. — вернее, 120 + 25 руб. деньгами — т.е. около 150 р. истратила, осталось 850 р. Из них я 150 р. истратила на запасы фруктов (антоновские яблоки + 4 кг груш). Это я купила 14-го, т.к. 15/X фрукты у нас должны были подорожать... Виноград посылаю кажд[ый] раз... Итак, на сегодня у меня 700 р. Это фонд передач и хождений по адвок[атам]. Не знаю, может быть, я много передаю, а может быть и нет, но я сравнивала — все так, а другого критерия нет».¹⁸

Много времени у Зои Васильевны занимала беготня по магазинам, чтобы купить нужное. Через некоторое время в тюрьме у Н.Н. Покровского обнаружили гастрит (позже, уже после заключения, у него диагностировали язву). Тюремный врач со скандалом отказался назначать заключенному диетическое питание, даже заподозрив его, как писала З.В. Бородина, в симуляции, хотя диагноз был поставлен в системе той же Лубянки.¹⁹ Поэтому Зое Васильевне приходилось искать что-то хотя бы приближавшееся к диете — например, кур, хотя

¹⁷ «Дело» молодых историков... С. 126.

¹⁸ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 15.10.1957. Л. 2–2 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

¹⁹ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 05.02.1958. Л. 1 об.–2 (Там же).

иногда жареных, но и это не всегда удавалось достать. Трудной задачей стала закупка необходимых вещей и одежды для пребывания в лагере, их поиск растянулся у Зои Васильевны на весь период московского заключения мужа — хотя до приговора она не престаивала надеяться, что все это не понадобится.

Много сил она положила на то, чтобы найти для мужа наилучшего адвоката. Из письма свекрови: «Официально защита стоит, кажется, 500 р. Вот эту сумму нужно оформлять сразу и, видимо, какую-то сумму кроме того. Целиком все платится только после конца защиты, после результатов, но какая-то часть этой конечной суммы — в процессе работы. Я даю номер сберкнижки моего папы... Точно сказать сейчас всю сумму не могу. Друзья мне говорят, что примерно в пределах 2–5 тыс. Сможете ли Вы мне что прислать и как скоро. Мне нужно точно представлять возможности. Мои родные мне сейчас помочь не могут... На меня посылать деньги не стоит, лучше не стоит... Но я ношусь по городу в поисках адвокатов. Тот, что я нашла, хорош. Но можно, говорят, сделать кое-что лучше. Приходится все время взвешивать и вглядываться, в основном надеясь на собственную интуицию. Лезу все выше и выше и доберусь ли, наконец, до того, что ищу, — не знаю. Дома у меня ругаются. Говорят, что так я могу остаться вообще ни с чем, а я продолжаю свои хождения и поиски... Завтра мне должны позвонить и дать еще неск[олько] телефонов из Президиума коллегии адвокатов... Голова буквально раскалывается от дум и беготни. Все время думаешь: а не сделал ли ошибки, а правильно ли, а что еще нужно делать и как и т.д. Вот этим только живешь».²⁰ Через два месяца эти поиски Зоя Васильевна закончила: «Теперь начало положено. Видимо, я успела с защитой... Сегодня оформляла дела с адвокатом — официальную сторону. Внесла аванс 2500 р. — столько, сколько потребовалось. Я была здесь пассивной стороной. Мне просто была указана сумма аванса. Выдали квитанцию, что с меня получено. Сколько же дальше? А ведь еще, видимо, не меньшее нужно будет и неофициально] ...мне деньги нужны срочно. Видимо, теперь дело пойдет сравнительно быстро. Мой адвокат предполагает, что в течение ближайших двух недель дело, если не кончится совсем, то, по крайней мере, будет совсем почти закончено. След[овательно] деньги нужны в этот промежуток времени. Сколько? — Не знаю. Но думаю, судя по авансу, не мало. Из 3-х тыс., что у меня было, едва осталось на передачу 7-го янв[аря], т.к. из них я брала на отдачу долгов за покупку теплых вещей, да и то передача будет очень скудная».²¹ В на-

²⁰ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 04.11.1957. Л. 1–2. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

²¹ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 03.01.1958. Л. 1–1 об. (Там же).

чале февраля З.В. Бородина уже сообщала свекрови, что посланные ею 4 тыс. руб. получены.²²

Все это, как и мысли о постоянно болеющем сыне, оставленном на мать или бабушку, сказывалось на здоровье: «Все последние дни ходила и думала об одном: только бы не упасть где-нибудь на улице. Не дай Бог, что случится — ведь никто, кроме меня, не знал ни адвоката, ни дел моих».²³ И в каждом своем письме З.В. Бородина с тревогой спрашивала о здоровье свекрови, призывала как можно лучше о себе заботиться и, зная ее склонность к депрессии, — держаться и жить не только ради себя, но и ради сына. Через месяц после ареста мужа она писала: «Меня очень беспокоит Ваше здоровье и этот бром. Неужели нельзя что-то выдумать? Нужны Вы нам очень, и мне, и ему прежде всего, конечно. Все не так плохо, и мы с Вами должны сделать со своей стороны, что можем... Только что прошла подписка Франса, я выписала. Знаю, что это была мечта, я это сделала. Голова стала дурная. Не могу вспомнить часто элементарные вещи: вдруг провал памяти и не могу двух слов связать... И так теперь часто случается. Держитесь, дорогая моя. Это нужно, нужно. Для него».²⁴ И позже: «...Ему передам... что Вы написали и обещали, что будете беречь себя для него».²⁵

Особенностью каждодневной жизни близких Н.Н. Покровского, как видно из писем, была постоянная надежда на облегчение участи арестантов и скорое их освобождение. З.В. Бородина сначала не верила, что мужа арестовали на законных основаниях, поскольку тогда вообще не знала, за что он мог быть задержан. Разговор с прокурором развеял ее заблуждение, но все же несколько обнадежил: «Когда я стала говорить, что мы были с ним дружны и откровенны друг с другом... то он мне ответил, что, видимо, муж мне не все говорил. Немножко, но не все. Вот, в основном, и все. Но меня он в какой-то мере обнадежил. И я с нетерпением жду праздников. Может быть, будет что-то радостное и мы будем все вместе».²⁶ У нее сложилось впечатление, что вина мужа, возможно, не слишком велика, к тому же она надеялась, что адвокат сумеет опровергнуть и ее.²⁷ Надежды на ноябрьские праздники не оправдались, но в начале января Зоя Васильевна сообщала свекрови утешительные предположения ад-

²² Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 07.02.1958. Л. 2 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

²³ Там же. Л. 2.

²⁴ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 05.10.1957. Л. 2–2 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

²⁵ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 05.02.1958 (Там же).

²⁶ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 05.10.1957. Л. 1–1 об. (Там же).

²⁷ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 03.01.1958. Л. 1 об. (Там же).

воката: «Ничего определенного узнать нельзя, но ходят слухи, что больше 3-х лет не дадут даже главному в этом деле. Но насколько это правда — никто не знает. Смею думать, что Коле там отведена очень небольшая роль, т.к. лето он был с нами и на фестивале не был. Но опять-таки, Вы понимаете, что я наверное знать ничего не могу».²⁸ На адвоката у нее вообще были большие надежды. Так, еще до его найма она писала свекрови: «Сейчас у нас в Москве продавали 2 том “Защитительн[ые] речи советских адвокатов” — все уголовщина с грабежами и убийствами — и адвокаты делали чудеса. Это все последние годы. Поучительная книга».²⁹

Видимо, аналогичные надежды питали и близкие других арестованных: не надеясь на государственных защитников, частных адвокатов наняли все.³⁰ Кроме обращений в прокуратуру за разъяснениями близкие арестованных писали письма в высокие инстанции. Еще до суда З.В. Бородина даже отговаривала свекровь от такого обращения: «Относительно Вашего письма к т. Ворошилову — лишнее дело. Мы уже тут писали т. Хрущеву. Ответ пришел: Ваше письмо передано в прокуратуру СССР. О дальнейшем Вам будет сообщено оттуда. Вот и все». Велика была надежда на возможное сокращение сроков заключения. Так, в том же письме передавались такие сведения: «Мне рассказал один только что вернувшийся, что сейчас существует система зачетов, т.е. за один день работы засчитывают 2–3 дня при работе хорошей. Думаю, что Коля использует это, т.к. это используют все».³¹ После оглашения приговора, утешая свекровь в ее страшном отчаянии, З.В. Бородина подсчитывала, видимо, надеясь на условно-досрочное освобождение в дальнейшем: «Срок 6 лет не должен Вас смущать. Реально он не существует. Есть срок 2–3 года, из кот[орого] 1/2–1 год уже прошло. Итак, есть срок 1 1/2–2 года, кот[орые] в свою очередь могут быть сокращены. А еще более реально существует срок до первого его письма, кот[орое] укажет, где он и куда можно будет приехать навестить его».³²

В период ожидания ответа на апелляцию заключенным разрешили свидания, и отчеты о них З.В. Бородиной в письмах в Ростов по-

²⁸ Письмо З. В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 08.01.1958. Л. 1 (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

²⁹ Там же. Л. 1 об.

³⁰ Там же.

³¹ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 16.01.1958. Л. 3–3 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

³² Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой вскоре после 25.03.1958. Л. 1 об. (Там же; письмо не датировано и без конверта, представляет собой ответ на письмо Т.А. Прасоловой от 25.03.1958).

зволяют судить, какие мысли и настроения были самыми важными в это время для Н.Н. Покровского. 20 февраля 1958 г. она писала свекрови: «Виделись мы 1 час, а может быть и чуть больше. Из этого часа минут 40–50 ушло на то, чтобы он сказал, а я записала все подробно, как быть с его и папиными (Н.И. Покровского. — Н.З.) научными работами и к кому и как обращаться и как добиваться, чтобы нигде ничего не стащили и удалось напечатать и т.д. Он мне сказал, что ему обещали, что он будет продолжать свою науч[ную] работу, что даже звонили по поводу библиографического указателя, кот[орый] должен был вот-вот выйти и из-за всей этой истории отложился. Так вот, относительно этой работы специально звонили, чтобы продвинуть ее в печать и даже разрешили не снимать его имя, хотя, конечно, наши перестраховщики, видимо, снимут... Коля чувствует себя значительно лучше в смысле здоровья, бодр, полон надежд на возможность работы (хотя на оправдание не надеется). Опять передал мне уйму всяких научных поручений».³³ Очень похожие сюжеты обсуждались и на свидании почти через месяц: «Просил передавать большой-большой привет и опять-таки очень беспокоился о Вашем здоровье и просил передать, что с первым же письмом ждет подробного отчета об анализах и состоянии здоровья в отношении глаукомы... Он все один... Он значительно бодрее, чем в прошлый раз. Говорил массу каламбуров, напр.: “Я скоро буду дома. Уже сейчас обдумываю автомаршрут по Крыму и Кавказу. Передай Лиле (второй сестре З.В. Бородиной. — Н.З.), что хотя она меня и обогнала, контра, по части авто и получает права шофера, я поеду с ней скоро автопробегом по бездорожью. Пусть только к тому времени машину не угрохает”... Сейчас много читает. Читает в подлиннике Диккенса, много книг по истории, мемуарной лит[ерату]ры. В восторге от 3-хтомника переписки Книппер с Чеховым... Перечитал “Былое и думы”. Твердит одно: обещали 1 день за 3, т. что скоро буду дома, ибо и этот срок может быть сокращен... Указатель Колин мемуарной литературы уже в наборе — видимо, будет издан, но без его имени.³⁴ Правда, мне удалось достать бумагу от одного из редакторов, что работали вместе с Колей, где признается, что Колей был задуман и выполнен целиком весь указатель до всей этой истории. Коля знает об этом и очень доволен. Сейчас мне нужно достать характеристику о его научной и педагогич[еской] деятельности с фак[ульте]та... Пытаюсь узнать, что можно сделать для

³³ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 20.02.1958. Л. 1 об.-2 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

³⁴ История советского общества в воспоминаниях современников. 1917–1957: Аннот. указ. мемуар. лит. / Ред.-сост. В.З. Дробижев, [Н.Н. Покровский] и др. М., 1958. 407 с.

напечат[ания] работы Ник[олая] Ильича по Кавказу. Дело сложное. Коля подробно дал мне инструкции и я все записала. Пока результата нет». ³⁵

Мы видим, что Н.Н. Покровский был настолько озабочен своей научной работой, в том числе и судьбой сданного в печать «Указателя мемуарной литературы», что за чистую монету принял и обещание издать последний с его именем; сомнения были лишь в отношении позиции родного факультета. Действительно, указатель вышел без имени Н.Н. Покровского, но иначе, по-видимому, его бы и не пропустили в печать, несмотря на «обещания». Точно так же его мучила судьба отцовской монографии: «доарестные» успехи были, видимо, теперь погублены, но он не хотел с этим смириться, в особенности ввиду опасности расхищения научных результатов. Эта тема постоянно тревожила Н.Н. Покровского и до конца его заключения присутствовала едва ли не в каждом из писем родным. Сокрушаясь, что сам он не может ничего сделать, вероятно, изводясь от мысли, что его арест пагубно сказался на возможности издания, он постоянно просил писать в Дагестан и мать, и жену, и сестру, просил привлечь к делу и старого друга семьи А.Б. Закс. Все хлопоты так и остались напрасными, тогда рукопись издана не была. ³⁶ Ни одного упоминания в письмах нет о сданной в печать монографии самого Н.Н. Покровского: и она, и отданные в журналы статьи были изъяты из издательства; здесь хлопоты были бы безнадежными, потому и не обсуждались.

Очень острой, судя по письмам, была тревога о здоровье матери, о сыне: о нем, как сообщала свекрови невестка, он все время спрашивал, а слушать не всегда мог от душевной боли. Актуальной была и тема его собственного здоровья. Все эти проявившиеся на первых свиданиях мысли, надежды, настроения и насущные темы стали лейтмотивом переписки Н.Н. Покровского и его близких на долгие годы.

Поданную всеми осужденными апелляцию не удовлетворили, весной 1958 г. они отправились в мордовские лагеря (первое из сохранившихся писем Н.Н. Покровского оттуда жене и матери было написано им 5 мая 1958 г.). Но надежда добиться пересмотра дела, отмены или хотя бы сокращения сроков заключения не была оставлена. Отныне у родственников постоянной заботой стали регулярные обращения в прокуратуру с просьбами о новом рассмотрении дела,

³⁵ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 14.03.1958. Л. 1–3 (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

³⁶ Усилия Н.Н. Покровского увенчались успехом только в начале нового тысячелетия; книга выдержала два издания: *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. 511 с.; *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. 2-е изд., доп. М., 2009. 580 с.

возобновились и обращения, в том числе и самих осужденных, в высшие инстанции, вплоть до самого Хрущева. Власти, со своей стороны, пытались добиться у заключенных полного раскаяния и подачи просьбы о помиловании. В письме от 4 апреля 1960 г. З.В. Бородина писала в Ростов-на-Дону: «Любу (жену Л.Н. Краснопевцева. — Н.З.) я видела после ее приезда (со свидания с мужем. — Н.З.)... Из существенно нового было то, что к ней приходили беседовать. Какое-то официальное лицо, и уговаривали повлиять на мужа, чтобы он подал покаянную бумагу и просьбу о... помиловании... Но она сказала, что и разговора об этом быть не может... С Лорой (женой Н.Г. Обушенкова. — Н.З.), оказывается, тоже была такая же беседа... И с Колей Лориным (Обушенковым. — Н.З.) была беседа, и с нашими ребятами всеми тоже, и даже ряд бесед... Нашим, кажется, не предлагали писать покаянной бумаги, зная их настроения — все равно писать не собираются, а Коле Обушенкову предлагали. Но он категорически ответил отказом. И я тоже со своей стороны на Колю нашего никак давить в этом отношении не собираюсь... А вообще время сейчас хорошее и скоро будем все вместе. Это самое лицо, что беседовало с Любой, обмолвилось такой фразой, что де собственно принципиально-то все решено и выяснено в беседах и остались одни частности, формальности. Что это значит, я не понимаю, но видимо речь идет о том, что ребята должны быть дома, а вот вопрос формальностей и частных не утрясен, а поэтому де все и продолжается?.. С нашей стороны тут ничего сделать нельзя. Родители одного из ребят... подавали на помилование, но получили отказ. Точно я ничего не знаю, но слышала такую вещь. Все должно исходить от ребят самих или от таких верхов, что нам до них и не добратся....».³⁷

Не видя успеха от прямого давления, заключенных изматывали бесконечными обещаниями, которые не выполнялись. Из письма Н.Н. Покровского матери: «Все обещанные нам осенью сроки освобождения давным-давно прошли, а дело не только не движается, но как будто совсем наоборот; правда, у меня лично есть еще некоторая надежда на досрочное освобождение осенью по истечении двух третей срока, и недавно здесь в разговорах со мной опять подчеркивалось это; но ведь сколько уже раз обещали пересмотреть дело то в ноябре, то в декабре, к Новому году и т.д., где гарантии, что и это сейчас не такой же обман? И все же я лично почему-то не теряю еще пока надежды, что так или иначе будет исправлено то, что было в 1957 г. несправедливого и верные обвинения будут отделены от неверных и

³⁷ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 04.04.1960. Л. 1–2 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

что, во всяком случае, согласятся, что я вполне достаточно отсидел уже за то, что мною действительно было сделано в 1957 г.».³⁸

Вместо просьб о помиловании выведенные из терпения бесконечными проволочками и ложными обещаниями участники «Университетского дела» объявили голодовку (по косвенным сведениям из писем З.В. Бородиной, в июле 1960 г.), которая продолжалась 24 (Л.Н. Краснопевцев) или 25 (Н.Н. Покровский) дней.³⁹ Основная ее цель — привлечь внимание властной верхушки и добиться пересмотра обвинений и сроков заключения. З.В. Бородина писала свекрови о том, что «ребята тот отказ, который им пришел из прокуратуры (хотя они посылали совсем в другие адреса — ЦК, Президиум Верх. Совета и т.д.) не оставили и не приняли, а заявили, что они послали в другие адреса и просят разобраться именно в тех инстанциях, а не в прокуратуре, где дают формальные отказы и не разбираются по существу».⁴⁰ Встревоженные родственники заключенных в отчаянии писали письма на самый «верх», в частности, З.В. Бородина писала Н.С. Хрущеву. Супруга лидера группы, Л. Смирнова, «неурочно» ездила в лагерь для бесед с администрацией. Власти всех рангов пытались спустить скандал на тормозах. Приезжали различные «высокие лица» и пытались успокоить заключенных все теми же обещаниями вскоре решить дело. Но «генеральная линия» оставалась прежней. Из письма З.В. Бородиной от 9 августа 1960 г.: «На мое письмо Н.С. Хрущеву я получила только что отказ из прокуратуры опять же. Т.е. опять не разбирали, а секретариат переслал письмо в прокуратуру и дали отписку. Но мы этого не оставляем. И вновь бегаем. Сейчас пока в прокуратуре. Дошли до главного прокурора СССР (его, правда, сейчас нет, он в отпуске, но дошли до того, кто замещает). И опять там что-то должны делать. Большой надежды на то, что будет дан положительный ответ, нет, но ждем ответ, какой бы он ни был, а как получим отказ, то снова будем ходить. Нужно добиться того, чтобы ЦК занялось этим делом. В прокуратуре никто не берет на себя смелость решить этот вопрос, а тут нужно, чтобы решили, наконец, и разорвали этот заколдованный круг, когда приезжают к ребятам из Москвы важные персоны, разговаривают, жмут руки, говорят, чтобы писали в центр — дело де пересмотрят и все выяснится, а на деле дело крутится в секретариатах, в низших инстанциях, которые не в

³⁸ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 17.03.1960. Л. 1 (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

³⁹ «Дело» молодых историков... С. 125; *Краснопевцев Л.Н.* Нас не брали в 52-м, потому что было не до этого // <https://www.svoboda.org/a/24920097.html> (дата обращения 10.11.2017).

⁴⁰ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 09.08.1960. Л. 1 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

состоянии кардинально решить этот вопрос, и опять все возвращается в заколдованном кругу... Думаю, что все эти наши хлопоты не должны долго тянуться и в августе выяснятся».⁴¹

Одним из условий досрочного освобождения было одобрение администрацией лагеря поведения кандидатов на таковое. Заключенные по «Университетскому делу» прилагали к тому немало усилий: не раз были отмечены их достижения на основной работе, к тому же все они вели и общественную. Подобное поведение встречали в штыки многие лагерные обитатели. Вот что писала об этом в одном из писем З.В. Бородина: «Во время свидания ко мне заходили несколько раз разные начальственные лица, с которыми я беседовала, и все неизменно хвалили Колю и говорили, что если и дальше его поведение не изменится, то непременно скоро будет дома, т.к. начальство сейчас даст блестящую характеристику, если ее потребуют в Прокуратуру. А один, с которым я говорила, очень картинно стал плевать во все стороны и просил, чтобы только не сглазить, — так Колей довольны. В чем тут дело... Есть ли что тут нового, есть ли какой поворот? Некоторые, напр[имер], в лагере и закл[юченные], да и начальство иногда пыталось прямо представить это поведение как поворот в интересах чисто шкурнических. Но я не могу этого сказать. И любой человек, кто знает Колю и всех ребят, т.к. все они держатся заодно, ни в коей мере не может этого говорить. Дело в том, что здесь, в новом лагере, ребята встретили несколько иной состав «населения», чем в предыдущих местах. На Явасе были полицаи и шпионы, воен[ные] преступники, в Сосновке были религиозные сектанты. Здесь же исключительно молодежь. Иногда стилиаги, не имеющие прочных устойчивых взглядов, а иногда махровые белогвардейцы по взглядам, все свое мировоззрение строящие и опирающиеся на Запад не только как на теоретически возможную опору, но практически исходя из него во всем, попросту отменяя и разрушая социализм... И вот когда наши ребята столкнулись со всем этим, они поняли, что должны твердо и во всеулышание сказать, что им с этой частью молодежи не по пути... Такой путь и такую линию поведения приняли все наши ребята, когда попали в эту новую обстановку. Я лично считаю, что ничего принципиально нового здесь нет. Всегда так оно и было... Ведь и раньше, на Явасе их так и звали — коммунистами — все эти полицаи бывшие и другая сволочь, а на Сосновке прямо смеялись в глаза начальству и кололи ими глаза: «Они же ваши, чего же вы своих-то держите».⁴² В лагере,

⁴¹ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 09.08.1960. Л. 2 об.-3 (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

⁴² Об этом же в 1994 г. вспоминал Н. Г. Обушенков: «...Лагерные надзиратели часто называли нас одним «ругательным» словом — «марксисты». См.: «Дело» молодых историков... С. 124.

где любой контакт с начальством раньше считался стукачеством, где простое выступление на собраниях, статья в газете, выступление с лекцией, наблюдение за порядком в бараке (чтобы не курили, раз запрещено) и т.д. ...потребовалось пойти и против этих традиционных вещей, сказав, что стукачество и деловой контакт с начальством вот в этих выше указанных вещах — разное. Ребята пошли на этот деловой контакт... т.е. посещать собрания, выступать на них по производственным вопросам, где нужно отстоять свои взгляды, вести работу в газете — писать статьи, выпускать газету, участвовать в литературных вечерах и выступать на них с докладами, следить за чистотой в бараках и за тем, чтобы не курили в помещениях, не сквернословили. Все эти простые вещи “на воле” — как они там говорят — и понятные нам, в которых мы каждый участвуем даже не задумываясь, в тех условиях являются делом не таким простым и требуют определенной декларации своих взглядов... Сложная и трудная сейчас у них там жизнь. Каждый день словесные “битвы” и разговоры. Коля редактирует газету и в секции общественного порядка. Миша — в совете отряда и еще где-то, Лева — в совете лагеря и еще в целом ряде советов и секций, Леня Рендель — зам. председ. совета лагеря и т.д. и т.д. Словом, у каждого из наших ребят 2–3–4 общественных поручения помимо работы».⁴³ М.А. Чешков позже объяснит такое сотрудничество с администрацией на ниве общественной работы «устойчивостью... нравов и поведенческих стереотипов».⁴⁴

Однако ничего не менялось. Весной 1961 г. лидеры группы решились на очередную голодовку. Однако на этот раз прежнего единодушия в этом решении не было. В частности, против был Н.Н. Покровский. И здесь, вероятно, имело значение не только состояние его здоровья; за прошедшие годы он много думал о своем долге перед родными. Он выжил лишь благодаря неустанной их поддержке в письмах и на свиданиях, которые они никогда не пропускали, их общей борьбе с его болезнью, чудом добытым лекарствам и относительно диетическим продуктам. Очевидно, он сознавал и безрезультатность прошлогодней акции. Однако его все же уговорили присоединиться к намечающейся голодовке, но тут решающую роль сыграла З.В. Бородина. Если о первой голодовке она, как и ее муж, в письмах к Т.А. Прасоловой ничего не писала (похоже, от нее это обстоятельство скрывали, видимо, боясь ее нервного срыва), то сейчас ситуация сложилась иная. З.В. Бородина выступила резко против участия мужа в голодовке, по всей видимости, опасаясь, что он мо-

⁴³ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 22.12.1960. Л. 1 об.–3 (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

⁴⁴ «Дело» молодых историков... С. 119.

жет просто не выжить. Вот что она писала свекрови после очередного свидания с мужем: «Поездка моя была просто страшной, но я рада, что я успела во-время. Не знаю, как события развернутся дальше, но сейчас мне удалось добиться от Коли обещания, что он не пойдет на повторение летней истории... Дело в том, что Лева и Леня Рендель написали письмо Н.С. (Хрущеву. — Н.З.) о том, что... дело раздуто и следствие велось неправильно и т.д. и т.п. Различные официальные лица давали де надежды на пересмотр и снижение сроков, но этого до сих пор нет... И кончили письмо тем, что вынуждены будут разрушить всю эту бумажную волокиту ценой своего здоровья, а может быть, и жизни. И решили начать 20 апреля, если не будет положительного ответа, и проводить строго. Не останавлив[аясь] даже перед смертью. Коля был против. И он об этом сказал, но к тому моменту, как я приехала... согласился. Когда я только узнала об этом, я сию же минуту сказала нет!!! Первые сутки мы совсем не спали, и что там за ужас был и как мне удалось вырвать у него обещание не идти на это — я передать не могу... После этих ужасных первых суток мы спали как убитые подряд 12 часов, одеты, как были».⁴⁵ В письме свекрови З.В. Бородина писала, что муж хотя и дал ей обещание не принимать участия в голодовке, но сказал ей, что не знает, сможет ли он выдержать заключение без поддержки товарищей, столько лет бывших рядом. Он понимал, что прежнему братству пришел конец, и он оставался один на один с уголовным окружением.

Обстановка перед второй голодовкой была накалена. Вслед за отказом Н.Н. Покровского последовали попытки вновь уговорить его не нарушать единство группы. Видимо, давление было беспрецедентным. В 1994 г. Н.Н. Покровский писал: «В создаваемой нами организации было немало от прошлых, осуждаемых нами времен. Как я позднее понял, — это прежде всего сам курс на подпольный союз, с жесткой дисциплиной, непререкаемым авторитетом “вождей”».⁴⁶ Видимо, Николай Николаевич не считал, что кто-то может распоряжаться его жизнью; после решительного отказа последовал разрыв лидеров группы с ним, а впоследствии и с некоторыми другими, о чем Л.Н. Краснопевцев, не желая вдаваться во внутренние разногласия, коротко сказал: «В лагере каждый пошел своим путем».⁴⁷ Н.Н. Покровскому удалось не сломаться. Выжить помогла переписка с близкими: в это время она стала едва ли не ежедневной благодаря реше-

⁴⁵ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 29.03.1961. Л. 1–1 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

⁴⁶ «Дело» молодых историков... С. 125.

⁴⁷ Там же.

нию З.В. Бородиной. Но травма от разрыва с товарищами осталась на всю жизнь, он старался никогда не вспоминать и не говорить об этом.

У обеих сторон была своя правда. Инициаторы голодовки справедливо упирали на то, что власти не собираются выполнять свои обещания о сокращении сроков, заматывая дело в бюрократических инстанциях. Противники опасались, что новая голодовка ожесточит власть и помешает возможному досрочному освобождению, а то и ухудшит положение заключенных. Кстати, в своих письмах З.В. Бородина не раз утверждала, что все родственники заключенных, с которыми она общалась или о позиции которых ей сообщали, были против голодовки и пытались уговорить не начинать ее. Она все же состоялась; участие в ней приняли, по словам Л.Н. Краснопевцева, 5–6 человек — он не уточнил, о первой или второй голодовке шла речь.⁴⁸ И скорее всего — о второй, поскольку до марта 1961 г. З.В. Бородина в письмах постоянно подчеркивала единство всей группы.

Надежды и первой, и второй части лагерных «сидельцев» не сбылись. В итоге и голодовка не привела к пересмотру дела, и досрочно никого не освободили — за исключением троих, подавших позже все же прошение о помиловании (они имели сроки по 8 лет ИТЛ).⁴⁹ С этого времени положение заключенных стало ухудшаться. В мае 1961 г. Н.Н. Покровский писал матери: «Ты, видно, читала уже в “Известиях”, что для нас, наряду со всякими бандитами и рецидивистами, отменили досрочное освобождение по 2/3 срока, независимо от поведения в лагере и т.д. Настроение здесь, конечно, у всех крайне подавленное и тяжелое, гнетет не только фактическое увеличение срока (т.к. давался он еще по старому кодексу, с учетом зачетов, 2/3 и т.д.), но и сам подход, как и к бандитам всяким — как бы ты себя здесь не вел, результат один. Это не значит, конечно, что я буду менять свое поведение здесь, я никоим образом не собираюсь делать этого, не собираюсь бросать общественную работу, так как вся эта линия моего поведения базируется на более глубоких вещах, на внутреннем убеждении».⁵⁰

Несмотря на «законопослушную» позицию, именно Н.Н. Покровский был наказан: еще до начала голодовки его перевели с должности библиотекаря в грузчики, а в июле 1961 г. вообще отослали одного в другую лагерную зону на каменоломные работы. А вскоре лагерный режим и вообще был ужесточен. Как вспоминал один из «по-

⁴⁸ Краснопевцев Л.Н. Нас не брали в 52-м...

⁴⁹ См.: Краснопевцев Л.Н. Записки хранителя // <http://muzeum.me/index.php?page=news&n=8> (дата обращения 10.11.2017).

⁵⁰ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 11.05.1961. Л. 1–1 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

дельников» Николая Николаевича, В.Б. Меньшиков, «весной 1962 г. все лагеря были переведены с общего режима на усиленный, осенью 1962 г. — на строгий... Теперь ограничивались не только посылки и покупки в лагерных магазинах, но и переписка. Толчком для всего этого послужили волнения 1962 г. в Новочеркасске, процессы над валютчиками, общее ухудшение продовольственного положения в стране... “масляные бунты”». ⁵¹ В письме от 20 июля 1962 г. Н.Н. Покровский сообщает матери о новом положении, которое только что зачитали заключенным: с 1 августа отмена посылок и передач вообще, личное свидание 1 раз в год, общие (на 4 часа) 1 раз в 4 месяца. Письма разрешается посылать 2 раза в месяц, получать — неограниченно. По отбытии половины срока по индивидуальному разрешению положена 1 посылка в 4 месяца; это разрешение Н.Н. Покровский получил. Но общий вес посылки снизился — не более 5 кг, иначе она подлежала возврату даже с небольшим перевесом. ⁵²

После перевода в июле 1961 г. в другую зону тема общения с «подельниками» и их близкими практически исчезает из переписки Н.Н. Покровского с женой и матерью, а последних — и между собой. По всей видимости, после крушения надежд на освобождение по двум третям срока, после резкого ужесточения лагерного режима контакты с властями всех калибров прекратились, следовательно, исчезли и совместные хлопоты родственников в прокуратуре и т.п. Опору и поддержку Н.Н. Покровский и его близкие теперь могли найти только друг у друга: семья окончательно стала главной.

Из чего складывалась лагерная жизнь кроме непростых отношений внутри группы «подельников» по «Университетскому делу»? Прежде всего, несомненно, это была основная лагерная работа. Выше уже упоминалось, что в переписке она находилась отнюдь не на первом месте. Ее влияние на свою жизнь, несомненно, Николай Николаевич пытался минимизировать: это была материализация несправедливого судебного решения, принудительный, унижающий труд. За одним исключением: когда удавалось получить место лагерного библиотекаря. Об этом Н.Н. Покровский писал всегда с удовольствием. Так, вскоре после приезда на первую лагерную зону (Мордовская ССР, ст. Потьма, п/о Явас) ему посчастливилось на некоторое время получить это вождеденное занятие. Из письма матери от 4 июня 1958 г.: «Со 2 июня я работаю уже не на заводе, а библиотекарем (в жилой зоне). Библиотека раза в 2–3 больше нашей домашней, очень пестрая по составу, но есть несколько замечательных книг; вообще, с ней нуж-

⁵¹ «Дело» молодых историков... С. 114.

⁵² Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 20.07.1962. Л. 1 (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

но будет поработать и выйдет неплохая библиотека. Первичная систематизация уже проведена, так что количество чисто технической работы по инвентаризации, расстановке и т.д. незначительно. Но все же первые дней 10 работы будет очень много — знакомство с фондом и т.д.; так что эти дни свободного времени почти нет. Зарплата и зачеты прежние, но работа несравненно приятнее — смотришь на полки и сколько видишь старых, добрых друзей! Примерно через неделю (не позднее), когда освою новое место, мой рабочий день будет строиться следующим образом: с 10 ч. до 12 — выдача книг, газет, журналов; с 3 ч. дня до 5 ч. 30 — работа читального зала — газеты, журналы; с 5 ч. 30 до 8 ч. 30 — опять книги, газеты, журналы. Сейчас пока приходится работать больше, но, повторяю, работа весьма приятная — знакомиться с книгами всегда очень приятно». ⁵³ Чуть позже он писал о том же: «...Работа все же гораздо интереснее той, что была раньше, и чувствуешь какое-то удовлетворение, помогая подбирать книги, на днях устрою хорошую выставку книг, достал для этого витрину, нужно только ее застеклить. Немножко задержалось это дело несмотря на мою беготню, и тогда получается маленькая чудесная выставка, к[ото]рую буду менять примерно через неделю; дело это весьма приятное и увлекает меня; здесь есть кой-какие замечательные книги — Пришвин (кстати, очень советую тебе перечесть его последние вещи), А. Толстой, Грин, М. Уилсон, Олдридж, Кронин, Брюсов, Верхарн». ⁵⁴

После переезда в другую лагерную зону работа стала менее интересной и более тяжелой. В конце сентября 1959 г. Н.Н. Покровский сообщал в Ростов-на Дону о том, что занят на уборке картофеля; в дождь на поля они не выходят, несделанного же осталось примерно на неделю, и все не труднее обычного. ⁵⁵ Из более позднего письма: «Ты все время спрашиваешь, какая у меня работа; но у нашей бригады сейчас, после конца полевых работ, нет определенных обязанностей и мы делаем, что придется; недавно пилили и кололи дрова, как-то возили хворост, копали глину, когда можно было и т.д.; я писал уже тебе о нашей извозной эпопее, но она кончилась сейчас и, видимо, мы больше не будем этим заниматься, разве изредка очень; работы все эти, что я тебе перечислил, не требуют особого напряжения, т.к. нас посылают в большом количестве на них и все это вполне в норме, в цеху летом сил требовалось больше». ⁵⁶ Летом следующего года: «Я до пояса загорел и стал черным, как негр: несколько дней

⁵³ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 04.06.1958. Л. 1–1 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

⁵⁴ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 22.06.1958. Л. 1–1 об. (Там же).

⁵⁵ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 24.09.1959. Л. 1 (Там же).

⁵⁶ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 07.12.1959. Л. 1 об.–2 (Там же).

мы тут работали на полях, на прополке (вообще характер работы у нас меняется через каждые несколько дней, и это неплохо. Сейчас вот складываем дрова); время, которое идет на дорогу, входит в рабочее, так что ты ошибалась, когда думала, что все это занимает 10–11 часов: только 8, а по субботам 6».⁵⁷ Через два месяца: «Работаем мы... сейчас на разгрузке всяких мелких деталей, что мы делали и в июне; дело нетрудное; душ там рядом есть, но сейчас тут стоит прохладная дождливая погода и особенно часто пользоваться им не хочется».⁵⁸ После перевода в зону с каменоломнями З.В. Бородина в письме свекрови старалась ее ободрить: «Я, по правде, пока еще не разделяю полностью Вашей тревоги. Правда, Коля еще не работал на добыче, как он пишет, и не знает, что это такое, но ведь он на погрузке и до этого работал, да на цементе. Не знаю, что тут хуже».⁵⁹ В конце 1962 г. Н.Н. Покровский утешал мать: «... Декабрь весь я буду работать в помещении, работа легкая, но монотонная очень, зачищать мелкие деревянные детали; это на один месяц».⁶⁰

В начале января следующего года Н.Н. Покровскому дают до конца срока новое занятие, более соответствующее его образованию. Он пишет матери: «...Сегодня утром было –39, я, кажется, еще не видел таких морозов, да и до этого дня три по утрам было ок. –34, снег под ногами скрипит так, что, кажется, за километр слышно... В такие морозы не работают на открытом воздухе. Но вот уже неделя, как я вообще не работаю на открытом воздухе, т.к. тут неожиданно появилась вакансия учителя в начальной школе и меня назначили на это место; преподаю русский язык и арифметику за III–IV классы, занимаемся в две смены, т.к. люди работают в разных сменах. Времени свободного в общем не прибавилось, но все равно все это имеет изрядные плюсы... Денег мне тут не платят и посему некоторые льготы предоставили, в частн[ости], — с магазином и возможность отправлять два лишних письма каждый месяц, как я узнал сегодня. Так что буду четыре раза в месяц отправлять вам письма».⁶¹ Видимо, незадолго до освобождения «нескандальному» заключенному предоставили возможность более легкой и почтенной работы. Относился он к ней предельно серьезно. В конце учебного года он писал матери: «Не знаю точно, но возможно, что летом повоюю с подготовкой к началу осенью нового учебного года: тех, кто послабее, надо будет подтянуть; ну да это все

⁵⁷ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 18.06.1960. Л. 1 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

⁵⁸ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 20–21.08.1960. Л. 2 (Там же).

⁵⁹ Письмо З.В. Бородиной Т.А. Прасоловой от 24.07.1961. Л. 1 (Там же).

⁶⁰ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 05–07.12.1962. Л. 3 об. (Там же).

⁶¹ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 14.01.1963 (Там же).

еще видно будет, а пока год с неплохими результатами кончается».⁶² В приведенных выше письмах заметно стремление Н.Н. Покровского убедить мать в том, что он не страдает от непосильных нагрузок, что работы иногда вообще не слишком много, а временами нет совсем.

Почти в каждом письме обсуждалась тема здоровья Н.Н. Покровского — по всей видимости потому, что это было обязательным вопросом в каждом письме матери и постоянной заботой жены: если не ответить, вызовешь взрыв тревоги. К тому же именно близкие доставали необходимые лекарства, чтобы «держать в рамках» заработанный на Лубянке гастрит. В каждом письме Николай Николаевич благодарил за лекарства, которые помогают ему справляться с бедой, так что болезнь практически не мешает жить. Письма З.В. Бородиной свекрови свидетельствуют, чего ей стоило вовремя и в достаточном количестве достать эти лекарства, предварительно найдя крупнейших специалистов по желудочно-кишечным заболеваниям и проконсультировавшись с ними. Бывали и события, близкие в восприятии З.В. Бородиной к катастрофе: вдруг нужное лекарство оказалось снятым с производства, и она металась по столице, «выгребая» остатки за двойную цену. Платить и переплачивать в бедственных хлопотах о муже она научилась почти сразу после его ареста, денежная же сторона в значительной мере ложилась на свекровь, перед которой невестка скрупулезно отчитывалась в каждой трате. Так же обстояло дело с посылками, которые высылались до ужесточения режима в 1962 г. через месяц-полтора, содержали необходимые для относительно диетического питания продукты: консервы к нему отнести можно лишь условно, но лагерная пища, как правило, была много хуже. Некоторое время приходилось высылать даже белые сухари, т.к. хлеб, бывало, давали лишь черный. Иногда Н.Н. Покровскому удавалось добиться «диетпитания», но часто это заключалось в том, что он вместо черного получал белый хлеб. В переписке детально описывались высланные и полученные продукты, это было важно не только как доказательство того, что все полученные от Т.А. Прасоловой деньги истрачены как надо, но и на случай пропажи посылки или части содержимого, а такие случаи бывали. Нужно сказать, что З.В. Бородинна обладала воистину бойцовским характером: никакие пропажи она не оставляла без протеста и поисков, будь то даже поздравительная телеграмма. Посылки в основном посылала именно она на присланные свекровью деньги: нужные продукты легче было достать в Москве, но и мать стремилась порадовать сына. Она отправляла ему южные фрукты, сухие торты, печенье и другие лакомства, за что он даже по-

⁶² Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 24.05.1963. Л. 2 об.-3 (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

рой упрекал ее в мотовстве и баловстве ненужной роскошью. В посылках вместе с продуктами высылалась и «духовная пища», которая для Николая Николаевича была едва ли не важнее: газеты, в особенности «Литературная газета», журналы, особенно «Новый мир», художественная литература (частично опять же купленная на деньги Т.А. Прасоловой). В письмах к матери можно прочесть множество его интересных оценок прочитанного.

Но самым важным для Н.Н. Покровского в этих посылках были книги и журналы профессионального характера. Следуя традиции российских политзаключенных, он пытался заниматься интеллектуальной работой. Уже на Лубянке, до суда, он взялся за английский язык, который, правда, и без того знал неплохо. В Мордовии эти занятия он продолжил, жалея лишь о том, что невозможно достать хорошие неадаптированные книги. Но гораздо важнее для него была профессиональная литература. Уже в начале мая 1958 г. Н.Н. Покровский писал, обращаясь к жене и матери и имея в виду их близкий приезд к нему на свидание: «Я продолжаю наслаждаться ежедневным чтением газет и слушанием радио, очень приятное это занятие, особенно — после 8-месячного перерыва... Если будет везти не очень тяжело, привезите мои тома Карамзина и Соловьева, посвященные XIII–XVI вв.».⁶³ Через три недели он более подробно пишет матери о своих штудиях: «Занимаюсь я по-прежнему западным феодализмом, но довольно лениво. Невероятно соскучился по исторической периодике — ведь уже скоро год, как я ее не видел... Вообще проблема книг, пожалуй, одна из самых сложных и важных для меня. Недавно я пересмотрел наш библиографический бюллетень — списки всех книг, вышедших в этом году; огромное количество интереснейших вещей, и по феодализму, и по новейшей истории».⁶⁴ Через два дня он развивает высказанные мысли, пытаясь найти положительную сторону в своей нынешней ситуации: насильственно оторванный от напряженной архивной работы, он обращается к широкому теоретическому осмыслению фактов, относящихся не только к России, но и к Западной Европе: «И еще одно — масса новых мыслей, сопоставлений — в моих занятиях по феодализму, все же я чувствую, что отход от очень узкой тематики к попытке продумывания более общих вопросов феодализма несомненно дал мне кое-что; среди книг, к[ото]рые я здесь прорабатывал, было несколько, которые дали мне в этом отношении довольно много. Конечно, острота архивной и иной исследовательской техники притупляется от отсутствия практики, ну

⁶³ Письмо Н.Н. Покровского жене и матери от 05.05.1958. Л. 1 об.-2 (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

⁶⁴ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 27.05.1958. Л. 1 об.-2 (Там же).

да это дело восстанавливается в несколько недель, я сам видел такие примеры. А планы будущих работ появляются очень интересные, я сам удивляюсь, какой огромный выбор здесь, сколько замечаю нужнейших тем, которых раньше не видел; нет, конечно определенное расширение кругозора по моей феодальной тематике несомненно. И очень полезным оказалось то частичное переключение на тематику западного феодализма, к[ото]рое я сейчас сделал; я всегда понимал, что обычное для русских феодалов изрядное невежество в этих вопросах — непростительно (хотя я чрезвычайно далек от попыток выискивания здесь всяких поверхностных аналогий в довольно различных исторических процессах); но как-то все руки не доходили ликвидировать здесь свое невежество. Я кончаю те книги, к[ото]рые мне прислала Зоя (хоть медленно, но все же продвигаюсь вперед); что-нибудь недели через 2 кончу их и уже договорился с Зоей, какие новые она мне пришлет. Но вообще вопрос с книгами — самый больной мой вопрос; большинство того, что мне нужно, есть только в библиотеках или же в крупных частных книжных коллекциях всяких исторических светил и ни ты, ни Зоя не могут прислать мне их. С новинками тоже плохо — выходит их сейчас довольно много (я ведь давно оторван от них), покупать их нет ни возможности, ни, главное, смысла... а полистать их все же ох как нужно. Ну да в конце концов не так уж страшно — много в смысле объема постраничного я тут все равно не смогу прочесть: времени ведь не так уж много... Но в целом... мои занятия доставляют мне большое удовлетворение: уж очень любопытен сам этот процесс, когда, поневоле оторвавшись от необходимого архивного фактокопательства, глядишь на проблемы, которыми раньше занимался, копая вглубь, как бы с птичьего полета, и видишь их далеко идущие связи с другими процессами, стараешься схватить цель и понять тайный смысл и закономерности его. Я достаточно осторожен, чтобы не делать при этом никаких окончательных выводов, ибо материал, конечно, слишком мал для этого... А ведь это одно из самых главных — уметь увидеть проблему, задать себе общий вопрос; можно владеть блестящей архивной техникой, но не иметь этого — и тогда всю жизнь быть на вторых ролях “разработчиков” чужих идей; как часто всегда чувствовалась подобная зависимость от более опытных руководителей научных (конечно, не владеть техникой еще хуже — тогда вообще ничего настоящего не сделаешь, но тут у меня как будто все в порядке, отзывы с этой стороны были достаточно лестными)... Меня всегда поражала широта взглядов историков вашего поколения — среди бумаг отца я видел наброски, планы его работ и по вопросу о торговых путях Передней Азии, и лекции по экономике французского абсолютизма, и работы по античному

рабовладению. Это все — давние времена, 20-е годы; потом тематика, естественно, сузилась у него, но осталась эта привычка мыслить широкими категориями и видеть конкретный вопрос в большом ряду общих проблем. У меня этого не было, не было этого запаса знаний в самых различных областях истории (и не было своих внутренних логических линий, связывающих все это). Теперь начинаю наверстывать, и несмотря на довольно-таки медленные темпы, это ощущение наверстывания очень приятно».⁶⁵

Видимо, по просьбе сына мать высылает ему труды выдающегося русского медиевиста С.Б. Веселовского: «Огромное спасибо тебе за Веселовского. Завтра (в четверг) у меня выходной и я принимаюсь за него — наконец принимаюсь за серьезную книгу по специальности; я сильно боюсь деквалификации — кое-что выскакивает из головы очень быстро».⁶⁶ В конце июня 1958 г. сын делится с матерью первыми результатами этой работы: «Я продолжаю работать над Веселовским, уже зашел за половину первого тома, такое огромное кол[ичес]тво интересных мыслей приходит в голову, что боязно, как бы не растерять их, и не хочется пока начинать работу по упорядочению всего этого, хочется пока накапливать эти наблюдения, потом продумаю все в целом, ход централизации финансовой системы в XVII в. невероятно любопытен: я всегда боялся залезать в этот слишком запутанный вопрос, но у Веселовского масса сырых архивных данных, над которыми стоит поразмыслить. Занимаюсь феодализмом обычно с утра с 8 до 10, на свежую голову».⁶⁷ Через три дня новый отчет: «С большим наслаждением начал читать “Историю Рима”, что ты мне прислала... одновременно с Моммзенем я прорабатываю присланный Зоей общий курс истории средних веков Виппера и кончаю старые книги по аграрной истории раннего феодализма. Присланные тобой номера “Вопросов истории” бегло просмотрел, а потом постепенно буду более тщательно смотреть. Языками пока совсем не занимаюсь — и без того много интересных книг, руки не доходят».⁶⁸

В конце 1959 г. Н.Н. Покровский намечает себе план крупной научной работы теоретического характера по начальной истории Киевской Руси, в основном, посвященной генезису феодализма: «...Серьезно подумываю о том, что пора обобщить для себя кой-какие мысли и наблюдения по генезису и раннему периоду русского феодализма, по тем особенностям, к[ото]рые характерны для него

⁶⁵ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 29.05.1958. Л. 2 об.-3 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

⁶⁶ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 04.06.1958. Л. 2 об.-3 (Там же).

⁶⁷ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 22.06.1958. Л. 1 (Там же).

⁶⁸ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 25.06.1959. 1-1 об. (Там же).

в отличие от западного и т.п. Конечно, сейчас это возможно лишь в плане разработки для себя связного подробного плана на будущее, подведение некоторых итогов всего более или менее общеизвестного и т.п. — т.е., конечно, ни в малейшей мере не в плане монографической работы (хоть и небольшой), к[ото]рая здесь абсолютно невозможна без источников».⁶⁹ И уже в начале февраля следующего года он сообщает матери, что заканчивает черновой вариант первого раздела задуманной работы.⁷⁰ Книг из родительской и собственной библиотек, выславшихся ему из Ростова и Москвы, для этого было явно недостаточно. Зоя Васильевна нашла выход, поражающий своей экстремальностью: она стала снабжать мужа книгами, взятыми с места службы (вероятно, на свой абонемент). Несомненно, это было рискованно: бандероли и посылки не раз пропадали, правда, судя по переписке, это, к счастью, не коснулось книг. Т.А. Прасоловой удалось выписать для сына наиболее тогда интересный для него журнал «Вопросы истории».⁷¹

То, что выпало в связи с этой напряженной творческой работой Н.Н. Покровского его жене, она очень красочно описала свекрови: «Коля прислал бандеролью по почте свою работу о проблематике генезиса русского феодализма, первую часть работы. Просил перепечатать ее срочно, дать почитать в исторических кругах и торопил меня сильно с этим делом. А почерк был такой мелкий, буквально точки, да еще плюс его специфика письма необычная. Поэтому пришлось сменить 2-х машинисток и, в результате измучившись с ними, решила сама диктовать. И вот с утра, к 8 часам, шла к машинистке, а к половине шестого — на работу, или к 8 на работу, а потом — к машинистке. Потом сверяла всю эту уйму страниц и экземпляров. Потом думала, кому предложить почитать и как сделать, как и через кого к кому добраться и т.д. Очень много мне помогла тут А.Б. (Анна Борисовна Закс. — Н.З.). Спасибо ей большое. Все, что могла, она старалась сделать. Сегодня я ее видела, и она мне сказала, что мнение таково: необходимо обратиться в ин[ститу]т истории и в парторг[анизацию] ун[иверсите]та (в деканат пока не стоит, помня опыт переговоров с указателем), чтобы они дали официалън[ые] рецензии на работу. Остальные ряд лиц, которые согласились с радостью почитать (А.Б. считает, что работа очень интересна, но она пока проглядела

⁶⁹ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 07.12.1959. Л. 2 (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

⁷⁰ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 04.02.1960. Л. 2 об. (Там же).

⁷¹ Одновременно он начал получать в лагере, восприняв это как курьез, неизвестно кем выписанный для него журнал «Вопросы истории КПСС»: «Уж не на факультете ли кто-нибудь позаботился? Во всяком случае — все же внимание: целых 92 р. на год», — иронизировал он в письме матери от 4 февраля 1960 г. (л. 2 об.).

мельком и подробно не стала говорить), но официально ничего писать не будут».⁷² Оплату срочных машинописных работ опять взяла на себя, по просьбе сына, Т.А. Прасолова.

Как раз в это время представители соответствующих охранительных органов стали проводить настойчивые беседы и с Николаем Николаевичем, и с его «подельниками», упрекая их за то, что они-де не налаживают контакты со своей альма-матер. 27 февраля 1960 г. в письме к матери он возмущался: «Я тебе уже писал в позапрошлом письме о всяких сложных ситуациях в связи с вопросом о возобновлении контактов между нами и истфаком. Тут есть кой-какие новости. Я писал уже, что здесь перед нами этот вопрос ставился⁷³ со всею серьезностью людьми достаточно ответственными. Мы также отнеслись к этому делу весьма серьезно и предприняли ряд шагов в этом направлении, увы, окончившихся неудачно. Тут выяснилось и много старых фактов, которые хорошо объяснили нам многое в делах конца 1957 г. университет играл в них, оказывается, отнюдь не пассивно-перестраховочную позицию, а сделал очень много весьма активных и достаточно подлых действий, чтобы ужесточить наш приговор в старых бериевских канонах, и хотя это тебе может показаться несколько невероятным, но этим людям действительно удалось оказать определенное давление в этом направлении. Я знаю, что ты хорошо помнишь все и плохое, и хорошее и умеешь быть принципиальной в этих вещах; поэтому, если будешь давать для самой себя оценки тогдашним людям и событиям, не забудь, что некоторые из моих бывших сослуживцев выступали тогда с требованием моего расстрела — им казалось, что подобным образом они могут кой-какой капиталец заработать. Мы хотели сейчас до поры закрыть глаза на все это, чтобы выполнить те рекомендации об установлении контактов, которые нам здесь дали; но эти люди из истфака и сейчас захотели быть, пользуясь старой пословицей, большими роялистами, чем сам король... По моей просьбе Зоя (и не только она) предприняла некоторые шаги, чтобы узнать, как смотрят в ун[иверсите]те на возможность установления контактов с нами — и результаты были совершенно отрицательными: при таких настроениях это дело нереальное. Мы оказались в положении достаточно странном и необычном — нас упрекали в том, что мы не сделали вещи, сделать которую мы оказались не в состоянии, и не по своей вине. Чтобы снять с себя ответственность за эту ситуацию (в которой мы пока бессильны действовать в рекомендованном нами направлении) нам пришлось вчера отправить письма

⁷² Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 26.04.1960. Л. 1–2 (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

⁷³ Исправлено, в письме ставили.

Председателю КГБ и в Секретариат ЦК с подробным рассказом обо всех обстоятельствах этого дела. Вот такая история».⁷⁴ Похоже, представители «органов» вели с заключенными скверную игру: поверить в то, что они не знали о позиции официальных лиц исторического факультета МГУ, невозможно.

Судя по данным переписки, письменный отзыв на посланное исследование Н.Н. Покровский получил только от своего первого университетского наставника, Николая Леонидовича Рубинштейна. Н.Л. Рубинштейн вследствие очередной чистки МГУ в 1948 г. был уволен и в течение длительного времени вообще не мог найти работу. К 1960 г. это был глубоко больной человек (он умер 26 января 1963 г. в Одессе), несмотря на все мытарства, не побоявшийся отозваться на «зековскую» научную работу своего прежнего ученика. В начале сентября 1960 г. Н.Н. Покровский пишет матери: «С большим интересом прочел я и отзыв Н[иколая] Л[еонидовича] о моей работе, в общем, весьма хороший, т.к. он соглашается со всеми теми моими главными идеями, которые я сам считал самыми новаторскими из всего, что есть в этом моем кусочке. Но он подчеркивает отсутствие монографической разработки темы (где уж мне сделать ее здесь!) и очень советует сильно ограничить тему для разработки ее вглубь; советует специально заняться летописью, темой общины и т.д.».⁷⁵ И хотя в том же письме Николай Николаевич сообщает о получении из Москвы от жены двухтомника летописей, его научная работа потеряла тот азарт и темп, которые были характерны для нее раньше. Причинами были, видимо, и всегда осознававшаяся невозможность полноценного труда без архива, косвенно подтвержденная цитировавшимся выше отзывом, и молчание коллег, т.е. отсутствие так нужного ему широкого обсуждения достигнутых результатов. Когда в июле 1961 г. его одного перебросили в другую лагерную зону, эта работа сошла на нет. Н.Н. Покровский не оставил занятий совсем, но теперь сосредоточился на изучении испанского языка. По его устным воспоминаниям, язык изучался с целью возможного получения заказов на переводы художественной литературы после освобождения: нужно было думать о будущем заработке; не было гарантии, что удастся устроиться с такой судимостью на работу по специальности.⁷⁶

⁷⁴ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 27.04.1960. Л. 1 об.-3 (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

⁷⁵ Недатированное и без конверта письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой. Л. 1 об. Ответ на письмо матери от 31 августа 1960 г. (год установлен по реалиям ответного письма).

⁷⁶ Стараниями друзей такой заказ был даже получен, но из этой затеи, как рассказывал Николай Николаевич, ничего не вышло: художественный перевод требовал своей квалификации.

Одной из центральных тем в переписке были личные отношения. Жена неизменно, судя по свидетельствам Н.Н. Покровского, писала ему бодрые и оптимистичные письма, даже когда приходилось сообщать о болезнях сына; лишь свекрови она изредка могла пожаловаться на свои беды. Переписка же сына с матерью порой носила трагические черты. Уже в начале своей лагерной жизни он писал ей с болью: «Каждая... порция твоих упреков... к тому же преувеличенных или неосновательных часто, бьет по мне с огромной силой — и ведь я не могу ответить, не могу ничего сделать, не могу приехать — ты сама это знаешь, и я тут совершенно беспомощен; после каждого твоего такого письма я несколько дней ни успокоиться, ни спать толком не могу, только со страхом думаю — что же еще будет, и что я могу здесь сделать для тебя. А сделать не могу ничего. И странным образом получается — стоит только тебе получить от меня немного более обширное, не “внешнее” чисто письмо, как у тебя тут же рождаются на этой основе новые большие страхи и опасения; я без всякой задней мысли напишу тебе что-нибудь о своих повседневных мыслях и настроениях, и в ответ подчас получаю твои грустнейшие выводы и комментарии, о которых я и думать не думал, когда писал, вот так и получается, что когда пишу тебе, подсознательно все время опасаясь, как бы что-нибудь не вызвало твоих слез... А ведь этого все равно не изменишь, плачь или не плачь — значит нужно приучать себя стараться думать об этом как можно меньше. Таковы сегодня условия нашей с тобой жизни, и ни ты, ни я изменить их сейчас не можем, значит, так это и нужно принимать и не биться даром головой об стену — подобная операция всегда болезненна для головы — а помнить, что эти наши жизненные условия — на срок только, значит все дело — в терпении. И когда я, например, вспоминаю о Геленджике, Лазаревке, Нальчике — а вспоминаю я о них очень часто, — то эти воспоминания тоже приносят мне много светлой радости — ибо хорошо, очень хорошо было тогда, и прекрасно я знаю, что еще будет не хуже, а лучше даже, и поэтому такие воспоминания мне — как радостное напоминание того, сколько хорошего будет еще в жизни, и жить с ними сейчас мне легче, а не труднее».⁷⁷ В начале 1960 г.: «А потом это твое постоянное... — на волю, на волю. Если бы я жил с такими слепыми инстинктами, то, наверно, давно бы уже стал здесь отъявленным подлецом. Я надеюсь, что ты этого не хочешь точно так же, как и я. Вопрос давно уже не в этой плоскости стоит, и нечего играть в жмурки с жизнью и твердить — мне надо, чтобы он был здесь, а остальное меня не касается. Мне нужно выйти человеком, это глав-

⁷⁷ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 29.05.1958. Л. 1-1 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

ное... Я видел массу людей, положение которых временами бывало неизмеримо, стократно тяжелее моего и которые все же не приходили в такое беспросветное отчаяние, в которое ты усиленно стараешься меня привести... Неужели ты хочешь, чтобы я... понаделал здесь непоправимых глупостей. Ну так смею уверить тебя, что этого не будет... Я не из тех, которые делают ставку на какую-то лошадку, темную, так кажется говорили?». ⁷⁸

Всякую попытку близких в начале их переписки указать ему, чтобы в лагере «взялся за ум», он очень резко обрывал и прямо писал, что такие замечания считает неуместными. Николай Николаевич никогда не отказывался от своих убеждений, хотя и сознавал, что скамья подсудимых оказалась слишком дорогой ценой за нелегальную работу, которую он, скорее всего, и считал своей главной ошибкой. И те редкие случаи, когда ему приходилось сурово отвечать на родственные упреки, не озлобляли его. В тех же письмах он старается написать о чем-то радостном, поддержать дух тех, кто страдал за него на воле. Он подробно рассказывал о своих впечатлениях от посещения кино (этот вид досуга, хотя и с разной частотой, в лагерных зонах был обязательным, возможно — в воспитательных целях), о прочитанных книгах, о прекрасной, хотя и суровой природе, окружавшей зону. У него, несомненно, уже тогда обнаружился художественный дар: «Я... дышу свежим воздухом и слушаю, как в каком-то полуметре от моей головы дождь горохом сыплет по полотну палатки. У нас сейчас холодно и ветрено, по вечерам на полнеба раскидываются кровавые закаты, на фоне которых резкими темными зубцами вырезаны вершины дальних сосен, зеленый цвет которых лишь угадывается. Картина просто захватывающая; вспоминается Рерих, его ранние пейзажи той земли, на которой еще не было людей (и даже забор не уничтожает этого впечатления); картины вечной, суровой и задумчивой природы, одиноко раскидывающей перед самой собой свою бесконечную пустынную изменчивость. Нигде не видел я равных по красоте закатов, на море лишь, пожалуй». ⁷⁹

Одним из главных отрядных впечатлений прошлого, на которые можно было опереться в грустном настоящем, были воспоминания о детстве и каникулах студенческих и постстуденческих лет. В письмах постепенно складывался миф о золотом веке довоенного детства — с собственным домом, любимыми родителями, сестрой, товарищами по играм, с длительным пребыванием на море всей семьей (мать в те годы работала летом главврачом в санаториях). В конце сентября

⁷⁸ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 04.02.1960. Л. 1 об.-2 (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

⁷⁹ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 27.05.1958. Л. 1 об. (Там же).

1959 г. Н.Н. Покровский писал матери: «Сколько теплоты все же в нашем ростовском доме! Почему так? Я ясно вижу сейчас его просторные комнаты, ставшие еще просторней в безлюдье последних его лет... мне почему-то постоянно кажется, что в этих комнатах незримо застыла наша старая, довоенная жизнь».⁸⁰ В начале января следующего года он вспоминал: «Дорогая мама, я очень хорошо помню тот замечательный январь, когда я был у тебя и на твои именины мы вечером слушали хороший рассказ Паустовского о Чайковском. Особое мягкое очарование этого вечера часто вспоминается мне, и это одно из тех (не очень-то многочисленных) воспоминаний, которые являются надежным моим прибежищем при всех и всяческих неприятностях, когда почему-либо беспокойно на душе становится — вот то совсем особое настроение, эмоциональный склад всего нашего ростовского быта, который обязательно на какой-то новой почве мы восстановим, хоть сейчас и совсем другое время».⁸¹ Вспоминал он и те южные места, в которых довелось побывать с родителями на отдыхе: «...Довоенный Нальчик для меня — будто совсем иной город; какие-то пестрые клочки очень ярких воспоминаний: как папа где-то на речушке маленькой делал запруду тебе для стирки, как нашли эту белую глину, как впервые там папа открыл для меня Грина, как грибы собирали в горах и сушили сыроежки, а они погнили, как покупали первые пластинки к патефону».⁸² Когда мать уехала летом 1960 г. на море, в Лазаревку Краснодарского края, отдыхать с семьей дочери, Николай Николаевич жадно спрашивал ее о всех приметах места, которое хорошо помнил: «Ты прости, что я так много пишу и спрашиваю обо всем этом, тут как-то страшно тянешься душою ко всем эти местам и вспоминать их очень приятно, это дает твердую уверенность в том, что мы с тобой, южные люди, еще как следует насладимся этим удивительным чувством единения с нашей южной природой. Это чувство безгранично охватывало меня тогда, на Тонком мысу, когда мы гуляли там с тобой, и как приятно мечтать опять о встрече с этими местами, будто чувствуешь бодрящий ветерок этих мест и на душе становится свежо и радостно».⁸³

Миф о «золотом веке» включал в себя обязательный элемент: воссоздание прежнего счастливого мира после окончания заключения. Н.Н. Покровский постоянно делился с матерью мечтами о совместной жизни: «И очень, очень важно, что и твоему долготерпеливому

⁸⁰ Недатированное письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой, написанное после 29.09.1959. Л. 1–1 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

⁸¹ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 02.01.1960. Л. 2 об. (Там же).

⁸² Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 02.06.1963. Л. 2 об.–3 (Там же).

⁸³ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 21.07.1960. Л. 2 (Там же).

одинокости тоже близок конец, хоть и не знаем мы с тобой, как и в каких формах, где будет у нас все строиться вскоре, однако твердо одно знаем, что постараемся сделать все, чтобы жить вместе и разумнее, чем до этих последних шести лет. Временами охватывает даже ложное чувство, будто просто продолжается вся та счастливая линия последнего нашего житья-бытья в Нальчике. Конечно, стоит только в зеркало посмотреть, чтобы убедиться, что это не так, но все же как замечательно мы прожили это недолгое время! Помнишь, как ты явилась неожиданно в ту чистенькую комнатку с одним чемоданчиком, такая веселая и оживленная? И сколько там всяких фрукт-овощей было на базаре, и как по вечерам мы с тобой гуляли чинно в парке?»⁸⁴

По всей видимости, ощущение своего золотого века, в основном, в довоенное время, когда жив был еще отец, осталось у Н.Н. Покровского на всю жизнь. В воспоминаниях об этом он до конца находил радость и утешение. И созданные совместно с сестрой Светланой в начале 2000-х гг. мемуары⁸⁵ тоже относились к этому периоду, захватив, правда, и военные годы, которые в памяти остались как серия приключений, во всяком случае — вспоминались именно так. Стоит отметить, что эти мемуары никак не укладываются в схему, предложенную недавно О.Б. Леонтьевой, которую феномен «золотого века» прошлого — лейтмотива воспоминаний Покровских, видимо, не заинтересовал.⁸⁶

В рамках этой статьи невозможно было осветить всю повседневную жизнь авторов переписки. В письмах З.В. Бородиной есть рассказы о ее занятиях немецким языком и курсами кройки и шитья (последнее, видимо, больше в целях будущей экономии). Она писала свекрови, что все это ей необходимо, чтобы не опуститься в бесконечных хлопотах. Ее письма были переполнены рассказами о сыне, его здоровье, проделках, взрослении. Отрадным, хотя и хлопотным делом стала летняя дача Бородиных, в закладке сада которой успел участвовать и Н.Н. Покровский. Все три корреспондента обсуждали животрепещущий вопрос о сокращениях на работе у Т.А. Прасоловой и возможном ее выходе на пенсию; постоянно планировались общие поездки свекрови и невестки на свидание с заключенным — здесь нужно было учитывать многие обстоятельства, которые обязательно обговаривались втроем. Т.А. Прасолова делилась своими заботами о

⁸⁴ Письмо Н.Н. Покровского Т.А. Прасоловой от 02.06.1963. Л. 2–2 об. (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

⁸⁵ *Покровский Н. Н., Покровская С.Н.* Мемуары. С. 525–579.

⁸⁶ *Леонтьева О.Б.* Мемуары историков на переломе эпох: личностная рефлексия, профессиональная идентичность // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 6. С. 138–147.

ветшавшем ростовском доме, с которыми она уже почти не справлялась, а также всякими событиями жизни ростовских родственников. Несомненно, интересно было бы рассказать, как проходили праздники — и в лагере, и на воле; и еще о многом другом.

Повседневная жизнь авторов переписки 1957–1963 гг. складывалась из осколков прежнего образа жизни, заново склеенных с трагическими для них новациями. У оставшихся на воле близких была их прежняя работа, но возникла тягостная необходимость изыскивать дополнительные деньги для арестанта и время для отлучек на свидания и всякие хлопоты о нем. Несомненно, от этого страдали и семья, недополучавшая обычной помощи и заботы, и здоровье бедных женщин, пытавшихся все успеть. У Н.Н. Покровского основное время теперь было занято неквалифицированным физическим трудом, которым, впрочем, он занимался вполне добросовестно, как и его «подельники», что, по сообщениям писем, неоднократно отмечалось лагерным начальством. Любимая работа — исторические исследования, занятия языками, теперь оказалась на периферии и сменила статус основного занятия на один из видов досуга, наравне с кино и художественной литературой. И однако именно этот крохотный по времени «досуг» стал одним из мощных стимулов его выживания как человека, не потерявшего достоинство и надежду на будущее, не ставшего сломленной жертвой лагерной системы «воспитания». Через все письма (меньше у Т.А. Прасоловой, всегда — у молодых) проходит неизменный оптимистический настрой. Первые годы заключения освещались надеждой на скорое освобождение, последние два были наполнены ожиданием вольной жизни и попытками готовиться к ней. Великой опорой для осужденного за стремление добиться для родины лучшего будущего была поддержка семьи, которая стала главной после рухнувшего единства с товарищами. Несомненно, в эти годы окончательно сформировался характер Н.Н. Покровского. Многие коллеги, знавшие его позже как обычно очень мягкого человека, с удивлением натыкались иной раз на железное «нет» в случае, когда речь шла о каком-то важном для него жизненном принципе. И его успехи в науке — отражение той же сохраненной, если не выработанной в очень трудных условиях способности справиться со всеми поставленными задачами. До самого конца он всегда был настроен на жизнь, и работать над новым научным проектом перестал всего лишь за месяц до кончины.

Н.П. МАТХАНОВА

**«Я НИКОГДА НЕ ПОЖАЛЕЛ О СДЕЛАННОМ...
ВЫБОРЕ И НЕ УЕХАЛ ИЗ СИБИРИ»
(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н.Н. ПОКРОВСКОГО)***

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье освещаются обстоятельства переезда Н.Н. Покровского в Новосибирский Академгородок и дара М.Н. Тихомировым коллекции рукописей, старопечатных книг и документов Сибирскому отделению. Показано значение и взаимосвязь этих событий.

Ключевые слова: история археографии, историография, Сибирское отделение АН, Н.Н. Покровский, М.Н. Тихомиров.

Историки не раз уже писали о двух взаимосвязанных событиях — приезде Н.Н. Покровского в Академгородок и «щедром даре» М.Н. Тихомировым своего собрания рукописей Сибирскому отделению.¹

Однако имеющиеся источники, прежде всего материалы фонда М.Н. Тихомирова в Архиве РАН,² позволяют еще раз обратиться к

* Благодарю Н.Д. Зольникову за идею этой статьи, а также ее и сотрудников Архива РАН и Государственного архива Новосибирской области за предоставленные материалы.

¹ *Покровский Н.Н.* Памяти Михаила Николаевича Тихомирова // Известия СО АН СССР. 1966. Т. 1. Сер. Общественные науки. Вып. 1. С. 143–144; *Рогов А.И., Покровский Н.Н.* Собрание рукописей академика М.Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 162–172; *Покровский Н.Н.* Из дали веков // Правда. 1969, 8 июля; *Шмидт С.О.* Памяти учителя: Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова // *Шмидт С.О.* Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М., 2012. С. 13–49 (впервые опубликовано в: Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 7–30); *Шмидт С.О.* Издание и изучение наследия М.Н. Тихомирова // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 5–28; *Шмидт С.О.* К предыстории издания последних книг академика М.Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 368–376.

² Архив РАН. Ф. 693. См.: *Староверова И.П.* Фонд М.Н. Тихомирова в Архиве АН СССР // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 304–314; *Староверова И.П.* Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание М., 1974.

вопросу о влиянии Тихомирова на судьбу Н.Н. Покровского и развитие гуманитарных наук в Сибири. Особенно интересны письма к М.Н. Тихомирову М.А. Лаврентьева, А.П. Окладникова, самого Н.Н. Покровского, а также переписка Тихомирова с одним из учеников — А.П. Пронштейном,³ и его женой, С.Н. Покровской (сестрой Николая Николаевича). Многие из материалов фонда Тихомирова, относящиеся к Н.Н. Покровскому, были введены в научный оборот и частично опубликованы старшим «тихомировцем» — С.О. Шмидтом.

С.О. Шмидт писал об особом доверии «учителя к своему ученику» и вспоминал: «Нам, старшим его ученикам, он говорил о даровитом и трудоспособном студенте... Помнится, что Н.Н. Покровский был в некотором роде ассистентом М.Н. Тихомирова при чтении им лекционных курсов».⁴

Имя Н.Н. Покровского впервые появляется в переписке М.Н. Тихомирова с А.П. Пронштейном и С.Н. Покровской (письма эти очень интересны для изучения как биографии Тихомирова, так и жизни историков в 1950-х – 1960-х гг.). Светлана Николаевна благодарила: «Коля наш все время пишет, как много Вы сделали для него и делаете».⁵ Тихомиров замечал 6 ноября 1949 г. Пронштейну: «У меня впечатление от него, что он дельный и напористый человек, но молчалив, а может быть, и стесняется. Ведь у них представление, что профессор — это особая статья, а не обычный человек, у которого к тому же наверняка что-то болит, в отличие от студента».⁶ Через полгода, 12 марта 1950 г.: «Коля у меня, по возможности, работает, из него должен выйти толк. Юноша он серьезный и, видимо, способный».⁷ И, наконец, 3 сентября 1952 г.: «Скоро будут экзамены по приему в аспирантуру. Мне пришлось с ним немало повозиться, так как он успел восстановить против себя кое-каких людей. К счастью, все обошлось, ведь дело-то шло в основном о мальчишеском задоре».⁸ Как известно, через несколько лет «не обошлось». На время заключения имя Покровского исчезает из переписки. Снова Николай Николаевич упоминается в письме Пронштейна от 3 декабря 1963 г., в котором предлагается, чтобы он указал дату возможного приезда Тихомирова

³ См.: *Покровский Н.Н.* А.П. Пронштейн: Путь в науке // История: Научные поиски и проблемы (Памяти д-ра ист. наук проф. А.П. Пронштейна). Ростов-на-Дону, 2000. С. 9–11.

⁴ Шмидт С.О. К предыстории издания... С. 369.

⁵ Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 482. Л. 16. Б/д.

⁶ Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 41. Л. 1.

⁷ Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 41. Л. 5 об.

⁸ Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 41. Л. 15.

в Кисловодск.⁹ Из этого ясно, что Н.Н. Покровский после освобождения уже побывал в Москве у М.Н. Тихомирова.

Он уже начал работу над описанием рукописей собрания своего учителя. Об этом свидетельствует и поздравительная новогодняя открытка от 27 декабря 1964 г. В ней упоминается о намерении «интенсивнее приняться за описание Ваших рукописей» с начала нового года, во время отпуска.¹⁰ Об этой работе говорится и в письме из Владимира — первом из сохранившихся писем Н.Н. Покровского М.Н. Тихомирову:

Дорогой Михаил Николаевич!

Поздравляю Вас с наступающим светлым праздником и желаю всего наилучшего. Весна все-таки пришла, даже после нынешней затяжной зимы. У нас тут уже весело зеленеют склоны городских валов, а близ Покровского монастыря в низине начинают появляться первые листочки местной достопримечательности — знаменитого суздальского хрена. Но вообще-то довольно прохладно и приходится хорошо топить в комнате. Поездка моя в Ленинград прошла успешно: отобрал для музея много экспонатов. Но не знаю, когда смогу опять выбраться теперь на несколько дней в Москву; пока не пускают, работы тут очень много. Как только буду в Москве, позвоню Вам. Надеюсь к тому времени кончить статью о Соломонии Сабуровой. Очень тянет уже опять к себе Ваша коллекция рукописей, увлекательное это дело.

С уважением, Коля.¹¹

К этому времени вопрос о передаче М.Н. Тихомировым своего собрания рукописей в Новосибирск принципиально был уже решен. Это была хорошо продуманная акция, предполагавшая далеко идущие последствия. Н.Н. Покровский писал о своем учителе: «Он выступил инициатором ценных начинаний, имеющих важное значение для развития гуманитарных наук в Сибири».¹²

М.Н. Тихомиров (в 1953–1957 гг. академик-секретарь Отделения исторических наук¹³) участвовал в обсуждении в Президиуме АН СССР вопроса о создании нового научного центра в Новосибирске.¹⁴ Как вспоминал Н.Н. Покровский, он «любил повторять, что для науки

⁹ Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 507. Л. 136.

¹⁰ Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 483. Л. 2. Частично опублик.: Шмидт С.О. К предстории издания... С. 373.

¹¹ Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 483. Л. 1.

¹² Покровский Н.Н. Памяти Михаила Николаевича Тихомирова. С. 144.

¹³ Очень интересны две короткие реплики М.Н. Тихомирова в его письмах к А.П. Пронштейну: 5 ноября 1956 г. — о намерении освободиться от этой должности (Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 41. Л. 19), и 27 июля 1957 г.: «Жить стало веселей, как только ушел из академиком-секретарей» (Там же. Л. 22).

¹⁴ См.: Дервянко А.П., Покровский Н.Н. М.Н. Тихомиров и сибирская археография // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 202.

на востоке нашей страны создание этого центра станет тем же, чем стало создание Петербурга для Русского государства в XVIII веке».¹⁵

А.П. Окладников писал, что Тихомиров поддержал коллективный труд по истории Сибири, «как мудро и тактично учил он нас тому, как выполнить на подлинно академическом высоком уровне, как обходить разные препятствия и “подводные камни”, как энергично поддерживал нас в трудном деле прохождения будущих томов через РИСО»;¹⁶ «вселял уверенность... в том, что гуманитарные науки будут признаны в Сибири» и называл его «добрым предсказателем и пророком, а по сути дела больше: добрым гением моим и всех нас — сибиряков».¹⁷

Уже при создании Сибирского отделения у М.Н. Тихомирова «рождается мысль об археографическом обследовании Сибири, о развертывании в Новосибирске археографических работ».¹⁸ В 1959–1962 гг. были организованы разведывательные экспедиции только что (в 1956 г.) воссозданной им Археографической комиссии в Приморский край и Бурятию под руководством А.И. Рогова и В.Б. Павлова-Сильванского.¹⁹ Их работа показала необходимость серьезных стационарных обследований. Для этого был необходим сибирский археографический центр, а для его организации — подготовка кадров.²⁰ И то, и другое стало возможно после «щедрого дара» знаменитой коллекции и принятия руководителями Сибирского отделения Академии наук «плана развития археографической работы в Новосибирске».

Можно предположить, что принципиальное обсуждение вопроса началось тогда же. Уже 7 декабря 1960 г. М.А. Лаврентьев писал М.Н. Тихомирову о предполагавшейся передаче Сибирскому отделению библиотеки «редчайших рукописей и древних раритетов».²¹ С.О. Шмидт отмечал, что «окончательно утвердился в своей мыс-

¹⁵ *Покровский Н.Н.* Памяти Михаила Николаевича Тихомирова. С. 144.

¹⁶ *Шмидт С.О.* Памяти учителя... С. 14.

¹⁷ Там же. С. 49.

¹⁸ *Деревянко А.П., Покровский Н.Н.* М.Н. Тихомиров и сибирская археография. С. 202.

¹⁹ *Павлов-Сильванский В.Б.* М.Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 258–259.

²⁰ *Покровский Н.Н.* Академик А.П. Окладников и развитие сибирской археографии // Гуманитарные исследования в Сибири: Итоги и перспективы. Новосибирск, 1984. С. 14.

²¹ *Шмидт С.О.* Памяти учителя... С. 15. См. также: *Куперштох Н.А.* Становление и развитие исторических исследований в Сибири: К 40-летию основания Института истории, филологии и философии СО АН СССР // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 56.

ли М.Н. Тихомиров, когда побывал в Новосибирске, в Академгородке, в 1963 г.»²² и указывал, что, приняв решение передать лекцию в Новосибирск, Тихомиров «поставил вопрос о том, чтобы именно Н.Н. Покровский продолжал там работу над описанием его собрания».²³ Поставить так вопрос Тихомиров мог только после освобождения Покровского из мордовских лагерей осенью 1963 г., и лекции по источниковедению в Новосибирском университете Тихомиров читал в сентябре того же года.²⁴

Вероятно, зимой 1964/1965 г. произошла встреча М.А. Лаврентьева и А.Л. Яншина с М.Н. Тихомировым на квартире последнего и знакомство с его собранием.²⁵ Н.Н. Покровский вспоминал: «...Мы показывали им древние книги, передаваемые в Сибирь, рассказывали о самых интересных из них, так что визит получился довольно долгим. Тихомиров рассказал о хороших результатах двух экспедиций... Оказалось, что эта встреча была и моими «смотринами». Михаил Алексеевич, уведомленный нами об особенностях моей биографии, принимал окончательное решение о моем переезде в Академгородок для осуществления археографических планов Тихомирова».²⁶ Позже Н.Н. Покровский вспоминал, что эта встреча произошла за несколько месяцев до его последнего визита к М.Н. Тихомирову, состоявшегося летом 1965 г.²⁷

Решение ехать в Сибирь Николай Николаевич принял не сразу. В одном из мемуарных текстов он писал: «Приехавшая в Москву из Новосибирска М.М. Громько, хорошо знавшая меня еще по аспирантским временам в МГУ, а теперь готовившаяся к докторской защите, беседовала со мною среди цветущих тюльпанов Александровского сада, у стен Кремля, и подробно рассказывала мне о преимуществах Академгородка, звала туда. А у меня как раз стала очень удачно разворачиваться работа во Владимиро-Суздальском музее, я был назначен заместителем директора по науке готовил экспозиции и т.д.»²⁸ Эта

²² Шмидт С.О. Памяти учителя... С. 15.

²³ Шмидт С.О. К предыстории издания... С. 373.

²⁴ Отчет по факультету гуманитарных наук за 1963/64 учебный год // ГАНО. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 115. Л. 4.

²⁵ Деревянко А.П., Покровский Н.Н. М.Н. Тихомиров и сибирская археография. С. 202.

²⁶ Покровский Н.Н. [Отрывок из воспоминаний] (Личный архив академика РАН Н.Н. Покровского).

²⁷ Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. 3-е изд. Новосибирск, 2005. С. 13; Путешественник за редкими книгами: К юбилею академика Н.Н. Покровского // Наука из первых рук. 2010. № 3. С. 62.

²⁸ Покровский Н.Н. [Отрывок из воспоминаний].

беседа могла произойти только в 1965 г., так как заместителем директора музея Н.Н. Покровский был назначен 18 сентября 1964 г.²⁹ М.М. Громыко в устных воспоминаниях подтвердила, что в 1965 г. она приезжала в Москву в связи с подготовкой защиты. К тому же только к весне 1965 г. был решен вопрос о создании института, куда его приглашали.³⁰ Н.А. Куперштох, ссылаясь на воспоминания А.И. Федорова, отмечала, что одной из причин «вялого развития событий» было опасение, что гуманитарные науки будут развиваться в сугубо партийно-идеологическом духе.³¹ Думаю, что идея развертывания археографических исследований была поддержана еще и из этих соображений.

Сомнения Н.Н. Покровского были отброшены. «Помню, — вспоминал Николай Николаевич, — как окончательно решали и решили этот вопрос мы с Зоей, прогуливаясь по Фрунзенской набережной и обходя милиционеров, — в Москве я не имел права сталкиваться с ними».³²

Сообщая о получении в конце 1964 г. в Новосибирске завещания Тихомирова, А.П. Окладников и В.А. Аврорин подчеркивали значение этого акта для развития гуманитарных наук: «Мы... были снова растроганы Вашей заботой о развитии наших наук в Сибири». И далее: «Что же касается конкретных дел, то наш Отдел согласен на работу Н.Н. Покровского над описанием Вашего собрания, и с начала нового финансового года мы найдем средства оплатить ему эту работу».³³ После этих опубликованных Шмидтом слов следует важное уточнение. «По всем вопросам, связанным с передачей рукописей Сибирскому отделению, мы просим Вас снестись с аспиранткой нашего Отдела Еленой Константиновной Ромодановской, которая с начала декабря будет работать в Москве и Ленинграде. Она, если Вы сочтете это возможным, может быть привлечена к любым работам по описанию Вашего собрания, т.к. специализируется в области древнерусской литературы, умеет работать с рукописями, и жаждет поработать под Вашим руководством над рукописями Вашего собрания».³⁴

²⁹ Трудовая книжка Н.Н. Покровского. Л. 2 (Личный архив академика Н.Н. Покровского).

³⁰ *Куперштох Н.А.* Становление и развитие исторических исследований в Сибири... С. 57.

³¹ Там же. С. 56.

³² *Покровский Н.Н.* [Отрывок из воспоминаний].

³³ *Шмидт С.О.* К предистории издания... С. 373.

³⁴ Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 448. Л. 6. Б. д.

Однако работу по подготовке передачи собрания и необходимым для этого описанием осуществляли сам М.Н. Тихомиров и Н.Н. Покровский.

Параллельно и одновременно усилия по развитию гуманитарных наук и, в частности, исторической науки предпринимались и в самом Академгородке. В 1964 г. начались археографические экспедиции Новосибирского университета под руководством Е.И. Дергачевой-Скоп и Е.К. Ромодановской. Огромную роль сыграл А.П. Окладников, о чем писал и Н.Н. Покровский.³⁵ Ряд действий был предпринят и М.М. Громыко, стремившейся привлечь в Сибирское отделение высококвалифицированных историков.³⁶ В марте 1961 г. она пригласила А.П. Пронштейна в Институт истории, который, по ее предположениям, должен был открыться в конце 1961 — начале 1962 г. Он писал М.Н. Тихомирову: «Я до того растерялся, что не знаю, как ей отвечать. Ведь третий раз придется менять направление всей работы. К тому же по Дону у меня накоплен большой материал и хочется его весь исчерпать. А там для этого не будет ни книг (архив я уже весь использовал), ни издательства, заинтересованного в публикации работ по истории Дона».³⁷ А.П. Пронштейн на предложение не согласился, да и институт был создан только в декабре 1966 г. Но имелись основания надеяться на его более быстрое открытие.³⁸

В официальном благодарственном письме Сибирского отделения за подписью М.А. Лаврентьева акад. М.Н. Тихомирову от 3 октября 1963 г. говорится: «Появление такого фундаментального собрания рукописей в Сибири будет существенно способствовать развитию гуманитарных наук в восточной части страны... В марте этого года в Сибирском отделении будет открыт Институт истории, философии и филологии. При институте будет открыт кабинет Вашего имени, научные сотрудники которого будут разрабатывать вопросы, связанные с использованием коллекции».³⁹

Решение М.Н. Тихомирова, о котором было «сообщено на заседании Археографической комиссии в декабре 1964 г.», в присутствии В.И. Шункова, А.И. Рогова и Н.Н. Покровского, вызвало сожаление

³⁵ Покровский Н.Н. Академик А.П. Окладников и развитие сибирской археографии // Гуманитарные исследования в Сибири: Итоги и перспективы. Новосибирск, 1984. С. 13–20.

³⁶ Куперитох Н.А. Становление и развитие исторических исследований в Сибири... С. 56.

³⁷ Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 507. Л. 119–119 об.

³⁸ Куперитох Н.А. Становление и развитие исторических исследований в Сибири... С. 56–57.

³⁹ Шмидт С.О. К предыстории издания... С. 374; Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 326а.

«о том, что коллекция не останется в Москве или Ленинграде — традиционных центрах изучения памятников древней письменности. М.Н. Тихомиров вынужден был отметить в письме к В.И. Малышеву: “Станем же выше наших московских и ленинградских симпатий, а вспомним о нашей необозримой стране” (письмо от 20 февраля 1965 г.)». ⁴⁰

А.П. Окладников знал о недовольстве коллег и писал М.Н. Тихомирову: «...Многие переживают это событие, с одной стороны, как большую утрату для старых культурных центров. А более дальновидные — как событие исключительного культурного значения для Сибири — страны будущего. Именно так расценивает его М.А. Лаврентьев. Он как-то сказал, подводя итог длительным размышлениям, по адресу нашему — историков и филологов, “Вы для нас — культура”!». ⁴¹ В том же письме сообщалось: «У нас, историков, событие большое — переехали в новое здание. И там есть комната, где уже сейчас прибита дощечка с надписью: “Кабинет им. М.Н. Тихомирова”. Это владение “феодалов” и никого туда больше не пустят. Кроме самого Михаила Николаевича, когда он снова посетит нас в Новосибирске». ⁴² И далее: «Что же касается до практических вопросов, то Т.Ф. Горбачев, зампред. Президиума (sic) СО АН, сказал, что будет сделано все, чтобы выполнить Ваши пожелания». ⁴³ А.П. Окладников сообщал М.Н. Тихомирову 31 мая 1965 г.: «М.А. Лаврентьев сдержал свое слово, данное Вам, — Президиум СО АН СССР выделил нам ставку для Н.Н. Покровского». ⁴⁴

Впервые Н.Н. Покровский приехал в Новосибирск в феврале 1965 г., привезя описанную часть собрания ⁴⁵ (остальные рукописи, старопечатные книги и документы «в порядке исполнения завещания» Тихомирова попали в Новосибирск в сентябре того же года ⁴⁶). Николай Николаевич вспоминал: «Было решено, что коллекцию повезу я по железной дороге, в помощь мне прислали двух сотрудников ГПНТБ СО АН. Упаковка, опечатание, составление списков прошли нормально. И вдруг возникла трудность финансовая. Мы снимали для перевозки два железнодорожных купе скорого поезда, нужны были наличные деньги, равно как и на транспортировку коллекции к

⁴⁰ Шмидт С.О. Памяти учителя... С. 15.

⁴¹ Там же. С. 16.

⁴² Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 448. Л. 5.

⁴³ Там же. Л. 8.

⁴⁴ Шмидт С.О. К предыстории издания... С. 374.

⁴⁵ Там же. С. 373.

⁴⁶ Рогов А.И., Покровский Н.Н. Собрание рукописей... С. 168.

платформе Казанского вокзала. Я отправился к М.А. Лаврентьеву. Он тотчас принял меня в своем кабинете в здании Президиума АН. Выслушав мой рассказ, он без слов вынул из сейфа тысячи две рублей и протянул их мне. Я впервые держал в руках такие деньги. Не дав мне написать расписку, он коротко сказал — отчитаетесь по документам в Академгородке. И вот я стою на платформе вокзала рядом с тележками, нагруженными коробками с книгами. Я последний раз выслушиваю А.И. Рогова и В.Б. Павлова-Сильванского об особенностях экспедиционной работы в Сибири и на Дальнем Востоке. Мы размещаем коробки в вагоне, еще раз пересчитываем их, и друзья мои уходят. Путешествие прошло нормально... 13 февраля 1965 г. я смог отправить Михаилу Николаевичу телеграмму: «Доехал благополучно. Рукописи все помещены хорошо в полной сохранности. Коля»». ⁴⁷

Н.Н. Покровский 26 июля 1965 г. был принят исполняющим обязанности младшего научного сотрудника в Отдел гуманитарных исследований Института экономики ⁴⁸ и окончательно переехал в Академгородок. О том, насколько непростой была ситуация, говорит тот факт, что в должности он был утвержден только 5 мая 1967 г., ⁴⁹ т.е. почти через два года.

Последнее письмо Н.Н. Покровского М.Н. Тихомирову датировано 11 августа 1965 г. Большая часть его уже печаталась, ⁵⁰ приведу несколько фрагментов, выделив курсивом публикуемое впервые. *«По работе у меня здесь пока больших новостей нет, так как тут все в отпусках. Неясно, в частности, что я буду читать в университете — XIX век или ранний феодализм. Я, конечно, возьму тот курс, о котором мне скажет Алексей Павлович, но у него самого, кажется, некоторые колебания: что для кафедры будет удобнее? Сейчас он в экспедиции. На пару дней здесь появилась Марина Михайловна Громыко, которая теперь является моим непосредственным начальством, так как руководит здесь всем феодализмом. Она дала мне некоторые поручения, связанные с текущей институтской работой (внутреннее редактирование и т.д.), поручила знакомиться с литературой по сибирскому расколу, в значительной мере в связи с собирательской работой. Более серьезные институтские планы будут в начале сентября, когда все придут из отпуска... Я осваиваю пока изрядную по объему литературу, посвященную феодализму Сибири. Живу я сейчас в общежитии; где-то в конце сентября должны сдать дом строители, тогда я получу*

⁴⁷ Покровский Н.Н. [Отрывок из воспоминаний]. Текст телеграммы впервые опубликован С.О. Шмидтом: Шмидт С.О. К предыстории издания... С. 373.

⁴⁸ Трудовая книжка Н.Н. Покровского. Л. 2–3.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Шмидт С.О. К предыстории издания. С. 374–375.

*там квартиру и заберу семью. Я очень и очень доволен этим моим переездом, ради которого Вы приложили столько усилий... Вот, кажется, основное из моих здешних дел. Академгородок мне очень нравится. Главное, обстановка в Институте у Окладникова весьма благоприятная для настоящей научной работы, только бы человек работал по-настоящему. Еще раз огромное спасибо Вам за все это. Я надеюсь, что когда я получу квартиру, мне разрешат приехать за семьей и я смогу тогда рассказать Вам лично, как дальше идут здесь дела».*⁵¹

«Акция» М.Н. Тихомирова оказалась вполне успешной. «Отцы-основатели» Академгородка признали значение исторической науки, в Сибирском отделении Академии наук был создан признанный в мире археографический центр, а Н.Н. Покровский не раз повторял, что М.А. Лаврентьев поддерживал его в разных трудных ситуациях.⁵²

В завершение приведу слова из уже цитировавшихся воспоминаний Н.Н. Покровского: «Я никогда не пожалел о сделанном нами тогда выборе и не уехал из Сибири, когда к тому уже были московские возможности».⁵³

⁵¹ Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 483. Л. 4–6.

⁵² Путешественник за редкими книгами. С. 75; Зольникова Н.Д. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Николай Николаевич Покровский. М., 2010. С. 10. (Материалы к биобиблиографии ученых: История. Вып. 34).

⁵³ Покровский Н.Н. [Отрывок из воспоминаний].

В.М. ЛУРЬЕ

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ «РУССКОЙ» ЕСФИРИ:
ЕВРЕЙСКИЙ → ГРЕЧЕСКИЙ ЭПОХИ
ЭЛЛИНИЗМА → СИРИЙСКИЙ → СЛАВЯНСКИЙ**

д-р филос. наук,
Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Пермь
«Scrinium: Journal of Patrology
and Critical Hagiography», Leiden
e-mail: hieromonk@gmail.com

Древнейший славянский перевод книги Есфирь имеет близкое сходство с еврейским масоретским текстом и сильно отличается от обеих греческих редакций. Вопрос о языке оригинала славянского перевода остается спорным с 1890-х гг. по настоящее время. Предположения о еврейском и о греческом оригинале имеют свои сильные стороны и свои недостатки. Для разрешения этих проблем в статье обосновываются два новых положения: о том, что славянский перевод делался с сирийского, который был переведен с недошедшего до нас греческого, и о том, что утраченная греческая редакция должна быть отнесена к эллинистической эпохе.

Ключевые слова: Книга Есфирь, славянские переводы Библии, иудаизм периода Второго Храма, славянские переводы с сирийского.

1. Введение

Древнейший славянский перевод книги Есфирь часто называют «русским» потому, что он известен только в рукописях русского происхождения (количество известных полных списков — 31).¹ Критического издания, которое должно было бы учесть весь этот материал, до сих пор не существует, хотя книге уже трижды посчастливилось стать объектом научного издания: в 1978, 1998 и 2001 гг.²

¹ Lunt H.G., Taube M. The Slavonic Book of Esther: Text, Lexicon, Linguistic Analysis, Problems of Translation. Harvard, 1998. P. 11–12. (Harvard Series in Ukrainian Studies). Далее — LT 1998.

² Мещерский Н.А. Издание текста древнерусского перевода Книги Есфирь // *Dissertationes slavicae*. Vol. 13. [Szeged], 1978. P. 131–164. Посмертная публикация, подготовленная А.А. Алексеевым. В настоящее время представляет ценность только для истории науки. Подробная критика этого издания: LT 1998. P. 249–253.

LT 1998. Это издание во многом инструментально: в подробных примечаниях к тексту издатели обосновывают свою точку зрения на происхождение перевода.

Как всякий текст, дошедший только в русских рукописях и при этом не содержащий явных признаков русского происхождения, славянская Есфирь стала предметом оживленной или даже ожесточенной полемики о месте и времени перевода. Но и сам текст в этой славянской редакции необычный, и о его происхождении также можно поспорить. На фоне двух общеизвестных греческих редакций Есфири бросается в глаза почти полное сходство славянского перевода с масоретским еврейским текстом (обе греческие редакции от него значительно отличаются, а большинство средневековых христианских переводов восходят к известным греческим текстам). Еще не так давно в литературе было обычным утверждение о тождестве масоретской и славянских редакций, и только в 1995 г. Александр Кулик ясно показал, насколько это утверждение ошибочно.³ Различия между масоретской и славянской редакциями весьма важны содержательно (и нам еще придется на этом остановиться).

Самый первый и главный из спорных вопросов, связанных с древнейшим славянским переводом Есфири, — вопрос о языке оригинала славянского перевода: был ли это еврейский язык непосредственно или же утраченный для нас греческий текст, который был переводом с еврейского? Никакая третья гипотеза относительно трансмиссии текста в литературе пока что не обсуждалась.

Несмотря на априори более высокое правдоподобие «греческой» гипотезы, нежели «еврейской» (поскольку язык оригинала подавляющего большинства славянских переводных произведений греческий), она появилась гораздо позже. Еще в 1842 г. А.Х. Востоков отметил поразительное сходство между славянской Есфирью и масоретской редакцией, сформулировав «еврейскую» гипотезу впервые.⁴ До самого конца XIX в. она воспринималась некритически, причем

Люсен И. Книга Есфирь. К истории первого славянского перевода. Uppsala, 2001 (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia, 41). Далее — Люсен 2001. Издание основано на 9 рукописях и дает пока наиболее полное представление о дошедшем текстологическом материале. Обращаясь к тексту славянской Есфири, мы будем иметь в виду это издание.

³ Кулик А.О. О несохранившемся греческом переводе книги Есфирь // Славяноведение. 1995. № 2. С. 76–79; Kulik A. Judeo-Greek Legacy in Medieval Rus' // Viator. 2008. Vol. 39. P. 51–64, особ. 58–62. Одновременно вышла работа А.А. Архипова с подробным анализом тех мест, где славянский перевод Есфири отклонялся от известных греческих и еврейского, однако без серьезных «литургических» («галахических») выводов о различии в самих еврейских традициях, породивших разные редакции: Архипов А.А. По ту сторону Самбатина: Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X–XVI веках. Oakland, CA, 1995. С. 241–263.

⁴ Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музея. СПб., 1842. С. 35, № XXX: «Замечательно, что книга Есфирь переведена с еврейского, и по-видимому в России, однако же в весьма давнее время» (за этим следует несколько замечаний о русицизмах в лексике).

даже А.И. Соболевский, будущий автор «греческой» гипотезы, воспроизводил ее в своем лекционном курсе 1892–1893 гг.⁵ В монографии 1903 г. А.И. Соболевский тем не менее впервые включил Есфирь в список вероятных переводов с греческого.⁶ Другие ученые той же эпохи, прежде всего такой крупнейший авторитет, как И.Е. Евсеев, продолжали отстаивать «еврейскую» гипотезу.⁷

В 1950-е гг. дискуссию возобновил Н.А. Мещерский,⁸ поддержанный своим учеником А.А. Алексеевым; последний и в настоящее время является одним из двух, наряду с И. Люсен, главных защитников «еврейской» гипотезы.⁹ «Вызов» Н.А. Мещерского и А.А. Алексеева в 1980-е гг. был принят М. Альтбауэром, Г. Лантом и М. Таубе. Спор шел сразу по нескольким произведениям, которые Н.А. Мещерский и А.А. Алексеев считали прямыми переводами на славянский с еврейского, а их оппоненты — переводами, сделанными через греческий текст-посредник.¹⁰ Однако среди этих спорных произведений именно

⁵ Цит. по: Алексеев А.А. Еще раз о Книге Есфирь // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1 (5). С. 186. Далее — Алексеев 2003.

⁶ Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 433–436, особ. 435–436.

⁷ Евсеев И.Е. Заметки по древнеславянскому переводу Св. Писания // Изв. Императорской Академии наук. 1898. Т. 8, № 5. С. 329–344, особ. с. 339–344. Далее — Евсеев 1898. Заметка представляет собой реакцию на устный доклад А.И. Соболевского 1897 г., ставший известным И.Е. Евсееву в печатном (анонимном) изложении отчета о заседании Общества любителей древней письменности 7 марта 1897 г.: Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. 1897. Т. 5. С. 203–205, особ. с. 204. В монографии 1903 г. А.И. Соболевский не привел существенно новых аргументов в пользу «греческой» гипотезы, а о наличии критики со стороны И.Е. Евсеева даже не упомянул.

⁸ Мещерский Н.А. К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода // Ученые записки Карельского педагогического института. 1956. Т. 2. № 1. С. 198–219; перепеч: Мещерский Н.А. Избранные статьи. СПб., 1995. С. 271–299. В этой статье «еврейская» гипотеза о происхождении славянского перевода Есфири представлена на широком фоне «научного мифа», как назвали его Г. Лант и М. Таубе, о существовании школы переводчиков с еврейского на славянский в домонгольском Киеве; ср. LT 1998, p. 247: «Unfortunately, a scholarly myth (such as the hypothesis of a school of translators in Kiev in the eleventh century) too often becomes a sacrosanct dogma, zealously repeated as an act of faith and defended as a badge of national identity». Моя собственная критика подхода Мещерского–Алексеева представлена в: *Lourié B. Slavonic Pseudepigrapha, Nubia, and the Syrians // The Other Side: Apocryphal Perspectives on Ancient Christian «Orthodoxies»*. Göttingen, 2017. P. 225–250, особ. 227–230.

⁹ Его последняя работа по теме Есфири, содержащая какую-либо новую аргументацию, — Алексеев 2003 (полемиическая статья-ответ на LT 1998 и Люсен 2001).

¹⁰ Наиболее важные образцы их полемики до 1998 г.: Алексеев А.А. Переводы с древнееврейских оригиналов в Древней Руси // *Russian Linguistics*. 1987. Vol. 11. P. 11–20; *Lunt H., Taube M. Early East Slavic Translations from Hebrew? // Russian Linguistics*. 1988. Vol. 12. P. 147–187; *Lunt H., Taube M. The Slavonic Book of Esther: Translation from Hebrew or Evidence for a Lost Greek Text? // Harvard Theological Review*. 1994. Vol. 87. P. 347–362.

Есфири было уделено самое почетное место, и именно Есфирь была издана Г. Лантом и М. Таубе с подробным исследованием уже в итоге этих дискуссий, в 1998 г.

В то время со стороны могло показаться, что «еврейская» гипотеза окончательно разгромлена во мнении научного консенсуса, но ситуацию почти сразу переломила И. Люсен, выпустившая в 2001 г. монографическое исследование о славянской Есфири с новым и наиболее полным (не только на тот, но и на настоящий момент) изданием рукописного материала.¹¹ Признавая несостоятельность аргументации Н.А. Мещерского и А.А. Алексева, И. Люсен выдвинула свою собственную версию «еврейской» гипотезы, вскрыв также серьезные трудности в «греческой» гипотезе Г. Ланта и М. Таубе.

Монографии И. Люсен 2001 г. и Г. Ланта и М. Таубе 1998 г. не аннигилировали, но образовали неустойчивое равновесие. В сумме они показали, что обе гипотезы имеют как серьезные аргументы в свою пользу, так и серьезные нерешенные проблемы. Среди ныне здравствующих ученых главными сторонниками «греческой» гипотезы являются М. Таубе и А. Кулик, а «еврейской» гипотезы — А.А. Алексеев¹² и И. Люсен.

Язык оригинала славянского перевода — не единственная спорная тема. В зависимости от того или иного ответа на данный вопрос выдвигаются гипотезы второго порядка — относительно места и времени перевода. Современные сторонники «греческой» гипотезы оставляют этот вопрос практически открытым, и только лишь отказываются верить в гипотезу И.Е. Евсева, а затем и Н.А. Мещерского и А.А. Алексева о происхождении перевода в Киевской Руси.¹³ И. Люсен настаивает на Рутении не ранее XIII в. (то есть незадолго до появления древнейших из сохранившихся рукописей ок. 1400 г.), но А.А. Алексева ее аргументы не убеждают.¹⁴

¹¹ Люсен 2001.

¹² См. особо: Алексеев 2003.

¹³ Трудно удержаться от соблазна повторить замечательную формулировку Г. Ланта и М. Таубе: «At some time between 863 and about 1375, at some place in the Christian Orthodox Slavic world, this Greek Esther was translated into the written Slavic appropriate to the time and place» (LT 1998, p. 7).

¹⁴ Алексеев 2003, с. 205 и след.

2. «Пост Есфири» 13 адара

До А. Кулика никто из ученых не занимался анализом содержательной специфики славянского перевода по отношению к масоретской редакции.¹⁵ А. Кулику удалось сделать одно наблюдение, которое он и сам посчитал весьма важным, но все же не смог сделать из него всех необходимых выводов и даже в некоторых своих выводах ошибся.¹⁶

Именно в Есф. 9:17, где все редакции Есфири¹⁷ упоминают даты 13 и 14 адара, о 14 адара сказано как о праздничном дне, а о 13 адара почти все редакции упоминают как о дне, когда евреи еще продолжали убивать своих врагов. Только «русская» редакция дает в этом месте неожиданное чтение по поводу 13 адара: «в день 13 мѣсяца адара говѣху» — «в 13 день месяца адара постились».¹⁸

А. Кулик справедливо отмечает, что такое разночтение могло возникнуть только в иудейской среде, где книга Есфирь еще не лишилась своей литургической функции, оставаясь «свитком», читае-

¹⁵ Фразеология славистов нередко следовала формулировкам И.Е. Евсеева: «...Славянский перевод в сборниках XV в. буквально воспроизводит со всеми тончайшими особенностями текст масоретов»; «очная ставка славянского перевода с еврейским текстом не оставляет никакого сомнения, как мы заявили, что переводчик имел перед глазами оригинал масоретский» (Евсеев 1898, с. 341). Н.А. Мещерский выражался в таком же роде («Еврейский так называемый масоретский текст этой книги, по объему и содержанию вполне совпадающий с древнерусским...»; относительно «зависимости» славянского от масоретского: «отдельные же незначительные отклонения только подтверждают эту зависимость»; Мещерский Н.А. Избранные статьи. С. 272, 284), так что А.А. Алексею приходилось потратить довольно много места, защищая Н.А. Мещерского от критики Ф. Томсона и пытаясь показать, что Мещерский все-таки отдавал себе отчет в серьезности различий между славянским и еврейским текстами (Алексеев 2003, с. 209–210, прим. 28).

¹⁶ Kulik A. Judeo-Greek Legacy... P. 60–61.

¹⁷ Говоря о «всех редакциях», я буду иметь в виду основные древние независимые (хотя бы окказионально) редакции: еврейскую масоретскую, две греческих, два арамейских таргума (часто говорят о трех, а не двух таргумах, но для наших целей небольшими различиями между первым и третьим можно пренебречь), сирийский перевод в Пешитте, фрагментарно сохранившийся перевод *Vetus Latina* и латинский перевод Вульгаты.

¹⁸ Чтение сохранилось во всех рукописях, которые имеют репутацию наиболее надежных в глазах исследователей. Вопреки сомнениям в исконности этого чтения, высказанным в ЛТ 1998 (р. 132) на основании его отсутствия в специфической и известной из единственной рукописи Тихонравовской редакции и Люсен 2001 (с. 215) на основании прежде всего отсутствия у него параллелей в других известных редакциях, что не является логически корректным заключением, так как предполагает неясную посылку о том, что данный перевод *должен* не отклоняться по смыслу от известных редакций, его, вслед за Алексеев 2003 (с. 202), следует признать исконным. Чтение некоторых рукописей «то бѣху», которое в ЛТ 1998 (р. 132) отвергается как «inarrhorigiate», вызывает у Люсен 2001 (с. 215) больше доверия, но, подчеркнем, под влиянием ее нежелания мириться с резким смысловым отклонением славянской редакции.

мым целиком на праздник Пурим. Это соображение я могу только дополнительно акцентировать, исходя из общих принципов критической агиографии: Есфирь — это этиологическая легенда, созданная для обоснования определенной литургической практики, а поэтому точные даты в ней (в рамках литургического года, разумеется, а не абсолютной хронологии) являются ее «агиографическими координатами» времени и гораздо важнее — и текстологически стабильнее — самого сюжета.¹⁹ Поэтому появление поста на 13 адара — это свидетельство существенной эволюции соответствующей литургической традиции.

Но о какой именно еврейской традиции речь? Для А. Кулика нет сомнения, что о традиции раввинистической и талмудической, где 13 адара как раз и положен пост перед праздником Пурим, который называется в этой традиции «пост Есфири». Но в раввинистической традиции этот пост появляется не сразу, а только в VIII в.,²⁰ тогда как раньше на этом месте был отнюдь не пост, а праздник, День Никанора (2Мак 15:36), засвидетельствованный, в частности, в таких авторитетных раввинистических источниках, как «Мегилла Та'анит» («Свиток поста», I в. н.э.) и трактат «Та'анит» Вавилонского талмуда (18b). Это заставляет А. Кулика, сторонника «греческой» гипотезы, в пользу которой он сам нашел несколько новых аргументов, датировать греческую редакцию переведенного на славянский текста временем не ранее VIII в. и атрибутировать ее грекоязычной еврейской среде.

Однако, как справедливо отметил А.А. Алексеев,²¹ это наблюдение А. Кулика создает для «греческой» гипотезы дополнительные трудности. Кому могло бы понадобиться в столь позднюю эпоху делать прямой перевод с еврейского на греческий? Ведь времена эллинистического иудаизма давно прошли. Да, в средневизантийскую эпоху делались библейские переводы с еврейского на греческий для нужд византийских евреев,²² но они записывали греческие слова еврейскими

¹⁹ Подробнее об этом и о понятии «агиографических координат», введенном Ипполитом Делез в 1930-е гг., см.: *Лурье В.М.* Введение в критическую агиографию. СПб., 2009.

²⁰ Памятник, который А. Кулик, вслед за традиционной системой еврейского религиозного образования, упоминает в качестве самого раннего свидетельства о «посте Есфири», в действительности гораздо более поздний, но упоминание этого поста имеется и в аутентичном памятнике VIII в.; см.: *First M.* The Origin of Ta'anit Esther // Association for Jewish Studies Review. 2010. Vol. 34. P. 309–351.

²¹ Алексеев 2003, с. 202, ср. с. 193.

²² *de Lange N.* The Greek Bible Translations of the Byzantine Jews // The Old Testament in Byzantium. Washington, 2010. P. 39–54. Все рукописи сделанных византийскими иудеями библейских переводов (среди которых однако нет книги Есфирь) доступны на сайте «The Greek Bible in Byzantine Judaism», созданном под руководством Nicholas de Lange: <http://gbbj.org/texts/index.html>.

буквами, вследствие чего не могла бы возникнуть систематическая передача *шин* через *слово*, как мы это видим в славянском переводе. Если же предположить, что перевод на греческий мог быть сделан византийскими христианами (подобные случаи неизвестны, но нельзя исключать *a priori*), то тогда невозможно представить, почему на славянский язык стали бы переводить именно эту редакцию, которая могла быть переведена на греческий разве что с научными целями, а не принятый в церковной традиции греческий текст.

Вместе с А.А. Алексеевым необходимо признать, что столь поздняя датировка гипотетического текста-посредника на греческом языке создает для «греческой» гипотезы труднопреодолимые затруднения.

Напомним однако, что поздняя датировка гипотетической греческой редакции возникает вследствие неявного допущения, будто «пост Есфири» в раввинистическом иудаизме является оригинальным изобретением раввинов раннего гаонического периода. Но есть доказательство того, что это не так: раввины послеталмудической эпохи заимствовали практику, сложившуюся в грекоязычном эллинистическом иудаизме Александрии.

В современной практике Эфиопской церкви сохраняется древняя система расчета пасхалии и связанных с ней церковных праздников, основу которой составляет схема так называемых «еврейских праздников» (в действительности там учитываются как праздники, так и посты). Сама эта система восходит к практике Александрийской церкви, которая в ней самой была утрачена едва ли не к концу IV в. О. Нейгебауэр предположительно датировал использованный в ней александрийский еврейский календарь III в. н.э., но я бы сказал, что это, скорее, *terminus ante quem*, а реальная датировка должна быть еще более ранней.²³ Как бы то ни было, бесспорным является отнесение этого еврейского календаря к эллинистической эпохе.

Один из «еврейских праздников» (точнее, в данном случае, постов), упомянутых в эфиопской системе расчета, — «пост Есфири». Его место в теоретическом еврейском календаре сместилось с весны на осень, но такая деформация календаря имеет в источнике систематический характер, и связь «праздника» (т.е. поста) с Пуримом прослеживается отчетливо, на что и указал О. Нейгебауэр.

Еще одной важной особенностью этого сохранившегося только по-эфиопски александрийского еврейского календаря является пол-

²³ Neugebauer O. *Ethiopic Astronomy and Computus*. Wien, 1979. S. 144–145 (Öster. Akad. d. Wiss. Phil.-hist. Kl. Sitzungsberchte, Bd. 347; Veröffentlichungen der Kommission für Geschichte der Mathematik, Naturwissenschaften und Medizin, H. 22); *Loulié B. Computus // Encyclopaedia Aethiopica*. Vol. 1: A–C. Wiesbaden, 2003. P. 784–787.

ное отсутствие маккавейских памятей, то есть не только Дня Никанора, но даже Ханукки.

Можно сделать вывод, что празднования Никанорова дня и «пост Есфири» представляют собой разные литургические традиции иудаизма периода Второго Храма: в первом случае — палестинскую, во втором — александрийскую. Раввинистическая традиция вплоть до конца талмудического периода следовала первой, но потом переключилась на вторую.

Таким образом, если промежуточная редакция на греческом языке все-таки существовала, то она должна была происходить из эллинистической Александрии, то есть оттуда, откуда и происходят все библейские переводные произведения на греческом языке. Все подобные переводы были утрачены традицией раввинистического иудаизма, а сохранялись исключительно христианами. Для перевода подобного текста на славянский язык уже не потребовалось бы никакого еврейского вмешательства и вообще никакого контакта славян с евреями. Появление славянского перевода оказывается исключительно внутрехристианским делом.

Теперь наблюдение А. Кулика относительно смыслового разночтения в стихе 9:17 не понижает, а существенным образом повышает правдоподобие «греческой» гипотезы. Гипотетический греческий текст при этом все равно остается еврейским по религиозной принадлежности, но уже не раввинистическим, а эллинистическим.

3. Методологическое замечание

Перед тем, как переходить к обсуждению текстологического материала, необходимо подчеркнуть следующее. Не только сторонники «еврейской» гипотезы, но и вообще любые исследователи признают, что в конечном итоге текст славянского перевода Есфири восходит к некоторому тексту на еврейском языке. Спорным является только наличие или отсутствие текстов-посредников на греческом или (тут я добавлю от себя) иных языках.

Это означает, что, независимо от справедливости той или иной гипотезы, славянский текст должен быть насыщен разного рода семитизмами. Наиболее полный их анализ представлен в монографии И. Люсен. Но подавляющее большинство этих семитизмов, особенно синтаксических, совершенно не влияет на сравнительное правдоподобие гипотез о языке оригинала. Если некий семитизм (например, в синтаксисе или в ошибках перевода) таков, что мог быть протранслирован через греческий язык, то он для нас неинформативен, и его следует просто вынести за скобки. Разумеется, подавляющее большинство семитизмов славянского перевода именно таковы.

Для решения вопроса о сравнительном правдоподобии разных гипотез относительно языка оригинала нам нужно будет рассматривать только такие семитизмы, которые не могли быть протранслированы через греческий язык (а также, разумеется, только такие «странности» славянского текста, которые могли возникнуть лишь на греческой почве²⁴). В основном, речь пойдет об особенностях фонетики в передаче имен собственных.

4. «Главные» фонетические особенности

Перевод имеет две наиболее обсуждаемых фонетических особенности. Ввиду их исключительной важности для решения вопроса о языке оригинала я буду называть их «главными».

1. Систематическая передача еврейской буквы *шин* славянской буквой *слово*. Пример: שִׁין־שָׁרָאֵס ахасъверосъ (*passim*).

2. Несистематическая, но заметная тенденция к передаче еврейской буквы *тав* также славянской буквой *слово*. Пример: אֶסְפָּאֶס аспасъ (9:11).

Обсудим эти особенности по отдельности.

4.1. /š/ > /s/

Это характернейшая черта любых переводов с семитских языков, прошедших через фильтр греческого перевода-посредника. Она бросается в глаза и является наиболее очевидным доводом в пользу «греческой» гипотезы еще со времен А.И. Соболевского.

Но оказалось, что здесь не все однозначно. А.А. Алексеев, а затем особенно И. Люсен²⁵ связали эту черту с особенностью фонетики ашкеназского еврейского произношения, в которой *шин* произносилась как /s/ вплоть до XIII в., а в некоторых местностях, включая Рутению, и вплоть до XX. Возвращение ашкеназов к историческому произношению *шин* как /š/ началось уже в XI в., но происходило неравномерно, в разных местностях по-разному.

Такое объяснение особенно хорошо, едва ли не лучше, чем для собственной гипотезы И. Люсен, подходит для гипотезы Евсева–Мещерского–Алексеева: о географии особенностей ашкеназского произношения в XI–XIII вв. мы знаем достаточно мало, чтобы гипотеза о подобном произношении у киевских евреев XI в. не пришла в противоречие ни с какими известными данными. Впрочем, хотя

²⁴ См. особенно: *Kulik A. Judeo-Greek Legacy...* P. 59. На этих особенностях текста я не буду останавливаться, так как я полностью согласен с той их трактовкой, которая предложена А. Куликом, а возражения на эти аргументы от сторонников «еврейской» гипотезы мне неизвестны.

²⁵ Люсен 2001, с. 287–290.

отсутствие противоречия с известными данными полезно любой гипотезе, но отсутствие противоречия с отсутствующими данными не является особенно сильным аргументом в ее пользу.

4.2. /t/ > /s/

Спорадическая транслитерация еврейской *tav* славянским словом до сих пор рассматривалась как отражение ашкеназского еврейского произношения даже сторонниками «греческой» гипотезы. Однако, как заметила И. Люсен, ашкеназское произношение приобретает эту особенность лишь с XIII века, а потому несовместимо с «киевским» вариантом «еврейской» гипотезы.²⁶

Еще более сильно такая датировка ашкеназского произношения *tav* бьет по «греческой» гипотезе. Сами ее нынешние сторонники соглашаются с тем, что это едва ли не главная трудность. Чтобы хоть как-то ее обойти, Г. Лант и М. Таубе постулировали *ad hoc* более раннее и пока что нигде не зафиксированное соответствующее изменение фонетики еврейского языка.²⁷ Само собой, что за это они подверглись жесткой критике со стороны И. Люсен.

Думаю, очевидно, что в данном вопросе баланс правдоподобий склоняется в пользу «еврейской» гипотезы, хотя только лишь в ее «рутенском» варианте, предложенном И. Люсен.

4.3. Передача *алефа* через *-ан*

Надо упомянуть и об одной «второстепенной», с интересующей нас точки зрения, особенности перевода, которую Люсен считает фонетической. Это добавление конечного *n* (*ныне*) в тех именах собственных, которые в оригинале заканчиваются на *алеф*. Люсен видит здесь отражение нозализации в ашкеназском произношении.²⁸

Эта особенность встречается только в одном стихе Есфири (1:10) в составе следующего списка имен семи евнухов:

מְהוּמָן	Емоуоуманъ
בִּזְסָן	Визъсанъ
חַרְבוּנָן	харвоу(ва/на)нъ
בִּגְפָן	вигъфанъ
וַאֲבַחְפָן	(ва)авахфанъ
זַוִּיחַרְפָן	завихфаръ
וַרְכוּחָס	Варкохасъ

²⁶ Люсен 2001, с. 285–286, особ. обширное прим. 49, посвященное критике объяснения этого явления в LT 1998, р. 148–149.

²⁷ У «pre-Sephardic Jews in the Balkans and in Byzantium», о еврейском произношении которых мы ничего не знаем (LT 1998, р. 149, fn. 33).

²⁸ Люсен 2001, с. 286, 290, 292.

В первом из этих имен конечное *-нъ* славянского перевода отражает конечный *нун* еврейского имени, но в четырех следующих именах славянскому конечному *-анъ* соответствует в еврейском *алеф*.

Едва ли однако следует связывать эту нозализацию с ашкеназским произношением, поскольку она прослеживается и в списках греческой редакции Септуагинты (в Лукиановой редакции греческого текста списка имен евнухов нет вообще). А именно, для первых трех имен масоретского текста мы имеем следующие формы: Αμαν, Βαζαν (обе формы приняты в качестве основных чтений в критическом издании, хотя для второго имени в рукописях встречаются формы без конечной нозализации), Χαρβωνα / Αρβωνα / Αρβων (имя встречается только в вариантах рукописей). Для следующих двух имен более или менее точные эквиваленты встречаются только в некоторых греческих рукописях, и они без нозализации, но в большинстве греческих рукописей появляются еще два имени, Θαρρα и Βωραζη, которые в некоторых рукописях имеют формы Θαρραν и Βωραζην.²⁹ Этого материала достаточно, чтобы получить возможность атрибутировать наши нозализированные формы имен эллинистической эпохе.

5. «Сирийская» гипотеза

Разобрав имеющиеся гипотезы, я выдвину свою собственную — «сирийскую»: греческий текст-посредник существовал, но при этом между ним и славянским переводом стоял еще один текст-посредник, на сирийском языке. Греческий текст являлся еврейским, но принадлежал еще эллинистической эпохе (Александрия), а сирийский был создан христианами.

Эта гипотеза, как мне кажется, дает наилучшие решения для тех проблем, которые обсуждались прежде, а также для некоторых других, которые пока что почти не обсуждались.

Что касается «главных» фонетических проблем, то новая гипотеза дает следующие решения. Для замены *шин* на *слово* решение очевидно: это след греческого текста-посредника. При переводе с греческого на сирийский он должен был сохраниться.

Объяснение *спорадической* передачи *тав* через *слово* гораздо менее тривиально. Важно отметить сам факт спорадичности: будь это черта ашкеназского происхождения, следовало бы ожидать не спорадичности, а систематичности (аналогично передаче *шин* через *слово*, которую мы в этом случае тоже должны были бы считать особенностью ашкеназского произношения). Но я связываю эту особенность

²⁹ См. текст и аппарат в издании: Esther. Göttingen, 1966. P. 138 (Vetus Testamentum Graecum Auctoritate Academiae Litterarum Göttingensis editum, vol. XIII, 3).

с фонетикой некоторых сирийских диалектов, где такая особенность возникает именно спорадически.

Среди таких новоарамейских диалектов, которые уже описаны лингвистами достаточно полно, такая черта свойственна лишь диалекту иудеев из района города Захо в северо-западном Ираке (и не свойственна новоарамейскому диалекту тамошних христиан), причем, там она имеет не спорадический, а систематический характер.³⁰ Однако, именно в качестве спорадической она отмечена в христианском новоарамейском диалекте тал.³¹

«Сирийская» гипотеза дает также ключ к трем «второстепенным» проблемам славянского перевода.

1. Имя царицы Вашти (𐤕𐤓𐤕) в двух древнейших рукописях славянского перевода³² в одном случае (Есф. 2:17) искажено таким образом, что начальной буквой вместо обычного *в* становится *м*.³³ Это явная ошибка, так как даже в этих же рукописях обычно имя царицы не имеет такой аномалии. Для всех видов славянской и греческой графики путаница между соответствующими графемами нехарактерна. Зато она весьма характерна для сирийского, особенно для «монофизитского» полуустава серто: в нашем случае это означало бы смешение начальных (крайних справа) букв в словах ܡܥܬܝܐ «Масти» и ܡܥܬܝܘܐ «Васти». В эстрангело (сирийском уставном письме) смешение начальных букв также вероятно, но в несколько меньшей степени. Ошибку в графике мог допустить как писец той рукописи, с которой делался славянский перевод, так и сам переводчик, неверно прочитавший рукопись.

2. Имя одного из царских евнухов встречается дважды в тексте Есфири в следующих формах (в греческих редакциях его нет):

³⁰ Sabar Y. The Christian Neo-Aramaic Dialects of Zakho and Dihok: Two Text Samples // Journal of the American Oriental Society. 1995. Vol. 115. P. 33–51, особ. 34, fn. 8. Мне осталась недоступна книга *Avenery I. The Aramaic Dialect of the Jews of Zakho. Jerusalem, 1988* (на иврите).

³¹ За эти пока неопубликованные сведения приношу особую благодарность специалисту по истории и диалектам арамейского языка А. Лявданскому. Его информант, носитель диалекта тал, происходит из турецкой деревни Хаккари.

³² Q = РНБ, Q.I.2, начало XV в.; T = РГБ, ф. 304/1, № 2/2027, ок. 1400 г.; остальные рукописи существенно более поздние, не ранее конца XV в.

³³ «...и створи ю царицю въ Мастиѣ/Мастѣѣ [Q/T] мѣсто»; Люсен 2001, с. 96; LT 1998, р. 31; ср. Люсен 2001, с. 292, прим. 57.

Есфирь	МТ	Таргумы 1 и 3	Таргум 2	Пешитта	Славянский
2:21	בִּגְתָן Bigthan	בגתן	בגתנא	ܒܓܬܢܐ	бихванъ (и др., с начальным б-)
6:2	בִּגְתָנָא Bigthana	בגתן	בגתנא	ܒܓܬܢܐ	вихвана/нъ? (и др., с начальным в-)

В еврейском тексте оно имеет чуть разные формы. В первом случае славянский текст сохраняет семитскую начальную согласную /b/, в то время как при греческом посредстве из нее должна была бы образоваться /v/, которую мы и видим во втором случае.³⁴ Но в сирийском семитское /b/ сохранялось всегда при переводах с еврейского (как мы это и видим для нашего имени собственного в Пешитте), но могло сохраниться и при переводах через греческий текст-посредник, так как греческая β часто передавалась сирийской *бет*, хотя могла передаваться также и сирийской *вав*.³⁵ Такой разницей как раз и соответствует той картине, что являет славянский перевод.

3. Вернемся к списку имен семи евнухов из Есф. 1:10. Последнее имя в этом ряду, предваряемое союзом «и», «и Каркас», в славянском оказалось искажено в «Варкохас» (уже без союза «и»). Теоретически можно допустить, что такое чтение возникло из механического перемещения букв в неогласованном еврейском: ורכסס → *ורכסס. Но это чтение имеет аналогию в Пешитте (и только в ней, но не в арамейских таргумах), где то же самое имя (но с союзом «и» и предлогом-маркером дательного падежа) превращено в *ܘܪܚܝܫܐ* — «и БарКашу». «Бар» — частый формант арамейских имен собственных, означающий «сын»; этот формант появляется в сирийском переводе Пешитты. В славянском переводе с сирийского фонетические соображения требовали бы сохранить начальное б-, но переводчик мог и узнать хорошо знакомый по Библии элемент мужского имени собственного (например, Варавва) и тогда перевести его традиционно, то есть с начальным в-. Не будем на этом настаивать слишком жестко, но вполне вероятно, что «Вар-» в «Варкохас» образовался под сирийским влиянием.

³⁴ О важности этого имени в качестве аргумента в пользу «еврейской» гипотезы (т.е. семитского оригинала славянского перевода) см. впервые: Евсеев 1898, с. 342. Г. Лант и М. Таубе предлагают другое объяснение, тоже возможное: смешение *v* и *b* уже в славянской рукописной традиции (LT 1998, р. 149–150). Тем не менее, согласно правилам индуктивной логики, данный аргумент повышает правдоподобие любой «семитской» гипотезы, если в ее пользу уже имеются другие доводы.

³⁵ Butts A.M. The Integration of Consonants in Greek Loanwords in Syriac // Aramaic Studies. 2016. Vol. 14. P. 1–35, особ. 5–6.

Если славянская Есфирь переведена с сирийского, то это вынуждает нас принять раннюю датировку для славянского перевода и локализовать его в Болгарии,³⁶ откуда происходят и другие идентифицированные в последнее время прямые переводы с сирийского на славянский.³⁷ Церковнославянский язык рукописей — восточнославянский (в основном в изводе, характерном для Рутении, но при заметном присутствии лексики, характерной как для церковнославянского языка домонгольской Руси, так и для древнейших южнославянских изводов церковнославянского языка³⁸).

6. Заключение

Новая «сирийская» гипотеза сохраняет сильные стороны обеих более ранних гипотез, при этом избегая их главных проблем.³⁹ Ко-

³⁶ В пользу древнеболгарского и при этом глаголического происхождения перевода высказался В. Федер, применивший к рукописям Есфири свой метод определения глаголических протографов у кириллических рукописей: *Veder W.R. Esther's Glagolitic Ancestry // Ricerche slavistiche*. 2010. Т. 8. Р. 213–223. К сожалению, метод В. Федера не вызывает энтузиазма у большинства славистов, но при этом ни сам В. Федер, ни его критики не попытались осуществить количественную оценку достоверности метода и, если будет возможно, калибровку. Эта задача трудоемкая, но с точки зрения аппарата формальной логики и математической статистики не представляющая особых трудностей.

³⁷ *Lourie B. Direct Translations into Slavonic from Syriac: a Preliminary List // ПОУЉИСТОР: Scripta slavica Mario Capaldo dicata. М.; Рим, 2015. Р. 161–168; Лурье В.М. Почему «славянский» Енох оказался в Нубии? // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. С. 35–42; Lourie B. Slavonic Pseudepigrapha...*

³⁸ ЛТ 1998, р. 187. Утверждение А.А. Пичхадзе о том, что в языке памятника «южнославянизмы отсутствуют» (*Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в Домонгольской Руси: Лингвистический аспект. М., 2011. С. 45*), является, по-видимому, недоразумением (там же она пересказывает точку зрения А.А. Алексеева в такой форме, будто ее не оспаривают Г. Лант, М. Таубе и И. Люсен, на работы которых она, впрочем, тоже ссылается). В действительности в переводе присутствует даже такой отчетливый маркер древнего церковнославянского языка, как *врѣдъ* в значении чего-то положительного, ценности (употребляется с отрицанием, напр., *неврѣда* — «бесполезная, не имеющая ценности»): он сохранился у южных славян, но не прошел в западно- и восточнославянские языки: ЛТ 1998, р. 226. Подробно о древнеболгарском слое в языке славянского перевода Есфири см.: *Велчева Б., Костов К. Книга Естир и нейният славянски превод // Palaeobulgarica = Старобългаристика. 2002. Т. 26. С. 73–92*; работа не упоминается у А.А. Пичхадзе, но резко критикуется в Алексеев 2003, с. 201. Пусть А.А. Алексеев прав, отвергая вывод авторов о тырновском происхождении славянского перевода в эпоху царя Ивана-Александра (XIV в.), но это никак не умаляет их заслуг в выявлении южнославянизмов и болгаризмов славянского перевода.

³⁹ При обсуждении тезисов этой работы на совместном конгрессе «European Association for Biblical Studies» и «Society of Biblical Literature» в августе 2017 г. в Берлине эту мысль выразил М. Таубе, которому я чрезвычайно признателен за внимательнейшее отношение к моей работе по славянской Есфири.

нечно, настоящая статья не исчерпывает всех вопросов, которые тут следовало бы обсудить. Ее цель — сформулировать в общих чертах предлагаемое новое решение очень старой проблемы.

Резюмирую суть предлагаемого решения:

- 1) славянский текст относится к древнейшему периоду славянской письменности;
- 2) он является прямым переводом с сирийского;
- 3) который, в свою очередь, является переводом с утраченной греческой редакции;
- 4) созданной александрийскими иудеями в эллинистическую эпоху.

Более подробное обсуждение *Sitz im Leben* славянского перевода вышло бы далеко за рамки данной статьи, так как вся проблематика, относящаяся к прямым переводам с сирийского на славянский, пока что слабо изучена и весьма спорна.

В.А. МЕЛЬНИЧУК

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ XII в. В СТЕПЕННОЙ КНИГЕ

канд. филол. наук,
Новосибирский государственный университет
e-mail: meln@nsu.ru

Статья посвящена женским образам XII в. в Степенной книге: Евфросинии Полоцкой, жене Всеволода Большое Гнездо Марии, жене Рюрика Ростиславича Анне. Из трех женских образов только Евфросинии Полоцкой посвящено Житие, тогда как сюжет, посвященный княгине Марии, описывает завершающую часть ее жизни, начиная с ее болезни. О жене Рюрика Ростиславича Анне сказано кратко, между тем использованный в посвященном ей отрывке евангельский текст акцентирует основной мотив отрывков, посвященных женским образам, — мотив бренности земной жизни и задает один из ракурсов рассмотрения представленной в Степенной книге истории XII в.

Ключевые слова: женские образы, Степенная книга, летописи, Евфросиния Полоцкая, Анна, жена Рюрика, княгиня Мария/

Степенная книга, яркий памятник древнерусской книжности, ключевое историософское сочинение Московского периода истории Руси, в форме княжеских житий излагает отечественную историю XI–XVI вв. Известно, что использованные при ее составлении источники были воспроизведены в произвольной форме. Еще В.В. Кусков установил, что основными летописными источниками Степенной книги послужили Никоновская, а также Воскресенская летописи.¹ Переакцентуация истории XII в. в Степенной книге, в значительной мере основанная на летописных источниках, является следствием не только стремления со стороны составителя свода представить Россию как страну «благоверных православных самодержцев»,² но и выдвижения на первый план князей, которые в летописных сводах остались незамеченными. Среди них причисленный к лику святых Всеволод Псковский чудотворец, проявившие черты святости представители династии черниговских князей Святослав Давыдович и Давыд Святославич.

¹ Кусков В.В. Степенная книга как литературный памятник XVI века / Дис. ... канд. филол. наук. М., 1951.

² Покровский Н.Н. Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий. М., 2007. Т. 1. Комментарий. С. 100.

Яркими значимыми фигурами в истории XII в., представленной в Степенной книге, являются женские образы. В конце пятой степени помещено Житие, описывающее подвиги блаженной и преподобной Евфросинии Полоцкой, а шестая степень содержит рассказ о жене Всеволода Большое Гнездо Марии, имеющий заголовок «О благодарном терпении великой княгини Марии Всеволожи и о монастыре ея», и краткое известие о жене Рюрика Ростиславича Анне, избравшей для себя иноческий путь.

Житие Евфросинии, старшей и поздней («молитвы плод») дочери князя Святослава Всеславича, представителя ветви полоцких князей, праправнучки великого князя Изяслава, сына святого князя Владимира и Рогнеды, содержится в Степенной книге в пятой грани одиннадцатой главы. Текст Жития почти без серьезных изменений отражает редакцию, встречающуюся в списках середины XVI в.³ Древнейшее Житие Евфросинии Полоцкой, сохранившееся во множестве списков четырех редакций, дошедшее до нас лишь в поздних переработках, относится к типу проложных житий. Оно было создано в комплексе с церковной службой святой, от которой в составе пергаменного стихираря XII в. сохранилась стихира преподобной Евфросинии Полоцкой. Во всех новых переработках Житие представляет собой полный четый биос, под которым можно обнаружить древний синаксарный текст.⁴

В целом в летописных сводах сведений о полоцких князьях — детях Всеслава — немного. И это не случайно.

В Киевском своде под 1116 г. описан поход Владимира Мономаха против Глеба Минского, старшего брата отца Евфросиньи. В повествовании, составленном сочувствующим Мономаху автором, Глеб Всеславич, горячий почитатель обители Феодосия и крупнейший ее вкладчик, пожертвовавший обители 600 гривен серебра и 50 гривен золота,⁵ о чем сказано в Ипатьевской летописи под 1158 годом в кратком некрологе его жены «Глебовой Всеславича», упоминается лишь как противник Мономаха. Под 1128 г. летописная запись сообщает о походе сына Владимира Мономаха Мстислава на Кривичи против полоцких князей — внуков Всеслава. В этом сюжете, довольно подробно излагающем обстоятельства похода, сказано о том, что

³ Степенная книга царского родословия... Т. 3. Комментарий. С. 102.

⁴ *Левшун Л.В.* Агиобиография // О слове преображенном и слове преображающем: Теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. Минск, 2009. С. 299–300.

⁵ К этому можно добавить, что супруга князя после его кончины дала монастырю еще 100 гривен серебра и 50 гривен золота, а позднее завещала еще 5 сел (см.: *Левшун Л.В.* Агиобиография).

Брячислав, женатый на дочери Мстиславича Владимировича, по указанию которого велась осада, увидев наступление коалиции князей, попытался бежать к отцу, но попал в руки своему шурину. Известие в Ипатьевской летописи под 1130 годом сообщает о высылке полоцких князей в Константинополь: «Се же лето поточи Мстислав полотский князе с женами, и с детьми в Греки» (Ипат., 293).⁶

Ссылка полоцких князей, среди которых был и отец Евфросиньи Святослав Всеславич, явилась вполне закономерным итогом борьбы двух враждебных друг другу линий внутри княжеского дома Рюриковичей, отстаивавших право обладания Полоцкой землей. Сын Владимира Мономаха Мстислав, желая включить Полоцк в состав своих владений, стремился изгнать по возможности всех Изяславичей за пределы Руси.⁷

В Псковской летописи под 1139 годом сохранилось известие, положительно характеризующее Василька Полоцкого, брата Евфросиньи, выявляющее его благородство. Встретив едущего мимо Полоцка князя Всеволода, он не стал вспоминать зло, причиненное ему и его братьям отцом Всеволода, Мстиславом, сославшим полоцких князей за непослушание: «Сам противу выеха к нему, и проводи его с честью, забыв заповеди ради Божия злобу отца его, что бяшетъ сотворил всему роду его: вшедшу ему в руке его к нему, и ничтоже о нем лукавно помысли, якоже подобаше по человечеству, но и крест межи собою целоваста, яко не поминати, что ся удеяло первое, и на всей правде» (Пск., 8).

Все подробности многолетней вражды между полоцкими и киевскими князьями в Степенной книге отсутствуют. Житие Евфросинии Полоцкой помещено в грани Юрия Долгорукого, сына Владимира Мономаха, который был дядей преподобной по матери. Текст Жития занимает около сорока процентов всей шестой степени. Приведенная в нем родословная княгини, согласно которой она является праправнучкой великого князя Владимира, безусловно, укрепляет авторитет рода полоцких князей.

В тексте Жития описаны следующие этапы ее жизненного пути: размышление о земном и небесном мире, выбор монашества, распро-

⁶ При цитировании летописного текста номер столбца указан в круглых скобках, в таблицах номер стоит рядом с цитатой после указания на цитируемый список. Ипатьевская летопись цит. по: ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2 (далее в тексте Ипат.); Лаврентьевская летопись цит. по: ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1: Повесть временных лет (далее в тексте Лавр.); Псковская вторая летопись цит. по: ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5 (далее в тексте Пск); Степенная книга цит. по: Степенная книга царского родословия... Т. 1 (далее в тексте Степ.)

⁷ Рукавишников А.В. Почему полоцкие князья были сосланы в Византию: Свидетельства источников // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 111.

странное библейскими цитатами и эпитетами, жизнь в келье возле Софийского собора, где она занималась переписыванием книг, основание после видения во сне ангела Полоцкого женского монастыря в загородном Сельце, подворья Полоцких епископов, девичьей обители, где стала обучаться младшая сестра Ефросиньи, строительство церкви Святого Спаса в Полоцке. Ефросинией были пострижены в монахини сестра Гордислава, «княжна Борисовна» Звнислава, две дочери брата.

В Житии описаны два чуда, которые произошли при постройке Спасо-Преображенской церкви. В первом чуде описано, как к Евфросинье явился муж Иван с тем, чтобы получить задание, в то время, как Евфросинья не ждала его. Прозревая промысел Божий, понимая, что на строительство благословил ее Господь, она сказала зодчему: «Кто тя позывает на таковое дело, того послушай» (Степ., 440). Другое чудо произошло при завершении строительства: на последнем этапе работ не хватало кирпича, а после горячей молитвы Евфросинии к Богу на следующее утро было обнаружено достаточное количество плинфы. В Житии содержится отрывок, повествующий о получении игуменьей от императора Мануила I Комнина и Патриарха Луки Хрисоверга иконы Эфесской Божией Матери: несколько сот всадников сопровождали икону до Константинополя, где она была передана полоцким послам. Эта икона, согласно преданию, была написана святым апостолом и евангелистом Лукой. В конце своей жизни Евфросинья отправилась с братом Давидом и сестрой Евпраксией в Иерусалим, где, получив благословение от Патриарха, пожертвовала Гробу Господню драгоценную кадильницу.

В тексте Жития приведено поучение Полоцкой игуменнии, основной темой которого является тема преображения внутреннего человека ради приближения к Богу. В проповеди, обращенной к сестрам, эта тема развивается не только в смысле евангельского Преображения Господа, но и в смысле ежедневного преображения человека.⁸ Не случайно на найденных в Новгороде обломках печати Евфросиньи наряду с образом Спасителя помещена икона Преображения Господня.⁹ Заканчивается Житие развернутой похвалой самой святой и ее родителям, основанным ей монастырям, Полоцкой земле.

Евфросинья Полоцкая, образ которой восстанавливается по ее Житию, пронизанному житийной топикой, предстает перед нами как храмостроительница и просветительница. Ее путь, отражающий одну

⁸ Левшун Л.В. Агиобиография. С. 316.

⁹ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3. С. 41, 127.

из тенденций в древнерусском женском монашестве, можно называть исихастски-деятельностным.¹⁰

Шестая степень, продолжающая историю XII в., посвящена сыну Юрия Долгорукого Всеволоду. Его жизнедеятельность по сравнению с Владимиром Мономахом и Юрием Долгоруким, представлена в более широком историческом контексте, включающем описание смены власти в Киеве, гибели черниговского князя Изяслава Давыдовича, а также Андрея Боголюбского, походов против половцев Михалки Юрьевича и т.д. Здесь же находим главу, описывающую фрагментарно жизнь Марии, одной из самых знаменитых княгинь XII в., жены сына Юрия Долгорукого, Всеволода Большое Гнездо. Источником данной главы является помещенный в Лаврентьевской летописи под 1206 годом пространный панегирик княгине, включающий историю ее пострижения перед смертью, описание болезни и смерти.

Расходятся источники в указании имени княгини: согласно Лаврентьевской летописи, в монашестве она получила то же имя, что и при крещении, а по Степенной она стала именоваться Марфой. Н.М. Карамзин упоминает надгробную плиту с именем Марфы Шварновны в приделе Благовещения Успенского монастыря во Владимире.¹¹ С опорой на упоминание в Тверской летописи о том, что княгиня приняла не только малую, но и великую схиму, Л.С. Кишкин сделал предположение, что имя Мария она приняла в малой схиме, а Марфа — в великой.¹² Наконец, Ф.Б. Успенский и А.Ф. Литвина считают, что Марфой Шварновной звалась свояченица Всеволода Большое Гнездо, являвшаяся женой князя Ярослава Владимировича. Именно она, по их мнению, была погребена в церкви святой Богородицы, о которой идет речь у Н.М. Карамзина.¹³

К заслугам княгини нужно отнести основание в 1200 г. женского Успенского монастыря во Владимире и строительство в нем собора, именуемого теперь «княгининым». Этот монастырь был задуман как родовая усыпальница княгинь и княжеских дочерей Владимирского

¹⁰ Образ Евфросиньи Полоцкой отражает одну из культурных тенденций в древнерусском женском монашестве — молитвенно-трудоую. Для сравнения выделяют еще молитвенно-созерцательную, примером которой служит преподобная Евфросинья Суздальская, скончавшаяся в середине XIII в. (Малкова Н.А. Служение женщины в житиях святых жен Руси // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 10. СПб., 2009. С. 109).

¹¹ Карамзин Н.М. История государства российского. СПб., 1892. Т. 3. Примеч. 62.

¹² Кишкин Л.С. Мария Всеволожая — ясыня или чехыня? // Исследования по истории славянских и балканских народов эпохи Средневековья. М., 1972. С. 256.

¹³ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Кем была «Мария Всеволожая»? Отчество и происхождение трех русских княгинь // Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 371.

княжеского дома: у княгини Марии было двенадцать детей, четверо из которых стали великими князьями Владимирскими. В XIII в. в нем были погребены сама княгиня Мария, ее сестра Анна, дочь князя Всеволода и княгини Марии Елена, позднее — обе супруги святого благоверного Александра Невского и его дочь Евдокия.

В Степенной книге рассказ о княгине начинается с описания последних лет ее жизни, когда она страдала тяжким недугом. Применительно к ней использованы те же эпитеты, что использованы книжником при составлении других портретов русских государей: она названа «*боголюбивой*», «*благоплодной* супружницей сего *богохранимого* самодержца» (Степ., 456). Сравнение княгини Марии с праведным Авраамом, а также Иовом, способствует повышению не только ее статуса как отдельного потомка князя Владимира, который также сопоставляется с Авраамом, но и всех потомков Всеволода Большое Гнездо. За несколько дней до своей кончины княгиня покинула свою семью и удалилась в построенный ею монастырь.

Д.С. Лихачев писал о том, что древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы — смысла человеческой жизни.¹⁴ Именно эта тема раскрывается в завещании княгини сыновьям, входящем в состав главы, которое сопоставимо с завещанием Владимира Мономаха. Кроме традиционных наставлений, касающихся морально-этических аспектов христианской жизни, в нем приведены слова, указывающие на губительность княжеских усобиц для отечества: «Аще ли же в ненависти и в распрях и в которах будете межю собою, то сами погибнете и благословенное наследие державу отечества вашего изгубите, юже праотцы ваши и отец ваш и прочее сродство ваше многим трудом и потом приобретаеши» (Степ., 457–458).

Вставленный в описание жизни княгини Марии наказ детям создает особый ракурс восприятия тех конкретных военно-политических деталей междоусобных войн, которых не смог избежать книжник. Повествование о княгине Марии не только изображает путь духовного самосовершенствования, преображения души, но и подчеркивает идею социального умаления и служения.

Завершением шестой степени, а вместе с ней истории XII в., является сюжет о дочери половецкого хана Белука Анне, жене Рюрика Ростиславича, князя, в течение многих лет занимавшего киевский престол, участника непрекращающихся междоусобных войн, которая постриглась в схиму. Использованный книжником в конце его евангельский текст: «Кая польза человеку, аще и весь мир приобретает,

¹⁴ Лихачев Д.С. Своеобразие древнерусской литературы // Великий путь: Становление русской литературы XI–XVII веков. М., 1987. С. 11.

а душу свою отщтит?» — созвучен, например, словам Евфросинии Полоцкой, размышляющей о бренности человеческой жизни: «...Что успеша преже нас бывшей родове наши? И женишася, и посагаша и княжишя, но не вечно. Житие их мимо тече, и слава их погибе, яко прах и хужше паучины» (Степ., 435), — и, как нам кажется, формулирует основной мотив историй, посвященных женским образам XII в.

В.В. ПОДОПРИГОРА

**ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕТОПИСИ
ВОЛЫНСКИХ МОНОМАХОВИЧЕЙ XIII в.
В РЕДАКЦИИ ХЛЕБНИКОВСКОГО СПИСКА**

Государственная публичная научно-техническая
библиотека СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: 5812_m@ngs.ru

В статье рассмотрены особенности третьей части южнорусского летописного свода (Летописи волынских Мономаховичей XIII в.), выявляемые при обращении к ее тексту по Хлебниковскому списку XVI в. Характеризуются основные различия двух ее редакций и цели составителя Ипатьевского списка, придавшего третьей части летописного сборника внешнюю структуру официального свода. Наблюдения над сохранившейся в Хлебниковском списке временной структурой повествования позволяют предложить иное решение проблем формирования текста и авторской атрибуции, а также дать объяснение жанровой уникальности памятника. Летопись волынских Мономаховичей XIII в. может быть охарактеризована как уникальный для старшего летописания пример меморатного типа исторического повествования.

Ключевые слова: Хлебниковский список, Летопись волынских Мономаховичей, историческое повествование, жанр, меморат.

Летопись волынских Мономаховичей (далее ЛвМ) — один из трех крупных компонентов южнорусского летописного свода конца XIII в. наряду с Повестью временных лет и Киевским сводом конца XII в. Свод известен в 8 списках XV–XIX вв., шесть из которых возводятся к двум основным: Ипатьевскому списку первой четверти XV в. (далее Ип) и Хлебниковскому середины XVI в. (далее Хл). Оба списка были обнаружены и введены в оборот Н.М. Карамзиным практически одновременно, в 1809 г.

Именно Ип как более ранний список был положен в основу первых изданий южнорусского свода,¹ а его редакция, общая для двух списков, получила в науке название Ипатьевской летописи.

Если характеризовать наиболее очевидные внешние отличия Хл, то его переписчику, с одной стороны, было свойственно стремление к архаизации орфографии² с эпизодической заменой некоторых уста-

¹ ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1843; Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871; ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908.

² Об особенностях графики и орфографии рукописи Хл см.: *Греченко-Журавська В.М.* Хлебніковський список Іпатіївського літопису «Повісті временних літ» у порівнянні з давньоруським протографом (південнослов'янські та староукраїнські нашірвання): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Днепропетровск, 1996.

© Подопригора В.В., 2017

ревших лексем, с другой — точная передача чтений протографа, во многих случаях более исправная, чем в Ип.

При этом, несмотря на то, что уже в конце XIX — начале XX в. отмечалась большая близость к общему протографу третьей части свода именно в редакции Хл,³ опора историков летописания на текст Ип во многом определила направление ее исследования. Жанровая уникальность третьей части свода, Галицко-волынського повествования XIII в., была осознана еще в середине XIX в.,⁴ но в работах ученых XX в. (Л.В. Черепнина, В.Т. Пашуто, А.И. Генсьорского и др.) памятник изучался главным образом в аспекте реконструкции его источников, т.е. как традиционный летописный свод.

Основное отличие двух редакций ЛвМ — вставленная в изначально связанное повествование с множеством ошибок погодная сетка в Ип.⁵ Кроме того, в добавленных в Ип киноварных заголовках редактор списка акцентировал великокняжеский титул младших волинских Мономаховичей Владимира Васильковича (Ип., 914)⁶ и Мстислава Даниловича (Ип., 928). В редакции Хл в ЛвМ «великим князем» последовательно называется только Роман Мстиславич (а его жена — «великой княгиней Романовой»), в очень редких случаях его сыновья, Даниил и Василько, и единственный раз — владимирово-волинский князь Владимир Василькович, причем только в посмертном панегирике (Ип., 918). При этом во включенных в текст документах — духовных грамотах — к нему применяется только княжеский титул. В отношении преемника Владимира на владимирово-волинском столе — луцкого князя Мстислава Даниловича великокняжеский титул в Хл не используется вообще, тогда как в Ип перед сообщением о его вокняжении внесен киноварный заголовок: «Начало княжения великаго князя Мстислава в Володимере» (Ип., 928).

Итак, судя по чтениям Хл, сам автор ЛвМ последовательно подчеркивал титул только Романа Мстиславича — основателя объ-

³ Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.: Л., 1938. С. 103; Грушевский М.С. Історія української літератури. Т. 3. Київ, 1993. С. 133.

⁴ Например, К.Н. Бестужев-Рюмин писал, что ее составитель «имел в виду нечто более стройное, чем простая погодная летопись» (Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868. С. 151).

⁵ О проблеме происхождения хронологии Ип см.: Романова О.В. О хронологии Галицко-Волинської летописи XIII века по Ипатьевскому списку // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы науч. конф. Новгород, 1997. С. 66–70.

⁶ Здесь и далее чтения Ип приводятся в круглых скобках с указанием номера столбца по изданию: ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. Для ссылок на Хл используются указания на страницы его факсимильного издания: The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Cetvertyns'kyj (Pogodin) Codices // Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Vol. 8. Harvard, 1990.

единенного галицко-волынского княжества. Практически при каждом его упоминании в обоих списках используется титул «великий князь», что соответствует авторскому стремлению к созданию эпического образа Романа — основателя рода, слава которого обновляется в деяниях его потомков. Для редактора Ип было важно подчеркнуть великокняжеское достоинство младших представителей рода. Возможно, он следовал здесь той же тенденции, которая отразилась в независимом летописании середины XV в.⁷

Именно редактор Ип, который согласно выводам исследователей, занимавшихся хронологией и языковыми особенностями списка, был связан с Северо-Западной Русью,⁸ стремился к созданию такой конструкции свода, в которой правления киевских и галицко-волинских князей описывались как непрерывная последовательность великих княжений. При этом характерно, что в Ип киноварными заголовками не были отмечены периоды княжений в Киеве за первую половину XIII в., как например, поступил составитель Густынской летописи XVII в.

Итак, основные разночтения ЛвМ в двух списках не имеют случайного характера, но свидетельствуют о целенаправленной обработке протографа при создании Ип, редактор которого стремился придать тексту характер официального летописного свода.⁹ Это отразилось и в других чтениях списка. Например, в экспозиции к ЛвМ в Хл князь Роман Мстиславич называется «памятным и самодержцем» (т.е. «помнящимся, не забытым»), тогда как в Ип используется официальная формулировка «приснопамятный самодержец» (Ип., 715).

Особенно сильному искажению в Ип подверглась временная структура оригинального текста ЛвМ. Между тем, именно авторские формулы хронологического сочленения эпизодов, сохраненные в Хл, позволяют определить точку зрения автора на события и, тем самым, установить время его работы над сочинением.

Повествование ЛвМ начинается с рассказа о событиях, случившихся после гибели Романа Мстиславича в начале XIII в., когда его

⁷ «1445 год является переломным в повествовании Никоновской летописи. До этого года, т.е. в первой части в НикЛ, имеются генеалогии князей, не только великих, но и удельных. В этой части НикЛ многие удельные княжата величаются титулом “великий”» (Журова Л.И. «Повесть о Луке Колочском» в рукописной традиции XVI в. // Книга и литература. Новосибирск, 1997. С. 81).

⁸ По наблюдениям А.А. Шахматова, «Ипатьевский список сделан в одной из севернорусских областей» (Шахматов А.А. Предисловие // ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 2001. С. VIII).

⁹ Именно в таком качестве Ип воспринимался в более позднее время, о чем, например, свидетельствует запись XVII в. на обороте первого листа рукописи: «Книга Ипатцкого монастыря Летописец о княжении» (Там же. С. VI).

вдове с малолетними сыновьями пришлось бежать в Польшу из своей вотчины, спасаясь от враждебных князей — сыновей Игоря Святославича Новгород-Северского.

Для придания тексту «династической перспективы» в экспозицию к ЛвМ была введена похвала Роману Мстиславичу, локализирующая его деяния в эпическом времени,¹⁰ а также легенда о Сырчане и Отроке. В науке утвердилось мнение о неуместности этой вставки.¹¹ Однако в своей функции исторического экскурса, посвященного истории противостояния двух родов (Владимира Мономаха и хана Шарукана), она обнаруживает некоторую связь с дальнейшим рассказом. Именно упоминаемые в легенде ханы из семейства Шарукана (Сырчан, Отрок и его сын Кончак) с начала XII в. постоянно враждовали с Мономахом и его потомками. Владимир Мономах нанес крупное поражение Шарукану в 1107 г. в битве между Сулой и Хоролом, когда был убит брат Боняка. Против Шарукана был направлен и знаменитый поход 1111 г. Память о родовой вражде Мономаховичей и Шаруканидов могла быть актуальна и в XIII в., отразившись как в половецком фольклоре,¹² так и в эпических преданиях Галицко-Волынской Руси.

Итак, путем ретроспективного взгляда на историю взаимоотношений двух родов экспозиция ЛвМ вплотную подводит читателя к героям дальнейшего рассказа — потомкам Владимира Мономаха (Романовичам), вступившим в борьбу с вторгшимся в Галицкую землю союзником Кончака — Рюриком Ростиславичем.¹³ В начале XIII в. Рюрик в союзе с Кончаком участвовал в разорительном походе на Киев в 1203 г., который был направлен в том числе и против Романа Мстиславича. В то же время главный соперник сыновей Романа в начале века — Владимир Игоревич, занявший Галич после гибели в Польше Романа и изгнания из города Даниила с матерью и собиравшийся, по словам автора, «искоренити племя Романово»,

¹⁰ О функции похвалы Роману в повествовании ЛвМ см.: *Подопригора В.В.* О презентации образа Романа Мстиславича в Галицко-Волынской летописи // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 12. С. 163–167.

¹¹ «...Лиро-эпический текст Ипатьевской вовсе не связан органически с житием Даниила. Он вставлен позже и довольно неумело» (*Соловьев А.В.* Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. Т. 15. М.; Л., 1958. С. 109); «Характерно, что это сказание как бы разрезает текст и не связано с окружающим повествованием» (Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 42, сн. 31).

¹² См.: *Мурузия В.П., Шушарин В.П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998. С. 66–67.

¹³ Во времена перед гибелью Романа именно Кончак и связанные с ним родством Ольговичи сыграли решающую роль в возвращении на киевский престол Рюрика Ростиславича (*Толочко П.П.* Династические браки на Руси XII–XIII вв. СПб., 2014. С. 162–163).

был, как известно, связан с родом Кончака. Именно его женой была дочь хана — «Кончаковна», известная по русским летописям и Слову о полку Игореве. Автор ассоциативно уподобил ситуацию, возникшую после гибели Романа Галицкого в начале XIII в., возвращению половцев на Дон после смерти его предка Владимира Мономаха.

Именно в Хл сохранилось авторское определение эпохи первой половины XIII в. как «лет Данила и Василька Романович»,¹⁴ искажившееся в Ип из-за внесения даты. Для связи эпизодов в рассказе о событиях времени Даниила и Василька используются формулы, выражающие неопределенные временные сроки: «времени минувши», «долгу времени минувши», «и бысть по сих времени минувши». Автор не ставил перед собой задачи последовательной фиксации всех описываемых событий, хотя и стремился хронологически соотнести их друг с другом. В редакции Ип многие авторские указания утратили осмысленность. Приведем характерный пример: в Хл прочитывается указание, искаженное в Ип, где автор соотносит события разных лет. Нападение ятвягов на земли Западной Волыни случилось, по его словам, до войны Даниила Романовича с Михаилом Черниговским, во время княжения Даниила в Галиче, а Василька во Владимире.¹⁵

Наконец, именно Хл сохранил такую характерную для оригинальной временной структуры ЛВМ формулировку: автор, сомневаясь в очередности событий, замечает, что пришествие татар к Бакоте было «в та же лета, или *преже* или *потом*».¹⁶

В некоторых случаях для хронологического соотнесения отдельных эпизодов автор устанавливал их связь с некоторыми памятными для него или его информантов событиями: временем правления разных князей в некоторых городах Волыни и Русской земли (Александра Белзского во Владимире, Всеволода Черного в Киеве, Ярослава в Луцке, Войшелка в Литве), победой Мстислава Мстиславича над венграми, основанием Холма Даниилом, осадой Кременца Куремсой, годом убийства Миндовга и т.д.

Характер временной структуры заметно меняется в изложении последних лет княжения Владимира Васильковича. Здесь для связи эпизодов используются более точные и дробные указания. Так, сообщая, что Тройден еще княжил в Литовской земле, автор упоминает о походе литовцев на Люблин, который длился *три дня*. Войско Телебуги не могло покинуть пределы Венгрии в течение *тридцати дней*. Нашествие татар на Польшу заняло *10 дней*, а на землях Льва

¹⁴ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 316.

¹⁵ Ibid. P. 338.

¹⁶ В Ип эта фраза зачеркнута (Ип., 828).

Телебуга простоял *две недели*. Даты этих событий были установлены М.С. Грушевским: они приходятся на вторую половину 1280-х гг.¹⁷

Временные интервалы между эпизодами здесь становятся очень уплотненными. Неопределенные фразы типа «в та же лета», «времени минувши», «бысть по сих», используемые в изложении событий первой половины XIII в., уступают здесь место указаниям на число прошедших дней: Мстислав Данилович перед отъездом в Луцк пробыл во Владимире Волынском «неколько дней», о приезде послов Юрия Львовича к князю Владимиру после похода Юрия в Польшу сообщается с помощью формулы «бысть же по сем минувшим непоколицем днем».¹⁸

Наиболее точные датировки, вплоть до времени суток, обнаруживаются только в эпизодах, излагающих деяния Владимира Васильковича и Мстислава Даниловича. По сообщению автора, Владимир по пути в Каменец пробыл *два дня* в Берестье, а «положил ряд» с Мстиславом о наследовании *на Федоровой неделе*. На четвертый год своей болезни князь *сем недель* не мог принимать никакой пищи, кроме воды, а приближение кончины почувствовал «в *куры*» на пятницу (10 декабря). Наконец, автор привел даты вскрытия гробницы князя Владимира (6 апреля) и вокняжения Мстислава Даниловича (10 апреля). Именно в повествовании о последнем семилетии правления Владимира Васильковича изложение «объективного» времени уступает место «времени очевидца» с почти дневниковой фиксацией событий.

Итак, обращение к редакции Хл, сохранившей временную структуру оригинального текста, позволяет примерно установить время работы автора ЛвМ. Временная уплотненность повествования о делах, приеме посольств и переездах Владимира Васильковича указывает на то, что автор был непосредственным очевидцем событий конца 1270-х — начала 1280-х гг. Судя по обилию подробностей, он постоянно находился при волынском князе, страдавшем от тяжелой болезни.

Автором «Волынской летописи» практически всеми исследователями признается духовное лицо из близкого окружения князя Владимира. П.П. Толочко среди возможных авторов упоминает волынского епископа Евсегения, а также не названного по имени духовника князя.¹⁹

¹⁷ Грушевський М.С. Хронологія подій Галицько-волинської літописі // Записки Наукового товариства імені Шевченка. 1901. Т. 41. С. 54–56.

¹⁸ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 381.

¹⁹ Толочко П.П. Летопись Владимира Васильковича и ее автор // Восточная Европа Древности и Средневековье. Автор и его текст: Материалы XV чтений памяти В.Т. Пашуто. М., 2003. С. 249.

Более вероятной кандидатурой из числа упоминаемых в тексте лиц мы считаем присутствовавшего на погребении князя «печерского игумена» Агапита. В данном случае знаковую роль играет сообщаемое в летописи имя игумена, которое может указывать на его роль при больном Владимире Васильковиче. Можно предположить, что имянаречение иноков-лечцов в честь печерского Агапита-безмездника могло войти в обычаи монастыря достаточно рано (как минимум, в первой половине XIII в.). Вероятно, Агапит, получивший в монастыре имя знаменитого печерского безмездного лечьца, сам был врачом и несколько лет находился при больном князе Владимире Васильковиче. Поэтому последним годам его жизни он посвятил отдельный, насыщенный медицинскими подробностями рассказ, открывающийся словами «болезнь же его сице скажемь...».²⁰ Внимание автора к состоянию здоровья князя заметно и в предшествующем повествовании.²¹

Сообщаемый сан Агапита — «печерский игумен» — может указывать не на Киево-Печерский, а на другой древний монастырь, расположенный в предместье Владимира Волынского, в нынешнем селе Зимно. Основанный около 1060 г.,²² Зимненский монастырь имел в основании «пещеры наподобие Киевских».²³ В литературе XIX в. эта обитель отождествляется с известным по источникам Печерским (Святогорским) монастырем на Волыни. Двое упоминаемых в ЛВМ владимиристо-волынских епископов, Иосаф и Василий, происходили именно отсюда. В пользу того, что автор был игуменом этой обители, говорит его осведомленность в монастырской жизни Волыни.

Для обоснования своего права на свободный от погодной сетки рассказ автор ссылается на авторитет историков-«хронографов»,²⁴

²⁰ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 382.

²¹ «Вълодимир же бяше тогда хром ногою, тем не иде, зане бысть рана зла на нем», «...толко один Володимерь остана, зане бысть хром» (Ibid. P. 372); «Володимеру же князю болну сущю, зане бысть рана послана от Бога нань неисцелимаа», «...а Володимера воротиша назад, зане бысть жалостно зрети нань, видячи его болна сущи» (Ibid. P. 376).

²² См.: *Poppe A. The Christianization and Ecclesiastical Structure of Kyivan Rus' to 1300 // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 21. № 3/4. December 1997. Cambridge, 2001. P. 355.* Иногда в литературе встречается и более ранняя дата основания Зимненского Успенского монастыря — 1001 г. (Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской Империи и на Афоне. СПб., 1910. С. 557).

²³ Краткие сведения о монастырях Волынской епархии в настоящее время несуществующих // Волынские епархиальные ведомости. 1867. 1 октября. № 3. С. 50.

²⁴ «Гронографу же ноужа есть писати все и вся бывшаа: овогда ж писати въ предняя, овогда же вступати в задняя — чтыи мудрыи разумеет» (The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. P. 347). См.: *Подопригора В.В. К проблеме интерпретации литературной декларации в Летописи Волынских Мономаховичей // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 9. С. 133–139.*

излагающих события в их прагматической связи. Эта установка призвана оправдать свободный характер обращения автора с источниками, а также объясняет отсутствие погодных датировок в ЛвМ в редакции Хл, что не может быть следствием дефектов доступных автору источников, среди которых указывались и традиционные летописные своды.²⁵

Жанр ЛвМ, в том виде, как она сохранилась в Хл, может быть определен как «меморат». Сам этот термин возник в фольклористике, а в типологию исторического повествования в литературе XVII в. был введен Е.И. Дергачевой-Скоп: «К меморатам относятся особые варианты обработки рассказов официальных летописей свидетельствами современников, знакомых с событием не только за счет личного участия, но также “знающих” о них по “слухам” и “толкам»».²⁶

Обычно проникновение мемората в литературу связывается с процессами демократизации, как, например, в XVII в., однако в данном случае установка автора ЛвМ на такой тип повествования следует традиции христианской хронографии и ориентирована на компетентного читателя: «чтый мудрый разумеет». Упоминание имени Евсевия Памфила наряду с перечислением восточных и западных традиций летоисчисления (вернее, временных интервалов, используемых в разных системах, — олимпиад, циклов високосных лет), а также принципиальный отказ автора от погодных датировок событий позволяет предположить его знакомство с устройством оригинальной «Хроники» Евсевия. Это сочинение, созданное в начале IV в., состоит из повествовательной части (*Chronographia*) и хронологического указателя (*Chronikoi kanones*).

Таким образом, текст ЛвМ в редакции списка Хл, где очевидна меморатная основа повествования, имеет именно структурные отличия от Ип. Обращение к нему дает основания для изучения памятника с привлечением иных подходов, отличающихся от традиционно разрабатывавшихся в науке об истории летописания и направленных на реконструкцию источников памятника. С одной стороны, такой аспект изучения представляется более адекватным самому характеру произведения, с другой — расширяет представления о жанровой системе средневековой русской литературы и писательском самознании древнерусского книжника.

²⁵ Например, источник киевского происхождения, относящийся к первой половине XIII в., Черниговская летопись 1286 г. и т.д.

²⁶ *Дергачева-Скоп Е.И.* Сибирские летописи в исторической прозе XVII века: Текст-контекст // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2002. Т. 1. Вып. 1. С. 4.

М.С. КРУТОВА

НОВОЕ ОПИСАНИЕ РИЗНИЦЫ СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ: ГИПОТЕЗЫ И НАХОДКИ

д-р филол. наук,
Российская государственная библиотека, Москва
e-mail:mskrutova@yandex.ru

В статье определены особенности нового описания рукописного собрания Ризницы Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и представлены возникшие в связи с ним наблюдения и гипотезы. В новом описании отражена физическая сохранность рукописных книг, изменившихся в процессе своего бытования. Обращено внимание на то, что в последние несколько десятилетий рукописные книги, вошедшие в научный оборот и известные своей уникальностью, получают специальные названия, например, Евангелия Хитрово, Федора Кошки, Симеона Гордого, Никиты Романова и др. Установлено, что в Псалтири царя Иоанна Грозного имеются необычные маргиналии, заключенные в геометрические фигуры, в которых содержится информация о назначении псалма. Была выявлена еще одна интересная текстологическая особенность, характерная для Евангелий-тетр: перед каждой евангельской главой находится перечень названий фрагментов текста, так называемых «кефалий», не соответствующих реальному делению текста в книге.

Ключевые слова: археография, палеография, текстология, маргиналии, описание рукописных книг.

Собрание рукописных книг Свято-Троицкой Сергиевой Лавры по праву считается одним из самых выдающихся и известных. В нем находятся, например, такие уникальные книжные памятники, как Евангелие Хитрово, Евангелие Симеона Гордого, Евангелие и Служебник прп. Никона Радонежского, Псалтирь царя Иоанна Васильевича Грозного и др. Это собрание прошло сложный путь формирования еще в стенах Троице-Сергиевой Лавры.¹ Как известно, в 1918 г. Лавра была закрыта, а в 1920 г. хранившиеся в ее библиотеке книги были переданы в Сергиево-Посадский филиал Государственного Румянцевского музея (позднее ГБЛ) и находились там до 1931 г. Тогда же большая часть книг поступила в ГБЛ, а 5 книг (№ 9, 13, 14, 17, 22) остались для экспонирования на выставке в Сергиево-Посадском музее-заповеднике, вследствие чего в РГБ (ГБЛ) так и не поступили. Поступившие же книги вначале были распределены в Музейное со-

¹ Рукописные собрания Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Указатель. Т. 1. Вып. 2: 1917–1947. М., 1986. С. 252–253.

© Крутова М.С., 2017

брание, Троицкое (основное) и Греческое. В 1953 г. эти рукописные книги были определены во вновь образованный фонд Ризницы Троице-Сергиевой Лавры (Ф. 304/III). В 2010–2011 гг. в так называемой «Россыпи» были выявлены еще три пергаменные книги (№ 29–31), принадлежавшие когда-то ТСЛ, которые по решению Экспертной комиссии были присоединены к фонду Ризницы. Они удовлетворяли издавна предъявлявшимся к книгам Ризницы ТСЛ требованиям: древность, драгоценность и высокое положение заказчика или владельца. В настоящее время в этом собрании находится 23 ед. хр., у которых те же шифры, что до поступления в РГБ (ГБЛ).

Несколько раз предпринималось описание собрания Ризницы, наиболее известное сделано в XIX в. архим. Леонидом (Кавелиным), настоятелем Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.² В 1965 г. было составлено дополнительное описание Л.В. Тигановой.³ В 1920-е гг. художественные особенности рукописных книг Ризницы описал Ю.А. Олсуфьев,⁴ в 1960 г. — Т.Б. Ухова и С.А. Клепиков.⁵ Четыре рукописи Ризницы (№ 1–3, 6) были описаны для Сводного каталога XIV в. Н.Б. Тихомировым.⁶ Уникальным рукописям были посвящены отдельные работы, авторы которых выявили важные палеографические особенности.⁷ Со временем накопилось довольно много информации, которую необходимо было учесть в новом описании Ризницы. С 2003 г., по договору с Дирекцией ФГБУ РГБ, сотрудниками Свято-Троицкой Сергиевой Лавры ведется работа по оцифровке рукописей, они выставлены для безвозмездного пользования на сайте Лавры, в том числе и рукописные книги Ризницы.⁸ В 2015 г. настоятель Троиц-

² Леонид (Кавелин), архим. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1881.

³ Описание Собрания Троице-Сергиевой Лавры (Ризница. Ф. 304/III). Дополнение к печ. оп. 1880 г. (описание отд. №№; маш. б. д.).

⁴ [Олсуфьев Ю.А.] Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры. М., 1921; Олсуфьев Ю.А. Опись древнего церковного серебра б[ывшей] Троице-Сергиевой лавры (до XVIII века). Сергиев Посад, 1926. С. 155–158.

⁵ Ухова Т.Б., Клепиков С.А. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой Лавры и Московской духовной академии // Записки отдела рукописей / Гос. б-ка СССР им. Ленина. Вып. 22. М., 1960. С. 147–160.

⁶ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. М., 2002. С. 163–166 (№ 1), 320–322 (№ 2), 325–330 (№ 3), 451–453 (№ 6).

⁷ Левочкин И.В. Псалтирь царя Иоанна Васильевича Грозного как памятник русского средневекового искусства // Очерки по истории русской книги XI–XVII вв. М., 2009. С. 207–219; Пуцко М. Псалтирь Грозного и некоторые вопросы изучения новгородского книжного искусства XIV века // Музеи применены уметности. 36. 19–20. Београд, 1975/1976. С. 61–78 и др.

⁸ <http://riznitsabook.ru>

кой Лавры архиепископ Феогност обратился в РГБ с просьбой предоставить современное описание этого уникального собрания, которое бы сопровождало оцифрованные рукописи Ф. 304/III.

В новом описании добавлены некоторые пункты, которых не было в утвержденном ранее в РГБ плане описания рукописных книг,⁹ например, информация о листах, на которых эти тетради находятся. Это обстоятельство объясняется тем, что работа пользователя с оцифрованным изображением не позволяет увидеть все палеографические особенности книги, например, не дает определить точно количество тетрадей.

В новом описании была заново описана физическая сохранность книг, претерпевших изменения за время своего бытования. Так, в Евангелии боярина Феодора Кошки в настоящее время имеются только две из трех драгоценных завес (посеребренных, с позолотой), закрывавших обрез с боковых сторон. Из-за сломанного крепления теперь они хранятся в сейфе, отдельно от книги, вместе с отделившимися от переплета застежками. После реставрации отдельно от книги стал храниться и драгоценный оклад Евангелия Бирева. Изменилась и физическая сохранность Евангелия Хитрово. Книга реставрировалась несколько раз: 1) в XVII в. (?); 2) в 1966 г. реставратором В.О. Кириковым были проведены пробные укрепления отставаний отдельных участков красочного слоя на л. 3 (заставка); 3) в 1978 г. эстонский реставратор-переплетчик Э. Валк-Фалк отделил от блока 12 тетрадей, начиная с нижней крышки; 4) в 1984–1993 гг. в Москве, во ВНИИРе, под руководством реставратора высшей квалификации Г.З. Быковой.¹⁰

При описании рукописных книг Ризницы была уточнена датировка бумажной части Служебника преподобного Никона Радонежского (№ 8). Эта книга является конволютом и состоит из двух частей. 1-я часть: 1381–1382 гг. (пергамен); 2-я часть: вторая треть XV в., бумага с вод. зн. «Голова быка», л. 52, 55, 56, 74, 82, 86 — близок Лихачев, № 1042, 1122, 1123, 3887, 3888 — 60–70-е гг. XV в.; близок Брике № 14832–14839 — 1462–1477 гг. Форзац на бумаге без водяных знаков, понтуюзо 2,1–2,4 мм (встречается не ранее 80-х гг. XV в.). Первая часть Служебника была датирована еще архим. Леонидом, по ектенью на Литургии свт. Иоанна Златоуста: «Время написания сего служебника определяется хронологическими данными относительно поименованных в ектении князьях. Упомянутые князья, по всей веро-

⁹ Экспертиза и научно-техническая обработка рукописных книг: Методические рекомендации. Машиноп. М., 1990. В надзаг.: Государственная Ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, Отдел рукописей.

¹⁰ В секторе хранения, группе учета ОР РГБ хранится картон «Материалы по реставрации Евангелия Б.М. Хитрово» (рукопись, фото).

ятности, суть: в[ел]. князь Димитрий Иоаннович Донской, Владимир Андреевич Серпуховской, Василий и Юрий (род. 1374 г.) Дмитриевичи, дети вел. князя, и Иоанна (род. 1381) Владимирович, сына князя Серпуховского, владевшего и Радонежем. В 1382 г. родился у в[ел]. князя сын Андрей; его имени еще нет здесь, тогда как упоминается Иоанн, родившийся в 1381 году. Не упоминается другой сын в[ел]. князя Симеон, скончавшийся в сентябре 1379 года. След[овательно], Служебник сей писан не позже 1381 и не ранее 1382 г.»¹¹

Было значительно расширено описание Псалтири на грузинском языке (№ 27).¹² В частности, был определен тип письма — нусхури (основной текст), асомтаврули (заголовки и инициалы), а также тип Псалтири — богослужебная. Было установлено, что текст книги начинается с 1-го псалма, отсутствует только заглавие, в конце находятся 151-й псалом и девять библейских песен.

В новое описание собрания Ризницы ТСЛ вошло и подробное современное описание двух греческих рукописных книг (№ 26, 28), осуществленное Б.Л. Фонкичем.

Как удалось установить, надпись вязью на верхней крышке («Съ страхомъ и любовию приступаем Ти Христе и веруемъ словесемъ Твоимъ и веруемъ Господи въ святое Еуангелие Твое Христе Боже помози намъ и спаси насъ») в Меркурьевском Евангелии-тетр (третья четв. XVI в.) воспроизводит текст молитвы на поклонение Святому Евангелию, которая читается во время всенощного бдения при целовании Евангелия. По существующему обычаю, когда епископ или священник выносит Евангелие через Царские врата, следует, перекрестясь, поклониться в пояс со словами: «Слава, Господи, Кресту Твоему и Воскресению». Подходящие затем к целованию святой книги на первый земной поклон произносят молитву: «Со страхом и любовию приступаю Ти, Христе, и верую словесем Твоим». На второй поклон: «Страхом убо греха ради, любовию же спасения ради» (в данной надписи на книге она опущена). Затем, перекрестившись, целуют на Евангелии изображение распятого Спасителя в правую ножку, с молитвой Иисусовой. После этого вновь кланяются в землю, произнося: «Верую, Господи, во святое Евангелие Твое, Христе Боже, помози ми и спаси мя».

Обращает на себя внимание тот факт, что в последние несколько десятилетий наметилось интересное явление: рукописные книги, уже вошедшие в научный оборот и известные своей уникальностью, по-

¹¹ Леонид (Кавелин), архим. Славянские рукописи... С. 27.

¹² Благодарю аспиранта Московской Духовной Академии Александра Накаидзе за помощь в определении типа письма и текстологических особенностей данной рукописной книги.

лучают специальные названия. Так произошло и с Евангелиями Ризницы ТСЛ, которые часто употребляются под названиями Евангелие боярина Хитрово, Феодора Кошки, Симеона Гордого, Никиты Романова, Серапиона Курцова, старца Арефы Тормосова, а также Меркурьевское, Галтыевское и др.

Были подробно описаны и вновь присоединенные к собранию Ризницы следующие книги: Синодик (№ 29), Евангелие-тетр (№ 30), «Правило Свято-Троицкой Сергиевой Лавры» (№ 31). Ниже даем более подробное описание этих рукописей.

Синодик (№ 29). Нач. 90-х гг. XVIII в. — 1882 г. 48 л. 1° (39,8 × 31,4). Пергамен. Имитация полуустава. Было сделано подробное описание художественного оформления данной рукописной книги. На л. 6 заставка в виде картуша, в центре которой расположен герб России (двуглавый орел). По сторонам картуша изображены прп. Сергей Радонежский и прп. Никон Радонежский (с надписаниями). В верхней части картуша изображение иконы Спаса Нерукотворного. Переплет сделан из массивного картона, обоченного бархатом светло-коричневого оттенка со следами тиснения и изношенности. На верхней крышке в центре Голгофский крест (оттиск белого цвета). В Синодике обращают на себя внимание следующие статьи: «Поминовение и корм по государынях императрицах Елисавете Петровне и Анне Иоанновне» (л. 9–9 об.); «Поминовение и корм по преосвященных митрополитах, архиепископах и епископах» (л. 10–10 об.); «Поминовение и корм по чудотворцевых родителей» (л. 12); «Поминовение и корм по королеве иноке Марфе Владимировне да по королеве Евдокии Арцымагнусовне» (л. 12–12 об.); а также поминовения родов Годуновых, Хитрово, Сицких, Глинских, Шереметевых, Трубецких, Плещеевых, Сабуровых, Тарбеевых и др. (л. 13–20); «Поминовение и корм по роде преосвященнейшего митрополита Московского и Калужского и Святотроицкия лавры священноархимандрита Платона» и др. (л. 20–33 об.); «Благочестивых государей императоров Александра Первого, Николая Первого...» и других лиц (л. 35). Следует отметить и владельческую надпись на л. 1 об.: «Поступать посему неизменно во всегдашнее время. Смирный Платон, милостью Божиею митрополит царствующего великаго града Москвы и сея Лавры архимандрит. 1793 года, июня 4 дня».

Еще одно новое присоединение — Евангелие-тетр боярина Никиты Ивановича Романова (№ 30).¹³ Москва: Печатный Двор, 1633 г.¹⁴

¹³ Книга идентифицирована А.А. Гусевой по сводному каталогу: *Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках.* М., 1958. С. 42. № 99.

¹⁴ Бумага листов с миниатюрами и заставками отличается от основной бумаги водяным знаком: «Корона с большой лилией и крестом в вершине» (в справочниках не выявлен).

504 л. 1° (36,5 × 23,5). Книга замечательна своим переплетом. Это доски, обтянутые красным бархатом, обрез тисненный, золотный; корешок украшен шитьем, в окладе: золото, серебро, чеканка, гравировка, оброн, литье, эмаль, чернь, драгоценные камни: 50 мелких алмазов и 25 мелких рубинов. Средник украшен 28 рубинами и 16 изумрудами. Оклад украшен мелким жемчугом (132 камня). Застежки украшены рубинами и жемчугом. В книге имеются 4 высокохудожественные миниатюры с изображением евангелистов (темпера, золото). На л. 1, 10 имеется надпись: «Принадлежит Лавре преподобного Сергия, 1858 год», «Евангелие печатное, в 1633 году вклад боярина Никиты Иоанновича Романова». Данная книга с 1921 по 1931 г. находилась на выставке древних рукописей в Сергиевом Посаде. Она была присоединена к ф. 304/III по решению Методической комиссии от 23 декабря 2010 г.

Также к собранию Ризницы было присоединено «Правило Свято-Троицкой Сергиевой Лавры» (№ 31), датированное 1865 г. по писцовой надписи на л. 69 об. 70 л. 1° (37,7 × 29,0). Пергамен. Стилизованный устав. На л. 3 в книге имеется гравюра «Святые преподобные отцы, почивающие в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре», на которой изображены следующие святые: свт. Серапион Новгородский; прп. Михей Радонежский; свт. Иоасаф, митрополит Московский; прп. Сергей Радонежский, прп. Никон Радонежский; прп. Максим Грек; прп. Дионисий Радонежский. Они вознесены на облаках над Троице-Сергиевой Лаврой и держат в руках икону с изображением Святой Троицы. Рядом с каждым святым подпись с его именем. Замечательного исполнения выходная черно-белая миниатюра в рамке растительного орнамента с изображением преподобного Сергия Радонежского, взятая из лицевого Жития святого, изданного в Троице-Сергиевой Лавре в 1853 г. (л. 12). В книге имеются инициалы (95) — крупные, высокохудожественного исполнения, в рамках, украшенных стилизованным цветочным орнаментом, в красках. Интересно на л. 40 об. заставка-рамка растительного орнамента с изображением Спасителя. Основное содержание книги составляет «Правило Свято-Троицкия Сергиевы Лавры, установленное по благословию настоятеля оныя его Высокопреосвященства Филарета, митрополита и архимандрита, отправляемое в 7 часов вечера в странноприемной больнице на повечерии по прочтении канона Богородична во Октоихе...»: стихиры, три совмещенных канона: «Умилительный ко Господу нашему Иисусу Христу», «Благодарен Пресвятей Богородице»; «Ангелу Хранителю», катавасии и др. стихословия (л. 5–19); «Кондаки и икосы Господу нашему Иисусу Христу» — акафист Иисусу Сладчайшему (л. 20–40); «Кондаки и икосы похвальные преподобному

и богоносному отцу нашему Сергию Чудотворцу» — акафист святому (л. 40 об.–55); молитвы Иисусу Христу, Пресвятой Богородице, прп. Сергию Радонежскому, Ангелу Хранителю (л. 55 об.–58 об.); молитвы «на сон грядущим» (л. 59–64); «Молитва Пресвятей Троице» (л. 65–66 об.); 2 Молитвы преподобному отцу нашему Сергию Чудотворцу (л. 66 об.–69 об.). На л. 4 находится предисловие, рукой писца: «Копия с подленника. Благословением и благодатию Пресвятыя и Живоначальныя Единосущныя и нераздельныя Троицы молитвами Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергия да будет сие молитвенное правило в жертву благоугодну Богови и в духовную пищу утешение утверждение и спасение душ братии наша. Смирный Филарет, митрополит и архимандрит». На л. 69 об. писцовая надпись: «Писано сие молитвенное правило по благословению Его Высокопреподобия наместника Свято-Троицкия Сергиевы Лавры Иоанном Колинкиным. Окончено месяца февруария 16 дня 1865 г.».

При описании книг Ризницы были выявлен целый ряд замечательных палеографических и текстологических особенностей.

Так, во всех Евангелиях-тетр оглавления перед ними не соответствуют названиям («Главы от святаго Евангелия»). Они представляют собой перечень названий фрагментов текста, так называемых «кефалий», на которые текст был поделен в Александрийском кодексе (V в.),¹⁵ для удобства изучения и частного чтения. Важно отметить, что это характерно не только для ризничных Евангелий-тетр, но и для остальных древнерусских Евангелий. Интересно, что точно такие оглавления имеются уже в Новом Завете митрополита Алексия. Отмеченная текстологическая особенность Евангелий-тетр требует дальнейшего изучения.

Еще одна яркая особенность была выявлена в Псалтири царя Иоанна Васильевича Грозного (№ 7) — маргиналии. Псалтирь царя Иоанна Васильевича Грозного является уникальным памятником древнерусской письменности последней трети XIV в. Это следованная Псалтирь, написанная уставом нескольких почерков. Она была подарена царем Иоанном Васильевичем в Троице-Сергиеву Лавру, о чем свидетельствует вкладная надпись: «Вкладу царя и великаго князя Иоанна Васильевича» (л. I). Н.Н. Зарубин при реконструкции библиотеки царя Иоанна Грозного высказал мысль, что данная книга была пожертвована царем из своей библиотеки «по князе Василии Ивановиче Шуйском из рода Скопиных-Шуйских».

Необычные маргиналии находятся на полях рукописи, в конце надписаний к псалмам. Они представляют собой краткие толковые

¹⁵ Ткаченко А.А. Начало // Православная энциклопедия. Т. 19. М., 2008. С. 712–713.

надписи, вписанные в киноварные геометрические фигуры: круги, треугольники, прямоугольники, квадраты. Такого рода маргиналии сопровождают все псалмы, кроме 81-го, 116-го, 118-го.

В соответствии с содержанием псалмы обычно разделяются на хвалебно-благодарственные, молитвенные или учительные, мессианские, однако маргиналии в Псалтири царя Иоанна Грозного гораздо шире как по содержанию, так и по функциональному назначению. Маргиналии в данной рукописной книге содержат следующие надписи: «Славословие» (пс. 1, 9, 20, 22, 28, 29, 33, 45, 46, 47, 64, 65, 80, 88, 92, 94, 102, 103, 105, 107, 112, 117, 120, 121, 123, 125, 133–135, 137, 143–150); «Молитва» (пс. 3–7, 12, 16, 21, 24, 30, 34, 37, 42, 50, 53, 55, 56, 58–60, 62–63, 66–70, 73, 75, 76, 78, 79, 84, 85, 87, 101, 108, 119, 122, 129, 130, 136, 139–142); «Учение» (пс. 8, 10, 11, 13–15, 17–20, 22, 23, 25, 26, 31, 32, 35, 36, 38–44, 48, 49, 51, 52, 57, 61, 72, 74, 80, 82, 83, 86, 89, 90, 93, 96–100, 104, 106, 110, 111, 113–115, 123, 124, 126–128, 131, 132, 138); «О страсти» (пс. 2); «О лихоимстве» (пс. 25); «О иереях» (пс. 28); «На врага/враги» (пс. 35, 51, 108); «О Спасе и Богородице» (пс. 44); «Спаса нашего» (пс. 68); «О Рождестве Христове» (пс. 71); «О жидех» (пс. 77); «Похвала» (пс. 91); «Пророчество» (пс. 109). При некоторых псалмах имеются две маргиналии: «Учение», «Славословие» (пс. 22); «Учение», «О лихоимстве» (пс. 25); «О иереях», «Славословие» (пс. 28); «Учение», «На врага» (пс. 35) и др. Данный факт свидетельствует о многозначности псалмов. Следует отметить также грамматическую и фонематическую вариантность приведенных надписей. Наличие системы маргинальных обозначений в следованной Псалтири посл. трети XIV в. представляется явлением весьма важным, требующим своего всестороннего изучения.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что новое описание собрания Ризницы Свято-Троицкой Сергиевой Лавры позволило уточнить не только датировку некоторых книг (№ 8, 21) и описать произошедшие с течением времени изменения физической сохранности книг, но и выявить текстологические особенности — необычные маргиналии в Псалтири царя Иоанна Васильевича Грозного и реликтовые оглавления из Александрийского кодекса в Евангелиях-тетр.

Л.И. ЖУРОВА

«СУДНЫЙ СПИСОК МАКСИМА ГРЕКА» И ЦЕРКОВНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА XVI в. (МИТРОПОЛИТ ДАНИИЛ И МАКСИМ ГРЕК)

д-р филол. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: zhurova@ngs.ru

На основе анализа фрагментов «Судного списка Максима Грека»: «свидетельств» священного Писания, речи митрополита Даниила, ответов Максима Грека — установлены их смысловые и структурные отношения с сочинениями публицистов, определены композиционная и семантическая функции, описаны некоторые аспекты творчества писателей.

Ключевые слова: публицистические сочинения, «Судный список Максима Грека», митрополит Даниил, композиционная и семантическая функции.

Редакция «Судного списка Максима Грека»,¹ которая находится в рукописи, обнаруженной новосибирскими археографами на Алтае в 1965 г. и введенной в научный оборот Н.Н. Покровским (ГПНТБ СО РАН. F.IV.3. 1°. 90-е гг. XVI в. Алтайский сборник),² признана, по словам С.О. Шмидта, «ценнейшим источником по общественно-политической истории России первой половины XVI в.»,³ уникальным памятником древнерусской книжности. Н.Н. Покровский предположил, что «Судный список» был составлен накануне церковного собора 1549 г.: «Наиболее вероятное время создания протографа Сибирской редакции “Судного списка” ограничивается, на наш взгляд, 1544–1548 годами, причем ближе к концу этого периода» (с. 39). Н.В. Синицына в одной из последних своих работ на основе анализа состава участников соборов 1525 и 1549 г. заключает, что нельзя «относить начало создания обобщенного Судного списка ко времени, далеко отстоящему от 1549 г.»⁴ Итак, датировка памятника приходится на конец 1540-х гг. В качестве протографа исследователи

¹ В данной статье анализируется первая часть «Судных списков Максима Грека и Исака Собаки», а именно судебное разбирательство с Максимом Греком.

² Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Подг. Н.Н. Покровского. М., 1971. Текст цитируется по этому изданию, страницы указаны в круглых скобках.

³ Шмидт С.О. От редактора // Судные списки... С. 5.

⁴ Синицына Н.В. Я вспоминаю... // Российская история. 2017. № 3. С. 25.

рассматривают «подлинный соборный список Данила, митрополита всея Руси», который, как сообщает 39-я глава Алтайского сборника, был обретен в царской казне 2 ноября 1548 г. (с. 35).

Н.А. Казакова доказывала, что «Судные списки» «являются литературно-публицистической переработкой официальных протоколов суда».⁵ О публицистическом характере памятника писал Н.Н. Покровский, предложивший рассматривать его как источник «особого вида» (с. 89). Его специфику исследователи видели в беспорядочности изложения документов, несвязанности, бессистемности, и объяснение этому пока не найдено.

Опираясь на результаты исторических исследований «Судных списков»,⁶ предлагаем опыт филологического анализа сочинения XVI в. Обращение к «Судному списку», где действующими лицами выступают Московский митрополит Даниил и инок Максим Грек, обусловлено тем, что его изучение может прояснить некоторые аспекты в творчестве церковных писателей. Так, установлено, что большинство сочинений митрополита практически не датируются, поскольку не содержат в себе примет времени, исторических реалий, имен. «Судный список» может послужить некоей ориентировочной временной точкой в изучении эволюции писательской деятельности Даниила.

Нас интересуют материалы, связанные с выступлениями Даниила и Максима Грека на суде. Этот своеобразный задокументированный авторский текст — объект изучения. Выявление композиционной и семантической функций таких фрагментов «Судного списка», как «свидетельства», речь митрополита Даниила и ответы Максима Грека, становится целью настоящего небольшого исследования. Одна из задач — определение их места в творчестве двух писателей. Анализ состава «Судного списка» показывает, как духовный и исторический материал становятся частями общего контекста в средневековой публицистике.

С документов собора 1525 г. начинается «Судный список», и среди них «свидетельства от Божественных Писаний». Публицисты XVI в., как правило, в своих сочинениях часто обращались к прецедентному тексту — библейскому, апостольскому, святоучительскому, располагая его именно в такой последовательности. Соблюдение иерархии

⁵ Казакова Н.А. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека // Византийский временник. Т. 28. М., 1968. С. 114.

⁶ Казакова Н.А. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. С. 109–126; Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XVI в. Л., 1970; Судные списки...; Покровский Н.Н. Замечания о рукописи судных списков Максима Грека // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 80–102; Синицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 139–145; Синицына Н.В. Максим Грек. М., 2008. С. 159–184.

в представлении цитат — имманентная черта в практике проповедников. Так, Иосиф Волоцкий в полемических трактатах «Книги на еретиков» («Просветителе») в изобилии использует тексты Священных Писаний, придерживаясь означенной парадигмы. Ранние полемические сочинения Максима Грека отличаются большим набором выписок, которые расположены в определенном порядке. Например, система доказательств антилатинской тематики в посланиях Федору Карпову построена на ряде евангельских цитат, толкования которых системно представлены апостольской и святоотеческой литературой: «Ныне же богоносных мужей да прилогаем заповѣди, яко общахом», «Но да приведем Слово, откуда изыде извлечено, и да услышим иных Божественных отець».⁷ Максим Грек обращается к сочинениям апостола Павла, Иоанна Златоуста, Дионисия Ареопагита, Кирилла Александрийского и др. Важно, что Максим Грек сопровождает комментариями приведенные источники, тем самым убеждая своих читателей, формируя их мнение.

Даниил в Словах «Соборника» тоже много цитирует, но цитата у него выступает только как абсолютный аргумент, которому читатель должен верить. Специальные подборки цитат и выписок из священных текстов — «свидетельства» — особенность композиции Слов Даниила, в первую очередь они выполняют просветительскую функцию. Творчество составителя заключается в отборе и структурированности материала.⁸ Выписки из Евангелия, посланий апостолов, сочинений Отцов Церкви, постановлений соборов и др., именно в такой последовательности, занимают в Словах митрополита большой объем, до 90 %.

В «Судном списке» подобные материалы находятся в начальной части памятника, где сказано, что Даниил на соборное 1525 г. «велел прочести свидетельства от Божественных Писаний, от Евангелия, и от Апостола, и от прочих сице», указывающие на ошибку перевода Максима Грека шестого члена Символа веры — «о сидении Христове одесную Отца». Чтение было поручено владыке Сарскому и Подонскому Досифею. «Свидетельства» в «Судном списке» открываются евангельским текстом (Мк. 16:19), затем следуют цитаты из Посланий апостола Павла Евреям, Ефесянам, Колоссянам, за ними приведены выписки из слов Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина и т.д. Такая же иерархия «свидетельств» наблюдается в Словах «Со-

⁷ Максим Грек. Сочинения. Т. 1. М., 2008. С. 180, 188.

⁸ Журова Л.И. «Слово о Крестной смерти» митрополита Даниила и традиция учительной литературы // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция. Новосибирск, 2014. С. 136–147.

борника» Даниила, и она становится признаковым пространством сочинений Даниила. Необходимо определить, опыт составления «свидетельств» в «Судном списке» предшествовал созданию «Соборника» или, наоборот, «Соборник» повлиял на «Судный список»? Б.М. Клосс относит появление «Соборника», главного труда Даниила, к 1520-м гг., привязывая его к истории создания Сводной Кормчей Даниила, которая готовилась к Собору 1531 г.⁹ Но текстуальные совпадения двух памятников («Соборника» и Кормчей) приходится на некоторые выписки прецедентных текстов только в одном сочинении, а именно — Слове 8 «Яко подобает к властем послушание имѣти и честь въздаати, и еже на врагы Божиа». Кодикологический анализ основной, самой ранней рукописи «Соборника» (РГБ. Ф. 193/1. № 197. Филиграния 30-х гг. XVI в.) и история текста Слова 8 позволяют отнести время составления «Соборника» к 30-м гг. XVI в., до 1539 г. (до времени отлучения Даниила от митрополичьей кафедры).

Большинство «свидетельств» представлено краткими цитатами и без толкований, что, конечно, обусловлено их ролью в протоколе судебного заседания, а в Словах «Соборника» выписки, как правило, представляют собой довольно пространные фрагменты. Обратим внимание, что основная группа «свидетельств» имеет свою содержательную и композиционно организованную концовку: «Великаго Василия и Златоустаго, во еже о священстве, таинах и о Христове престоле. Благословен еси, Христе Боже наш, иже на престоле славы Царствия Твоего сяди всегда, ныне и присно и в веки веком. Аминь» (с. 95). Означенному финалу как раз предшествовали выписки из сочинений упомянутых Святых Отцов. Видимо, такой (первоначальный) вариант «свидетельств» был составлен к Собору 1525 г. В позиции постфинала находятся еще четыре выписки, отличающиеся тем, что содержат толкования: «Соломоново. От иже в пении и песнях, сие же писано, и в толковании, еже от Луки Евангелия, в главе 45», «Златоустаго. От толкования еже от Ивана Евангелия», «От толкования Евангелия в неделю пред Воздвижением», «Апостолово. От еже ко Евреом... Толкование» (с. 95–97). Эти пространные фрагменты имеют иную стилистику. Скорее всего, они могли появиться в так называемом «подлинном соборном списке Даниила», обнаруженном в 1548 г., и их однотипность со Словами «Соборника» Даниила бесспорна. Влияние опыта работы митрополита над «Соборником» в последних фрагментах «Судного списка» очевидно. Расширение объ-

⁹ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 77.

ема сочинений — одна из закономерностей писательской практики Даниила, ее можно наблюдать на примере истории текста посланий.¹⁰

После «свидетельств» в «Судном списке» помещены материалы Собора 1531 г. Они вводятся преамбулой, в которой дана мотивация второго суда над Максимом Греком: «...Собравшеса вси соборне и изобретоша ко многим прежним хулам новейшие хулы... на Максима инока Грека Святогорца». Воспоминанием о его заточении в Волоколамском монастыре («Яко ему сушу во Иосифове монастыре, в темницы затворену бывшу обращения ради и покаяния, и исправления, никако же ему не учити, ни писати или писания составлять...») связывается в единый сюжет рассказ о двух соборах.

В тексте такого предисловия киноварным написанием буквы О в местоимении *он* (Максим Грек) с новой строки выделен переход к главной теме повествования — новых «винах»: «Он же покаяния и исправления не показаваше и неповинна во всем себе глаголяше, и отреченая мудръствоваше, и послания писаша». О составлении посланий в заточении науке пока не известно. Постановлением инока перед судьями завершается вступительная часть: «И тако рассмотревше и расудивше не токмо необратный его нрав, но еще и хулы его прибылыя новейшая... привезше его с Волока из Осифова монастыря на Москву, поставиша перед Даниилом, митрополитом всея Руси... и перед всем священным собором» (с. 97). Этот краткий рассказ емко по содержанию, его стиль далек от делового и привлекателен своей эпичностью, сюжет выразителен, а драматизм ситуации придает ему эмоциональную окрашенность. Такое повествование принадлежит руке опытного книжника. Главное обвинение герою, имеющему «необратный нрав», состоит в том, что он не показал покаяния и исправления.

Смысловым ядром судебных «взысканий» послужила обвинительная речь Даниила, по словам Н.Н. Покровского, «хитро и умело составленная» (с. 65). По существующей классификации ее можно отнести к обращенному монологу.¹¹ Исследование формы высказывания позволит определить его место в творчестве митрополита. Р. Пиккио призывал и очень много сделал сам для того, чтобы «изучение древнерусской литературы в большей степени сосредоточивалось на литературных приемах и выработке формальных структур, нежели на тематике произведений».¹² Анализ этикетных элементов

¹⁰ Журова Л.И. Послания митрополита Даниила: История текста авторского собрания // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2017. № 4 (в печати).

¹¹ Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2002. С. 232.

¹² Пиккио Р. Влияние церковной культуры на литературные приемы Древней Руси // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 140.

позволит установить закономерности и особенности в писательской практике церковного публициста. Выступление Даниила следует отнести к первичным речевым жанрам, по классификации М.М. Бахтина. Как всякое высказывание оно имеет начало и конец, четкие границы, которые определяются сменой речевых субъектов.¹³ Начало речи Даниила маркировано в рукописи киноварным надписанием: «И митрополит Максиму говорил» (с. 97). Конец определяется передачей слова Максиму Греку для ответа: «И ты скажи нам...».

В ходе судебного разбирательства реплики Даниила введены словами «И митрополит спросил», Максима Грека — «И Максим отвечал». Такая схема, безусловно, есть имманентная черта протокольного письма, и в поздних списках, Погодинском и Барсовском, она оформлена прямыми указателями: «Вопрос», «Ответ», которые ориентируют читателя на восприятие документального текста. В Сибирском списке изложение более непосредственное: допрос представлен в виде полного диалога, где соблюдена ритуальная строгость и этикетная упорядоченность.¹⁴ Но классическая диалогическая модель «говорящий — говорящий» здесь модифицирована как «вопрошающий — отвечающий», которая выполняет характерологическую роль в представлении персонажей действия. Особенностью диалога в «Судном списке» стали вставки, сопровождающие или прерывающие ход допроса, например, предыстория второго суда, о которой шла речь выше, или эпизод о поисках перевода Жития Богородицы Симеона Метафраста, выполненного Максимом Греком. Именно они дают основание говорить о литературно-публицистической обработке судебных материалов. Если эти фрагменты признать как «слова автора» в диалоге, то «Судный список» следует квалифицировать как особый вид средневековой публицистики, его анализ еще предстоит сделать. Задача настоящей статьи — определить соотношения высказываний Даниила и Максима Грека с трудами этих писателей.

Содержание речи Даниила хорошо известно. Даниил выдвинул Максиму Греку ряд «вин»: сговор с турецким царем, оскорбление великого князя, колдовство, написание «седев одесную Отца», критика русских монастырей (стяжание) и поставление митрополитов в Москве без благословения Царьградского Патриарха, хуление русских чудотворцев, гордость, хвала еллинских и жидовских чернокнижных волхований и др. В обвинительный приговор войдут только две позиции: о книжных исправлениях и поставлении Московских митро-

¹³ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. М., 1996. С. 172.

¹⁴ Нестеров И.В. Диалог и монолог как литературоведческие понятия: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998. С. 4.

политов, что может свидетельствовать об ослабленных политических позициях Даниила. Известно, что в первой половине XVI в. архимандрит Троице-Сергиева монастыря мог иметь большее влияние на государственные дела, нежели Московский митрополит.¹⁵

В композиции речи следует выделить вступление, где Даниил упомянул благодеяния и великую честь великого князя Василия Ивановича, оказанную монастырям Святой Горы, за что пришедшие греки должны бы молиться о его благочестивой державе (забегая вперед, отметим, что Максим Грек свой «Ответ собору» в конце 40-х гг. начал с этого пассажа).

Высказывание Даниила составлено из четко и единообразно структурированных положений обвинительного содержания. Каждое из них начинается с обращения, оформленного анафорой: «Да вы же...», «да ты же...», единоначатие ритмизирует текст и придает ему магическую функцию. В судебной речи Даниил намеренно давил на имя обвиняемого, сочетая его с местоименным апеллятивом, например:

Да ты же говорил многим людям: быти на тои земли Рустей салтану турскому...

Да ты же, Максим, великого князя Василия называл гонителем и мучителем нечестивым...

Да ты же, Максим, волшебными хитростями писал еси водками на дланех...

Да ты же, Максим, говорил многим, учил и писал в книгах, яко сидение Христова одесную Отца мимошедшее есть...

Да ты же, Максим, святые церкви и монастыри укоряеши и хулиши...

И ты, Максим, себе везде оправдаеши, и возносишь, и хвалишь...

Ситуативное функционирование обращений составляет одну из примечательных особенностей речи архипастыря, которую можно наблюдать в главах «Соборника».¹⁶ Оно поддерживает драматургию общения автора с аудиторией. В посланиях и «наказаниях» митрополит, как правило, обращался к безымянному адресату, например, в Слове 8 «Соборника»: «Ты же пастыря презираеши и ни в что же полагаеши»; «Ты же реченная басни мниши, ибо нечувствен еси, похабен еси...».¹⁷

В целом выступление Даниила построено по однотипной модели описания «вин» Максима Грека. Такой способ ограничивал изложение каждой «хулы» Святогорца и нагнетал обвинительный пафос, направленный на личность. Не обошелся архиерей без повторов. Так, дважды Даниил вспомнил о пребывании афонского монаха в

¹⁵ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80 гг. XVI в. СПб., 2006. С. 6–40.

¹⁶ Журова Л.И. «Наказания» в структуре Слов «Соборника» митрополита Даниила // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 50–57.

¹⁷ Цит. по рукописи: РГБ. Ф. 173 /I. № 197. Л. 203, 203 об.

Иосифовом монастыре, причем каждый раз отмечал, что приказано было надзирать за Максимом старцу Тихону Ленкову и духовному отцу священнику Ионе» (с. 98, 100). Повторы обычны в писательской практике Даниила, о них часто писали в историографии XIX в. (митр. Макарий, В. Жмакин, Е.Е. Голубинский). Они свидетельствуют, скорее всего, об импровизационном характере речи Московского митрополита, хотя, безусловно, его выступление было тщательно подготовлено. Речь Даниила на суде по своей жанровой природе скорее близка не к посланиям, а к «наказаниям», в которых тон упрека, осуждения, критики окрашивает повествование.

Монолог Даниила послужил зачином всего дальнейшего драматического действия. Модальность речи создавала управляемую семантическую структуру, которая должна была определить сценарий и тональность судебного разбирательства. Митрополит открыл «взыскания», заканчивая речь: «А ныне на тебя иные богохулные вины многия явились. И ты скажи нам, что еси с своими единомысленники и советники мудровал и смышлял, и действовал на православную веру?». И Максим отвечал: «Ни с кем есми, господине, хулы на Бога, и на Пречистую, и на православную веру не говаривал и не писывал, и не веливал писати» (с. 100). Часто афонский монах свидетелям, поставленным «с очей на очи», отвечал: «Душа, брате, тебя подыметь».¹⁸ Краткие ответы Максима Грека контрастируют с пространными речами владыки и судий: они — условность протокольного повествования или, вероятнее всего, сознательный прием, позволивший составителю «Судного списка» умалить роль персонажа (Максима Грека) в драматургическом сценарии, составленном и срежиссированном, более чем вероятно, Даниилом. Примечательно, что Даниил ни в одном из своих сочинений не упомянул о событиях Соборов и его главном обвиняемом Максиме Греке.

Максим Грек, наоборот, дал развернутые ответы «судиям моим» в ряде сочинений, которые сейчас достаточно хорошо исследованы.¹⁹ На продолжение диалога он провоцировал Даниила в послании «К Даниилу митрополиту», которое включил в состав Хлудовского собрания.²⁰

¹⁸ Одно из значений глагола «подыметь» — «принимать на себя», фразу можно перевести как: «Это на совести твоей».

¹⁹ *Синицына Н.В.* Максим Грек. С. 177, 185–190.

²⁰ *Журова Л.И.* Авторский текст Максима Грека: Рукописная и литературная традиции. Ч. 1. Новосибирск, 2008. С. 343–348; Ч. 2. Новосибирск, 2011. С. 136–145; *Журова Л.И.* Максим Грек и митрополит Даниил: Парадигма творчества // *Славяноведение*. 2017. № 1. С. 16–17.

Завершением оправдательных речей ватопедского монаха может служить уникальный «Отвѣтъ въкратцѣ къ Святому събору, о нихже оклеветан бываю» (далее «Ответ Святому собору»), составленный Святогорцем, видимо, в тревожном ожидании Собора 1548–1549 г., подготовка которого могла, по заключению Н.Н. Покровского, спровоцировать и составление «Судного списка» (с. 38–39). Это сочинение Максима Грека известно в единственном списке, правленном автором, в составе уникального по составу Румянцевского сборника (РГБ. Ф. 256. № 264. Л. 288–292); памятник опубликован митр. Филаретом (Гумилевским) в 1842 г.²¹

«Ответ Святому собору» состоит из двух равных частей, и границей служит устойчивое выражение: «Но о сем убо толика». В первой части содержится собственно ответ Максима Грека Собору, во второй, видимо, составленной несколько позже, обсуждаются два вопроса, вышедшие на повестку дня, наверное, с подготовкой Собора 1548–1549 г.: ответ на критику сочинения о тверском пожаре 1537 г. и о сребролюбии. Части различаются адресатами повествования. В начале «Ответа Святому собору» обращение имеет имперсональный характер: «Молю всякого боголюбива священноначальника и богочестиваго князя с всакою подобающею благовѣрным кротостию и правосудием слышати мене, отвѣщающа о себѣ, о нихже от нѣких оклеветаем бываю». В конце второй части Максим Грек апеллирует к молодому царю Ивану IV и московского правителя ставит в один ряд с воспеваемыми древними начальниками и великим князем Владимиром: «Благовѣрнѣишии царь и великии князь всея Руси... съпричтен к ним будеши, тою же славою им облистаем, якоже им съревнитель Божественны». Наличие двух апелляций позволяет разделить текст «Ответа Собору».

Нас сейчас больше всего интересует его первая половина, которая собственно и является «Ответом Собору», и здесь находим смысловые связи с «Судными списками». В ее начале и конце Максим Грек говорит о себе. Так, искусно перефразируя слова пророка Амоса, он представляется: «Нѣсмь священник, ни сын священический, но прост инок и в Богодухновеных Писании искусен отчасти». С чувством достоинства ведет церковный публицист свое повествование. Начинает с ответа на упрек Даниила в немилости греков к Московскому князю: «И Божия благодать... благоизволила и посла мя от Святыя Горы в благовѣрную страну вашу, великыя Руси, отпущена мя с благословением всея Святыя Горы по повелѣнью приснопамятного самодръжца всея Руси великого князя Василя Ивановича». Само местоположение этого высказывания — позиция начала текста — запараллелива-

²¹ Москвитянин. 1842. Ч. 6. № 11. С. 84–91.

ет речь Даниила и сочинение Максима Грека. На слова митрополита о долге молитвы за благочестивую державу Максим Грек ответил: «И здѣ пришед, не празден, ни бездѣлен обрѣтохся благочестию вашему». Далее он говорит о своих заслугах перед Русью: переводческой работе (о переводе Толковой Псалтыри, «и ины богодухновенныя книги овых убо преведох, овых же исправив много препорченных бывших от преписующих я»), обличениях латинского учения, агарянской прелести, еллинского многобожия, еврейского зловерия, армянской ереси. Этими трудами²² он ответил Собору на обвинения его в ереси. Кроме того, он видит значение своей воспитательно-просветительской деятельности в том, «приготових оружия необоримаа, да сими могут загражати скверных уст их». Кроме своих полемических сочинений, Максим Грек гордится и сочинениями иной проблематики, актуальной для русской действительности: «И ина же различна и немала списах о добродѣтели и злобѣ, правдѣ же и на неправдѣ, о цѣломудрии же и на нечистоту, о покаании же и иночьском житии, о нестяжании же и многоимѣнии, и ина различна». Среди «различных» он выделил сюжет о тверском пожаре 1537 г. («Какыя бы речи рекл бы убо к Съдѣтелю всѣм епископ тферьскыи...» — 21 глава Иоасафовского собрания), где свое критическое повествование построил от лица Господа, за что, видимо, ему выдвинули новые обвинения. Опасаясь возможных разбирательств, Максим Грек заготовил развернутый ответ, где доказывает, что «образ сицеваго глаголания (от лица Спаса. — Л.Ж.) не аз прѣвыи въводу в церковныи обычаи, но и ины древнии богодухновенни отци». Во второй части «Ответа Святому собору» публицист подобрал свидетельства, которые можно расценить как превентивные меры защиты от ожидаемого обвинения.

Само восприятие Максимом выдвинутых против него обвинений выразилось в горьких словах «Ответа Святому собору»: «Чесо ради оклеветан бываю от нѣких, акы хулник и льстив?». Клеветник, хульник — самые болезненные для него точки в обвинениях (в «Послании Даниилу» читаем: «Акы хулника и Священных Писанеи тлителя осудисте мя нѣких ради малых описеи...»). В «Ответе Святому собору» Святогорец не касался вин в «описях» и поставлении митрополитов в Москве, вынесенных в приговор суда, потому что он их тем или иным образом признал. Главная особенность сочинения — образ автора-героя, не сломленного тяготами жизни и горечью судьбы заточника.

Максим Грек признает только одного Судью, и сам осознает свои прегрешения: «Вѣдома, коего убо осуждения достоин аз», а выдвинутых ему обвинений не признает: «И обличаем вами исправление

²² См.: *Максим Грек. Сочинения*. Т. 1. М., 2008. С. 171–242; Т. 2. М., 2014. С. 71–135, 338–339.

никако же принимаю». Слова «и обличаем вами» вписаны почерком Максима Грека на поле рукописи со знаком вставки, и эта правка указывает на развитие интенции автора. «Ответ Святому собору» демонстрирует этическую позицию афонского монаха. Спустя много лет, претерпев лишения и страдания, инок сохранил стойкость духа и верность своим убеждениям: «Достоин есмь осужения и прещения немала. Аще же прилична и достойна непостижимаго Божественаго нрава Его, привожу завѣщающаго мнѣ, окаанному, прогнѣвающу Его всегда всячьскими злобами и преступлении». Заканчивает Максим Грек свою защитную речь прощением: «Да не вомѣниться им от Господа сицево неправдование!». Фразой «Но о сем убо толика» ставит точку и закрывает тему Собора, оклеветавшего его.

Итак, семантическая функция пространной речи Даниила проявилась только внутри «Судного списка», она породила прения с Максимом Греком, но никак не отразилась на содержании его сочинений. Композиционно она служила организации «взысканий». Краткость ответов Максима Грека на суде диссонирует с его большими трудами, которыми он в течение всей жизни отвечал «судиям».

Т.А. ИСАЧЕНКО

ОБРАЗ АФОНА В СКАЗАНИЯХ МАКСИМА ГРЕКА И СЕРГИЯ ШЕЛОНИНА*

д-р филол. наук,
Российская государственная библиотека, Москва
e-mail: isachenko33@yandex.ru

Статья посвящена сказаниям о Святой Горе, зафиксированным в устной традиции и памятниках рукописной письменности, часть которых прочно связывается с именем Максима Грека. Легенда о «жребии» Пресвятой Богородицы кратко упоминается в «посланиях» Максима Грека, в развернутом виде представлена в хронографическом конвое третьей редакции «Азбуковника» Сергия Шелонина (ок. 1660 г.), в повествованиях книги «Рай мысленный», изданной типографией валдайского Иверского монастыря в 1658–1659 гг., «сказаниях» чудовского иеродиакона Дамаскина (конец 80-х гг. XVII в.).

Ключевые слова: «Послания» Максима Грека, «Азбуковник» Сергия Шелонина, «Воспоминание отчасти Святой Горы Афонския», «Рай мысленный», чудовский иеродиакон Дамаскин.

Сведения об Афоне особенно активно распространялись на Руси в XV–XVI вв. через переводную литературу, документальные свидетельства, устные рассказы и сказания паломников и самих святогорцев. Ключевой в истории Афона стала легенда о «жребии» Пресвятой Богородицы, письменная фиксация которой, по всей видимости, отражает устное предание. В историографии сюжет о «жребии» Пресвятой Богородицы закрепился под названием «Воспоминание отчасти Святыя Горы Афонския, как о наречена бысть...».¹ Славянский перевод «Воспоминания...» в виде отдельной повести датируется не позднее 20-х гг. XVI в. Отредактированный вариант «Воспоминания...» представлен в рукописи первой трети XVI в. (РГБ. Ф. 304/1. № 686) — одном из старших русских списков, который датируется не позднее 1520-х гг. «Воспоминание...», вероятно, зафиксирован

* Работа осуществлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-04-50005.

¹ *Троицкая Т.С.* «Воспоминание отчасти Святыя Горы Афонския, како наречена бысть Святая Гора и коих вин [дел] ради тако прозвася» // *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 1: А–К. Л.*, 1988. С. 142–144; *Турилов А.А.* «Воспоминание отчасти Святыя Горы Афонския, како наречена бысть Святая Гора и коих вин [дел] ради тако прозвася» // *Православная энциклопедия. Т. 9. М.*, 2005. С. 467–468.

ное письменно по «расспросным» речам приезжих афонских старцев, было включено в литературный конвой Хронографа редакции 1512 г., где оно представлено в Краткой редакции и имеет несколько отличное название — «Повесть о приходе Пречистыя Богородицы во Афонскую гору в данный ей жребий».²

Большой интерес к Православному Востоку и Афону проявлял митрополит Макарий.³ От этого времени до нас дошли небольшие по размеру «сказания», под которыми подразумеваются самые разные тексты — краткие донесения о состоянии обитателей, просьбы о милостыни на поддержание монастырей, «афонские» статьи Максима Грека, написанные в Москве, и «афонские» статьи, направленные восточными Патриархами в защиту Максима Грека, «афонские» статьи Азбуковников.⁴

Сюжет о «жребии» упоминается в посланиях Максима Грека, обращавшегося к воспоминаниям о Святой Горе в разные периоды своего творчества, трудах Сергия Шелонина и соловецкого иеродиакона Дамаскина.

В первые годы своего пребывания в России Максим Грек составил три «сказания», посвященные афонским монастырям.⁵ Первое, «Послание об устройстве афонских монастырей» (1518–1519 гг.), являлось ответом на запрос великого князя Московского Василия III об организации иноческой жизни на Афоне. Государь, вовлеченный в дискуссию о нестяжательности монастырей на Руси, высказал желание узнать от греков, как обустроены знаменитые афонские обители. Востребованность темы обусловлена дискуссией о вотчиновладении монастырей и формах монашеского устройства на Руси. Но наш интерес к этому посланию обусловлен тем обстоятельством, что в нем упомянута легенда о «жребии» Пресвятой Богородицы: «Гора убо Афон преименована послѣди Гора Святаа ради пришествиа, бывшаго в ней древле, якоже древня вѣсть предаеть, еще живѣ Богоматери, егда к

² *Троицкая Т.С.* Ранние этапы литературной истории повести о Динаре (XVI в.) // Древнерусская книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 32; *Троицкая Т.С.* «Воспоминание отчасти Святыя Горы Афонския...». С. 143.

³ *Макарий (Веретенников), архим.* Общение митрополита Макария с Православным Востоком // Афон и славянский мир: Матер. междунар. науч. конф., посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой Горе (Белград, 16–18 мая 2013 г.) Афон, 2014. С. 99–112.

⁴ Показательна в этом смысле история русского Азбуковника, создававшегося в духе объединительных предприятий XVI в. и напрямую связанного с филологической деятельностью Максима Грека: *Ковтун Л.С.* Азбуковники // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 2: Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 1: А–К. Л., 1988. С. 10–20.

⁵ *Журова Л.И.* Преподобный Максим Грек и митрополит Даниил: Послания об иноческом жительстве // *Труды Київської Духовної Академії.* 2016. № 25. С. 45–53.

Кипру прехожаше видѣти Лазаря, и ради краине добродѣтели и святыни подвизавшихся божественных мужей в ней древними времены».⁶

К раннему периоду творчества относятся еще два небольших послания Максима Грека об Афоне. Это статья «О Святой Горе и афонских монастырях»,⁷ текст которой не издан. Вторая статья — «Сказание старца Максима Святыя Горы к старцу Васиану о Святой Горе жительства»,⁸ сохранившаяся в Троицком собрании.⁹ Есть еще одно сочинение Максима Грека о Святой Горе, написанное им в конце жизни и представленное единственным списком. Оно окрашено воспоминаниями и ностальгией. Это «Сказание об афонских монастырях».¹⁰

Рассматривая первую из указанных статей (послание «об устройстве афонских монастырей» Василию III), можно выявить в ней несколько тем, часть которых касается легендарной истории Афонской Горы, ее именовании, топографии, устройства монашеской жизни. Максим Грек указывает на факт присвоения Горе нового имени («преименована послѣди Гора Святаа»), связывая его с посещением Афона Божьей Матерью, с добродетельной жизнью древних иноков («и ради краине добродѣтели и святыни подвизавшихся Божественных мужей в ней древними времены»). Ученый грек называет также известное ему именование верхней части горной цепи, ее острокопечного мраморного пика («Мегалин Виглан, сирѣчь Велиа Стража»), которое служит точкой отсчета при указании географических координат полуострова (данные сведения с уточнениями повторяются в начале второй статьи Максима раннего периода «О Святой Горе и афонских монастырях»: «Долина ея на сто врѣсть начинается же от глаголемыа Мегалиа Вигла, еже есть по руски Велика Стража, а кончается же в лаврѣ святаго Афонасиа афонскаго».¹¹ Ученый упоминает известную ему легенду о посещении Богородицей Афона, «егда к Кипру прехожаше видѣти Лазаря»; говорит о местоположении Святой Горы, ее холодных климатических «зонах» («не обрѣтается что ино тамо, развѣ трава нѣкаа малѣишаа в каменных щелѣх»), о устройстве монашеского жития на Святой Горе.

Касаясь происхождения апокрифа о путешествии Пречистой Девы, посещении Ею Афона, принятия «жребия», Д.М. Буланин пишет об отделении его от других статей афонского сборника «Патриа»,

⁶ Максим Грек. Сочинения. Т. 1. М., 2008. С. 120.

⁷ РГБ. Ф. 256. № 264. Л. 133 об.–134; РГБ. Ф. 304/1. № 200. Л. 13 об.–14.

⁸ Максим Грек. Сочинения. С. 341–342.

⁹ РГБ. Ф. 304/1. № 200. Л. 14 об.–15 об.

¹⁰ Ржига В.Ф. Неизданные сочинения Максима Грека // Byzantinoslavica. 1935–1936. Т. 6. Р. 95–99.

¹¹ РГБ. Ф. 256. № 264. Л. 133 об.

бытовавшего на Афоне, и перенесенного на Русь достаточно рано, в конце XV в.¹² По данным ученого, в XVI в. данный сюжет был отредактирован вторично (не позднее конца 1590-х гг) выдающимся украинским полемистом Иоанном Вишенским, подвизавшемся на Афоне. Две «Богородичные» статьи вошли в состав книги «Рай мысленный», изданной типографией Иверского монастыря на Валдае (1658–1659).¹³

Творческая переработка известного сказания о «жребии» появляется в третьей редакции «Азбуковника» Сергия Шелонина ок. 1658 г.¹⁴ В тезаурусе Шелонина присутствует цикл статей, так или иначе связанных с Максимом Греком, имя которого указано в заголовках. Описания монастырей Афона включены автором в основной текст «Азбуковника»: «Писано о них в сем Алфавите порознь в буквах»,¹⁵ следовательно, окончательный состав третьей редакции, включая расположение афонских статей отдельным блоком, сложился уже на самом начальном этапе ее создания.

«Азбуковник» Сергия Шелонина, как известно, создавался поэтапно. Небольшая статья об Афонской Горе присутствует уже в первых двух его редакциях: «В Македонии Афонская гора, ныне ту Гору Святую называют»,¹⁶ она содержит краткое толкование названия у македонцев и греков, сведения географического, топографического, фитонимического характера; «В Македонии Афонская Гора толкуется безсмертна гора,¹⁷ ныне ту Гору Святою называют».¹⁸ О.В. Панченко отмечает, что в чтении Азбуковника автор ошибочно возводит название Афонской горы к греч. «афанасия» (безсмертная), встреча-

¹² Anamnesis merike peri tou Atho orous. Ta legomena Patria / *Нуро S. Lamprou // Neos Hellenomnemon. Athenesin*, 1912. Т. 9, teuchos 1.2. S. 123–132. «Патриа» в рукописи монастыря Дионисиата № 132, опубликованной С. Лампросом, включает еще несколько текстов (заметку о крещении иверов, краткие замечания о строительной деятельности на Афоне Константина Великого, о разрушениях, произведенных там Юлианом Отступником, Повесть о Ватопедском монастыре, рассказ о появлении у берегов Афона Иверской иконы, статьи о Зографском образе Георгия Победоносца и о Чуде с грибом в Ксиропотаме). См.: *Буланин Д.М.* Опыт комплексного описания: Афон в древнерусской письменности до конца XVI в. (Из истории образа по памятникам, учтенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», а также пропущенным при его подготовке). СПб., 2012. С. 533.

¹³ *Порфирий (Успенский), еп.* История Афона. М., 2007. Т. 1. С. 129–131.

¹⁴ *Сапожникова О.С.* Русский книжник XVII в. Сергий Шелонин: Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010. С. 344–345.

¹⁵ РНБ. Соловецкое собр. № 18/18. Ок. 1660 г. Л. 70 об.

¹⁶ БАН. 33.9.1. 40-е – нач. 50-х гг. XVII в. Л. 84 об.

¹⁷ *Панченко О.В.* Хронограф Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 501.

¹⁸ РГБ. Ф. 299. № 338. Не позднее 1653 г. Л. 48 об. (43 об. по верх. прав. углу).

ющееся в Хронографе редакции 1512 г.: «И оттоле начала нарицатися Святая Гора Афонская сиречь безсмертная». По сути, здесь повторена статья Азбуковника Второго типа,¹⁹ где топоним «Святая Гора» также толкуется в традициях народной этимологии («Афоньскаа. а по руски безсмертнаа. по гречески афонасиос. а по руски безсмертие»²⁰).

В третьей редакции энциклопедии соловецкого книжника описание значительно расширено и уточнено: «В Македонии Афонская гора толкуется безсмертная гора, яже глаголется Святая, или самый верхъ Святые Горы. А нынѣ ту Гору Святую называютъ турки и греки. Елински Энурос... зѣло крута и долга, дорога по ней лежитъ впрямь до конца. а по обѣим сторонам дороги монастыри многие греческие... На той горѣ растутъ маслицы ягоды, дѣлаютъ из нихъ масло деревяное, и виноград, и овощи всякие розные. И всякие красноцветущие дресеса. а дани даютъ турскому царю на всякой год со всѣхъ святогорскихъ монастырей по 4 яфимков. А от Солуня до Святые горы сухим путем три дни. ниже стихъ 564».²¹

Хотя ошибочное толкование безсмертная здесь повторено, к нему добавлены сведения разнообразного характера, касающиеся названия («ту Гору Святую называютъ турки и греки. елински Энурос»). Сергей Шелонин описывает ландшафт, приводит данные о редких растениях, фиксирует географическое положение полуострова. В заключительной части «Азбуковника» («Летописец с прибавками»)²² афонские статьи соединены в отдельный блок из двух повестей («Сказание отчасти...» и «Повесть о Ватопедском монастыре») и четырех небольших статей: на листах 644–649 об. читаются статьи, три из которых принадлежат Максиму Греку и одна — хиландарцу Исаяе. Тексты опубликованы.²³

В заключительной части соловецкий книжник помещает собственную переработку Пространной редакции «Воспоминания отчасти», излагая легенду о «жребии» Пресвятой Богородицы: «...Противши же жребия и Мати Владыки нашего Иисуса Христа, яко да не будетъ и Та без части. И молитву сотвориши ко из Нея Рождышемуся Сыну Христу Богу нашему, и довольно помолшиса, метну и Та жребий,

¹⁹ Ковтун Л.С. Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Л., 1989. С. 15–16; Коваленко К.И. Соловецкий азбуковник Сергея Шелонина: Позднейшие редакции // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Вып. 14. СПб., 2016. С. 362–372.

²⁰ РНБ. Погодинское собр. № 1145. Л. 35 об.

²¹ РНБ. Соловецкое собр. № 18/18. Ок. 1660 г. Л. 70 об.

²² «Книга Алфавит большой с прибавками и с Летописцем в дествъ», как сказано в Описи 1658 г. См.: Сапожникова О.С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. С. 355.

²³ Панченко О.В. Хронограф Сергея Шелонина. С. 498–508.

и испаде Ей в жребий земля Иверская, отыти тамо. Она же с радостию приемши. Нудящи же ся Ей поити тамо, предста Ей Архангел Гавриил и рече: “Не раздѣляйся, Дево, от иудейския земля, сия Ти заповѣдует, Иже ис Тебе рождейся Сын и Бог Твой. Земля же, иже Тебѣ в жребий падший, напоследѣдок временем в Твой Образ просвѣтитя, и Ты не будеши потружения...”²⁴

Далее повествование Шелонина выстроено вокруг чудесного и сверхъестественного посещения Богородицей Афонской Горы, которая имела в ту пору языческое название Энурос и была наполнена духами. Народы и племена стекались к Горе для совершения жертвоприношений, а на вершине возвышалась статуя бога Аполлона. Чудесным образом язычники оказались подвержены воздействию благодати, исходившей от Богородицы, когда она переступила черту своего корабля и ступила на их землю. Жители Афонской Горы припали к стопам Богородицы и верили Ей свою судьбу. Она же, помолвившись о новом дарованном ей жребии, отправилась на Кипр к Лазарю Четверодневному. На Афонской Горе в епископы Она поставила Климента.²⁵

Ранними списками данной статьи, наряду с упомянутой ранее рукописью РГБ. Ф. 304. № 686, являются списки в составе конволюта собр. Иосифо-Волоколамского монастыря (РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 360 об., 363 об., 364),²⁶ а также в составе рукописи РГБ. Ф. 173/Фунд. № 50. Л. 44–48 (обе датируется 30-ми гг. XVI в.). Характеризуя Волоколамский конволют, О.В. Панченко отмечает соединение в нем двух частей («афонской» и «новгородской»), в чем, по мнению ученого, подспудно просматривается параллель между Афоном и Соловками. Статьи сборника демонстрирует мощный всплеск почитания Пресвятой Богородицы, интерес к одному и другому монастырю, что указывает на поиски типологических соответствий между географически изолированным Афонским полуостровом и Соловецким архипелагом уже в нач. XVI в.²⁷ Это несомненно важное наблюдение позволяет в какой-то мере понять, что в XVII в. подталкивало к подобным раздумьям русских книжников — иноков Сергия Шелонина Соловецкого и Дамаскина Чудовского, искавших подобие между дву-

²⁴ РНБ. Соловецкое собр. № 18/18. Л. 644.

²⁵ Еп. Порфирий (Успенский) предполагает, что это был первый креститель афонитов еп. Климент Иерусалимский: *Порфирий (Успенский), еп.* История Афона. С. 21.

²⁶ Здесь читаются статьи: 1) «О Святогорском монастыри, зовемом Иверской...»; 2) «Сие же о другом монастыре Святогорском, еже есть Ватопеде...»; 3) «Воспоминание отчасти Святыя Горы Афонския, како наречена бысть Святая Гора и коих ради дел...» (*Иосиф, иером.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской Духовной Академии. М., 1882. С. 310–311).

²⁷ *Панченко О.В.* Хронограф Сергия Шелонина. С. 498, 512.

мя православными святынями. Заметим, что чудовской иеродиакон Дамаскин пытался выявить сходства и различия между Соловками и Афоном примерно в то же время, когда создавал свой знаменитый тезаурус Сергей Шелонин. В кратком повествовании «о том, чем разнится Святая Гора Афон от нашего Соловецкого монастыря»,²⁸ чудовский иеродиакон Дамаскин также касается «жребия», «удела» Пресвятой Богородицы. Невольно вспоминаются заключительные строки его «сказания». Говоря об Афоне, иеродиакон Дамаскин рисует образ птицы, распростершей крылья над миром православия, «парящей в пустыни сей двема крылы, орла велика, сиречь двема языки, греческим и словенским, Бога славословящих жителей — до времени, дондеже исполнится Совет Господень».²⁹

Примечательно, что в то же самое время сюжет о «жребии» увидит свет и будет растиражирован в составе «Рая мысленного», изданного в Иверской типографии Валдая. Как известно, в заключительной части «сказания» проводится мысль о покровительстве Божией Матери Афону. Под апокалиптической женою, убежавшей в пустыню, автор подразумевает христианскую Церковь. Экзегеза Апокалипсиса заимствована из «Рая мысленного» Святогорца Стефана: «Многие святые изреклись, что оной жене Бог уготовал место в Афонской пустыне, и она действительно там находится. Ей даны два крыла великого орла, да летает в сей пустыне, т.е. Церкви даны там два писания, греческо и болгарско, благословити и славити Единого Бога... И помогла Земля жене, т.е. царство агарянское, хотя и нечестиво, но помогло Божией Матери».³⁰

Таким образом, XVII век дает нам две важные вехи сакрализации Афона: устройство Патриархом Никоном Иверского монастыря на Валдае и издание книги «Рай мысленный». Анализ «сказаний» об Афоне, вышедших из-под пера таких замечательных книжников, как архим. Сергей Шелонин и чудовский иеродиакон Дамаскин, убеждает, что круг источников, на которые опираются эти писатели,

²⁸ Исаченко Т.А. Посещение Святой Горы Афон чудовским иеродиакон Дамаскином и его забытое «сказание» о святынях Афона и Руси // Афон и славянский мир. Сб. 3: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой Горе. Киев, 21–23 мая 2015 г. Святая Гора Афон, 2016. С. 316–333. Публикация с подведением разночтений: «Краткое повествование, чем разнится Святая Гора Афон от нашего Соловецкого монастыря, и чем разнятся монастыри Святой Горы от обители Соловецкой» иеродиакона Чудова монастыря Дамаскина († 1705). Из афонского дневника иконописца Анатолия Морозова (1998–1999): Приложение / Подг. Т.А. Исаченко. М., 2015.

²⁹ Текст цит. по рукописи РГБ. Ф. 178. № 3058. 1731 г. Л. 430.

³⁰ Цит. по рукописи: РГБ. Ф. 732. № 291 (список 1842 г. с указанного выше издания). Л. 7 об.

выходит за пределы XVII в. Он охватывает и оригинальные статьи, принадлежащие перу Максима Грека, и литературную компиляцию Стефана Святогорца, основанную на устных преданиях Афонской Горы и дважды переведенной на Руси. Можно предположить, что сама идея составления Алфавита была навеяна Сергию Шелонину обаянием личности Максима Грека, его энциклопедической деятельностью. Краткие, но выразительные характеристики выдающихся книжников XVI–XVII вв. позволяют почувствовать в составленных ими трудах ритм монастырской жизни Афона, его историю, труд и быт святогорских обитателей, их внешнее и внутреннее устройство, чудеса, ниспосланные для сохранения святости места, — все то, о чем поведал в своих рассказах об Афоне Максим Грек, задушевно беседовавший в начале своего пребывания на Руси с великодержавным князем, побуждая его проникнуться любовью к Святой Горе. Соловецкий книжник-энциклопедист Сергей Шелонин, вероятно, начал поиск аналогий между Соловецким монастырем и Святой Горой. Позднее эту тему развил чудовский иеродиакон Дамаскин, посетивший Афон и составивший свое известное «Повествование о том, чем разнится Святая Гора Афон от нашего Соловецкого монастыря», а вскоре переведший на русский язык «Проскинитарий Святой Горы Афон» Иоанна Комнина Моливда,³¹ появившийся почти одновременно с оригинальным описанием Дамаскина.³²

³¹ Рукопись, подлинность которой сегодня не ставится под сомнение (авторский автограф на греческом) хранится в университетской библиотеке «М. Эминеску» в Яссах под шифром 1-13 и имеет то же название: Проскинитарий Святой Горы Афона. По конечной авторской записи датируется 1698 г. См.: *Исаченко Т.А.* Афон — Валахия — Русь в пересечении путей и связей XVII века // *Византия — Балканы — Русь: Перекрестки культурных путей: Матер. межд. конф. «XI Загребинские чтения»* (4–5 октября 2016 г.). СПб., 2017. С. 46–54.

³² *Исаченко Т.А.* Русь и Святой Афон в забытых «сказаниях» паломников конца XVII века // *Русь — Святая Гора Афон: Тысяча лет духовного и культурного единства. Междунар. науч. конф. в рамках юбилейных торжеств, приуроченных к празднованию 1000-летия присутствия русских монахов на Святой Горе Афон.* М., 2017. С. 497–515.

А.В. СИРЕНОВ

О ПОСЛАНИИ СИЛЬВЕСТРА КНЯЗЮ А.Б. ГОРБАТОМУ-ШУЙСКОМУ

д-р ист. наук, чл.-корр. РАН,
Санкт-Петербургский
государственный университет
a.sirenov@spbu.ru

Статья посвящена посланию священника придворного Благовещенского собора Сильвестра боярину князю А.Б. Горбатову-Шуйскому. Автор полагает, что в списке РНБ, Погодинское собр. № 1567 сохранилась окончательная авторская редакция этого послания с правкой Сильвестра.

Ключевые слова: XVI в., священник Сильвестр, послание, редакторская правка.

Деятельность священника придворного Благовещенского собора Сильвестра и его роль в общественно-политической жизни России середины XVI в. давно привлекает внимание исследователей.¹ Степень влияния Сильвестра на царя вызывала споры уже у современников. Так, сам Иван Грозный в посланиях князю А.М. Курбскому представлял Сильвестра чуть ли не регентом, правившим страной совместно с А.Ф. Адашевым. По мнению Курбского, Сильвестр был мудрым духовником юного царя, одним из лидеров «Избранной рады» — прогрессивно мыслящих ближайших советников Грозного. (Известно, что царским духовником, по крайней мере официально, Сильвестр никогда не являлся, поскольку им был протопоп Благовещенского собора.) Из сочинений самого Сильвестра известно, что в Москву он прибыл из Новгорода. Судя по его вкладам, в 1545/46 г. он был уже благовещенским попом. После пожара 1547 г. Сильвестр возглавлял восстановительные работы в кремлевских соборах. Именно против него было направлено обвинение в прокатолической иконографии новых кремлевских росписей и икон, выдвинутое по сольским дьяком Иваном Висковатым. Сильвестру пришлось оправдываться. Замечательно, что, несмотря на очевидную правоту Висковатого, его обвинения были признаны беспочвенными. Таково было влияние Сильвестра в те годы. Как полагают исследователи, доверие

¹ Основной корпус литературы и обзор мнений исследователей о Сильвестре см.: Буланин Д.М., Колесов В.В. Сильвестр (в иноках Спиридон) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2: Л–Я. С. 323–333.

царя к благовещенскому попу оказалось подорвано после «боярского мятежа» во время болезни царя в 1553 г., когда Сильвестр оказался на стороне тех бояр, которые склонялись признать наследником тяжело больного царя не его новорожденного сына, а двоюродного брата Владимира Старицкого. Известно, что после смерти царицы Анастасии в 1560 г. Сильвестр принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре. Спустя год он и А.Ф. Адашев были осуждены царем и боярами на соборе. Место и время кончины Сильвестра точно неизвестны, но несомненно одно — он не был умерщвлен насильственно, а умер своей смертью. Произошло это до 1577 г., поскольку Курбский в этом году пишет о Сильвестре как о покойном.

Помимо государственной деятельности Сильвестр предстает как автор важных с точки зрения государственной идеологии сочинений. В Житии княгини Ольги он в качестве источника широко привлекал летописи, прежде всего — Воскресенскую и Никоновскую.² Созданное им житие — это не только памятник агиографии, но и важный этап в истории русской исторической мысли. Другое сочинение Сильвестра, напрямую связанное с государственной идеологией того времени, — Послание казанскому наместнику князю А.Б. Горбатову-Шуйскому. Написанное непосредственно после взятия Казани (хронологическими указаниями служат упоминание царицы Анастасии и младенца-царевича), это послание представляет поход на Казань как важный этап распространения христианства. Деятельности казанского наместника по усмирению народов бывшего Казанского ханства придается значение миссионерского подвига.

Послание сохранилось в списке, принадлежавшем самому Сильвестру,³ который обнаружил в библиотеке новгородского Софийского собора исследователь Домостроя Н. Коншин еще в середине XIX в. Коншин сообщил о своей находке Д.П. Голохвастову, который включил данные Коншина в статью о деятельности Сильвестра. Ее завершил после смерти Голохвастова и издал архим. Леонид (Кавелин) в 1874 г.⁴ Коншин обратил внимание и на владельческую запись, из которой следует, что рукопись принадлежала самому Сильвестру. Это обстоятельство обусловило особое внимание исследователей к рассматриваемой рукописи.

Между тем, существует еще один список, в котором присутствуют все три послания Софийского сборника — царю, Горбатову-Шуй-

² Околович Н.Ф. Жития святых, помещенные в Степенной книге / Вступ. статья, публ. и комм. А.С. Усачева. М.; СПб., 2007. С. 23–40.

³ РНБ. Софийское собр. № 1281.

⁴ Голохвастов Д.П., Леонид (Кавелин), архим. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. Ч. 1: Исследования. С. 1–110.

скому и неизвестному вельможе. Эта рукопись составляет часть конволюта, собранного из разных отрывков известным археографом П.М. Строевым. В составе коллекции Строева рукопись поступила в собрание М.П. Погодина и в настоящее время хранится в Российской национальной библиотеке под шифром РНБ, Погодинское собр., № 1567 (далее Погод. 1567). Это один из так называемых «строевских конволютов», происхождение составных частей которых представляет собой особую исследовательскую проблему.⁵ Рукопись была обстоятельно описана И.А. Бычковым, который отметил значение ее части, содержащей указанные три послания, для изучения литературного наследия Сильвестра. Отметим, что Бычков датировал этот аллигат XVI в.⁶

В советское время в изучении литературного наследия Сильвестра выделяется монография А.А. Зимина «И.С. Пересветов и его современники», в которой Сильвестру и его писаниям уделено немало места. Зимин подробно рассматривает все произведения Сильвестра. Для его концепции большое значение имело Послание царю, которое он вслед за Н. Коншиным, архим. Леонидом (Кавелиным) и Бычковым атрибутировал Сильвестру. Причем главный аргумент для Зимина — присутствие этого послания в рукописи Сильвестра (т.е. в Софийском сборнике) рядом с посланием Горбатову-Шуйскому. При такой постановке вопроса следовало обратиться ко второму списку (Погод. 1567), в котором эти два послания, так же как и в Софийском списке, расположены в непосредственной близости одно к другому. Однако Зимин этого не сделал, а датировал список посланий в Погод. 1567 поздним временем, 30-ми гг. XVII в., и тем самым исключил его из круга источников для изучения творчества Сильвестра.⁷

Подобное игнорирование строевского списка приписываемых Сильвестру посланий неправомерно. Прежде всего отметим, что Зимин датировал его неверно. Эта рукопись относится к XVI в., как писал о ней И.А. Бычков. Правильную датировку приводит в своей диссертации И.В. Курукин. Он датирует рукопись серединой XVI в.⁸ На ее ли-

⁵ Руководствуясь наблюдениями Д.К. Уо о формировании собрания П.М. Строева, можно предположить, что интересующие нас листы были изъяты собирателем из рукописи, хранившейся в библиотеке новгородского Софийского собора (Уо Д.К. К изучению истории рукописного собрания П.М. Строева // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 195).

⁶ Бычков И.А. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 57–58.

⁷ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 54.

⁸ Курукин И.В. Сильвестр. Политическая и культурная деятельность: Источники и историография: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1981. С. 35. Издание текста диссертации см.: Курукин И.В. Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М., 2015. С. 36.

стах присутствует одна филигрань — перчатка с короной. Близкие знаки, согласно справочнику Ш. Брике, датируются 1545–1564 гг.⁹ Таким образом, перед нами второй прижизненный список послания Сильвестра князю Горбатову-Шуйскому. Имеет значение и то обстоятельство, что других списков этого произведения неизвестно. Таким образом, это сочинение Сильвестра представлено двумя прижизненными списками — случай для русской книжности XVI в. довольно редкий.¹⁰

Обратившись к тексту Строевского списка Послания Сильвестра Горбатову-Шуйскому, И.В. Курукин отметил, что в нем присутствуют многочисленные случаи правки основного текста, сделанные другим почерком, но подробно рассматривать эту правку не стал.¹¹ Полагаем, что отмеченная И.В. Курукиным правка послания Сильвестра Горбатову-Шуйскому представляет самостоятельный интерес. Почерк, которым она выполнена, — полуустав с элементами скорописи, средней выработанности, его нельзя назвать каллиграфическим. Его характеризует даже некоторая небрежность, которая, впрочем, довольно часто присутствует в редакторских почерках древнерусских рукописей. Этот же почерк встречаем в рукописи, принадлежавшей Сильвестру, — в списке Зеркала РНБ. Софийское собр. № 1195: им написаны колонтитулы на верхнем поле некоторых листов: «О милости» (л. 19 об.), «О любви» (л. 23), «О любви» (л. 24), «О терпении» (л. 25), «О злострадании» (л. 25 об.–26), «О страшном дни» (л. 164 об.–165), «[С]вятого слова суть стихове» (л. 185), «О различии человечесте» (л. 190).¹² Эти колонтитулы имеют справочный характер, и велика вероятность, что они сделаны самим Сильвестром. Далее, тем же почерком сделана запись в еще одной рукописи, принадлежавшей Сильвестру, — в сборнике РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 519/776, на л. 143: «Сию книгу написал крылошанин чернец Пимин, иже бысть архиепископ Великого Новаграда». Здесь авторство Сильвестра также весьма вероятно, поскольку он, по всей видимости, был следующим после Пимена владельцем рукописи и, получив ее от Пимена, знал и о том, что Пимен ее написал.¹³ Следует

⁹ *Briquet Ch.M.* Les filigranes dictionnaire historique de marques du papier. Genève, 1907. № 10927 (1545 г.), № 10932 (1555–1564 гг.), № 10958 (1548–1554 гг.).

¹⁰ О взаимоотношении этих списков см.: *Сиренов А.В.* К истории формирования Сильвестровского сборника РНБ, Софийское собр., № 1281 // ТОДРЛ. Т. 64. СПб., 2016. С. 78–96.

¹¹ *Курукин И.В.* Сильвестр... С. 54–55; *Курукин И.В.* Жизнь и труды Сильвестра... С. 48–50.

¹² Возможно, этим же почерком сделаны пометы «зри» (на верхнем поле л. 20), «смотри» (на нижнем поле л. 20), «зри» (на верхнем поле л. 184) и др., но утверждать это не представляется возможным, поскольку слишком мал материал для сравнения.

¹³ На это обстоятельство наше внимание обратила О.Л. Новикова.

иметь в виду, что Пимен был постриженником Кирилло-Белозерского монастыря. В записи он указан как «крылошанин чернец» — вероятно, по тому положению, которое он занимал в бытность монахом Кирилло-Белозерского монастыря на момент написания рукописи. Сильвестр после 1560 г. также стал монахом этого монастыря, туда же он привез и свои книги. Поэтому запись на одной из них об авторстве кирилловского монаха Пимена была актуальной именно в Кирилло-Белозерском монастыре, где она, по-видимому, и была сделана. Это обстоятельство опять-таки указывает на Сильвестра как на автора записи. Таким образом, почерк редакторской правки в строивском списке Послания Сильвестра Гроботому Шуйскому следует атрибутировать самому Сильвестру.¹⁴

Сделанному заключению не противоречит содержание правки. Рассмотрим ее подробнее. Отметим, что часть случаев правки имеет целью стилистические изменения первоначального текста. По причине ограниченного объема статьи не имеем возможности рассмотреть все случаи стилистической правки. Приведем два примера, выделяя правку курсивом:

Первоначальное чтение	Исправленное чтение	Описание правки
...и величаше паче, ибо и кождо от сотворяющих ему, велиею бо мудрствова, учительство приемля, отхождяху... (л. 73 об.) ¹⁵	...и величаше паче, ибо и кождо от <i>боляр, зазирающих</i> ему, <i>царь же обличаше зазрению их</i> , велиею бо мудрствова, учительство <i>от царя</i> приемля, отхождяху...	«сотворяющих» исправлено на «боляр зазирающих», «царь же обличаше зазрению их» написано на левом поле со знаком вставки, «от царя» приписано к строке на правом поле
...и не токмо трапезы своя того сподоби, но и святым крещением его просвети и в разум истинный приведе поклонятися и почитати Христа Бога нашего... (л. 74) ¹⁶	...и не токмо трапезы своя того сподоби, но и святым крещением его просвети и в разум истинный приведе <i>и божественому писанию святых книги изучи и всегда во святей церкви воспеает</i> поклонятися и почитати Христа Бога нашего...	«и божественому писанию святых книги изучи и всегда во святей церкви воспеает» написано со знаком вставки на нижнем поле.

¹⁴ Обратившись к вкладным записям на рукописях, вложенных Сильвестром в Соловецкий монастырь, видим там совершенно другой почерк. См., например, рукописи, вложенные в 1552 г.: РНБ. Соловецкое собр. № 130/130. Л. 4 об.; РНБ. Соловецкое собр. № 159/159. Л. 1; РНБ. Соловецкое собр. № 259/259. Л. 2. По всей видимости, вкладные записи делались не самим вкладчиком, а кем-то из монастырской братии. Впрочем, это обстоятельство еще нуждается в исследовании.

¹⁵ См.: Голохвастов Д.П., Леонид (Кавелин), архим. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 88.

¹⁶ См.: Там же.

В трех случаях вносятся изменения содержательного характера, на анализе которых следует остановиться подробно. Вот два примера такого рода правки:

Первоначальное чтение	Исправленное чтение	Описание правки
<p>...и против ополчения крепче победы, и град Казань разори своим благородием и вашим храбрством, и врагов своих до конца погуби, сам бо безленостно воинствуя, и озлобляем, самовольне многия скорби во своем православном царствии доблествене претерпевая, купно же и вашим подвигом мужествене пособствующу ему... (л. 73–73 об.)¹⁷</p>	<p>...и против ополчения крепче <i>сотвори</i> победы и град Казань <i>Божиею помощию</i> разори и своим благородием и <i>доблим подвигом и крепких своих вой</i> храбрством, и врагов своих до конца погуби, сам бо безленостно воинствуя, и <i>царя Казанскаго Едегеря</i> взя и <i>многих князей и мурз и княгинь и всяких людей</i> тмочислено <i>поплени и христианьского плену</i> безчисленое множество <i>свободи</i>, купно же и <i>храбрых</i> подвигом мужествене пособствующу ему...</p>	<p>«сотвори» приписано над строкой, в слове «победы» буква «ы» исправлена из буквы «и», «Божиею помощию» приписано к строке на правом поле, после слова «разори» союз «и» вписан в строке, «и доблим подвигом и крепких своих вой» написано на нижнем поле со знаком замены вместо зачеркнутых слов основного текста «и вашим», «и царя Казанскаго Едегеря» взя и многих князей и мурз и княгинь и всяких людей тмочислено поплени и христианьского плену безчисленое множество <i>свободи</i>» приписано над строкой вместо зачеркнутых слов основного текста «и озлобляем, самовольне многия скорби во своем православном царствии доблествене претерпевая», слово «храбрых» написано на верхнем поле со знаком замены вместо написанного в основном тексте слова «вашим»</p>
<p>...а еже и на самую свою того возвести тряпезу премножество имать любомудриа видехом же и в новой благодати подобно древнему содевающеся, еже сотвори благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии: каково наветование от врагов своих подъят... (л. 74)¹⁸</p>	<p>...а еже и на самую свою того возвести тряпезу премножество имать любомудриа <i>благодать и велию милость от Бога</i> получи, <i>якоже о сем в Маргарите пишет</i>, видехом же и в новой благодати подобно древнему содевающеся, еже сотвори благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии: каково наветование от врагов своих подъят <i>до совершена возраста юности своя</i>...</p>	<p>«благодать и велию милость от Бога получи, якоже о сем в Маргарите пишет» дописано над строкой и на правом поле, «до совершена возраста юности своя» написано со знаком вставки на верхнем поле</p>

¹⁷ См.: Голохвастов Д.П., Леонид (Кавелин), архим. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 90.

¹⁸ См.: Там же. С. 90–91.

Упомянув о крещении бывшего казанского хана, Сильвестр добавляет, что о Божией благодати новообращенному христианину можно прочесть в Маргарите. Рукописная традиция Маргарита (сборника слов Иоанна Златоуста) в славянской книжности немногочисленна, однако один список Маргарита был в личной библиотеке Сильвестра — это рукопись РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 112/237. Видимо, на нее Сильвестр и ссылается в данной маргиналии, что служит дополнительным аргументом в пользу принадлежности рассматриваемой правки Сильвестру. На л. I рукописи Маргарита читается запись скорописью XVI в.: «Книга государское данье Маргарит благовещеньского попа Селивестра, во иноцех Спиридона, и сына его Анфима». Однако по нижнему полю л. 3–5 читаем другую запись, также скорописью XVI в., но выполненную иным почерком: «Сию книгу яз, Шестак Федоров сын Фирсова продал Василию Андрееву сыну Ступе, дяди своего, Веригину Фирсова сына Федотова и руку свою приложил лета 7069». Здесь примечательна дата продажи рукописи Шестаком Федоровым сыном Фирсовым своему дяде Василию Андрееву сыну Ступе в 1560/1561 г., т.е. в период с 1 сентября 1560 г. до 31 августа 1561 г. Василий Андреев сын Ступа во второй половине 50-х гг. XVI в. служил дьяком в Москве, а в 60-е гг. (по крайней мере с апреля 1564 г.) занимал должность дьяка приказа Большого дворца.¹⁹ Шестак Федоров — подьячий, также служивший в Москве.²⁰ Известно, что Сильвестр принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре в 1560 г., а в следующем году, когда на церковном соборе ему вынесли осуждение, его уже не было в Москве. Формулировка «государское данье», по наиболее вероятному предположению Н.Н. Розова, указывает на поступление книги к Сильвестру от царя.²¹ Получается, что Сильвестр получил рукопись перед самым своим отъездом в Кириллов. Менее вероятна другая ситуация: рукопись была куплена Анфимом, отослана отцу в Кириллов монастырь, но потом вернулась

¹⁹ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 23.

²⁰ Там же. С. 544.

²¹ *Розов Н.Н.* Библиотека Сильвестра (XVI век) // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 195–196. Архим. Леонид (Кавелин) предположил, что государем в знак особого уважения кирилловские монахи называли Сильвестра и «государское данье» означает вклад Сильвестра, но это маловероятно (*Голохвастов Д.П., Леонид (Кавелин), архим.* Благовещенский иерей Сильвестр... С. 52). Сильвестр являлся таким же монахом, как и другие, а его близость к царю была уже в прошлом. Иную трактовку этих записей см.: *Сапожникова О.С.* Об одной рукописи «государского дания» или фрагмент из истории так называемой библиотеки Ивана Грозного // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 2: Филология. С. 178–184; *Сапожникова О.С.* Из истории Софийского сборника // Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник. М.; СПб., 2013. С. 26–38.

в Москву, откуда царь ее вторично выслал в Кириллов монастырь.²² В таком случае она оказывается и «сильвестровской», и «государского данья». Ситуация остается неясной, нам же важно иметь в виду следующее: в 1560 г. рукописью еще владели дядя и племянник Фирсовы, а не Сильвестр с сыном. К ним она попала позднее. Это обстоятельство может быть датирующим для редакторской правки Сильвестра в Послании Горбатову-Шуйскому.

Третий случай содержательной правки касается архиепископа Гурия:

Первоначальное чтение	Исправленное чтение	Описание правки
<p>...древняя злоба вся низвержеса и без вести бысть. Ныне убо обнови православный царь град чей Казань христианским законом, а огорянский попра и согради святяга церкви и украси святыми иконами и святыми книгами... (л. 75 об.)²³</p>	<p>...древняя злоба вся низвержеса и без вести бысть. Ныне убо обнови православный царь град чей Казань христианским законом, а огорянский попра. <i>И святейший Макарий митрополит со архиепископы и епископы и со всем освященным собором избра бывшаго Осифовскаго игумена Гурья и святы его архиепископом, и благочестивый царь соборне в Казань и во все пределы казански отпусти пасти стадо новоизбранное. Сей истинный пастырь по даней ему благодати от Бога по благословению отца своего Макария митрополита и по царскому повелению во граде Казани и во окрестных многих градах тоя царския державы многи святяга церкви востави [sic!] и освяти и многи монастыря согради и архимандриты и игумены и священноиноки и иноки многое братство наполни общежителное пребывание и бесчисленное неизреченное множество бусурман неверных в веру обрати и святым крещением просвети и духовными отцы их в христианском законе утверди. И по царскому повелению град Казань каменной псковския мастера соделаша и святяга Божия церкви каменья начаша ставити. Сий же согради святяга и древняга церкви и украси святыми иконами и святыми книгами...</i></p>	<p>«и святейший Макарий митрополит... и святяга Божия церкви каменья начаша ставити» написано со знаком вставки на верхнем, левом и нижнем полях, «сий же» исправлено из «и», «и древняга» дописано над строкой</p>

²² На принадлежавшей Сильвестру рукописной Лествице читается запись: «Сию книгу прислал с Москвы Анфим к отцу своему Селивестру в Кирилов монастырь» (Розов Н.Н. Библиотека Сильвестра... С. 196). Значит, Анфим присылал отцу книги из Москвы.

²³ Голохвастов Д.П., Леонид (Кавелин), архим. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 92.

Характеристика Гурия выполнена в агиографическом ключе. Полагаем, что она могла появиться после его кончины в 1563 г. Составленная в этом же году, но еще при жизни Гурия Степенная книга, рассказывая о русификации казанского края, имя Гурия только упоминает. В Чудовском списке, который уже в XVI в. хранился в кремлевском Чудовом монастыре, спустя годы появилась правка, целью которой было прославление Гурия Казанского. В 55-й главе I грани после упоминания Гурия на правом поле к строке и параллельно обрзу приписано: «Иже ныне Божиею благодатию чудотворец и нетлением от Бога почтен».²⁴ В 13-й главе XVII грани к известию о поставлении архиепископом в Казань Гурия на нижнем поле со знаком вставки написано «ныне же от мошей его изцеления подает Бог».²⁵ По нашему предположению, обе эти приписки сделаны будущим митрополитом Гермогеном, в 90-е гг. XVI в. — казанским архиепископом. Именно в это время он занимался канонизацией Гурия и Варсонофия Казанских и писал их Житие, обращаясь для этого к Степенной книге.²⁶

В данном случае важно, что в Степенной книге, которая создавалась еще при жизни Гурия Казанского, его деятельность описана весьма нейтрально, без агиографических восхвалений. Они появились спустя годы, уже после кончины Гурия. Полагаем, что в Послании Сильвестра кн. Горбатову-Шуйскому имеет место сходная ситуация. Послание писалось при жизни Гурия, поэтому Сильвестр на его деятельности специально не останавливался. После кончины Гурия появилась возможность воздать ему должное как выдающемуся деятелю христианизации бывшего Казанского ханства. Возможно, именно это обстоятельство и подвигло Сильвестра к редактированию Послания, написанного за много лет до этого (около 1553 г.). Верхнюю границу датировки работ Сильвестра по редактированию Послания можно определить казнью А.Б. Горбатово-Шуйского в 1570 г. Едва ли Сильвестр стал бы стилистически совершенствовать свое произведение, посвященное прославлению государственного деятеля, казненного за измену.

В первоначальном варианте текста Сильвестр пишет, что все Казанское ханство после покорения Казани царь доверил своему наместнику А.Б. Горбатову-Шуйскому. После редакторской правки текст приобрел иное значение: теперь уже здесь имеется в виду архиепископ Гурий, а не Горбатый-Шуйский, поскольку определение

²⁴ Степенная книга по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2. Л. 142. Прим. в.

²⁵ Там же. Л. 760. Прим. б.

²⁶ Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 188–190.

«верный раб» заменено на «свой богомолец истинный свой пастырь». Так можно было назвать только церковного иерарха. Выше же в отредактированном тексте речь шла именно о Гурии.

По всей видимости, не весь комплекс правки был сделан Сильвестром единовременно. Последний случай правки, который восполняет допущенные при переписке пропуски слов, присутствует и в Строевском, и в Софийском (на л. 387) списках. Для Софийского списка послания это почти единственный случай редакторской правки.²⁷ Его наличие позволяет утверждать, что Сильвестр работал над своим Посланием кн. Горбатову-Шуйскому, обращаясь к его тексту в обоих списках. Это был, по-видимому, первый этап редакторской работы. Ко второму относится вся остальная правка, которая присутствует только в Строевском списке. Обратим внимание, что правка Сильвестра присутствует только в Послании кн. Горбатову-Шуйскому. Ее нет в других произведениях этого комплекса: Послании царю и Послании неизвестному вельможе. На том основании, что эти послания находятся в одном комплексе с Посланием кн. Горбатову-Шуйскому, которое несомненно написано Сильвестром (он называет себя автором в тексте произведения), оба других послания, царю и неизвестному вельможе, также считают произведением Сильвестра. Относительно Послания царю в авторстве Сильвестра усомнился И.И. Смирнов, который приписал его митрополиту Макарию, прежде всего на том основании, что автор Послания обращается к царю с учительными словами и призывает не слушать «советников» из числа приближенных. Сильвестр же, которого можно отнести как раз к «советникам» юного царя, на страницах своих произведений держится более скромно, прибегая даже к фигурам самоуничижения. Против атрибуции И.И. Смирнова выступил А.А. Зимин, отстаивая авторство Сильвестра, но не приводя новых серьезных аргументов. В последнее время к этой дискуссии присоединился И.Я. Фроянов, которому более верным представляется мнение И.И. Смирнова. Не претендуя на то, чтобы разрешить этот спор, длящийся больше века, отметим, что из трех произведений рассматриваемого комплекса правка рукой Сильвестра присутствует только в Послании кн. Горбатову-Шуйскому. Оно без всяких сомнений принадлежит перу Сильвестра. Другие два послания анонимны, и к тому же в их тексте нет правки Сильвестра. По какой-то причине Сильвестр неоднократно (по крайней

²⁷ В Софийском списке есть еще одно исправление также стилистического характера, сделанное тем же редакторским почерком: в словах «и сий новосаженный виноград» слово «новосаженный» исправлено на «новонасаженный» (слог «на» дописан над строкой, л. 385 об.).

мере, в два этапа) редактирует одно послание из трех, переписанных вместе, одно за другим.

Обратим внимание, что Сильвестр в редакторской правке переадресует похвалу Горбатову-Шуйскому и обращает ее к Гурию Казанскому. Таким образом, он пытается провести идею симфонии властей, показывая, что в покорении и русификации Казанского края шли бок о бок светская и церковная власть. Следует иметь в виду, что редактирование послания происходило, скорее всего, накануне или во время опричнины, т.е. после кончины Гурия в 1563 г. и до казни Горбатого-Шуйского в 1570 г. Идея симфонии властей в то время не отвечала воззрениям царя на управление государством.

В заключение коснемся вопроса об авторстве Сильвестра относительно двух анонимных произведений, составляющих конвой Посланию Горбатову-Шуйскому в обоих списках. Отметим, что ни в Послании царю, ни в Послании опальному вельможе нет правки рукой Сильвестра. В Послании же Горбатову-Шуйскому такая правка, как показано выше, присутствует в обоих списках. В литературе неоднократно указывали на уязвимость атрибуции Сильвестру Послания царю и называли его наиболее вероятным автором митрополита Макария. Сделанные нами кодикологические наблюдения — еще один, пусть незначительный, аргумент против авторства Сильвестра. Впрочем, этот вопрос еще нуждается в исследовании. Следует также подготовить новое издание Послания кн. Горбатову-Шуйскому — теперь уже с привлечением Строевского списка, который донес до нас последнюю авторскую редакцию этого замечательного публицистического сочинения XVI в.

Т.В. ПАНИЧ

СИБИРСКИЕ ПОСЛАНИЯ ИГНАТИЯ (РИМСКОГО-КОРСАКОВА): ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

д-р филол. наук
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье исследуются Сибирские послания митрополита Игнатия (Римского-Корсакова), направленные на борьбу с расколом. В качестве материала исследования привлечен список посланий, принадлежавший библиотеке Афанасия Холмогорского. Выявляются использованные автором источники разного вида (литературные, документальные и устного происхождения), анализируются литературные особенности текста посланий. Рассматриваются тексты сюжетного типа (повести о самосожжениях старообрядцев), включенные в состав Третьего послания; устанавливается их функция в композиционной структуре сочинения.

Ключевые слова: XVII в., Игнатий, митрополит Сибирский и Тобольский, архиерейские послания, урало-сибирские старообрядцы, повести о самосожжениях староверов.

Сибирские послания (далее — СП) митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия (Римского-Корсакова), написанные в 1696 г.,¹ составляют комплекс из трех разных по объему текстов, связанных между собой единой темой борьбы с расколом; их объединяет и одно общее название «На арменов и полуарменов». СП направлены главным образом против лидеров старообрядчества Урало-Сибирского региона и их последователей. Сочинение известно в списках конца XVII — XIX в. Л.Б. Воронова выявила и описала 14 списков СП, выделив две редакции текста: Пространную и Сокращенную.² СП впервые были опубликованы в середине XIX в. в «Православном

¹ Этим годом датировано Третье послание, два другие, возможно, были созданы ранее. По предположению И.А. Никулина, Первое послание было создано в период между весной 1693 — осенью 1694 г., Второе — в период между осенью 1693 — весной 1695 г. (см.: *Никулин И.А., свящ.* Пресвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. С. 193–195).

² *Воронова Л.Б.* Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 193–198.

собеседнике».³ В 1991 г. осуществлено научное издание отдельных фрагментов из посланий по трем спискам Пространной редакции.⁴

Текст СП имеет научную ценность как источник сведений и фактов, относящихся к теме церковного раскола, в первую очередь — к вопросам истории урало-сибирского старообрядчества.⁵ Однако сочинение митрополита Игнатия представляет интерес не только в качестве исторического источника, но и как произведение литературной культуры конца XVII в. СП отличаются своей литературной спецификой. Это касается используемых в полемическом дискурсе автора источников, а также форм сюжетного повествования, включающего художественные мотивы и образы.

В данной работе в качестве материала исследования привлечен список СП конца XVII в. — БАН, Архангельское собр., С 220,⁶ который, согласно классификации Л.Б. Вороновой, представляет Пространную редакцию сочинения. Он относится к наиболее авторитетным спискам СП: рукопись была подготовлена специально для Афанасия Холмогорского, близкого друга автора сочинения. О принадлежности списка холмогорскому владыке свидетельствует отметка на верхнем поле первого листа рукописи: «От библиотеки архиерейския Холмогорския». В конце текста имеется запись о месте и дате написания СП: «Написася нами, архиепископом, грамота послания сего в дому святыя неизреченныя Софии Премудрости Слова Божия в пятое лето архиерейства нашего, в лето же от сотворения мира 7204-го, месяца априллиа в 12 день, в день святыя Пасхи. Конец и Богу слава!».⁷

Следует отметить, что список содержит элементы правки, которая, по-видимому, была сделана во время его подготовки или же вскоре после завершения работы над ним при сверке текста. В основном это

³ Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Казань, 1855.

⁴ Памятники литературы и письменности крестьян Зауралья / Сост. А.Т. Шашков, В.И. Байдин. Свердловск, 1991. Т. 1. Вып. 2. С. 22–31.

⁵ При изучении указанной проблематики Сибирские послания Игнатия широко привлекались А.Т. Шашковым (см.: Шашков А.Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 80–375).

⁶ Описание рукописи см.: Викторов А.Е. Описание рукописных собраний в книгохранилищах Северной Руси. СПб., 1890. С. 27–28. См. также: Воронова Л.Б. Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова. С. 194–195. Список был использован А.Т. Шашковым и В.И. Байдиным для подведения разночтений при издании фрагментов СП по списку конца XVII в. РНБ, собр. СПбДА, № 164 (см.: Памятники литературы и письменности крестьян Зауралья. С. 22–31).

⁷ БАН. Архангельское собр. С № 220. Л. 79. Далее при цитировании текста ссылки на листы рукописи приводятся в круглых скобках вслед за цитатой.

восстановление пропусков отдельных слов или словосочетаний: они вписаны над строкой или на полях рукописи.

Тексту СП предшествуют «Стихи» (л. 1–2 об.). Первое послание в привлеченном списке занимает листы 3–7; Второе — л. 7 об.–15; Третье — л. 16–79. В начале Третьего послания дан перечень с цифровым обозначением 56 разделов (или глав) текста, каждый из которых посвящен определенной теме, отраженной в названии. Список названий озаглавлен следующим образом: «Описание, что обретается в послании сем» (л. 16–17 об.). Правда, в самом тексте цифровые обозначения разделов присутствуют не всегда, нет и их названий. Кроме того, отдельные разделы, представляющие собой некое связанное повествование, объединенное какой-то одной темой, состоят из нескольких частей, отмеченных в оглавлении собственными названиями. Вероятно, это указывает на стремление автора подчеркнуть важность некоторых сюжетных элементов того или иного рассказа.

Третье послание представляет наибольший интерес, так как значительно отличается от двух первых и по своей композиционной структуре, и по содержанию. Митрополит Игнатий описывает и анализирует здесь не только события, связанные с урало-сибирским старообрядчеством, но и стремится подробно воссоздать историю ересей в России, рассматривая движение старообрядчества в качестве одного из этапов и направлений еретического движения в целом (учение староверов он называл «арменоподражательством», «армянской ересью», отсюда и название СП). Кроме того, здесь развернуты и другие темы, намеченные в Первом и Втором посланиях (например, много внимания в Третьем послании автор уделил проблеме старообрядческих самосожжений, которые в последние десятилетия XVII в. получили широкое распространение не только в Европейской части России, но и в Сибири⁸).

Задачи борьбы с распространением раскола и критики взглядов противников официальной Церкви потребовали от автора привлечения большого количества источников разного типа. Они были необходимы и для обоснования и защиты позиции, которую отстаивал писатель. Значимая роль в этом плане по традиции отводилась текстам Священного Писания, которые присутствуют в посланиях в виде прямых цитат, парафраз и аллюзий. Помимо Священного Писания, митрополит Игнатий обратился к авторитетным сочинениям знаменитых церковных писателей. В СП неоднократно упоминаются, например, такие тексты как «Слово о священстве» Иоанна Златоуста,

⁸ *Шашков А.Т.* Самосожжения как форма социального протеста крестьян-старообрядцев Урала и Сибири в конце XVII – начале XVIII века // *Шашков А.Т.* Избранные труды. С. 81–85.

«Слово о скончании мира и о антихристе, и о Втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа» Ипполита, Папы Римского, «Слово о исходе души от тела и о Втором пришествии» Кирилла Александрийского и др. Выстраивая свой рассказ о ересь в России, Игнатий привлек «Просветитель» Иосифа Волоцкого. В СП присутствуют цитаты из московских изданий XVII в. (например, книги «Скрижаль». М., 1655–1656). Автор основывался также на служебных текстах, документальных материалах и источниках устного происхождения.

Митрополит Игнатий отразил в СП собственные наблюдения и впечатления от значимых для разрабатывавшейся им темы событий (например, упомянул о своем трехлетнем пребывании в Соловецком монастыре в должности еkkлесиарха). Он также опирался и на свидетельства своих единомышленников из высшего духовенства, например, Афанасия Холмогорского. Вспоминая в Третьем послании о знаменитом диспуте о вере, состоявшемся в июле 1682 г. в Грановитой палате Кремля, и участии в нем холмогорского владыки, который выступил с обличительной речью, обращенной к Никите Пустосвяту, Игнатий, по всей вероятности, использовал книгу «Увет духовный» Афанасия Холмогорского,⁹ а также рассказы других очевидцев прений. Данный фрагмент специально выделен автором в оглавлении послания: «О ревности на соборе Афанасия, архиепископа Холмогорского на Пустосвята» (л. 17).

Как показывает содержание Третьего послания, Игнатий проявляет осведомленность о событиях, происходивших в Москве уже после его отъезда в Сибирь. Он хорошо информирован, например, о путешествии Петра I весной — летом 1694 г. в Архангельск и посещении им Соловецкого монастыря, в котором его сопровождал Афанасий Холмогорский (глава «Сказание о приходе молебном в Соловки великаго государя царя»)¹⁰ Об этом Игнатий, возможно, узнал от само-

⁹ «Увет духовный» посвящен полемике с противниками церковной реформы Патриарха Никона. Во вводной части книги несколько страниц занимает описание событий весны и лета 1682 г., в том числе прений православных иерархов с защитниками старого обряда во главе с Никитой Добрыниным (Пустосвятом). Здесь Афанасием упомянут и эпизод, когда Никита (по словам автора, «пианый») бросился на него с кулаками, и как его защитили «всех полков выборныя люди» (см.: «Увет духовный». М., 1682. Л. 66–66 об.).

¹⁰ Это была вторая по счету поездка Петра I в Архангельск, во время которой он посетил Соловецкий монастырь и другие северные обители. Путешествие царя описано в сочинении, созданном при архиерейском доме, по-видимому, при участии Афанасия Холмогорского. В XVIII в. оно было издано Н.И. Новиковым под заглавием: «О высочайших пришествиях великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича... из царствующаго града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших, о нахождении шведских неприятельских кораблей на ту же Двину, к Архангельскому городу, о зачати Новодвинской крепости и о освящении новаго храма в сей крепости» (М., 1783).

го Афанасия в ходе переписки с ним. Правда, в Послании говорится, что событие состоялось в июле 1694 г., тогда как в действительности оно происходило в июне: пребывание Петра I в Соловецком монастыре заняло период с 7 по 10 июня.¹¹ Допущенная автором неточность указывает на то, что он, вероятно, воспроизводил события по памяти или пользовался каким-то источником, содержащим указанную ошибку.

Что касается отраженных в СП фактов и событий, связанных с церковным расколом в Сибирской епархии, митрополит Игнатий использовал разные источники местного происхождения. Во-первых, писатель располагал архивом, сохранившимся после его предшественника — митрополита Сибирского и Тобольского Павла (среди материалов архива, по-видимому, были документы расследования властями деятельности церковных оппозиционеров, летописи, архиерейские послания самого Павла и другие источники). Во-вторых, тобольский владыка опирался на устные рассказы сибиряков, на разного рода толки и слухи о старообрядцах, действовавших на территории подведомственной ему епархии. Например, о том, как появился антицерковный «лист в лицах», к изготовлению которого были причастны лидеры старообрядческого протеста Яков Лепихин и чернец Авраамий Венгерский, Игнатию донесли («возвестиша») местные жители. В Первом послании он писал: «Слышах, во странах сих жителствуя Сибирских, братия бо приснии правыя веры Христовы Церкви суще, возвестиша, яко в пределех области наша епархии града Тюмени нецыи убо, сошедшеся, от мудрствующих арменскаго единобесия и поучающесе между собою от жителей селных со злыми своими лжеучители, со окаянным Якункою Лепихиным и со проклятым чернцем Венгерским, жидовином, написаша рукою скверною на святую Церковь хулы многие, яко воду многу. И ругающесе, написаша Церковь святую и учителя своего, искони злаго врага диавола, аки змия оплетшася окрест ея и исплевающа яд свой на святыя тайны — святаго Тела и Крове Христовы. И таковый лист в лицах окаянный он, Якунка Лепихин, яко сам сый быв иконник, от злаго сердца своего написав, изрыгне. И сим листом превращаше окаянный простшия селныя жители, и покусися злочестивый Лепиха Церковь святую сим листом своим во ушесех христиан осквернити» (л. 5 об.—6).

Из устных источников митрополит Игнатий, получил информацию и о Василии Шапошникове — одном из учеников и последователей бывшего священника тюменской Знаменской церкви Дометиана (в иночестве Даниила). По словам митрополита Игнатия, ему рассказал о Шапошникове монах томского Алексеевского монастыря Гу-

¹¹ См.: «О высочайших пришествиях...». С. 48.

рий: «Томского града из монастыря преподобнаго Алексия человека Божия монах престарелый, именован Гурий» (л. 59). Возможно, были и другие источники сведений об этом представителе старообрядческого движения, которому в Третьем послании посвящена отдельная глава «О Васке, томском еретике».

Таким образом, в распоряжении митрополита Игнатия были материалы самого разного происхождения и характера, составившие источниковую базу СП.

Как было уже выше отмечено, СП имеют свою литературную специфику. В наибольшей степени литературное начало выражено в Третьем послании, в композиционной структуре которого сочетаются разные по жанру и стилю тексты: и историко-богословский трактат, и архиерейское поучение, и сюжетное повествование полемико-дидактической направленности. Кроме того, Третье послание содержит несколько сюжетных вставок, каждая из которых представляет собой отдельный рассказ (в авторской номинации «повесть» или «сказание», например, «Сказание о приходе молебном в Соловки великаго государя царя»), разрабатывающий какую-либо тему, связанную с расколом. Эти тексты основаны на сведениях о реальных событиях, зафиксированных в документах или бытовавших в устной традиции. Все они иллюстрируют полемические рассуждения и выводы автора относительно учения вождей староверия и их последователей. Повествование в них ведется от лица митрополита Игнатия и, как правило, имеет начало и концовку. Причем границы этих вставных эпизодов часто не совпадают с границами глав, на которые разбит текст Послания.

Одним из самых интересных в литературном отношении текстов подобного рода является повесть «О волхвователном еретике арменоподражателе» (л. 52–55). В повести действует мнимый отшельник, в действительности же, по словам рассказчика, «волхв и чародей». Он завлекает к себе некоего странника (вологодского жителя), который намеревался «пожити в чистоте... яко да в безмолвии пожив, получит от Бога прощение грехов», и помещает в темную келью, назначив многодневное испытание постом. В сюжете присутствует мотив человеческого жертвоприношения, описана сцена изготовления мнимым «отшельником» «святыни» из сердца новорожденного младенца, свидетелем которой становится постник, проделавший отверстие («скважню») в стене своего затвора. Узнав страшную правду об «отшельнике», он испытывает ужас и обращается к троеперстному знамени: «Тогда той, иже у того пустытника сидящий в затворе, егда сия проклятая его дела виде и учения его к посланным от него слышав, весь от страха оцепене и не ведяше, что сотворити. И начат

прилежне Господу Богу, в Троице Святей славимому, молитися о избавлении своем тремя персты, во образ Святыя Троицы на себе крест святыи творити [прежде бо от учения того пустынника двема персты крещашеся; егда же к посланным от него услыша приказание его скверное, тогда позна, что есть истинное православие]» (л. 54). Троеперстное знамение и усердная молитва к Богу открывают затворнику путь к освобождению: «Прилежно же помолившуся ему, и се помощь Божия абие бысть готова ему в помощь» (л. 54). Спасителями вологодского жителя становятся странствующие купцы, которые утром проходили мимо его кельи. Услышав от него о «скверных» делах «пустынника», они соглашаются помочь ему освободиться. Подобно сказочному герою затворник проявляет смекалку, просит купцов убедить «отшельника» в том, что они якобы ищут своего беглого работника, обокравшего их и скрывающегося в этой пустыни под видом человека, ищущего душевного спасения. Купцы выполняют просьбу пленника, «узнают» в нем беглеца. В конце он притворно признается в своем мнимом грехе и просит прощения у «пустынника», который отпускает его с наставлением служить своим господам.

Рассказ, как можно видеть, представляет собой сложную сюжетную и композиционную структуру, включающую ряд мотивов литературного и фольклорного происхождения, в нем отчетливо выражена и позиция автора Послания по отношению к действующим лицам их поступкам и воззрениям.

Продолжение этой истории связано уже с судьбой самого «пустынника», который после происшествия с вологодским жителем сбежал от преследования властей в Палеостровский монастырь, впоследствии устроив там «гарь». Этому посвящена небольшая глава «О бегстве чародея еретика, арменоподражателя, с прочими в Палеостровский монастырь» (л. 55–55 об.).

Среди сюжетных включений в Третье послание выделяются несколько текстов, специально посвященных теме старообрядческих самосожжений. Каждая из повестей представляет собой литературную реконструкцию реального события, состоявшегося в Урало-Сибирском регионе или европейской части России. При этом событийный ряд повествования данных текстов содержит элементы вымысла, здесь присутствуют чудеса, знамения, используются образы и мотивы визионерского жанра. Вероятно, многое из перечисленного вошло в структуру сюжетов в ходе устного бытования рассказов о достоверных событиях, передававшихся из уст в уста, начиная от очевидцев и участников «гарей», которые в силу разных обстоятельств избежали смерти. Сама тема этих историй — добровольная гибель в огне множества людей, решившихся на столь радикальный и мучительный

способ протеста против церковных новин, за спасение собственных душ от власти антихриста, — должна была вызывать мистический ужас у рассказчиков и слушателей, которые всякий раз могли истолковывать событие на свой лад, дополняя услышанное новыми деталями, в том числе сверхъестественного характера.

В рамках послания митрополита Игнатия каждая из историй несомненно приобрела в результате авторского осмысления новый вид и новое идейное наполнение, в том числе и особую трактовку. Важно отметить, что во всех случаях повествование наполнено обличительным пафосом, направленным против учения старообрядцев. В частности, автор резко осуждает проповедников идеи «огненной смерти» за «старую веру». Например, в самом начале одного из таких рассказов («О мурашкинских згоревших повесть») автор, обращаясь к читателям, формулирует главную цель своего рассказа: «Да слышите же чудныя повести во обличение сквернаго онаго вымышленнаго сожжения их...» (л. 51).

Воспроизводя историю этой «гари»,¹² митрополит Игнатий акцентирует внимание на якобы случившемся тогда знаменательном явлении, которое оказало решающее влияние на судьбу двух ее участников и должно было стать поучительным предупреждением для тех, к кому были обращены его пастырские увещания. В кульминационный момент развития события, когда загорелся овин, в котором собралось на самовольную гибель множество людей, некие два человека (остававшиеся для поджога и намеревавшиеся также ринуться в огонь) стали очевидцами зловещего знаменья: над объатым пламенем овином в дыму они увидели «дву синцов, по воздуху летающих, имеющих крыле, яко нетопыри, еже есть мыши летающия, и вопиющих гласно и руками плещущих и глаголющих: “Нашы, нашы есте!”» (л. 51 об.).

Данный фрагмент дает ясно понять позицию митрополита Игнатия по отношению к участникам «гари». Здесь содержится его тенденциозная трактовка трагического исхода события: «огненной смерти» защитников старого обряда радуются бесы («синцы»), представшие в зооморфном устрашающем облике; проводится идея Божьего наказания тех, кто отступил от Церкви, примкнул к ее противникам. Мотив огня, который играет важную роль в структуре сюжета (он присутствует также в других рассказах подобного рода, включенных в послание), приобретает иное смысловое наполнение, противопо-

¹² Речь, по-видимому, идет об одном из старообрядческих самосожжений, имевших место в Нижегородском уезде в начале 1670-х гг. См.: *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в.: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным СПб., 1898. С. 54–55.

ложное тому, как он истолковывался адептами «огненной смерти». Очистительный, избавляющий от власти антихриста огонь, по воле автора, оборачивается вечным, неугасаемым адским пламенем, поглотившим людей, чаявших спасения посредством «второго огненного неоскверненного крещения». Автор извлекает скрытый смысл из явления над погибшими злых духов, радующихся умножению числа грешников («Нашы, наши есте!»). Оно, с точки зрения рассказчика, указывает на неправоту старообрядческого «проклятого» учения, становится также предупредительным знаком для обоих находившихся вне овина староверов. Как здесь сообщается, они испытали ужас, увидев «бесовское радование», и в результате якобы навсегда отказались от своих прежних взглядов, убедились в неистинности двуперстного знамения и возвратились в лоно Церкви, пришли с покаянием на исповедь к священнику: «Тии же два человека, видевше сие над погибшими бесовское радование, абие содрогнушася и в чувство совести пришедше, реша друг ко другу: “Видиши ли, — рече, — како погибаем от учения проклятого?” И начаша крестное знамение на себе полагати. И отбегше от того самосожжения, приидоша ко священнику веси тоя и исповедавшася, к тому уже, к проклятому оному арменоподражателству не уклоняхуся, и всем поведаше с плачем свое согрешение, от котораго их избави Господь Бог» (л. 51 об.–52).

Схожим образом в послании интерпретируется финал и еще одной повести, сюжет которой также основан на реальном событии — массовом самосожжении староверов в январе 1679 г. на реке Березовке в нескольких верстах от Ялуторовской слободы Тобольского уезда (Березовская «гарь»),¹³ организованном бывшим священником Дометианом (Даниилом),¹⁴ который увлек идеей «огненной смерти» множество своих учеников. Рассказ об этом занимает в послании две главы: «О собравшихся на сожжение у проклятого Дометиана Тюменскаго» и «В кое время сожглися с Дометианом, арменоподражателем» (л. 55 об.–57).

Используя евангельскую притчу о слепцах, ведомых слепцом и упавших в яму,¹⁵ рассказчик вновь говорит об «адской яме» и геенском огне, который поглотил Дометиана и его духовных учеников: «И вси згореша и впадоша во ямы, сущия под избами их погребы, и посыпа их углие. Тогда збытся на них окаянных евангелское слово Господа Бога и Спаса нашего, Иисуса Христа, еже рече о фарисеех

¹³ О Березовской «гари» см.: *Шашков А.Т.* Старообрядческие самосожжения на Урале и в Сибири в XVII — начале XVIII в. // *Шашков А.Т.* Избранные труды. С. 87–88.

¹⁴ Дометиану в Третьем послании посвящена и 26 глава: «О тюменском еретике Дометиане» (л. 49 об.–50).

¹⁵ Мф. 15:14.

сице, и zde о арменоподражателях, писанное от святого евангелиста Матфея, во главе 13, в зачале 61, тако глаголя: “Оставьте их вожди суть слепии слепцем. Слепец же, аще слепца поведет, оба во яму впадут”. Тако и сей проклятый Дометиан, яко слеп сый, поведе слепых учеников своих вышепоманутых и предав их телесно огнесожжению и низпадению во ямы оныя, под избами соделанныя. Душы же их приурогова к возгорению геенскаго огня и к пребыванию с сатаню и з бесы его во дне адския ямы» (л. 56 об.–57).

Знаком того, что Господь не принимает погибших в огне противников Церкви и их «скверного учения» является невыносимый смрад, исходивший от места «гари», и крики сгоревших из-под земли (из ада): «Во оном же месте, идеже сии окаяннии сожгошася, из оных ям велий смрад изхождаше на многи дни, яко мимо ходящим оная места путешественником всегда затыкати ноздри своя, да не ощутят смрада того, исходящаго от трупия того сквернаго. Егда же бы ему от мимо ходящих проходити мимо тех же мест во утреннюю или в вечернюю зорю, тогда умиленный и плачевный гласы тамо слышахуся, вопиющия, аки под землею: “Ох, погибли! Ох, погибли!” И сему убо мнози свидетели таковых слышавше воплев, совершенно бо объявил есть Господь Бог сквернаго их и слепотнаго учения послушатель, яко погибли суть и “ох!” и “горе” во аде наследовали» (л. 57).

Как можно наблюдать, здесь вновь использован мотив голосов из потустороннего мира: слышимые из-под земли вопли погибших указывают на пагубность увлекшего их «слепотного учения». Вслед за рассказанной историей автор, обращаясь к читателям, предлагает свое назидательное резюме, построенное на евангельских образах: «Смотрите же, возлюбленнии, и в сем приключении, когда и в кое они время сожгошася, яко и сие святое Евангелие изъявит вам, яко они бяху плевелы, их же проклятый диавол всеял есть посреди пшеницы» (л. 57–57 об.).

В том же ключе автором истолкована и другая история самосожжения защитников «старой веры».¹⁶ Она выделена в перечне разделов послания специальным заглавием: «О Васке, томском еретике». В повести (более сложной по своей композиции и сюжету в отличие от двух предыдущих) реальный участник старообрядческого протестного движения Василий Шапошников (идейный последователь Дометиана) предстает в образе, который, по-видимому, далек от своего прототипа. Он наделен здесь характеристиками отрицательного

¹⁶ По предположению А.Т. Шашкова, в данном «рассказе тобольского владыки (точнее, его информатора) оказались соединенными события двух “гарей” в д. Паломошной Томского уезда (1690 и 1691 гг.). См.: *Шашков А.Т. Старообрядческие самосожжения на Урале и в Сибири...* С. 97.

героя, описан как стяжатель, лжец и предатель, уподобляется ветхозаветному персонажу Ахитофелю, совершившему предательство и покончившему жизнь самоубийством.¹⁷ Сообщается о том, что схваченный властями за пропаганду раскола Василий якобы подкупил архимандрита Алексеевского монастыря Варлаама («лжеархимандрита»), который отпустил его на свободу за мзду («некий от серебряниц подарок»). Затем, призвав людей на огненную гибель, Василий якобы хитростью пытался избежать смерти и завладеть впоследствии их имуществом, но, будучи разоблачен в своих коварных намерениях, был удержан в подожженном затворе и сгорел вместе со всеми: «Сшед же окаянный той Васка во храмину к тем людям, которые с ним сожещися от безумия приготовишася и глагола им: “Изыду, — рече, — из храмины во окно и, зажегши вне во уготованных местех, аби zde паки вниду”. Дева же некая, прелщенная им, глагола ему, да не исходит он вне храмины, но да пошлет некую отроковицу, малу сушу, зажещи. Он же паки сам хотяше, аки бы зажжения ради изыти. Девица же и прочии с ними яша его и не даяху ему изыти из храмины. И вси, нападше на него, крепче держаху его, глаголюще ему: “Нас убо хощещи погубити, а сам един себя от сожжения хощещи свободити?” Посланная же ими отроковица, сиречь девочка, зажже по приличным уготованным местом и абие объят огонь храмины тыя. И дымом задогшися, вси огнем згореша» (л. 60 об.).

В структуре сюжета этой повести также содержится мотив голосов из загробного мира. После описания трагического события рассказчик повествует о том, как один из пришедших на пепелище жителей, скорбевший о гибели в огне своих близких, прельщенных Василием, услышал рыдающие «умиленные» голоса, исходящие из-под пепла, и отчаянные крики: «Ох, погибли! Ох, погибли!» (л. 61).

В конце повествования он трактует данное необычное явление как знак свыше, позволяющий говорить о страшной посмертной участи сгоревших: и здесь их самовольная гибель оборачивается не спасительным «вторым огненным крещением», но добровольным сошествием в ад на вечные мучения: «Сицевою погибелию окаянный он Васка и вси, послушающи его, погибоша и во ад сошедше, в геенских муках о погибели своей восклицают и бесполезно рыдают» (л. 61).

На приведенных примерах видно, как митрополит Игнатий, основываясь на конкретном материале (источниках самого разного типа), с помощью художественных приемов и средств выстраивает литературную версию реальных событий. Во всех случаях писатель делает акцент на необычных сверхъестественных явлениях, которые занимали значимое место в описываемых событиях, определяя характер

¹⁷ См.: 2Цар. 17:30–23.

и смысловую направленность их интерпретации, они были самыми надежными и неоспоримыми аргументами в защиту авторской позиции.

Можно сделать вывод о том, что сюжетные включения в структуру СП играли важную роль в полемико-публицистическом дискурсе писателя. Они давали ему возможность более полно выразить свое отношение к учению староверов, задача развенчания и осуждения которого с точки зрения официальной Церкви лежала в основе творческой стратегии Игнатия (Римского-Корсакова). Насыщенные символическими мотивами и образами подобные текстовые структуры выполняли и дидактическую функцию, наглядно демонстрируя неправоту взглядов противников церковной реформы, призваны были служить поучительными примерами для читателей.

Л.В. ТИТОВА

О ФУНКЦИИ «ВИДЕНИЙ» В ПОЛЕМИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ ДЬЯКОНА ФЕДОРА И ПРОТОПОПА АВВАКУМА

канд. филол. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail titova_istochnik@mail.ru

В статье рассматриваются особенности «видений» дьякона Федора в его Послании сыну Максиму, использование комплекса «видений» при раскрытии определенных тем сочинения. Особое внимание обращается на специфику «чужих видений» у дьякона Федора и протопопа Аввакума, проясняется их функциональное назначение в полемических сочинениях лидеров старообрядческого движения.

Ключевые слова: старообрядческая публицистика, полемические сочинения, «видение», «чудо», Послание дьякона Федора сыну Максиму, Житие протопопа Аввакума.

Интерес медиевистов к жанру «видений» с новой силой вспыхнул в конце XX – начале XXI вв.¹ «Видения» – характерное явление для христианской литературы. В старообрядческой публицистике XVII в. они стали выполнять важную функцию. Первое поколение противников церковной реформы в рамках борьбы за «старую веру» с целью обосновать свою точку зрения часто прибегали к «видениям», которые, как очень точно подметил И. Серман, «казались привычным

¹ Демкова Н.С. Из истории ранней старообрядческой литературы. IV. «Исповедание Игнатия Соловецкого» (1682 г.) и отклики современников на разгром Соловецкого монастыря царскими войсками в 1676 г. // ТОДРЛ. Т. 37. М.; Л., 1983. С. 318–325; Чумичева О.В. Повесть о видении инока Ипатия и настроения в Соловецком монастыре накануне восстания 1667–1676 гг // ТОДРЛ. Т. 47. СПб., 1993. С. 287–291; Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006; Пигин А.В. Литературная история Повести о видении Антония Галичанина // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997. С. 551–557; Панченко О.В. Соловецкий сборник повестей о чудесах и знамениях 1662–1663 гг. // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 455, 462–463; Панченко О.В. Соловецкие повести о «видениях» 1668 г. // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 467–469; Демченков С.А. Библейская пророческая традиция в Житии протопопа Аввакума: Автореф. ... канд. филол. наук. Омск, 2013; Климова М.Н. Агиографический комментарий к эпизоду Жития протопопа Аввакума // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 22–29; Климова М.Н. Из агиографических комментариев к Житию протопопа Аввакума // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 36–41; Виноградов А.В. О чудесах пустозерских узников // www.bogoslov.ru/persons/4240138/index.html (дата обращения 12.10.2017) и др.

и надежным средством преодоления всех сомнений и решения всех проблем социальной и духовной жизни».² Не случайно сочинения старообрядческих публицистов пестрят самыми разнообразными по форме и содержанию «видениями», гармонично вписывающимися в другие жанровые структуры.

Ярким примером может служить Послание дьякона Федора сыну Максиму, насчитывающее более 20 разнообразных по типу «видений», как тех, где визионером является сам автор Послания (дьякон Федор), так и якобы записанных им с чужих слов. Особо выраженной публицистичностью отличается символическое «видение», приписанное дьяконом Федором некоему воину, который, якобы, стоя в утренний час на «стражи часов в Кремле», увидел следующее: «На воздухе сядяща сатану на престоле, и грекотурских патриарх, и русских властей, сидящих окрест его, и Артемона, голову стрелецкого, предстояща ту, и прочих от царского чину, над тем местом, идеже они вси собирахуся, сядяще и утверждаюша Никонову прелесть и новыя книги заводу его, и на кровопролитие християньское нарежающесе, и устрояюще то нашептанием лъстиваго того змия-дьявола, иже присно той кровопролитию радуяся».³

Дьякон Федор, раскрывая тему церковного собора 1666–1667 гг., окончательно разрушившего надежды старообрядцев на восстановление «истинного православия» на Руси, ввел в Послание «чужое видение», передавая которое, он дополняет текст своими пояснениями по поводу увиденного воином: «И се показа Бог простых ради людей, да разумеют, яко на соборе их лукавом со властью не Христос сидел и не Дух Святыи учил их той неправде всей, но лукавый сатана, богопротивный враг и человекоубийца».⁴ А сообщение о том, что воин, поведавший увиденное народу, был сослан и пропал без вести, усиливает публицистическое значение этого «видения».

Обличительный накал в сочинении дьякона Федора достигает апогея в описании «видения» о судьбе души умершего царя Алексея Михайловича: «В той же 12 сажень глубины, яко храма тесна соделана, и ту он сидит скован до судного дне...».⁵ Федор утверждает,

² Серман И. Чудо и его место в исторических представлениях XVII–XVIII веков // Русская литература. 1995. № 2. С. 105.

³ Титова Л.В. Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. С. 214. Отметим, что символическая картина собора, описанная в «видении» караульного как сатанинское собрание, встречается в старообрядческих сборниках в качестве иллюстрации неправедного (дьявольского) судилища над всеми поборниками истинного православия.

⁴ Титова Л.В. Послание дьякона Федора сыну Максиму... С. 214.

⁵ Следует отметить, что и царь, и Никон — основные виновники, по мнению старообрядцев, гибели истинного православия, как и все грешники, будь то высокопостав-

что царь дожидается дня суда в срубе — в земляной тюрьме, т.е. в том же положении, в котором находятся осужденные им пустозерские узники. Автор явно хотел подчеркнуть, что гонителей истинной веры, мучителей их, защитников православия, непременно постигнет возмездие, кара Господняя, недаром он завершает «видение» точной цитатой из Священного Писания (Пс. 7:16–17): «Ров изры и ископа и впадется в яму, юже содела. И обратится болезнь его на главу его, и наверх неправда его снидет».⁶ Далее он, поясняя приведенный текст, заключает: «Понеже бо нас, нищих, они, богатя цари и архиереи, за законы отец наших мучили, и казнили, и проклинали, и ямы нам копали, а сами в них попали».⁷ Вот противостояние: они, богатые цари и архиереи, и мы нищие, но стойкие духом, сражающиеся за веру предков, не щадя своей жизни. Это был действенный призыв, должный убедить единомышленников.

Необходимо отметить, что это Федорово «видение» перекликается с Челобитной протопопа Аввакума к царю Федору Алексеичу, написанной в 1676 г. вскоре после смерти Алексея Михайловича, где Аввакум извещает молодого царя о том, что его отец грешник и находится в аду: «В муках он сидит, слышал я от Спаса; то ему за свою правду».⁸ Признание царя Алексея Михайловича грешником, оказавшемся после смерти в аду, — одно из самых смелых мест в полемической и агитационной старообрядческой литературе XVII в.

Одна из особенностей «видений» в творчестве Федора Иванова — это их нравственная составляющая. В борьбе за истинное православие, по мнению Федора, следует выступать единым фронтом, не допускать предательства единомышленников, поэтому в центре его Послания рассказ о Соловецкой трагедии. Он раскрывает ее посредством нескольких «видений», через которые он пытается донести до адресата свою точку зрения на гибель оплота русского старообрядчества — Соловецкой обители. Взятие Соловецкого монастыря царскими войсками он расценивает как Божественное наказание,

ленное лицо или простой смертный, в аду дожидаются суда Христова (см.: Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Ехемпла XIII века). М., 1989. С. 92), но степень их виновности Федор определяет по-разному, о чем свидетельствует указанная им для каждого глубина подземного царства: если Алексею Михайловичу определена «храмина» 12 сажень глубины, то Никон должен будет по смерти забраться поглубже: «На пустом месте погреб зело велик, яко 15 сажень, и глубок, подобен аду...» (Титова Л.В. Послание дьякона Федора сыну Максиму... С. 128).

⁶ БАН. Собр. Дружинина. № 465 (494). Л. 235–236.

⁷ Там же.

⁸ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. СПб., 2010. С. 206.

кару Господню за внутреннее «неустройство» обители, распри и предательство. Именно в этом дьякон Федор видел главную причину ее гибели. Так соловецкая тема приобрела под его пером необычное, нетрадиционное освещение. Подобная оценка поражения священной общины прозвучала впервые у дьякона Федора.⁹ Таким образом, падение Соловецкого монастыря становится главным аргументом, почему недопустим раскол среди единомышленников.

Центральное место в Послании занимает разбор тех догматических вопросов, по которым у Федора не было согласия с его духовным отцом Аввакумом. Федор представляет точку зрения своих «клеветов» по всем этим вопросам и излагает свое понимание их. При этом он постоянно достаточно искренне высказывал свои сомнения, переживания и беспокойство: «...Несть ли моего коего блужения в вере в спорных оных статьях, и не подлежу ли аз клятве святых отец, и не буду ли осужден от них».¹⁰ Федор традиционно снова и снова обращается к Господу с просьбой разрешить его сомнения. Разумеется, как считал Федор, «откровение» совершается через «видение».

Чудесное явление ангела дьякону Федору должно было убедить читателей в справедливости его суждений. Тогда он с гордостью декларирует свою точку зрения словами самого апостола Павла: «И ныне со дерзновением глаголю аз со апостолом: “Аще Бог оправдая, кто осуждаяи? и: Бог по нас, кто на ны?”¹¹ Тем же и проповедь моя о Христе Иисусе истинна суть... А никониянская клятва беззаконна есть и бесовска, такоже и друга моего Аввакума протопопа неправедна есть и страстна. Христос ему в том судия...».¹²

⁹ О возможности возмездия Божьего за раздоры и внутренние распри говорил еще автор Повести о видении инока Ипатия накануне Соловецкого восстания, летом 1667 г. (см.: Чумичева О.В. Повесть о видении инока Ипатия... С. 287, 291). О расприх внутри монастыря см.: Чумичева О.В. Новые материалы по истории Соловецкого восстания (1666–1671 гг.) // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 66–73.

¹⁰ Титова Л.В. Послание дьякона Федора сыну Максиму... С. 131.

¹¹ Ориентация Федора на апостола Павла, как и у Аввакума, а, быть может, и более, может быть объяснена его убеждением в собственном апостольском предназначении. Именно потому он «с апостолом» говорит словами самого апостола Павла (ср.: Рим. 8:31, 33–34). И Аввакум в своем Послании «верным», жалуясь, что его считают еретиком (имея в виду дьякона Федора), пишет, используя те же самые слова апостола Павла, только в свободном переложении: «...Никонияне еретиком зовут, дети духовныя еретиком же зовут! Да тем, реку, ты меня, бес, не отлучишь от любви той Христовы: аще Бог по мне, кто на ны? И тмы легеонов бесов и злых человек со Христом Иисусом не боюся, нежли злословия пустава сосудов бесовских. Время им лаять, а мне терпеть за имя Господне, не умерши мучатися...» (Материалы для истории раскола за первое время его существования, изд. Н.И. Субботиным. М., 1887. Т. 8. С. 84–85).

¹² Титова Л.В. Послание дьякона Федора сыну Максиму... С. 131.

Рассказывая единомышленникам о проклятии его отцом духовным, Аввакумом, Федор описывает знамение, которое якобы последовало после совершения этого действия: «А zde уже бысть таковое знамение от Бога над ним, протопопом, за пустошную его клятву, еже на мя налагал, вскоре было тогда по том разврате: приидоша беси к нему явно, и связаша его, якоже и онаго попа, о нем же писано в Житии святаго Симеона Столпника, иже неправедно такоже клятву налагал на духовных детей». ¹³ При обращении к Житию Симеона дьякон Федор только указал на ситуацию, близкую к описываемой, как бы создал определенный фон, на котором должны восприниматься описываемые им события. Безусловно, автор ориентируется на подготовленного читателя, знакомого с упоминаемым текстом.

Протопоп Аввакум о проклятии своего духовного сына поведал единоверцам в Послании «чадом церковным». ¹⁴ При этом он тоже использовал «видение», чтобы доказать собственную правоту. Из письма мы узнаем, что Епифаний не разделял мнения Аввакума о существовании Святой Троицы, ее триединстве, и настаивал на примирении с дьяконом Федором. Аввакум, как он подчеркивает, против своего желания выполнил волю старца и попросил у Федора прощения. После этого сообщения о примирении, Аввакум включает в письмо свое «видение»: «Пришел я в хижу свою, повалился спать. Вижу ся со старцем у церкви некия, а одаль нас Ф[едор] д[ьякон] на холму высоком стоит со скоты, и с немцами, и с татарами. Старец же посла меня к нему, как на яве том было, так и тут видится, и горе и смех у беса тово блиско все. Пришел я к холму тому, к Ф[едору], он на меня почал сцать. На ноги мои мокрота та пловет. А се ноги мои стали гореть, зело больно горят, а я кричу: “Господи, согреших, прости мя, окаяннаго!” Да не во сне уже, обудяся, горят. А некто, стоя, говорит мне: “То тебе за ходьбу!” Я молюся, ано не слушает, жгут ноги. Да он же, стоящей, рече: “Вот еще за безумие твое в прибавку!” Да ну ж меня мучить, душить и ломать. Больно устряпал, покинул, и встать не могу». После этого образного рассказа Аввакум дает описанному свою интерпретацию: «Лежа говорю: “Благодарю тя, Господи, — по Писанию — посылал еси ангелы лютыми путь сотворити, стезю гневу Своему. Да свалился с доски, кое-как лбом о землю, весь болю. Полехче мало стало, дьякона та опять проклял, да и оздоровел...». ¹⁵ Рас-

¹³ *Титова Л.В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму... С. 144–145.

¹⁴ *Житие протопопа Аввакума.* М., 2011. С. 273–277.

¹⁵ Там же. С. 275–276. Попутно отмечу, что «видения» Аввакума, свидетельствующие о его правоте, типологически сходны в части «откровения», обычно они завершаются традиционной житийной формулой: как только Аввакум раскается в своем «неправом» поступке, так и здрав станет.

сказав о «видении» единомышленникам и союзникам, Аввакум попытался убедить их в своей правоте относительно проклятия Федора и по поводу догматических разногласий с ним. Недаром Послание «чадом церковным» Аввакума должно было сопровождать его «Книгу обличений» («Евангелие вечное»), направленную против точки зрения дьякона Федора.¹⁶

Из анализа текстов «видений» дьякона Федора и протопопа Аввакума видно, каким образом пытаются представить одну и ту же ситуацию два писателя, адресуя свои сочинения «всем верным», чтобы они смогли понять существо их разногласий и рассудить их. Оба обращаются к самому убедительному в публицистической практике того времени жанру — «видениям», Федор дополнительно подкрепляет его и отсылкой к агиографическому сочинению.

«Видения» у дьякона Федора, как и у протопопа Аввакума, имеют ярко выраженную публицистическую направленность. Главная функция их в сочинениях старообрядческих писателей — убедить как своих единомышленников, так и противников в истинности «старой веры», обличить церковную реформу, начатую Патриархом Никоном, осудить церковную и светскую власти, а также всех, кто предал «древние отеческие законы», подтвердить позицию автора относительно церковной реформы. При этом если дьякон Федор включает в свое повествование «видения» разных типов, то Аввакум, как правило, пользуется «чужими видениями».

В Житии у Аввакума доминируют «чужие видения», как бы получившие под пером автора письменную фиксацию, и все они прославляют Аввакума. На эту особенность «видений» Аввакума обратил внимание А.Н. Робинсон. Он писал: «Аввакум не навязывает своих “чудес” читателю. Напротив, он всячески отрицает свою причастность к ним: “Сила Божия отгоняше от человек беси и здравии бываху, не по достоинству моему, — ни никакo же, — но по вере приходящих». Более того, он сам постоянно показывает читателю свое удивление и восхищение перед подобными явлениями. Таким образом, автобиографически воплощается традиционное требование скромности “подвижника”, которое еще больше убеждает современника в его “святости” и чудотворстве. Поэтому всякое событие, трактуемое как

¹⁶ В этой «Книге обличений» Аввакум, демонстрируя восстановленное единство взглядов с Епифанием относительно догматических разногласий с Федором, писал: «Аз же грешный и грубый пред Богом протопоп Аввакум и со старцем Епифанием препоясався содействием Святаго Духа, тако исповедаем и глаголем...» (Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1. Л., 1927. Стб. 624 (Русская историческая библиотека. Т. 39)) и подкреплял это свое утверждение пересказом «видения» инока Епифания, который якобы видел, как Федора «развязана дьяволи волокут в бездну» (Там же. Стб. 639).

“чудесное”, Аввакум сопровождает своим комментарием». ¹⁷ Как нам представляется, в Житии скромность «подвижника» обычно описывается «сторонним» автором, в автобиографическом же жизнеописании это выглядит ложной скромностью. Аввакум лукавит, сопровождая «чужое видение» комментарием, как например: «Воистинно, не знаю, как до края доживать. Добрых дел нет, а прославил Бог, да то ведает Он, — воля Его!» ¹⁸

Вспомним эпизод о исцелении Федора бесноватого, о «видении» которого Аввакум сообщает: «...И егда в Петров день собрался в дощеник, пришел ко мне Федор целоумен, на дощенике при народе кланяется на ноги мои, а сам говорит: “Спаси, Бог, батюшко, за милость твою, что помиловал мя. По пустыне, де, я бежал третьева дни, а ты, де, мне явился и благословил меня крестом и беси, де, прочь отбежали от меня, и я пришел к тебе поклонитца и паки прошу благословения от тебя”». ¹⁹ В этом ключе следует рассматривать и чудесное явление Аввакума во сне Еремею, сыну воеводы Пашкова, которому он указывает путь, чтобы вернуться домой; ²⁰ явившись во сне келарю Андронникова монастыря Никодиму, Аввакум избавляет его от смертного недуга, ²¹ и многие другие.

Наиболее ярким примером такого типа «видений» является включенный в Житие рассказ Аннушки, духовной дочери Аввакума, своего чудесного сна: «Егда, де я, батюшко, на лавку повалилась, приступили два ангела и взяли меня и вели зело тесным путем. На левой стране слышала плачь с рыданием и гласы умильны. Таж, де привели меня во светлое место: жилища и полаты стоят. И едина полата всех болши и паче всех сияет красно. Ввели, де меня в нея, а в ней, де стоять столы, а на них послано бело и блюда з брашнами стоят. По конец, де стола древо многоветвено повеваает и гараздо красно, а в нем гласы птичьи умильны зело, не могу про них ныне сказать. Потом, де меня вывели из нея; идучи, спрашивают; “Знаешь ли, чья полата сия?” И я, де отвечала: “Не знаю, пустите меня в нея”. И оне мне отвечали сопровтив: “Отца твоего Аввакума полата сия. Слушай ево, так, де и ты будешь с ним. Крестися, слагая перьсты так, и кланяйся Богу, как тебе он наказывает. А не станешь слушать, так будешь в давешнем

¹⁷ Робинсон А.Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследования и тексты. М., 1963. С. 75.

¹⁸ Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Подг. Н.С. Демкова, Н.Ф. Дробленкова, Л.И. Сазонова. Л., 1975. С. 49.

¹⁹ Там же. С. 66.

²⁰ Там же. С. 40.

²¹ Там же. С. 49.

месте, где слышала плакание то. Скажи жо отцу своему, мы не беси, мы ангели, смотри — у нас и папарты”». ²²

Это «видение» знаменательно еще и тем, что в нем уже определено место в загробной жизни праведнику Аввакуму. И более того, чтобы разрешить все сомнения, что это не ложное «видение» (от беса) автор подчеркивает: «Скажи жо отцу своему, мы не беси, мы ангели, смотри — у нас и папарты. И я, де, батюшко, смотрила; бело у ушей-тех их». Аввакум, используя «чужие видения», стремился показать, за что Бог прославляет его, якобы недостойного («...добрых дел нет, а прославил Бог!»), в действительности же он знает, за что прославлен. В Житии просматривается убежденность Аввакума в том, что борцы за истинное православие, защитники веры предков непременно наследуют Царствие Небесное. Он не случайно в Житии, используя «видения», пытается убедить читателей в том, что его душе уже обеспечена жизнь в раю. «Чудеса» и «видения» в сочинениях идеологов раннего старообрядческого движения становятся убедительным аргументом для доказательства правоты истинной веры предков. При этом старообрядческие писатели используют разные типы «видений» согласно своим представлениям и художественным приоритетам.

²² Пустозерский сборник... С. 68.

М.Н. КЛИМОВА

**ИЗ ИСТОРИИ «ЭДИПОВА СЮЖЕТА»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ПОВЕСТИ О ПАПЕ ГРИГОРИИ)**

канд. филол. наук,
Научная библиотека Томского
государственного университета
e-mail: klimov.1955@inbox.ru

«Эдипов сюжет», основу которого составляет судьба невольного отцеубийцы и кровосмесителя, широко распространенный в мировой литературе и фольклоре, в древнерусской письменности представлен группой «повестей о кровосмесителе». Самая популярная и художественно значимая из них — Повесть о папе Григории, происхождению которой и посвящена статья. Высказано предположение, что данный тип «Эдипова сюжета» отразил отмену архаичного принципа передачи царской власти по материнской линии. Основные редакции древнерусской Повести (Краткая и редакция в составе сборника Римские Деяния) рассмотрены в широком международном контексте обработок типа «Григорий», что позволяет предположить неоднократность его появления в восточнославянской рукописной традиции.

Ключевые слова: международные сюжеты, «Эдипов сюжет», инцест, архаичные системы престолонаследования, древнерусская литература, компаративистика, текстология.

Сюжет о герое, убившем отца и вступившем в брак с матерью («Эдипов сюжет»), — один из самых знаменитых в мировой литературе и фольклоре. Давший ему название суровый миф античной древности стал всемирно известным благодаря трагедийной дилогии Софокла «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне», а также превзошел все другие мифы по количеству исследований и толкований. Объяснить миф и его стержневой мотив — инцест пытались ученые разных специальностей, от историков и этнографов до психоаналитиков. Например, С.С. Аверинцев, рассмотрев смысловые компоненты мифа в контексте античной культуры,¹ выявил комплекс отрицательных идей, связанных с мотивом инцеста во времена Софокла, — идеи тиранической власти, запретного/ложного знания и самообожествления как религиозного кощунства. Но деяние кровосмесителя уподобляло его не только чудовищам, но и богам, поэтому инцестуальный конфликт

¹ Аверинцев С.С. К истолкованию символики мифа об Эдипе // Античность и современность: К 80-летию Ф.А. Петровского. М., 1972. С. 90–102.

© Климова М.Н., 2017

могли разрешить как гибель преступника («Эдипов грех» был написан позднее Иуде Искариоту), так и новое возвышение героя, мужественно принявшего удар судьбы (слепой изгнанник Эдип после смерти стал покровителем Афин).

Все это создало предпосылки для рассмотрения судьбы невольного кровосмесителя и отцеубийцы в системе координат христианского учения о грехе, покаянии и искуплении, и таким образом «Эдипов сюжет» был вписан в одну из важнейших архаико-мифологических схем мировой литературы — *миф о великом грешнике*. Организующей эту схему богословской триаде «грех — покаяние — спасение» подчинено большинство обработок этого сюжета, герои которых на христианском Востоке и Западе получали разные имена (так, в древнерусской литературе сюжет представлен группой «повестей о кровосмесителе», в которых невольный инцест совершали не только Иуда, но и некий «папа Григорий» и даже святой Андрей Критский). Многообразии обработок «Эдипова сюжета» вызвало естественный интерес к ним как западных компаративистов,² так и представителей историко-литературной и сравнительно-исторической школ русской науки,³ а В.Я. Пропп в статье «Эдип в свете фольклора» (1944) попытался эти материалы систематизировать. Выделенные им четыре типа «Эдипова сюжета» он обозначил именами действующих в них героев-кровосмесителей: «Андрей Критский», «Юда», «Григорий» и «Альбан».⁴

Эта типология помогает исследователю ориентироваться в обширном массиве разноязычных литературных и фольклорных источников, но судить о реальной эволюции сюжета по ней нельзя из-за особенностей подхода ее автора к анализируемым материалам. Все они независимо от времени создания и формы бытования рассмотрены В.Я. Проппом как бы на одной вневременной плоскости в сравнении с историей Эдипа у Софокла. Схожие тексты он объединил в типы, указав с опорой на фольклорные материалы особенности содержания и ареал распространения каждого из них.⁵ Вопрос о генезисе типов и их взаимосвязях в статье не ставился.

² *Elstein Y. The Gregorius Legend: Its Versions and Its Metamorphosis in the Hassidic Tale // Fabula. 1986. Bd. 27. H. 3–4. S. 210–215; Oedipus: A Folklore Casebook / Ed. by L. Edmunds and A. Dundes. Madison, 1995.*

³ Библиографию «повестей о кровосмесителе» см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2: Л–Я. С. 214–215, 347; СПб., 1998. Вып. 3: XVII в. Ч. 3: П–С. С. 161.*

⁴ *Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. С. 260–261.*

⁵ Исключение составляет тип «Альбан», пересказанный по его письменным латинским версиям.

Однако известные нам фольклорные вариации «Эдипова сюжета», как правило, вторичны по отношению к литературным обработкам того же типа. Миф об Эдипе не оставался неизменным даже на своей исторической родине, в Греции. У Софокла это история царя, обреченного взойти на престол после невольного убийства отца и женитьбы на матери и посмертно ставшего божеством места. Но уже ранневизантийская Хроника Иоанна Малалы сообщала об этом иначе: отец Эдипа был убит мятежниками, а сам он умер, выколов себе глаза.⁶ Позднее из обработок сюжета исчез и многозначный мотив самоослепления героя, сопровождавший у Софокла его внутреннее прозрение. Понятый лишь как странная форма самонаказания грешника, этот поступок невольного кровосмесителя в христианской традиции был заменен наложением на него суровой епитимьи. Влияли на «Эдипов сюжет» и другие известные примеры сбывшихся предсказаний, а также традиция легенд о *великих грешниках*, иногда гибнущих в грехе, но чаще восходящих к святости путем «падения и восстания».

Выявленные В.Я. Проппом типовые варианты судьбы средневековых «Эдипов» на деле были результатом сложных сюжетных контаминаций, вызывая порой эффект «возвращения к истокам». Так, по типологии В.Я. Проппа наиболее близок Эдипу тип «Андрей Критский», который в реальности возник лишь в конце XVI в. на восточнославянской почве. В сюжетном отношении это сочетание общей схемы типа «Юда» с мотивами легенд о раскаявшихся разбойниках и типа «Григорий». Святому Андрею Критскому «Эдипов грех» был приписан под влиянием идеи и образов его Великого канона, лирический герой которого был отождествлен с его автором.⁷ В типе «Юда», также формально близком Эдипу, для создания «биографии» Иуды Искарота «Эдипов сюжет» был утяжелен мотивами мифов о Парисе и Телегоне, а также мотивом братоубийства, уподоблявшим героя Каину. Впрочем, для латинской версии апокрифа, вошедшей в «Золотую легенду» Иакова Ворагинского, эта аналогия некорректна, ведь Иуда был в ней лишь безродным приемным цар-

⁶ Именно в таком виде историю злосчастного фиванского царя впервые узнали древнерусские книжники, использовавшие свод Малалы для своих хронологических компиляций. Впрочем, эта версия мифа у восточных славян распространения не получила. Пересказ фрагмента см.: Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 19–20.

⁷ См.: *Климова М.Н.* Повесть об Андрее Критском: Проблемы текстологии и литературной истории: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989; *Климова М.Н.* Великий канон Андрея Критского как источник его апокрифического жития // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 107–117.

ской семьи и потому, убив из зависти законного наследника престола, братоубийцей не стал. Создатели легенды громоздят преступления своего героя одно на другое, наивно копируя «биографии» Понтия Пилата⁸ и не смущаясь противоречиями получившегося текста. Это типичный продукт низовой латинской литературы зрелого средневековья. К тексту «Золотой легенды» восходит (вероятно, через польское посредство) и древнерусское сказание, ошибочно приписанное блаженному Иерониму.

Если типы «Андрей Критский» и «Юда» напоминают историю Эдипа у Софокла, то типы «Григорий» и «Альбан» существенно от нее отличаются. В них сохранены царский статус героя и его финальное возвышение, но отсутствует предсказание о его судьбе, а удаление героя из родного дома объясняется происхождением от осознаваемого инцеста (в типе «Григорий» от связи брата с сестрой, в типе «Альбан» — отца с дочерью). Общей и изначальной чертой этих типов кажется нам и отсутствие эпизода отцеубийства, ведь отец героя, как правило, умирал до или вскоре после его рождения (в пересказе В.Я. Проппа Альбан убивал своих родителей за их повторное грехопадение, но этот сюжетный ход явно вторичен). С учетом этих черт оправдано выделение типа «Григорий» (и типа «Альбан» без эпизода убийства родителей) в самостоятельный сюжет (по указателю Аарне-Томпсона № 933).⁹ Выскажем некоторые соображения о его происхождении.

История папы Григория была широко известна на католическом Западе по тексту из латинского сборника *Gesta Romanorum* (Римские Деяния), переведенного на большинство европейских языков. В свою очередь латинский текст легенды считается сокращенным пересказом французской народной книги XI–XII вв. «Жизнь папы Григория Великого». Некоторые ученые (Э. Литтре, А. Д'Анкаона, А. Зелиш и др.) пытались связать ее появление с деятельностью Папы Григория VII или другими событиями XI в., но эти попытки были неубедительны.¹⁰ К тому же последующие разыскания компаративистов выявили мно-

⁸ См.: Климова М.Н. «Эдипов сюжет» в древнерусской литературе (повести о кровосмесителе) // Сибирский филологический журнал. 2008. № 2. С. 25. Текст одной из обработок легенды о Пилате см.: Грабарь-Пассек М.Е. Средневековая латинская поэма о Понтии Пилате // Античность и современность: К 80-летию Ф.А. Петровского. М., 1972. С. 410–417.

⁹ Thompson S. Motif-Index of Folk-literature. Bloomington, 1957. Vol. 5. P. 383–385; Thompson S. The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Helsinki, 1964. P. 328.

¹⁰ Героем древнерусской Повести о папе Григории традиционно считался Папа Григорий I Двоеслов. Списки ее Краткой редакции нередко приурочены к 12 марта — дню памяти этого святого в православном месяцеслове.

гочисленные восточные обработки сюжета АТ № 933 с героем, носившим другие имена, — коптскую, арамейскую, иранскую, несколько южнославянских и пр. Особого внимания заслуживает коптская «История царя Армениоса», очень близкая легенде о папе Григории, но возникшая не позднее VII в. Это позволяет предположить существование некоего общего для всех обработок источника, возникшего на Востоке и занесенного в Западную Европу паломниками.

О происхождении сюжета АТ № 933 в науке донныне идут споры.¹¹ Нам представляется, что в «Эдиповом сюжете» отразились явления и процессы разных эпох и изучение его генезиса требует междисциплинарного подхода. В частности, не вызывает сомнений связь этого «исконно царского», как писал В.Я. Пропп, сюжета с архаическими формами передачи царской власти, например, с наследованием престола по материнской линии или с обычаем убийства старого царя его молодым преемником. Для выяснения генезиса сюжета АТ № 933 особое значение имеет его завязка, сохраненная большинством обработок, — осознанный инцест членов царской семьи. Христианские авторы объясняли подобные случаи происками дьявола, исследователю же этого феномена следует вспомнить о традиции сакрально-кровосмесительных браков в царских домах Древнего Египта и Ирана.

Восстановить первоначальный вид сюжета АТ № 933 отчасти поможет именно его иранская версия — история царевича Дараба из поэмы Фирдоуси «Шахнаме», написанной на рубеже X–XI столетий.¹² Ее завязкой, как в типе «Альбан», служит кровосмесительный союз царя с его любимой дочерью, но не тайный, а всенародно объявленный согласно древнему пехлевийскому закону.¹³ Будущая мать-сестра Дараба, царевна Хомай при этом объявлена наследницей престола, отчего ее брат вынужден навсегда покинуть родную страну. Именно желанием единоличной власти после смерти мужа объясняет повествователь приказ Хомай спустить колыбельку с ее новорожден-

¹¹ Kroes H.W.J. Die Gregoriuslegende // Neophilologus. 1954. № 38. S. 169–175; Sparnaay G. Zum S. Gregorius // Neophilologus. 1955. № 39. S. 16–23; Elstein Y. The Gregorius Legend: Its Versions and Its Metamorphosis in the Hassidic Tale. S. 196–215; Горелов Н. «Эдип в свете фольклора» через пятьдесят лет // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1995. Вып. 8–9. С. 325–326 и др.

¹² Указание В.Я. Проппа, что отголоски типа «Альбан» есть в «1001 ночи», — вероятно, ошибка его памяти, и имелась в виду другая энциклопедия восточных сюжетов — колоссальное творение Фирдоуси. Во всяком случае, в рассказах Шахерезады случай кровосмешения отца с дочерью нам найти не удалось.

¹³ Поэма Фирдоуси — уникальный случай фиксации очень древней формы брачно-семейных отношений, отголоски которой сохранили лишь некоторые волшебные сказки («Свиной чехол» и «Терпеливая Елена») да завязка популярной в средние века истории Аполлония Тирского.

ным сыном на воду. Здесь и далее судьба Дараба напоминает истории других легендарных царей древности (например, Саргона или Кира), завершаясь восхождением возмужавшего героя на изначально предназначенный ему престол. Отстранив от власти свою мать, Дараб счастливо избежал инцеста, но некоторые ученые считают, что Фирдоуси намеренно сгладил опасную коллизию, чтобы не омрачать этим случаем жизненный путь одного из предков великого Искандера. В истории Дараба нам видится сказочное отражение борьбы двух принципов передачи царской власти — по женской и мужской линиям и победы второго из них. Первоначальный вид сюжета АТ № 933 и был памятником этой борьбы, претерпев в дальнейшем несколько изменений. Сначала вышел из употребления и был прочно забыт странный закон, сочетавший узами брака с родным отцом героиню Фирдоуси, тогда как практика династических инцестов внутри одного поколения царской семьи возникала время от времени еще очень долго.¹⁴ Поэтому в дальнейших обработках сюжета роль мужа в кровосмесительном союзе родителей героя вместо отца царевны стал играть ее брат, у Фирдоуси персонаж эпизодический. Свой привычный для нас вид сюжет АТ № 933 принял, когда восторжествовал христианский взгляд на инцест (все равно осознанный или невольный) как на грех, тяжкий, но искупаемый покаянием, как и все другие грехи. Однако не стоит искать в латинской истории о св. Альбане отголоски исчезнувшего обычая — это лишь одна из множества средневековых фантазий, доказывающих всеисилие покаяния на примере разных грехов, в том числе всех мыслимых и немыслимых видов инцеста

Скажем немного и о судьбе сюжета АТ № 933 в древнерусской литературе, где он был представлен Повестью о папе Григории — самой популярной и художественно значимой из «повестей о кровосмесителе». Распространение Повести в рукописной традиции едва ли полностью исчерпано известными нам 130 списками.¹⁵ Успеху этого памятника у читателей способствовали не только необычность и драматизм описанных в нем событий, но и гармоничное сочетание занимательности и назидания, а также богатство и гибкость ее сюжета, созвучного различным тенденциям русской литературы переходного периода. Например, этот текст — линейно организованный рассказ о жизни святого, что сближает Повесть с житием в несколько расплыв-

¹⁴ Так, в Египте она процветала в династии Птолемеев, то есть вплоть до начала новой эры.

¹⁵ В это число вошли и 14 ранее неизвестных списков Повести, выявленные автором статьи в 1995 г. в машинописном описании новых поступлений РГБ, и думается, таких находок в разных славянских древлехранилищах может быть еще немало.

чатом понимании этого жанра в XVII веке. В то же время в ее сюжете различимы схема волшебной сказки, фрагменты рыцарского романа и зачаточная любовная линия, востребованные в процессе становления русской беллетристики. Особенности памятника и его тесное взаимодействие с другими «повестями о кровосмесителе» определили разнообразие семи его вторичных редакций.¹⁶

Вопрос о времени появления Повести у восточных славян не решен. Римские Деяния были переведены с польского на русский язык не позднее рубежа 70-х – 80-х гг. XVII века.¹⁷ Считается, что перевод был выполнен по несохранившемуся краковскому изданию 1663 г.¹⁸ Но уже первые исследователи древнерусской Повести заметили, что наряду с ее текстом, восходящим к Римским Деяниям (далее редакция РД), в рукописных сборниках встречаются многочисленные списки другой редакции, более компактной и отличающейся по ряду деталей (далее Краткая редакция).¹⁹ А.Н. Пыпин,²⁰ С.Л. Пташицкий²¹ и Н.К. Гудзий²² полагали, что эту повесть знали на Руси до перевода Римских Деяний. Действительно, известны списки Краткой редакции более раннего времени (например, РГБ, собр. Ундольского, № 632, сер. XVII в. или ГИМ, собр. Уварова, № 171 (1338), 1645 г.).²³

Каково же происхождение Краткой редакции? А.Н. Пыпин вскользь предположил ее южнославянские корни, что вроде бы не лишено оснований. Так, она имеет текстуальные совпадения с сербским «Словом о душевном исправлении», другой обработкой сюжета АТ № 933, связи которой с русской рукописной традицией пока не ясны.²⁴ Однако отсутствие среди героев южнославянских обработок

¹⁶ Характеристику отдельных редакций Повести см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3. Ч. 3. С. 157–161.

¹⁷ *Ромодановская Е.К.* Римские Деяния на Руси: Вопросы текстологии и русификации. М., 2009. С. 10.

¹⁸ *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3. Ч. 3. С. 306.

¹⁹ Из 60 рассмотренных нами списков Повести к этой редакции относятся 47.

²⁰ *Пыпин А.Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 195.

²¹ *Пташицкий С.Л.* Средневековые западноевропейские повести в русской и славянской литературах: Истории из Римских деяний (*Gesta Romanorum*) // Историческое обозрение. СПб., 1897. Т. 90. С. 115.

²² *Гудзий Н.К.* К истории легенды о папе Григории // Изв. ОРЯС. 1915. Т. 19. Кн. 4. С. 234–256, 234–256.

²³ Указание А.А. Назаревского на список Повести XVI в. (ГИМ. Собр. Уварова № 308 (252) (442)) при проверке оказалось ошибочным. См.: *Назаревский А.А.* Библиография древнерусской повести. М.; Л., 1955. С. 88.

²⁴ Издания «Слова о душевном исправлении» см.: *Ламанский В.* Непорешенный вопрос // ЖМНП. 1869. Т. 144. С. 112–116; *Novacovič St.* Die Oedipus-Sage in der süd-

римского папы по имени Григорий снова актуализирует западное направление нашего поиска. Известно, что одним из языков культурного общения в XVII веке был польский, поэтому в личных библиотеках русских книжников нередки польские издания Римских Деяний. Попытки переложения отдельных рассказов сборника на русский язык предпринимались еще до его перевода в целом. Один опыт такого рода в истории Повести о папе Григории обнаружил и опубликовал В.Н. Перетц.²⁵ В 1660 г. шаргородский священник Григорий сделал сильно сокращенный перевод рассказа Римских Деяний на украинский язык, удалив почти все диалоги и добавив от себя мелкие замечания богословского характера (РГБ. Собр. Ундольского. № 527). На мысль, что этот робкий литературный опыт украинского священника не был единственным в истории Повести, нас наводят итоги детального сравнения двух ее основных редакций — Краткой и редакции РД.

Это сравнение показало, что Краткая редакция — не перевод, а пересказ по памяти редакции РД. В этом пересказе нет пространных описаний и личных имен, кроме имени главного героя, а реплики персонажей составлены заново из общеизвестных библейских цитат. Расхождения в деталях обеих редакций иногда связаны с упрощением исходного текста, естественным при пересказе. Так, в Римских Деяниях Григорий вырос в семье рыбака, хотя и пользовался покровительством монастырского настоятеля, в Краткой же редакции он воспитан в монастыре. Иногда изменение деталей выдает стремление рассказчика по возможности опустить католические реалии. Так, Григорий редакции РД, рыцарь, плывущий в Святую Землю и нанятый на службу королевы, в Краткой редакции стал «купцом и великим воином».

В подтверждение этой мысли добавим, что случай пересказа по памяти книжного текста отмечен в истории другой «повести о кровосмесителе» — Сказании Иеронима о Иуде Предателе (Особая редакция).²⁶ Краткую редакцию «Папы Григория» по принципам организации текста напоминает и старейший список Повести об Андрее

slavischen Volksdichtung // Archiv für slavische Philologie. 1888. № 11. S. 321–326; Яцимирский А.И. К славянским легендам о кровосмешении // Пошана: Сб. Харьковского историко-филологического общества, изд. в честь проф. Н.Ф. Сумцова. Харьков, 1909. Т. 18. С. 404–411.

²⁵ Перетц В.Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVII веков // Сб. ОРЯС. 1926. Т. 101. № 2. С. 121–124.

²⁶ РГАДА. Ф. 181. № 434. 60-е гг. XVII в. См.: Климова М.Н. Особая редакция Сказания Иеронима о Иуде Предателе // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 123–128.

Критском конца XVI в.²⁷ При этом детали, заимствованные автором Повести об Андрее Критском из истории папы Григория, восходят (за исключением общего для всех редакций мотива «Поликратова перстня») к ее Краткой редакции. Например, Андрей Критский тоже воспитан в монастыре и для покаяния заперт в погребе, что напоминает «пустую полату» на морском берегу, в которой каялся герой Краткой редакции.²⁸

Как уже говорилось, эта редакция «Папы Григория» была очень популярна (выявлено более 10 ее вариантов), что вовсе не помешало появлению перевода этой истории в составе Римских Деяний. Именно редакция РД стала источником большинства вторичных редакций Повести. Но детальное текстологическое изучение этого памятника ранней русской беллетристики — задача для будущих поколений филологов-медиевистов.

²⁷ Гудзий Н.К. К легендам о Иуде Предателе и Андрее Критском // Русский филологический вестник. 1915. № 1. С. 30–34.

²⁸ В редакции РД Григорий для покаяния прикован к скале посреди моря.

Е.М. ЮХИМЕНКО

ВЫГОВСКИЕ ЧЕТИИ МИНЕИ И БОГОСЛУЖЕБНЫЙ УСТАВ ВЫГОВСКОГО ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВА

д-р филол. наук,
Государственный исторический
музей, Москва
e-mail: em_yukhim@mail.ru

Статья посвящена анализу двух крупнейших памятников выговской старообрядческой культуры: богослужебного устава Выго-Лексинского общежительства и недавно открытых Выговских Четиих Миней. Выговские источники первой половины XVIII в. свидетельствуют о том, что инициатором этих начинаний был первый уставщик киновии Петр Прокопьев. Сравнительный анализ состава и текста памятников позволил подтвердить их тесную генетическую связь и выявить конкретные примеры, свидетельствующие об одновременности составления Четиих Миней и базовой основы выговского устава. Особое внимание было обращено на преемственную связь выговской уставной традиции по отношению к соловецкой.

Ключевые слова: старообрядчество, Выговское поморское общежительство, Соловецкий монастырь, Четии Миней, богослужебный устав, уставное чтение, агиография.

Организация в 1694 г. Выговского общежительства совпала с завершением процесса разделения старообрядчества на два главных течения — поповское и беспоповское. Необходимость приспособления церковной жизни, и прежде всего богослужения, к вынужденному отсутствию священства, а также задача создания большого старообрядческого поселения по образцу общежитийного монастыря потребовали от первооснователей Выга большой собирательской и уставной работы.

Прочное основание этой работе положил первый уставщик киновии Петр Прокопьев. По свидетельству киновиярха Андрея Денисова, он «о службѣ же церковнѣй и о уставѣ тоя зѣло прилѣжание от младенческих ногот имѣяше, не токмо что от родителей и от отец древнѣиших научен бяше, но уставы древлецерковныя и обиходники монастырския прочиташе и с них в едино нѣкое краткособрание переписоваше: попечение бо велие имѣяше, да вся по отеческим уставом богоугоднѣ исправлена будут».¹ Учитывая монастырский харак-

¹ Андрей Денисов. Слово надгробное Петру Прокопьеву // Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства. М., 2008. Т. 1. С. 47.

тер Выговского поселения и необходимость укоренения монашеского образа жизни в выговских насельниках, Петр Прокопьев уделял существенное внимание о такой важной составляющей церковного (по преимуществу монастырского) обихода, как уставное чтение.

Иван Филиппов указывал на то, что Петр Прокопьев не только составил Четию Минею, но «написа, чтоб на всяк день почитати на утрени и на жертвенниках; которыя книги его собрания и нынѣ в монастырѣ читаются по вся дни».² Даниил Матвеев также подчеркивал, что первый выговский уставщик «поистиннѣ убо бѣ мужь духовен и во чтении книжном повину упражняющься, воображая каталоги, преписуя обиходники и вся уставы и обряды чиновныя древнѣйших отецъ в книги сгромаждая и жития святых списуя и по послѣдованию чина в книги полагая; жив образ и поистиннѣ одушевлен всей церкви бывая».³ С потребностями уставного чтения был связан инициированный Петром Прокопьевым и воплощенный под его непосредственным руководством проект по составлению Выговских Четиих Миней (1712–1715 гг.).⁴

Проблема формирования богослужебного устава Выговского общежителства получила первоначальную, но весьма серьезную разработку в статье А.В.Дементьева «Богослужебный устав Выго-Лексинского старообрядческого общежителства: Обзор источников и предварительная классификация».⁵ Исследователь показал, что процесс формирования устава начался с изучения устоявшихся древнерусских богослужебных традиций (нашедших отражение в дореформенных печатных уставах, богослужебных книгах и монастырских обиходниках XVII в., а также в живой практике) и их сопоставления, результатом которого явилась целая группа памятников, содержащих составленные здесь сравнительные уставные своды. В первой половине XVIII в., на раннем этапе существования общежителства, составлялись небольшие уставы для сложных случаев соединения нескольких праздников. Параллельно шло создание указателей по

² Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 157.

³ Даниил Матвеев. О Петре Прокопьеве, Андрее Денисове и Данииле Викулине // Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежителства. Т. 2. С. 56.

⁴ См.: Юхименко Е.М. Четию Минею братьев Денисовых. Новые находки // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. С. 302–308; Юхименко Е.М. Традиция составления Четиих Миней в старообрядческой среде // *Slavia Orientalis*. 2013. Т. 62. № 1. С. 87–97; Юхименко Е.М. Находка утраченного рукописного книжного свода начала XVIII в. // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Год 2012-й. М., 2015. С. 102–112 (Тр. ГИМ. Вып. 199).

⁵ Дементьев А.В. Богослужебный устав Выго-Лексинского старообрядческого общежителства: Обзор источников и предварительная классификация // Старообрядчество в России: XVII–XX вв. М., 2013. С. 184–227.

читаемых праздников и уставных чтений, которые постепенно развивались и дополнялись. На основании изученного материала А.В. Дементьев пришел к выводу, что выговский Устав на период Великого поста окончательно сложился ко второй половине XVIII – началу XIX в., а «Типик сиречь устав... Данилова монастыря...», содержащий изложение общего порядка совершения богослужений и месяцеслов на весь год, в полном и завершённом виде был создан после 1791 г.⁶

Месяцесловная часть Выговского устава, включающая подробные указания о чинопоследовании службы во все дни церковного года и в уставном чтении, даёт важный материал для изучения Выговских Четиих Миней. Поскольку ранних списков такого устава пока не выявлено, мы вынуждены пользоваться его окончательной, сводной редакцией.⁷ Однако следует принять во внимание, что в основной своей части состав служб и чтений должен был сложиться ещё при Петре Прокопьеве, когда на Выгу полностью сложился церковный обиход и были составлены Четии Минеи, без сомнения, ориентированные на потребности церковного чтения. Предпринятое нами сопоставление этих двух памятников – месяцесловной части Выговского устава и Выговских Четиих Миней – позволяет подтвердить тесную генетическую связь между ними.

Стремясь создать наиболее совершенный устав для своей киновии, выговцы предприняли большую сводную работу. Они учли не только вышедшие в первой половине XVII в. все три печатных издания Устава (1610, 1633 и 1641 гг.) и различные указания, рассеянные по печатным богослужебным книгам, но и монастырские Обиходники Соловецкого, Кириллова, Троице-Сергиева, Иосифо-Волоцкого, Саввино-Сторожевского, Спасо-Каменного монастырей.⁸

Хорошо известна преемственная связь Выговского общежительства по отношению к Соловецкому монастырю. С этой крупнейшей обителью Русского Севера Выг связывала не только книжная традиция, но, что ещё более важно, живая, основанная на непосредственной передаче соловецкими монахами своих монастырских традиций. Приведем прямое свидетельство первого выговского киновиарха Андрея Денисова: «И тако сие общежительство, якоже рѣхом, от Соловецкия обители проистекшее есть, чином же и благословением соловецких отец вкорененное... ..но и Соловецкия обители священник

⁶ Дементьев А.В. Богослужебный устав... С. 216.

⁷ Выявленная А.В. Дементьевым одна из разновидностей указателей почитаемых праздников – «выговские Святыцы с указаниями об уставных чтениях» – также представлена в позднем списке (РНБ. Q. XVII. № 203. Л. 1–30; конец XVIII – начало XIX в.). См.: Дементьев А.В. Богослужебный устав... С. 194.

⁸ Дементьев А.В. Богослужебный устав... С. 184–185.

Пафнутии и пустынножительныи старец поживе во общежителствѣ лѣтъ седмь, всерадостно благословляше устав общежителства и церковныя службы и возвѣщая вся благочестивыя уставы же и обычаи Соловецкаго монастыря и сладостно прилагашеся сего общежителства уставу».⁹

Преимущественное влияние соловецкой традиции обнаруживается и в случае интересующего нас уставного чтения. Только устав Соловецкаго монастыря, в отличие от уставов других вышеназванных обителей, содержит сопоставимый объем чтения на службе и трапезе.¹⁰ Этот источник был хорошо известен на Выгу уже с начальных лет существования общежителства. Полный Устав Соловецкаго монастыря принадлежал первому уставщику Петру Прокопьеву.¹¹ К 80-м гг. XVIII в. относится также полный список Соловецкаго устава («Типик обители святаго и боголѣпнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, сущей понта окиана Соловецкаго отока, лавры преподобных и богоносных отец наших Зосимы и Саватиа чудотворцов, о церковном пѣнии и о трапезном благочинии и о протчем монастырском благоустроении»), выполненный в выговском скриптории. Эта рукопись находится в собрании М.С. Бывшева.¹²

Яркой особенностью выговской практики, восходящей к монастырским традициям, является чтение в дни Господних двенадцатых праздников толковых канонов. В «Типике» Выговскаго общежителства упоминаются три таких канона: Рождеству Христову (читался «в трапезѣ за столом» 31 декабря, в день отдания празднику),¹³ Бого-

⁹ Андрей Денисов. Слово надгробное Петру Прокопьеву // Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговскаго старообрядческаго общежителства. Т. 1. С. 50, 51.

¹⁰ К примеру, Обиходник Троице-Сергиева монастыря 1645 г., предназначенный для соборной службы (РГБ. Ф. 304/1. № 249), уставных чтений не содержит, даже на день памяти преподобнаго Сергия Радонежскаго (Л. 137).

¹¹ Рукопись находилась в коллекции М.И. Чуванова. См.: Мальшев В.И. Москвичи — собиратели письменной и печатной старины // ТОДРЛ. Т. 21. М.; Л., 1965. С. 389.

¹² Благодарю владельца за любезно предоставленную возможность изучения даннаго кодекса. Рукопись в 4° написана на бумаге с филигранью Pro Patria / [PP] // D & SBlaw (Клепиков С.А., Кукушкина М.В. Филигрань «Pro Patria» на бумаге русскаго и иностраннаго происхождения // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Л., 1965. С. 83–191. № 202 (1788, 1798 гг.)). Та же фабрика изготовливала бумагу с филигранью Strasburg Lily, литеры D & SBlaw (Клепиков С.А. Филигранны и штемпели на бумаге русскаго и иностраннаго производства. М., 1959. № 974 (1770, 1780 гг.)). Обращает на себя внимание архаичная для 1780-х гг. заставка на л. 1, по своей стилистике и цветовому решению относящаяся к раннему типу выговскаго книжной орнаментики. Это обстоятельство позволяет предположить, что даннаго списка Устава был выполнен с раннего выговскаго оригинала.

¹³ Устав. Круг вселетнаго богослужения Поморскаго Выгорецкаго монастыря. Саратов, 1913. Л. 83, 83 об.

явлению (читался на отдание праздника 14 января)¹⁴ и Сретению Господню (9 февраля, в день отдания праздника «в трапезѣ за столом чтение праз. канон толковой»)¹⁵. В Выговских Четиих Минеях толковый канон Сретению помещен в самый день праздника, под 2 февраля.¹⁶ Два толковых канона — Рождеству Христову и Крещению Господню — встретились нам в выговской рукописи 60-х гг. XVIII в.¹⁷ В Выговские Четии Минеи составители включили также три толковых канона на подвижные Господние праздники (апрельский том, после 30 апреля): Канон толковый на Пасху творение Иоанна Дамаскина, канон толковый на преполовление Пасхи и Канон толковый на Сошествии Святого Духа творение Иоанна Дамаскина.¹⁸ Толковые каноны входили в монастырское уставное чтение: в частности, в Соловецком монастыре (31 декабря, 9 февраля, а также 14 января, на отдание Богоявления)¹⁹ и Кирилло-Белозерском монастыре (на Воздвижение 14 сентября, Рождество Христово 25 декабря — два канона: «канон кир Козмы 7 листов, другой Иоанна Дамаскина 8 листов», на Богоявление 6 января и Сретение 2 февраля).²⁰

Особое почитание выговцами соловецких подвижников²¹ нашло отражение в обширном уставном чтении на 27 сентября, день памяти преподобного Савватия Соловецкого. В этот день, согласно выговскому Типику, житие и чудеса святого читались в трапезе после вечерни, на утрени, в трапезе после утрени и после часов. Чтения было так много, что его продолжали на следующий день: 28 сентября «за трапезою чтем чюдеса святаго. Или Филогоново слово».²²

С соловецкой традицией, скорее всего, связано поминание преподобных Варлаама и Иоасафа Индийских под 19 ноября (в Великих

¹⁴ Устав. Круг вселетнаго богослужения... Л. 94.

¹⁵ Там же. Л. 106 об.

¹⁶ ГИМ. Музейское II собр. № 87. Л. 33–38 об.

¹⁷ ГИМ. Собр. Барсова. № 841. Л. 17–21 об., 22–28 об. (список 1766 г.).

¹⁸ ГИМ. Музейское II собр. № 88. Л. 463–473, 508–511 об.

¹⁹ ГИМ. Собр. Барсова. № 1290. Л. 181, 209 об., 198 (список третьей четверти XVII в.).

²⁰ См.: *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Т. 2: Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. М., 2006. С. 285, 288–290. Благодарю головщика Рижской Гребеншиковской общины Е.А. Григорьева, обратившего мое внимание на некоторые особенности чтения толковых канонов.

²¹ Об этом см.: *Юхименко Е.М.* Почитание Зосимы и Савватия Соловецких в Выговской старообрядческой пустыни // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993. 351–354; *Юхименко Е.М.* Выговские похвальные слова Зосиме и Савватию Соловецким // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 380–404.

²² Устав. Круг вселетнаго богослужения... Л. 41–43.

Минейх Четиих — 17 ноября): такой день праздника указан в выговском Типике,²³ на этот день в ноябрьском томе помещена Повесть о Варлааме и Иосафе.²⁴ Отметим, что такой день памяти дают также Святцы 1646 г.²⁵

Выговские книжники не ограничились внимательным изучением соловецкой уставной традиции, им особенно близкой. В частности, в выговский Типик вошли следующие праздники, в соловецком уставе не отмеченные: 24 сентября — память Знамения Псковской иконы Богородицы (текст есть в ВМЧ), 25 сентября — память прп. Евфросинии Суздальской (текст есть в Выговских Четиых Минейх; далее — ВЧМ), 7 октября — прп. Сергию Обнорскому, 22 октября — Казанской иконе Богоматери, 24 октября и 3 июня — Димитрию царевичу Угличскому, 4 февраля — прп. Кирила Новоезерского и св. благоверного князя Георгия Всеволодовича (в ВЧМ оба текста есть), 20 апреля — прп. Александра Ошевенского (в ВЧМ текст есть), 26 июня — Тихвинской иконе Богоматери (текст Повести в ВЧМ есть), 3 июля — Иоанна и Логина Яренгских и Никодима Кожеезерского (в ВЧМ тексты есть) и другие.

Заметим, что выговцы не только провели сличение месяцесловной части устава, существенно ее дополнив, но сумели разыскать редкие тексты: те же толковые каноны или «Слово на обновление храма Воскресения Господа нашего Иисуса Христа» (13 сентября).²⁶ Этого текста не было в Великих Минейх Четиих, в Соловецком уставе о его чтении не упоминалось,²⁷ тогда как в выговском Типике под 13 сентября предписывалось «за столом» чтение Обновлению Храма Воскресения Господня в Иерусалиме.²⁸

Таким образом, выговские книжники не ограничились соловецкой традицией, хорошо им известной с самого начала общежительства, они аккумулировали в своем Типике и уставном чтении многие древнерусские и местные традиции. Как видим из вышеприведенных примеров, это собиранье проводилось еще при жизни Петра Прокопьева.

Сличение состава Выговских Четиих Миней и выговского устава позволяет сделать вывод о том, что эти два свода создавались в начале XVIII в. параллельно. В тексте выговского Устава можно обнаружить прямые отсылки к подлинным томам Выговских Миней.

²³ Устав. Круг вселетнаго богослужения... Л. 61 об.—62.

²⁴ ГИМ. Музейское II собр. № 85. Л. 364–452.

²⁵ Святцы. М.: Печатный двор, 1646. Л. 78.

²⁶ БАН. Собр. Каликина. № 60. Л. 190–191 об.

²⁷ ГИМ. Собр. Барсова. № 1290. Л. 110–111 об.

²⁸ Устав. Круг вселетнаго богослужения... Л. 32 об.

Так, обширное уставное чтение на день памяти преподобного Савватия Соловецкого 27 сентября, восходящее к соловецкой практике, имеет одно существенное отличие. На Соловках «по всенощном чтут похвалное слово Зиновиево творение», а на Выгу — «на зазвонной статьи чтение святому. О житии его въкратце. Писанное въ минѣи сентябрьской».²⁹ Этот текст, составленный выговским автором, под заголовком «О житии преподобнаго отца Савватия, написано вкратцѣ»³⁰ открывает блок статей о Савватии Соловецком. В минее над заголовком, в котором, кстати, не обозначен день, на верхнем поле листа рукою Петра Прокопьева сделана помета: «Сие читается на всенощном на зазвонной статьи на праздник преподобнаго отца Савватия сентября в 27 день».³¹ Комплекс текстов, посвященных Савватию Соловецкому, в Выговской минее помимо указанного краткого текста включает Житие Савватия в редакции митрополита Спиридона, сочинение «О принесении мощей преподобнаго отца Савватия в монастырь на Соловки» и то единственное похвальное слово, которое предписывал читать выговский Типик, — «Филогона черноризца Слово о преподобнем Савватии, новом чудотворцы, иже во отоцѣ Соловецком, сущем во окианьстѣм понтѣ».³²

Еще один пример.

8 ноября на праздник «архангела Михаила и прочих сил небесных» в Выговской Четвѣй Минее помещено «Слово святаго и преподобнаго отца нашего Пандолея диякона и хартофилакса Великия Церкви Сказание о чудесѣх великаго и преславнаго Михайла архистратига».³³ Причем имя хартофилакса Софии Константинопольской исправлено: в тексте было «Пандолеонта» (именно этот вариант читается Успенском списке Великих Четвѣх Миней митрополита Макария), на полях, при помощи условных значков, стоит замена: «Пандолея». В тексте Выговского устава эта замена учтена: «по отпустѣ часов икону архангела в столовую носят. Чтение архангелу слово Пандолѣево».³⁴

Таким образом, упорная собирательская и аналитическая работа выговских книжников, усиленно трудившихся в начале XVIII в. под руководством первого уставщика пустыни Петра Прокопьева, нашла отражение как в Выговских Четвѣх Миней, так и в богослужб-

²⁹ Устав. Круг вселетнаго богослужения... Л. 42.

³⁰ БАН. Собр. Каликина. № 60. Л. 404–404 об.

³¹ Там же. Л. 404.

³² Там же. Л. 405–422 об.

³³ ГИМ. Музейское II собр. № 85. Л. 137–153.

³⁴ Устав. Круг вселетнаго богослужения... Л. 37 об.

ном уставе Выго-Лексинского общежителства. Оба эти памятника, полноценно продолжающие древнерусскую традицию и входящие в число крупнейших начинаний Выга, явились впечатляющим результатом церковного и культурного строительства староверческой киновии, затерянной в глухих лесах Обонежья.

О.Д. ЖУРАВЕЛЬ

**«СКАЗАНИЕ О ЯВЛЕНИИ НИКОЛАЯ
МИРЛИКИЙСКОГО ЧУДОТВОРЦА
ТОМСКОМУ ГРАЖДАНИНУ ГРИГОРИЮ» —
ПАМЯТНИК СИБИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НАЧАЛА XVIII ВЕКА
Статья 1**

д-р филол. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: helgazhuravel@gmail.com

Статья посвящена малоизученному памятнику литературы, созданному в Томске в начале XVIII в. Исследуется жанровое своеобразие Сказания, которое определяется как проповедь, направленная на исправление нравов томского общества. Определяются книжные источники, выявляется связь с народно-религиозной культурой, выработанная в специфическом культе святого Николая Чудотворца, а также в использовании жанра видения, основанного на устной традиции.

Ключевые слова: сибирская литература, агиография, видения, проповедь.

Главным центром литературной работы в Сибири первых веков ее освоения был Тобольский архиерейский дом.¹ Однако еще в 1968 г. Е.К. Ромодановская обратила внимание на сочинение, созданное в сибирской провинции, в Томске, в начале XVIII в.² Полное его название — «Сказание о явлении великого иерарха Николая Мирликийского чудотворца Томскому гражданину Григорию и о прорицании грядущаго гнева Господня на град Томский и на живущия в нем люди». Исследовательница указала на три известных списка. Созданию двух списков, хранящихся ныне в архивах РГАДА³ и Санкт-

¹ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Подгот. Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель. Новосибирск, 2001.

² Ромодановская Е.К. Сибирские повести об иконах (XVII – начало XVIII в.) // Освоение Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1968. С. 82–96.

³ РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера). Оп. 2. П. 505. Ч. 1. Д. 6 (2°, копии XVIII в.). Л. 13 об.–20. Белая дата 1730. Копия сделана на основе тетради, вклеенной в печатном издании Жития чудотворца Николая 1694 г., которая была взята, как написано в начале копии, «в Томску из соборной церкви». Очевидно, это произошло осенью 1734 г., во время пребывания в этом городе экспедиции Г.-Ф. Миллера (2.10.1734–26.11.1734). См.: Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 150, 152.

Петербургском филиале Архива РАН,⁴ мы обязаны членам Академических экспедиций 1733–1740-х гг. Третий список был опубликован в Томских епархиальных ведомостях в 1881 г. Точные сведения об этом списке отсутствуют.⁵

Основное событие, послужившее поводом к созданию памятника, точно документировано. В соответствии с жанровым каноном чудес и сказаний о чудотворных иконах⁶ указано его время («в лето от сотворения света 7210, от Рождества же по плоти Бога Слова 1702»⁷) и место («во стране Сибирстей, во граде Томску, в веси, нарицаемой Крестининой, что за Ломом» (л. 2)). Деревня Крестинина, названная, как предполагают исследователи, по имени ее основателя, в документальных источниках зафиксирована.⁸ В тексте также упоминается с. Семилужки, куда перенесена была икона св. Николая и почитается там до сих пор,⁹ хотя подлинник иконы не сохранился: «1702 г. в Семилужках явилась чудотворная икона Николая Святителя. С того времени вплоть до 1929 г. икону торжественно крестным ходом ежегодно приносили в томские храмы».¹⁰

Судя по тому, что чудо в тексте названо новым («Приидите, о христоименитое стадо, на слышание новаго чудеси» (л. 2)), сказание было написано вскоре после легендарного события. По замыслу, по основной жанровой функции данное Сказание представляет собой нравоучительную проповедь. В начале автор обращается к пастве с призывом послушать о новом чуде, затем устами Николая Чудотворца обращается к Григорию: «иди во град Томской и рцы без бо-

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 21 (Миллер Герард Фридрихович). Оп. 5. № 110. 4°. Полуустав с элементами скорописи нач. XVIII в. Л. 2–13. На л. 1 рукой И.Э. Фишера запись: Anno 1745 Tomsky d. 8 Junii. Данная копия делалась, судя по незначительным разночтениям, независимо от копии, хранящейся в РГАДА, возможно, во время пребывания И.Э. Фишера в Томске.

⁵ Томские епархиальные ведомости. 1881. № 6. С. 83–89; № 7. С. 102–106. Все три списка, как справедливо отмечала Е.К. Ромодановская, близки, но данный список отличается особым композиционным построением, что характерно для более поздних этапов бытования древнерусских памятников книжности. Сказание содержит в конце 4 чуда, в данном же списке уже основная часть озаглавлена как «Чудо первое».

⁶ Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: Истоки русской сибирской литературы. Новосибирск, 1973. С. 141.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 21 (Миллер Герард Фридрихович). Оп. 5. № 110. Л. 2. Здесь и далее текст Сказания цитирую по этому списку, с указанием листов в круглых скобках.

⁸ Ромодановская Е.К. Сибирские повести об иконах (XVII – начало XVIII в.). С. 93.

⁹ Активно поддерживается сайт храма святителя Николая Мир Ликийских Чудотворца в с. Семилужки Томской области (<http://semilujki.cerkov.ru/>).

¹⁰ Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: Хронология жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск, 2002. С. 13. Автор ссылается на ГАТО. Ф. Р-433 и Тобольские епархиальные ведомости, 1887, 15 июня.

язни всем во граде священноначалником и судиям градским, и всем сущим гражданином, яко вси они прогневали Творца своего...» (л. 9). Перечисляя всевозможные грехи жителей города (ни одно сословие не остается без обличения, включая представителей городской власти), автор от имени святого требует исправления и предупреждает о страшных последствиях в случае, если горожане не исправятся. При этом рисуется апокалиптическая картина Божьей кары: «...Аще сего не сотворят и не останутся кийждо их от пути своего лукаваго и развращеннаго, то будет на град гнев Господень великий и страшный (яко же древле на Содом и Гомор)... Взыдет бо от востока туча, устрашающая всякую плоть, и своим восхождением помрачит весь воздух, имущи молния, вся пополаяющия, и низпускающии град, имея камение, разженное гневом Господним, и побьет всякую плоть, от человека и до скота, и истрыет здание домов, и потребит древа селныя, и погубит всяк плод земный...» (л. 6).

Основная часть Сказания включает рассказ Григория Рожнова,¹¹ сына «древняго воина Савы», которому святой Николай Чудотворец явился в видении и спас его от неминуемой смерти. Этот рассказ, занимающий большую часть повествовательного пространства, выполняет в данной проповеди функцию примера (*exemplum*). Без конкретных примеров не обходилась ни одна проповедь ни в средневековой Европе, ни в Киевской митрополии XVII в.,¹² откуда эта традиция и проникала в Московскую Русь. Материалом для примеров часто служили устные легенды, бытовые истории, таким образом, иллюстративный материал проповеди был не только одним из действенных средств дидактического воздействия на прихожан, но и «точкой встречи двух уровней культуры, ученого и фольклорного», «микроскопом средневекового сознания».¹³ Не удивительно, что сборники примеров бытовали и отдельно от проповедей, распространяясь в качестве увлекательного чтения.¹⁴

То, что в нашем случае *exemplum* основан на рассказе о видении, вполне соответствует сложившейся традиции ранней сибирской литературы. «Видение (или явление) было тем зерном, из которого развились почти все памятники местного сибирского творчества в

¹¹ В списке РГАДА. Ф. 199 (портфели Миллера). Оп. 2. П. 505. Ч. 1. Д. 6 речь идет о Григории Рожневе.

¹² См., например: *Крекотень В.І.* Оповідання Антонія Радивилівського: 3 історії української новелістики XVII ст. Київ, 1983.

¹³ *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 158, 138.

¹⁴ См., например: *Державина О.А.* «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965; *Ромодановская Е.К.* Римские деяния на Руси: Вопросы текстологии и русификации. Исследование и издание текстов. М., 2009.

XVII–XVIII вв.», — писала Е.К. Ромодановская.¹⁵ Важная структурообразующая роль принадлежит видениям в Сказаниях об Абалацкой и Казанской иконах Богородицы, в Житиях Василия Мангазейского и Симеона Верхотурского. Все книжные памятники использовали опыт фольклорного бытования легенды. Как правило, рассказы о чудесах записывались и хранились при церквях, в местах почитания святынь. О том, что подобные рассказы составляли часть устной религиозно-фольклорной традиции, свидетельствуют документальные источники — следственные дела XVII–XVIII вв., связанные с рассказами крестьян о случившихся им видениях.¹⁶

Излагая видение Григория, книжник проявил мастерство рассказчика. Указаны не только время и место, но и все свидетели чуда, что должно усиливать достоверность повествования. Очевидцы собрались «в доме некоторыя вдовы Соломонии Прокопиевой дщери», поскольку хотели уже прощаться с Григорием, который был при смерти («ждушим разлучения души его от тела»). Чудо, произошедшее с ним, описано с разных точек зрения — вначале все было увидено со стороны собравшимися посетителями, затем приведен подробный рассказ самого визионера. Посетители видели, «яко внезапно нача болный устрашатися и трепетати, и разумеша они, яко видение видит, и ждуща, седяху над ним, что конец будет видению его. И по многом времени той болный напрасно восхищен бысть до верху храмины и держан невидимою силою время немало, донеже же воскрича, яко: “Вся сия, Господи мой, сотворю, помилуй мя!” И паки отпущен на одр его тихо, и глагола многия слова, якобы ко вопрошающему ответы» (л. 2 об.). Последующий затем рассказ самого Григория подтвердил показания свидетелей: он действительно был поднят в воздух, а потом опущен, а также повторил слова, услышанные очевидцами («Вся сия, Господи мой, сотворю, помилуй мя!»).

О случившемся Григорий поведал духовнику, «Спаския церкви служителю иерею Иоанну Козмину, что на реке Яе, и засвидетельствующим тем сродникам» (л. 2 об.–3). Рассказ Григория в передаче автора сочинения динамичен, драматургия эпизода строится на его диалоге со святым. Но прежде явления святого Чудотворца его обступило множество бесов, «темнобрачных муринов». Их было так много, что они не помещались в горнице и заглядывали в оконца, угрожая Григорию мучениями. «И аз бедный бых тогда в великой беде, мнях, яко ти темнобрачнии демони жива мя своею лютостию разтерзают» (л. 3). Подобные описания мучений от бесов, которые

¹⁵ Ромодановская Е.К. Рассказы сибирских крестьян о видениях: К вопросу о специфике жанра видений // ТОДРЛ. Т. 49. СПб., 1996. С. 143.

¹⁶ Там же. С. 141–156.

обычно изображались «темнобрачными муринами» — общее место в древнерусской демонологической литературе.¹⁷

Бесовской тьме контрастно противопоставлен свет, ворвавшийся в помещение, где находился Григорий. Вдруг «напрасно отверзошася двери и свет возсия во храмине, а ти темнообразнии демони без вести стаха, вси разбегошася, гоними силою Божиюю. И вижу, яко грядет образ великаго чудотворца Николая, имея сияние света паче зари солнечныя, никими несом, но движим невидимою силою Божественною» (л. 3–3 об.).¹⁸ Мотив икон, которые сами передвигаются, хорошо известен в древнерусской и сибирской литературе. Так, например, явилась Богородица с Николаем Чудотворцем и Мариею Египетской, «вся же быста иконы и стояща на воздухе» в Сказании об Абалацкой иконе.¹⁹ В Сказании о явлении святого Николая Чудотворца за этим образом последовал «муж стар и честен видением, подобен писанному на иконе той, во одежде архиереистей, имея в руке своей копие» (л. 3 об.). Таким образом, в Сказании присутствуют два образа святого Николая Чудотворца: более традиционный на иконе, которая «вшедши во храмину и ста на полице купно со иными образами»,²⁰ и святой с копьем в руках.

Очевидно, второй образ был навеян особым типом изображений Николая Чудотворца, который известен с конца XIV в. как Никола Можайский. Он сформировался на основе образа Николы Зарайского — молитвенника и защитника русской земли, и именно ему присущи атрибуты меча и града. Копье Николы в нашем памятнике можно рассматривать как коррелят меча, а символика меча имеет широкий спектр значений в религиозной духовной культуре. Прежде всего меч трактовался как духовное оружие от неверных.²¹ Андрей Критский называет святого Николая «воином, который, сражаясь с неведомыми силами, как некий военачальник... мечем глагола Божия посек до

¹⁷ Рязановский Ф.А. Демонология древнерусской литературы. М., 1915. С. 51, 55.

¹⁸ Мотив света, связанный с темой явления святого, представлен в «Житии Симеона Верхотурского», основа которого составлялась при митрополите Игнатии Римском-Корсакове (1692–1699). Он выражен на уровне ключевых слов в 13-м чуде Жития. См.: Журавель О.Д. Житие Симеона Верхотурского: К изучению литературного творчества Игнатия Римского-Корсакова // Источники по русской литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 87–88.

¹⁹ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. С. 90.

²⁰ Очевидно, имеется в виду известное с X в. широко распространенное поясное изображение благословляющего святителя Николая с Евангелием в руке (см.: Шалина И.А. Типология древнерусской иконографии святителя Николая Мирликийского XI–XVI вв. // Добрый кормчий: Почитание святителя Николая в христианском мире. М., 2010. С. 550).

²¹ Там же. С. 564.

корня ересь... поразил одним ударом меча». ²² Известна и демоноборческая функция Николая Чудотворца, ²³ не случайно его образ сближался с другими знаменитыми духовными воителями — с архангелом Михаилом и со святым Георгием Победоносцем. ²⁴

Как демоноборец предстает святой Николай в древнерусской литературе, причем здесь символы обретают буквализацию. Эпизоды борьбы святого с бесами описаны, например, в Повести об Ульянии Осорьбиной. Подвижничество Ульянии вызывало нападки со стороны бесов, они «страх и ужас напушаху ей велик». ²⁵ Во сне «явился ей святой Никола, держа книгу велику, и разгна бесы, яко дым бо исчезоша. И воздвиг десницу свою и благослови ю: “Дщи моя, мужайся и крепися, и не бойся бесовскаго прещения. Христос бо мне повеле тя соблюдати от бесов и злых человек!”» Проснувшись, Ульяния увидела святого наяву, «из храмины дверми изшедша скоро, аки молнию». ²⁶ В другой раз он вновь ей являлся, «имея палицу, и прогна их от нея, яко дым исчезоша. Единаго беса поймав, мучаше». ²⁷ С жезлом встает против бесов святой в Сказании Пахомия Логофета о чуде Варлаама Хутынского и Николая Мирликийского о умершем отроке. ²⁸ Отметим, что отрока, оживленного чудесным вмешательством святого Николая, так же, как в нашем Сказании, звали Григорием.

С сочинением Пахомия Логофета роднит наше Сказание и еще один мотив — мотив свитка грехов как главного аргумента нападений от бесов. Свиток, на котором записаны грехи персонажа — функциональный аналог рукописания, неперменного атрибута сюжета о договоре с дьяволом. В Сказании о явлении святого Николая Мирликийского томскому гражданину Григорию нет ни свитка, ни рукописания как осязаемого предмета, однако семантика сюжета о продаже души дьяволу присутствует. Как оказалось, причиной бесовских истязаний была мысль Григория: «Согреших, Господи, сице рекох во уме моем: “О что се, како богатии богатеют, аз же един убог сый? Мню, яко бесове им приносят и спомогают о собрании богатств их. Добро было бы мне, аще и ко мне бы принесли, и аз бы у них принял и имел бых их себе спомогатели!”» (л. 3 об.—4).

²² Шалина И.А. Типология древнерусской иконографии... С. 570.

²³ Антонов Д. «Беса поймав, мучаше». Избиение беса святым: Демонологический сюжет в книжности и иконографии средневековой Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2010. № 1. С. 61–75.

²⁴ Шалина И.А. Типология древнерусской иконографии... С. 568–570.

²⁵ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1. М., 1988. С. 99.

²⁶ Там же. С. 99–100.

²⁷ Там же. С. 102.

²⁸ Великие Минеи Четии. Ноябрь, 1-12. СПб., 1897.

В наивной вере Григория в то, что бесы способны принести богатство, отразилось весьма широко распространенное представление. Несколько русских повестей XVII–XVIII вв. о договоре с дьяволом рассказывают о попытках обогащения при помощи «нечистой силы», правда, везде это стоит недешево — жаждущий обогатиться продал душу.²⁹ Подобные попытки зафиксированы в документальных источниках, в судебно-следственных делах. «Князю Тмы, — писал, например, в 1742 г. петербургский писарь Никифор Куницын, — покорно тебя прошу о неоставлении меня денгами, ибо я обнищал, ...и работать тебе завсегда готов...».³⁰ Мотив отречения от Бога в нашем сказании эксплицитно не представлен, но в данном случае отсутствие мотива можно считать «минус-приемом», поскольку налицо мотивировка и последствия: истязания и угрозы бесов.

Копье святого в данном сказании — тоже вполне осязаемый предмет. Святой Николай Чудотворец не только отогнал им бесов, копье является символическим продолжением его исцеляющей руки: «А муж той прииде ко одру моему и, яже имат копие, положи е на перси мои. И егда аз ощутих копие его на персех своих, и тогда ми бысть здрав разум, и болезни моеи в себе не чух» (л. 3 об.).

Святой Николай ведет себя весьма строго. Его приказание рассказать людям об угрозах Григорий выполнил не сразу, из страха, что ему не поверят: «Боюся всяко, не яв веры, убьют мя». Подобная мотивировка молчания нередко встречается в агиографических источниках, в том числе сибирских. «Како убо скажу, яко млад есмь... не имут мне веры», — оправдывается визионер в Сказании о Казанской иконе Богородицы,³¹ долго молчала и Мария в Сказании об иконе Абалацкой.³² И тогда святой Николай проявляет не просто настойчивость — он яростен: «Аще боишися, се ти сотворю». И яже имат копие в руке своей, напрасно ударих мя по хребте моем и восхитив от одра моего, подняв до верху храмины, и держаща мя на копие том время немало... И держав, рече ми: “Аще ли не смееши сего страшнаго наказания всем провозвестити, и аще сего не сотвориши, то злетя днесь имам погубити”» (л. 6 об.). Ярость, гнев святых описаны в сибирской агиографии. В Сказании о явлении Казанской иконы сама Богородица бранится, бьет так, что «лицо распухло»; «яростным глазом» в чуде об Абалацкой иконе восклицает святой Никола. Подоб-

²⁹ Журавель О.Д. Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск, 1996. С. 129–139.

³⁰ Там же. С. 133.

³¹ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. С. 194.

³² Там же. С. 89–94.

ное поведение известно и по западноевропейской визионерской литературе, о чем писал А.Я. Гуревич.³³

Как правило, и в литературных, и в фольклорных образцах видений святой предъявляет визионеру определенное требование. В данном случае Григорий должен довести до сведения и своих знакомых, и всех горожан, а также городских властей, «дабы они престали от грехов». В частности, «да запретят ненаказанным и безстыдным человеком, еже не играти во всякия игры бесовския, в сопели, и в гутки, и в домры, с песньми и плясанием бесовским, и соблюдати уста своя от всякой скаредной матерной брани» (л. 6). Обличая бесчинства, которые творятся в доме Ильи Крестинина, святой возмущен, что там «собираютца скомрахи и смехотворцы со многими безчинными играми, с сопельми, с гутками и з домрами и веселятца бесовским веселием, с плясанием и песньми нечистыми» (л. 4). Е.К. Ромодановская уже обращала внимание на уникальное для начала XVIII века упоминание о скоморохах, которое, судя по описанию, не является риторической условностью.³⁴

Прегрешения знакомых и соседей Григория описаны очень подробно. Указаны их имена, места проживания. В каждом случае святой предупреждает, что, если не послушаются, их постигнет кара. Так оно и происходит, все его мрачные предсказания сбываются: дом Ильи, где прежде находилась икона святого Николая, пока Чудотворец не покинул грешника, сгорел, сам Илья умер... В данном случае не трудно увидеть прием проповедника: если малые предсказания так быстро сбываются, значит, ему надо верить. А самая главная угроза касается всех жителей города Томска и, как уже отмечалось выше, она описана в апокалиптических тонах. Таким образом, чудо о Григории и предсказание «малых бед» является средством убедить граждан и власти города престать от греховной жизни, то есть через использование жанра видения проповедь реализует свою главную функцию — дидактическую, учительную, выражая призыв и предупреждение. Другая цель автора была скорее прагматической. Вполне возможно, что создание данного сочинения было связано с утверждением культа святого Николая Чудотворца. Для молодого Томска покровительство этого святого было особенно важным, поскольку, как уже отмечалось, святой Николай считался защитником русских городов. Возможно, создание этого сочинения находилось в русле прочих мероприятий Тобольской митрополии, руководство которой было заинтересовано не только в создании очагов местных святынь, но и в утверждении почитания на сибирской земле самого

³³ Гуревич А.Я. Средневековый мир. С. 139–141.

³⁴ Ромодановская Е.К. Сибирские повести об иконах. С. 94.

популярного на Руси святого. Томские приходы были под омофором тобольских митрополитов, а в 1713 г. в самом Тобольске была освящена церковь Николая Чудотворца с приделом в честь Вознесения у городской стены.³⁵

«Сказание о явлении великого иерарха Николая Мирликийскаго чудотворца Томскому гражданину Григорию» является ценным источником не только для изучения литературного процесса в Сибири первых веков ее основания. В нем содержатся сведения, которые можно использовать при исследовании истории общественного сознания, в частности, народного православия. Нельзя не согласиться с мнением Е.К. Ромодановской, считавшей, что «повести об иконах могут представить исследователям материал по истории быта, взглядов, верований, настроений тех или иных социальных групп, по вопросам идеологии и социально-исторической психологии».³⁶

В следующей статье будет опубликован текст данного памятника по сохранившимся спискам.

³⁵ Николаев С.И. Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 266.

³⁶ Ромодановская Е.К. Сибирские повести об иконах. С. 94.

Н.С. ГУРЬЯНОВА

ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ СТАРООБРЯДЦЕВ*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: gurian@academ.org

Статья посвящена изучению процесса обращения противников церковной реформы, начатой Патриархом Никоном, к памяти о прошлом с целью отстоять свое право оставаться в оппозиции к нововведениям. Анализ рукописных сборников позволил констатировать, что первое поколение защитников старого обряда использовало исторические факты в качестве аргументов и постепенно расширяли привлекаемые материалы для описания события и его оценки в качестве свидетельства об отступлении патриарха Никона от веры предков. В авторских произведениях апелляция к этому аргументу превращалась в одно из доказательств о якобы уже произошедшем завоевании мира антихристом.

Ключевые слова: церковная реформа, раскол, рукописные сборники, память о прошлом, эсхатологическое учение.

Эсхатологические ожидания всегда были сильны в русском обществе, особенно обостряясь в кризисные моменты. После Смуты Русская Церковь сделала попытку преодолеть духовный кризис, возвратив себе статус, который она занимала в средневековом обществе. Для этого, как считали иерархи, следовало прежде всего вернуть паству в лоно Церкви, поэтому первоочередной была задача религиозного просвещения населения с целью противостоять инославному влиянию. Собор 1620 г. ясно показал стремление Русской Церкви обосновать политику конфессиональной и культурной изоляции. Кампания по законодательному запрещению свободного распространения «литовских» изданий и рукописей была продолжением этой политики.¹ Поиски выхода из духовного кризиса привели к тому, что, несмотря на это, Русская Церковь вынуждена была использовать сочинения православных авторов Киевской митрополии.

* Статья написана в рамках Комплексной программы фундаментальных научных исследований СО РАН № П.2.П «Интеграция и развитие» (номер проекта в ИСГЗ ФАНО 0326-2015-0018).

¹ Об этом подробно см.: Булычев А.А. История одной политической кампании XVII в.: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004.

© Гурьянова Н.С., 2017

Эта ориентация особенно хорошо заметна, если обратить внимание на издательскую политику при Патриархе Филарете и последующих Патриархах. Стремление предоставить пастве религиозный учебник, в котором бы в доступной форме излагалось вероучение Русской Православной Церкви, привело к изданию в Москве двух катехизисов южнорусских авторов Л. Зизания и П. Могилы,² сборника «Кириллова книга», составленного из сочинений православных авторов Киевской митрополии, «Книги о вере», написанной игуменом белорусского монастыря Гедеоном.³

В этих изданиях, кроме основ вероучения Православной Церкви, значительное внимание уделялось изложению эсхатологического учения, знакомство с которым, по-видимому, считалось важной составляющей религиозного просвещения населения России. Об этом свидетельствует издательская политика Московского печатного двора этого периода: в 40-х – начале 50-х гг. XVII в. были изданы «Маргарит» И. Златоуста, 4 раза «Паренесис» Ефрема Сирина, Сборник, в котором поместили эсхатологические сочинения авторов периода классического христианства.⁴ В этом просматривается стремление Церкви акцентировать внимание паствы на необходимости помнить о предсказанном возможном Втором пришествии Христа и должном перед этим произойти воцарении в мире антихриста.

Христианское учение о конечных судьбах мира и человека в изданиях Московского печатного двора было представлено в южнорусском варианте, сформулированном православными авторами Киевской митрополии в конце XVI – начале XVII в. При издании текстов они были адаптированы для русской действительности. После начала церковной реформы их идеи оказались востребованы в иной исторической ситуации и благодаря противникам Патриарха Никона до предела актуализированы. В Словах Спиридона Потемкина в достаточно полном виде были изложены эсхатологические построения

² Характеристику текстов см.: Корзо М.А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI – XVIII в.: Становление, эволюция и проблема заимствования. М., 2007. С. 292–392.

³ Об этих изданиях см.: Rothe H. Zur Kiever Literatur in Moskau. I // Studien zu Literatur und Kultur in Osteuropa: Bonner Beiträge zum 9. Internationalen Slavistenkongress in Kiev. Köln; Wien, 1983. S. 233–260; Rothe H. Zur Kiever Literatur in Moskau. II // Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress in Kiev 1983. Köln; Wien, 1983. S. 417–434; Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 212–284; Савельева Н.В. Неизвестный западнорусский автор иеромонаха Гедеон, игумен Бизюкова монастыря, и московское книгопечатание середины XVII века // Книжная старина. Вып. 2. СПб., 2011. С. 82–131.

⁴ О деятельности Московского печатного двора по изданию сочинений, посвященных эсхатологической теме, см.: Гурьянова Н.С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007. С. 37–56.

оппозиции. Ориентация автора на творческое наследие Киевской митрополии давно отмечена исследователями.⁵ Другие противники церковной реформы тоже уделяли внимание вопросам эсхатологического учения, но не посвящали им отдельных сочинений как Спиридон. Возможно, это может быть объяснено авторитетностью его Слов, которые оказали влияние на оформление старообрядческого эсхатологического учения.

Первое поколение противников церковной реформы сосредоточило свое внимание на доказательстве незаконности и неправомерности внесенных в обряд и богослужебную практику новшеств, которые интерпретировались в качестве свидетельств об отступлении от веры предков. Соловецкий книжник Сергей Шелонин был первым, кто составил сборники из фрагментов текстов по обрядовым и догматическим вопросам, доказывая чистоту и истинность русского варианта православия.⁶ В них были включены цитаты из авторитетных рукописей и старопечатных книг, которые могли служить аргументом при доказательстве отступления Патриарха Никона от традиции Русской Церкви. Соловецкий книжник обратился и к историческому прошлому. Об этом свидетельствует составленный им Хронограф с дополнительными статьями, опубликованный О.В. Панченко,⁷ а также постоянная апелляция к памяти о прошлом при анализе нововведений.

В качестве характерного примера обратим внимание на фрагмент из «Полемиической тетради», обозначенный так: «О просвирах: понеже подобает печатати их крестом, а не крыжем». Сославшись на авторитет Иоанна Дамаскина, приведя соответствующую цитату из его книги «Небеса», из слова 38-го, дающее представление о том, что просвира печатается крестом, автор приводит аргумент, опираясь на память о прошлом: «Да при великом князе Иоанне Васильевиче Московском и всеа Руси в лето 6981 был митрополит на Москве, именем Филипп Московский и всеа Руси, и при том митрополите изволил Бог великому князю Ивану Васильевичю: взял за себя брачным совокуплением царевну Софию, дочь царя Фомы. И римский папа Калист велел пред нею нести крыж. И той московский митрополит Филипп не велел в Московское государство пустити того крыжа».⁸

⁵ Об этом см.: Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 123–138; Опарина Т.А. Число 1666 в русской книжности середины – третьей четверти XVII в. // Человек между Царством и Империей. М., 2003. С. 287–300.

⁶ Об этом см.: Сапожникова О.С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин: Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010. С. 331–473.

⁷ Панченко О.В. Хронограф Сергея Шелонина // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 361–512.

⁸ Сапожникова О.С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. С. 427.

Действительно, в 1472 г. Иван Васильевич вступил во второй брак с племянницей двух последних греческих императоров Иоанна и Константина Софией. Для Сергия важно было подчеркнуть, что митрополит Филипп «не велел в Московское государство пустить того крыжа». Этот фрагмент в «Полемической тетради» заключает фраза, которая проясняет, с какой целью Сергей обратил внимание на этот эпизод из прошлого: «А ныне, грех ради наших, и просвиры печатают крыжем, а свидетельство не вем, откуда взяли».⁹ В дополнительной статье к Хронографу, в «Сказании о митрополитах Киевских и всея Руси», соловецкий книжник уделил этому эпизоду больше внимания, включив соответствующий фрагмент из Степенной книги, из 14-й степени, из главы 19-й, посвященной митрополиту Ионе.¹⁰

Небольшой по объему фрагмент, озаглавленный в Степенной книге «О хождении в Царьград святаго Ионы и что прорекоша о нем царь и Патриарх», скопирован полностью,¹¹ а из фрагмента «О несущем митрополите Исидоре, како лукавнова на православие и како обличися безумие его, и о подвизех благочестивых» приведена только небольшая часть.¹² Опустив заголовки, автор Сказания сумел из фрагментарного цитирования составить достаточно логичный, хотя и краткий, рассказ о судьбе митрополита Исидора. Цельность ему придавали небольшие вставки в начале и в конце воспроизведенного фрагмента, которые проясняли ситуацию. Выписку из 19-й главы Степенной книги он предварил цитатой из начала 7-й главы 14 степени: «В лета же она некто Исидор прииде от Рима в Царствующий град, и усмотрив си время, и уведа, яко Фотий митрополит к Богу отиде, и тако неким богопротивным коварством увеща царя и Патриарха, и поставлен бысть на Русь в митрополиты».¹³

Завершает выписку из Степенной книги фрагмент 19-й главы, в котором сообщается о появлении Исидора в Москве: «Пребывшу же ему на Москве 4 месяцы, и поиде в Рим на осмый собор, ему же великий князь Василей много возбраняше, яко не достоин таковому собору быти». Автор Сказания дополнил эту фразу, якобы произнесенную великим князем, словосочетанием «и да не прелстишися в папину ересь». После этого он продолжил дословное цитирование Степенной книги, в которой сообщается, что Исидор обещал великому

⁹ Сапожникова О.С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. С. 427.

¹⁰ См.: «Сказание отчasti жития иже во святых отца нашего Ионы, митрополита всея Руси» (Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. Т. 2. М., 2008. С. 190–216).

¹¹ Панченко О.В. Хронограф Сергия Шелонина. С. 492.

¹² Там же. С. 492–493.

¹³ Там же. С. 492. См.: Степенная книга царского родословия... С. 134.

князю не предавать веры: «...Тяжкими и страшными клялся... крепко стояти о православии».¹⁴

Логично смотрится помещенный далее краткий, но очень информативный пересказ событий, произошедших после собора: «И первый поборник папин являся, предав веру Христианскую папе на злате... Мятущу же ся ему три лета в латынстей земле на богопротивном том соборе и прииде к Москве, и начат в приношении божественных службы в первых папино имя поминати». Затем сообщается, что за это великий князь «повеле его свести с престола и отдати под начало в Чудов монастырь», из которого он якобы сбежал в Тверь, оттуда в Киев, а из Киева в Рим.¹⁵

Для нас в данном случае важна не достоверность сообщаемых автором Сказания сведений, а то, каким образом он использовал фрагменты из памятников письменности, чтобы в историческом прошлом Руси найти аргумент в пользу незаконности нововведений, осуществленных Патриархом Никоном. Обозначив в «Полемической тетради» тему «крыжа», в Сказании Сергей уже уделил внимание судьбе Исидора. Другой соловецкий книжник, Геронтий, использовал аргумент, обозначенный Сергием, и постарался сделать его еще более убедительным. В первой части так называемого Геронтиевского сборника¹⁶ он поместил выписки из авторитетных рукописей и старопечатных книг, используемых им в качестве аргументов в авторских сочинениях, расположенных во второй части. Каждый фрагмент сопровождается точным указанием на исходный текст и кратким комментарием, который иногда помещен в заголовке, иногда на поле.

После цитат из памятников письменности, в которых утверждался в качестве единственного «истинного» трисоставный крест, следует пространная выписка (на 3 листах), озаглавленная так: «Повесть из Летописца о крыже латынском, им же ныне в русской земле начаша просвиры печатати».¹⁷ Уже в заголовке-аннотации обозначена тема. На поле помещено указание, что выписано из «Летописца Иоасафа Сороцкого дачи». Н.Ю. Бубнов во вступительной статье к публикации сочинений Геронтия из этого сборника указал на источники, которыми пользовался соловецкий книжник. В данном случае ис-

¹⁴ Панченко О.В. Хронограф Сергея Шелонина. С. 492–493. Ср.: Степенная книга царского родословия... С. 193.

¹⁵ Панченко О.В. Хронограф Сергея Шелонина. С. 493.

¹⁶ РГБ. Собр. Егорова (ф. 98). № 706. Описание рукописи и характеристику ее содержания см.: Чумичева О.В. «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и Пятая Соловецкая челобитная: Взаимоотношение текстов // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 61–63.

¹⁷ РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 43–45 об.

следователь назвал рукопись РНБ, Соловецкое собр., № 672/864.¹⁸ М.В. Кукушкина в монографии «Монастырские библиотеки Русского севера» отмечает, что в данной рукописи представлен список Хронографа первой русской редакции 1512 г. с дополнениями из второй.¹⁹

В скопированном фрагменте говорилось о прибытии на Русь царицы Софии, достаточно подробно описывался ее путь к Москве. При этом отмечалось, что с нею шел «посол» Папы Римского, «легатос» Антоний, и перед ним несли «крыж». Далее сообщалось, что «слышав же се князь великий нача о сем мыслити».²⁰ При обсуждении вопроса якобы была высказана в том числе и такая точка зрения: «Другий же глаголаху, яко несть се когда было в земли нашей, еже почтене быти латынской вере. Единою было, учинил то Исидор митрополит греческий и той погиге и от святаго собору проклят».²¹ Здесь уже четко заявлено, что разрешить нести четырехконечный крест есть признание «латынской веры». В этом скопированном из рукописи фрагменте описана ситуация обращения великого князя за советом, как поступить, к митрополиту Филиппу, после чего сообщается, что великий князь не допустил, чтобы перед Антонием несли «крыж».

Геронтий начал знакомить читателей с темой «крыжа латынского», обратив внимание на фрагменты текстов, в которых описывалась ситуация с приходом на Русь Софии Палеолог с сопровождающими ее лицами. Сергей ограничился краткой информацией о женитьбе великого князя с указанием на то, что митрополит Филипп не допустил, чтобы несли четырехконечный крест перед делегацией. Геронтий скопировал значительный фрагмент текста, в котором достаточно подробно освещался факт прибытия на Русь невесты и обсуждение вопроса допустимости нести «крыж» при торжественном шествии греческой делегации. При этом обращено внимание на митрополита Исидора, который, как подчеркивается, учинил подобное единственный раз в истории Руси.

Далее располагается фрагмент, озаглавленный так: «В той же летописной книге пишет о Исидоре митрополите греческом и о крыже латынском сице». На поле помещено указание для читателя: «Зри зде листы 161 и 166».²² В данном случае составитель ориентировал читателя, чтобы он для прояснения ситуации, описанной в приведенном

¹⁸ Бубнов Н.Ю. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о Патриархе Никоне. СПб., 2006. С. 92.

¹⁹ Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977. С. 135.

²⁰ РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 43 об.

²¹ Там же. Л. 43 об.–44.

²² Там же. Л. 45 об.

фрагменте, познакомился с текстом, расположенном на указанных листах. На них скопирована практически дословно 7-я глава 14 степени из Степенной книги. Сергей в дополнительных статьях к своему Хронографу ограничился только воспроизведением начальной фразы, поместив ее перед цитатами из 19-й главы, а Геронтий посчитал, что для читателей важно знакомство с текстом всей главы. В ней рассказывается о поставлении Исидора в митрополиты Московские и о его участии в Фераро-Флорентийском соборе.²³

В скопированном фрагменте из «Летописца Иоасафа Сороцкого дачи» речь идет о том, что еще на пути из Москвы на собор Исидора в г. Юрьеве встретили православные с «честным крестом», а «латыни же и немцы с крыжем лятцким». Исидор, «преступив тяжкую свою клятву»,²⁴ приветствовал «крыж лятцкий и иде с ними до костела». Сопровождавшие Исидора на собор православные «ужасом вси одержими беша», что еще и до Рима не дошел, а уже «крыж» почитал, а «истинный крест презираше». А уж когда до Папы дошел, продолжает автор свой рассказ об отступлении Исидора от православия, «во всем первый поборник и ревнитель бысть папешкия ереси».²⁵ Скопированный фрагмент завершает фраза, что из-за этого мудрования «в Московском государстве от соборныя апостольския церкви он, Исидор, проклят!»²⁶ На поле к этому тексту помещен комментарий: «Зри, яко крест Христов и крыж не едино есть и за крыжное поклоняние той Исидор написан зде богоотступником».²⁷ Эта фраза, как и аннотация-заголовок, проясняла для читателей, с какой целью Геронтий включил в сборник данный фрагмент из Летописца.

Подробно осветив тему «крыжа латынского» и судьбу Исидора в первой части сборника, в «Ответе вкратце Соловецкого монастыря к востязующим нас, чесо ради не оставляем истинныя свояя благочестивыя веры», помещенном во второй его части, Геронтий четко сформулировал в качестве одного из основных обвинений в адрес реформаторов отказ от трисоставного креста. Не случайно первая глава сочинения названа «О трисоставном кресте и о крыже четвероконечном». Прочитовав фрагмент из первой части сборника, в котором рассказывалось о поклонении «крыжу латынскому» Исидором еще

²³ РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 162–167 (старая пагинация — 161–166). Ср.: Степенная книга царского родословия... С. 134–137.

²⁴ Ср.: «Лжесловесный же Исидор тяжкую клятву на ся положи, яко ничтоже странна и чюжа не принести ему от латынь, но обещася крепко стояти о православии» (РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 163). См.: Степенная книга царского родословия... С. 134.

²⁵ РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 46 об.

²⁶ Там же. Л. 46 об.–47.

²⁷ Там же. Л. 46.

на пути в Рим, Геронтий поместил указание на исходный текст: «Летописец Иоасафа Сороцкого дачи в полдесть и в Хронографе Сергиевском в десть, глава 55, о Исидоре митрополите».²⁸

В этой отсылке Геронтий сам указал, что опирался на работу, сделанную Сергием Шелониным. В первой части сборника он постарался расширить круг привлеченных текстов, чтобы сделать аргумент более убедительным. В сочинении одна из воспроизведенных цитат сопровождается авторским комментарием, который повторил суть замечания на поле, помещенного в первой части сборника: «И сего ради он, Исидор, в тех книгах написан богоотступником».²⁹ После этого скопирована еще одна фраза из Летописца, в которой подчеркнута тема предательства Исидора: «Яко еще, — рече, — он, окаянный, не дошед Рима, богоотступная деяше, крыж почиташа, а истинный крест Христов презираше».³⁰

Поместив далее рассуждения на тему, что «крест Господень трисоставный и крыж не едино есть», Геронтий заключает: «И по сему яве, яко и нам ныне в православную свою веру тех крыжей вводити и на просьфирах печатати ими отнюдь не подобает, понеже бы и прародители государевы... в древние лета у нас крыжем чести не воздавали же и конечное опасение от того имели».³¹ После этого сообщается о том, как с делегацией невесты Софии шел посол Папы Римского, который нес «пред собою крыж», а великий князь, митрополит Филипп «и весь освященный собор, и царьский синклит, и вси московстии народи оного посла с тем крыжем в царствующий град Москву ни блиско не пустиша».³²

В авторском сочинении Геронтий, в отличие от первой части сборника, где он явно следовал за Сергием, расположил материал в хронологической последовательности: сначала о предательстве митрополита Исидора, а потом — о приезде невесты Ивана Васильевича. Включенные в первую часть сборника скопированные тексты сообщали о конкретном лице, который якобы запретил нести четырехконечный крест перед послом Папы Римского при входе в Москву, поскольку увидел в этом «почитание крыжа». В сочинении Геронтий еще более усилил аргумент, подчеркнув, что это было всенародное неприятие четырехконечного креста.

²⁸ РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 236. В другом случае он ссылается не на Хронограф Сергия, а на его Алфавит, в котором дошла до нас «Полемиическая тетрадь» (см.: РГБ. Собр. Егорова. № 706. Л. 237 об.).

²⁹ Там же. Л. 235 об.–236.

³⁰ Там же. Л. 236.

³¹ Там же. Л. 237.

³² Там же. Л. 237 об.

В Пятой соловецкой челобитной³³ были достаточно четко сформулированы основные аргументы против новшеств, введенных в обряд и богослужебную практику Русской церкви в результате реформы, начатой Патриархом Никоном. При их перечислении Геронтий, естественно, указал на довод, связанный с «крыжем латинским»: «А и прародители твои государевы, благоверные цари и великие князи в Руской земли, крыжем чести отнюдь не воздавали ж». ³⁴ После такого заявления автор апеллирует к памяти о прошлом, ссылаясь на «историю»: «Яко же во истории пишеть, еже бысть от создания мира в лето 6981, егда же прииде ис Царяграда царевна София в царствующий град Москву к великому князю Ивану Васильевичю. И с нею пришед из Риму от папы посол Антоний легатос и нес перед собою крыж, великий же князь и преосвященный Филипп, митрополит Московский и всеа Руси, и весь освященный собор и царский синклит и все московстии народи с тем крыжем ни близ царствующаго града Москвы пройти не пустили...». ³⁵

Геронтий сумел представить основные аргументы, которые обозначили к этому времени соловецкие иноки с целью отстоять свое право оставаться в оппозиции к церковной реформе. Они перечислены несколько раз при утверждении, что речь идет о «новой вере», поэтому, делает вывод автор, если их одобрить, то признание будет означать предательство «истинной православной веры»: «Аще, государь, нам ныне на конец последняго века учитися сызнова новой вере и слушати их непотребнаго учения, его же страшно и помыслити...». ³⁶ В данном случае все новшества интерпретировались в качестве свидетельств о «конце последняго века», т.е. заявлено о якобы должном в скором времени произойти «конце мира».

Соловецкие иноки, скорее всего, сделали этот аргумент очень убедительным. Постепенно он был включен в эсхатологические построения. Особенно наглядно это видно при обращении к компиляции, составленной в начале XVIII в. из сочинений первого поколения защитников старого обряда. Старообрядцы превратили этот аргумент

³³ Текст опубликован: *Барсков Я.Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 12–27; *Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н.И. Субботина.* М., 1878. Т. 3. С. 217–276. Об этом сочинении см.: *Бубнов Н.Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 304–320; *Чумичева О.В.* «Ответ вкратце Соловецкого монастыря»... С. 59–69.

³⁴ *Барсков Я.Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. С. 16; *Материалы для истории раскола за первое время его существования.* Т. 3. С. 227.

³⁵ Там же.

³⁶ *Барсков Я.Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. С. 23; *Материалы для истории раскола за первое время его существования.* Т. 3. С. 249.

в одно из свидетельств постепенного завоевания мира антихристом, акцентировав свое внимание на отступлении Исидора: «Второе сатана инако умыслил: латынский Сидор митрополит подкраде лестно патриарха Цареградскаго Иосифа, и той благослови его в Русь митрополитом быти. И прииде к Москве и прияша его. Бысть тогда собор во Флоренце граде, и великий князь Московский Василий посла Исидора того на собор, не ведый лукавства в нем, а Сидор той приклякнул к папе и римскую проклятую веру похвалил. А святыи Марко, Ефеский епископ, ревность по благочестии показа, отступников обличил. А Сидор, когда прииде к Москве з гордостью папиною, и нача в соборной церкви по новому обыкновению служить. Егда же услыша благочестивый князь латынския обычаи в церкви, скоро повеле Исидора-отступника, яко пса, изгнати ис церкви святыя, он же, враг, убежа в Рим...».³⁷

Обращение к тексту сборников и авторских сочинений соловецких иноков позволило проследить процесс постепенного увеличения привлекаемого материала при оформлении одного из аргументов для доказательства незаконности внесенных в обряд и богослужебную практику новшеств. Составители сборников использовали фрагменты повествования о реальных исторических фактах, чтобы приведенный довод звучал убедительно. В авторских произведениях он предстал уже достаточно ясно сформулированным и якобы свидетельствующим о приближении «последних времен». Следующие поколения защитников старого обряда включали этот аргумент в эсхатологические построения в качестве одного из свидетельств постепенного завоевания мира антихристом.

³⁷ Старообрядческая компиляция первой половины XVIII в. из сочинений протопопа Аввакума и дьякона Федора // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Т. 3. Новосибирск, 2011. С. 36.

П.И. МАНГИЛЕВ, протоиерей

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ГЕКТОГРАФИРОВАННЫЕ ИЗДАНИЯ В КНИЖНО-РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЯХ ЕКАТЕРИНБУРГА

канд. ист. наук,
Екатеринбургская духовная семинария
e-mail: mangilev_petr@mail.ru

В статье приводятся сведения о старообрядческих гектографированных изданиях, находящихся в книжно-рукописных собраниях Екатеринбурга: собрании Лаборатории археографических исследований УрФУ, собрании Свердловского областного краеведческого музея, собрании библиотеки Екатеринбургской духовной семинарии. Проанализирован состав коллекций. Особое внимание уделено изданиям, которые были созданы на Урале.

Ключевые слова: старообрядческие гектографированные издания, Д.В. Батов, П.М. Безводин, В.И. Усов, А.Т. Мельнов.

Старообрядческие гектографированные издания представляют собой интересное явление в книжной культуре старообрядчества последней трети XIX – начала XX в. Гектографирование как способ тиражирования книг начало использоваться старообрядцами с 70-х гг. XIX в. За последнюю четверть XIX – первые десятилетия XX в. было напечатано гектографическим способом несколько сотен, а возможно, и более тысячи изданий. Каталог Н.Ю. Бубнова,¹ учитывающий старообрядческие гектографированные издания, хранящиеся в фондах БАН, содержит описание более 580 гектографированных изданий (578 номеров, но ряд номеров двойные). Каталог Н.Ю. Бубнова, хоть и содержит описание одной из двух наиболее значимых коллекций старообрядческих гектографов (другая крупная коллекция – РГБ²),

¹ Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук: Последняя четверть XIX – первая четверть XX в. Каталог изданий и избранные тексты / Авт.-сост. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2012; Рец. на каталог: *Зольникова Н.Д.* Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 115–116; *Вознесенский А.В.* Первый опыт каталога старообрядческих гектографических изданий // Археографический ежегодник за 2012 год. М., 2016. С. 306–314.

² Как явствует из статьи А.Б. Григорьева, работа по описанию гектографированных изданий, хранящихся в РГБ, ведется. См.: *Григорьев А.Б.* Гектографические издания в

далеко не полон. Между тем гектографированные издания, как тиражные и достаточно массовые с одной стороны и затрагивающие актуальные вопросы жизни старообрядческих согласий в указанный период с другой, представляют значительный интерес для изучения. Без их учета и подробного описания полноценное изучение истории старообрядчества последней четверти XIX – первой четверти XX в. вряд ли возможно. Привлечение материалов региональных хранилищ представляет важность для изучения темы. В настоящей работе мы представляем краткий обзор гектографированных изданий, находящихся в трех собраниях Екатеринбурга: Древлехранилище Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета (ЛАИ УрФУ), фондах Свердловского областного краеведческого музея (СОКМ), библиотеке Екатеринбургской духовной семинарии (ЕДС). Коллекции гектографов в этих собраниях мы просматривали в разное время, хотя гектографированные издания, несомненно, есть и в других книжных собраниях г. Екатеринбурга. Всего в трех собраниях города нами выявлено 167 экземпляров гектографированных изданий, которые представляют собой либо отдельные единицы хранения, либо находятся в составе конволютов (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение гектографированных изданий
по книжно-рукописным собраниям Екатеринбурга

	ЛАИ УрФУ	СОКМ	ЕДС	Итого
Единиц хранения	74	11	4	89
Экземпляров изданий	147	11	9	167

Поскольку каталог Н.Ю. Бубнова на сегодняшний день является наиболее полным, то мы сверили просмотренные нами издания с этим каталогом. Оказалось, что с каталогом Н.Ю. Бубнова соотносится только половина изданий из выявленных в Екатеринбурге. Примерно 40 % изданий екатеринбургской коллекции в каталоге Н.Ю. Бубнова не отмечены, хотя в большей части это издания известные, более или менее подробные сведения о них могут быть получены из специальной литературы. Бывает, что перед нами другое издание учтенного в каталоге Н.Ю. Бубнова текста. О 16 изданиях мы не смогли высказать суждения. Это, как правило, небольшие фрагменты, атрибутировать которые сложно. Более подробно данные представлены в табл. 2.

собрании РГБ, посвященные полемике вокруг «Окружного послания» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1: Богословие. Философия. 2014. № 53 (3). С. 93–130.

Таблица 2

Учтенные и неучтенные в каталоге Н.Ю. Бубнова гектографированные издания (по трем собраниям Екатеринбурга)

		ЛАИ УрФУ	СОКМ	ЕДС	Итого
Учтено в каталоге Н.Ю. Бубнова	Изданий	68	3	0*	71
	Экз. изданий	83	3	1	87
Не учтено в каталоге Н.Ю. Бубнова	Изданий	44	5	8	57
	Экз. изданий	51	5	8	64
Точно не установлено	Изданий	13	3	0	16
	Экз. изданий	13	3	0	16
Итого	Изданий	125	11	8*	144
	Экз. изданий	147	11	9	167

* Издание учтено в столбце ЛАИ УрФУ. В данном столбце учитывается только экземпляр издания.

Три четверти выявленных гектографированных изданий — издания старообрядцев-беспоповцев. Остальное приходится на издания старообрядцев белокриницкого (в абсолютном большинстве) и единично — других согласий. Вообще следует отметить, что большинство гектографированных изданий ЛАИ УрФУ аккумулированы в «беспоповских» (поморских) территориальных книжно-рукописных собраниях: Горнозаводском (II), Курганском (V), Челябинском (XVIII) и др. В подавляющем большинстве это издания старообрядцев-поморцев. Здесь доминируют издания Дионисия Васильевича Батова (1825–1910), который, как известно, издал гектографическим способом около трехсот книг и брошюр.³ У Д.В. Батова было масштабное, хорошо организованное производство гектографированных книг. Работали несколько писцов. Был хорошо налажен сбыт изданий.⁴ Представлены в Екатеринбургских собраниях также издания Проккопия Максимовича Безводина, который на протяжении нескольких десятилетий занимался издательской деятельностью сначала в Ниж-

³ Хвальковский В.Н. Дионисий Васильевич Батов: Биографический очерк // Второй Всероссийский Собор христианского поморского церковного общества. М., 1913. С. 167–189.

⁴ См.: Вознесенский А.В., Мангилев П.И., Починская И.В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918): Материалы к словарю. Екатеринбург, 1996. С. 71–73; Агеева Е.А., Батова Е.К. Батов Дионисий Васильевич // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 379; Список рукописей копировального производства // Старообрядческие гектографированные издания... С. 386–392.

нем Новгороде, потом в Москве, а после в Сызрани. Им было выпущено в свет около 200 изданий.⁵

Если говорить о репертуаре екатеринбургской коллекции гектографированных изданий, то в абсолютном большинстве это, конечно, полемическая литература. Неполемические издания представлены единично. Укажем на издание Жития Алексия человека Божия.⁶ Есть издания двух канонических сборников. Это Синтагма Матфея Властаря⁷ и канонический сборник, составленный Константином Арменопулом.⁸ В полемике старообрядцы любили использовать канонические аргументы и эти издания должны были быть востребованы.

Немного и богослужебных книг. Среди них можно отметить три экземпляра Устава («Богослужебного молитвословия устав с церковными правилами на качества снедей разрешения»; издатель Д.В. Батов),⁹ Потребник (издатель Д.В. Батов),¹⁰ семь богослужебных изданий с крюковой нотацией¹¹ (два экземпляра одного издания Ир-

⁵ Церковь. 1908. № 35. С. 1200; *Половинкин П.В.* Сызранская старообрядческая гектографическая типография Прокопия Максимовича Безводина // Самарские книжки 3. Самара, 2009. С. 332–340.

⁶ ЛАИ УрФУ. Собрание филологов (XVI).28р/449. См.: Каталог старопечатных и рукописных книг Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1997. Вып. 4. С. 38. № 335. В каталоге Н.Ю. Бубнова издание не учтено. Издатель неизвестен.

⁷ СОКМ № 19762/1ПИ-4466. Еще одно издание Синтагмы было в Екатеринбурге в частной коллекции. См.: *Мосин А.Г.* Старопечатные книги из собрания художника Н.Г. Чеснокова // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1985. С. 55. В каталоге Н.Ю. Бубнова издание не учтено.

⁸ ЛАИ УрФУ. Свердловское собрание (IX).7р/14. См.: Каталог старопечатных и рукописных книг Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1995. Вып. 2. С. 4. № 7. Об издании см.: *Есипова В.А.* Старообрядческие гектографированные издания: К вопросу о технике тиражирования, формате и целевом назначении // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 3 (19). С. 169–186. В каталоге Н.Ю. Бубнова издание учтено под № 538, с. 244.

⁹ 1. ЛАИ УрФУ. Горнозаводское собрание (II).40р/1822. См.: Каталог старопечатных и рукописных книг Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1994. Вып. 1. С. 15. № 64; 2. Курганское собрание (V).358р/5620. См.: Каталог старопечатных и рукописных книг Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2000. Вып. 6. С. 10. № 78; 3. Челябинское собрание (XVIII).60р/1857. См.: Каталог... Вып. 4. С. 76; № 625. В каталоге Н.Ю. Бубнова издание не учтено.

¹⁰ ЛАИ УрФУ. Куйбышевское собрание (XXII).16р/1475. См.: Каталог... Вып. 4. С. 126. № 1035. В каталоге Н.Ю. Бубнова издание учтено под № 452, с. 197.

¹¹ Об атрибуции гектографированных изданий певческих книг см.: *Казанцева Т.Г.* Старообрядческие гектографированные издания певческих книг знаменной нотации // Книга: Сибирь — Евразия. Труды I Международного научного конгресса. Новосибирск, 2016. С. 48–58.

мология (издатель Д.В. Батов),¹² Октоих,¹³ Обедница,¹⁴ Праздники,¹⁵ Знаменные песнопения Триодей постной и цветной (издатель Д.В. Батов)¹⁶). Кроме того из крюковых есть две Азбуки знаменного пения¹⁷ и два сборника духовных стихов на крюках (издатель Д.В. Батов).¹⁸ Всего же в собрании пять (вместе с уже упомянутыми крюковыми) сборников духовных стихов. В частности, обращает на себя внимание находящийся в Невьянском собрании сборник духовных стихов.¹⁹ Это небольшое издание не удастся отнести ни к одной из известных гектографических мастерских. Качество печати достаточно низкое. Возможно, мы имеем дело с одним из местных изданий.

Практически не представлена среди гектографированных изданий Екатеринбургская ранняя старообрядческая письменность. Здесь мы можем назвать только одно издание — «Виноград российский».²⁰ Есть, конечно, еще несколько сочинений П.О. Любопытного, не бывшего современником гектографического производства. Но это уже полемическая литература, актуальная в полемике конца XIX – начала XX в.

¹² 1. ЛАИ УрФУ. Красноуфимское собрание (IV).163р/1514. См.: Каталог... Вып. 1. С. 37. № 244; *Парфентьев Н.П.* Традиции и памятники древнерусской музыкально-письменной культуры на Урале. Челябинск, 1994. С. 327–328. № 270; 2. Курганское собрание (V).205р/4053. См.: Каталог... Вып. 1. С. 67. № 465; *Парфентьев Н.П.* Традиции и памятники... С. 270. № 165. В каталоге Н.Ю. Бубнова издание не учтено.

¹³ ЛАИ УрФУ. Кировское собрание (XVII).5р/568. См.: Каталог... Вып. 4. С. 43. № 471. В каталоге Н.Ю. Бубнова издание не учтено.

¹⁴ ЛАИ УрФУ. Артинское собрание (I).13р/568. См.: Каталог... Вып. 1. С. 7. № 13. В каталоге Н.Ю. Бубнова издание не учтено.

¹⁵ ЛАИ УрФУ. Куйбышевское собрание (XXII).30р/1803. См.: Каталог... Вып. 4. С. 127. № 1049; *Парфентьев Н.П.* Традиции и памятники... С. 392. № 394. В каталоге Н.Ю. Бубнова издание не учтено.

¹⁶ ЛАИ УрФУ. Кировское собрание (XVII).156р/1274. См.: Каталог... Вып. 4. С. 64. № 527. В каталоге Н.Ю. Бубнова издание учтено под № 374–374, с. 169.

¹⁷ 1. ЛАИ УрФУ. Челябинское собрание (XVIII).62р/1859. См.: Каталог... Вып. 4. С. 77; № 627; *Парфентьев Н.П.* Традиции и памятники... С. 378. № 366; 2. Удмуртское собрание (XIX).27р/4415. См.: Каталог... Вып. 4. С. 108; № 897; *Парфентьев Н.П.* Традиции и памятники... С. 380–381. № 373. В каталоге Н. Ю. Бубнова издание учтено под № 1, с. 25.

¹⁸ Оба издания имеют одно название: «Стихословия, поемья в прославление Божие, и назидание благочестия, на свадебных и прочих христианских благочинных вечеринах», однако это разные издания: 1. ЛАИ УрФУ. Курганское собрание (V).6р/541. См.: Каталог... Вып. 1. С. 40. № 263. В каталоге Н.Ю. Бубнова издание не учтено. 2. Челябинское собрание (XVIII).4р/731. См.: Каталог... Вып. 4. С. 69; № 567. В каталоге Н.Ю. Бубнова издание учтено под № 551, с. 250.

¹⁹ ЛАИ УрФУ. Невьянское собрание (VI).45р/377. См.: Каталог... Вып. 1. С. 80. № 568. В каталоге Н.Ю. Бубнова издание не учтено.

²⁰ ЛАИ УрФУ. Шадринское собрание (XIII).12р/1100. См.: Каталог... Вып. 2. С. 99. № 984. В каталоге Н.Ю. Бубнова издание учтено под № 54–55, с. 62.

В основной своей массе гектографированные издания представляют собой тексты, написанные на злобу дня. Это и маленькие брошюры, и большие книги. Перечислить их все в этом кратком обзоре нет никакой возможности. Укажем здесь на сочинение М.И. Бриллиантова «Броня правды»,²¹ издававшееся неоднократно как старообрядцами белокриницкого согласия,²² так и поморским наставником Д.В. Батовым²³ (в несколько переработанном виде). Следует назвать сочинение П.М. Безводина «Аппология о Церкви». Н.Ю. Бубнов учел только ранний, более краткий вариант этого сочинения.²⁴ Позднее, видимо, сочинение было переработано, значительно расширено автором и издано в Сызрани на гектографе. Два экземпляра этого издания, оба дефектные, находятся в собрании ЛАИ УрФУ.²⁵ Следует упомянуть гектографированный сборник «Собрание от божественного писания, служащее ко оправданию правоверных христиан».²⁶ Сборник этот объемный (2°, 296 л.) имеет и второе название — «Цветник ружье». По внешним признакам трудно определить, кто был издателем сборника. Единственное, что удалось найти — это рукопись с названием «Собрание от божественного писания, служащее ко оправданию правоверных христиан».²⁷ Рукопись эта была получена в 2005 г. от Е.П. Калачевой и входит в состав так называемой Скитской библиотеки,²⁸ принадлежавшей старообрядцам-странникам. Воз-

²¹ Об этом интересном старообрядческом сочинении см.: *Шашков А.Т.* «Броня правды» Д.В. Батова о подделке в сочинениях Максима Грека // Изв. СО АН СССР. 1980. № 11. Вып. 3. С. 46–50; *Сиренов А.В.* Мнение старообрядцев конца XIX в. о подложности Остромирова Евангелия // *Историография и источниковедение отечественной истории.* СПб., 2005. С. 216–224.

²² СОКМ № 21206. См.: Описание старообрядческих гектографированных изданий: методические рекомендации / Сост. П.И. Мангилев. Екатеринбург, 1993. С. 15–16.

²³ 1. ЛАИ УрФУ. Курганское собрание (V).2р/537. См.: Каталог... Вып. 1. С. 39–40. № 259; 2. Южно-Пермское собрание (XXVI).9р/5366. См.: Каталог... Вып. 6. С. 30–31. № 260. В каталоге Н.Ю. Бубнова издание учтено под № 46, с. 48–49.

²⁴ Старообрядческие гектографированные издания... С. 26–27. № 5, 5а.

²⁵ 1. ЛАИ УрФУ. Челябинское собрание (XVIII).12р/1653. См.: Каталог... Вып. 4. С. 70. № 575; 2. ЛАИ УрФУ. Челябинское собрание (XVIII).12р/1653. См.: Каталог... Вып. 4. С. 71. № 576. В каталоге Н.Ю. Бубнова издание не учтено.

²⁶ СОКМ № 21212.

²⁷ *Есипова В.А.* Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета. Вып. 5: XX в. № 48 (31) // https://www.researchgate.net/publication/273003543_Slavano-russkie_rukopisi_Nauchnoj_biblioteki_Tomskogo_gosudarstvennogo_universiteta_Vyp_V_XX_v (дата обращения: 15.10.2017).

²⁸ О Скитской библиотеке см.: *Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е., Есипова В.А.* «Скитская библиотека» старообрядцев-странников (археографические находки последних лет) // *Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте.* Новосибирск, 2008. С. 13–25.

можно, это гектографированное издание было подготовлено старообрядцами, принадлежками к странническому согласию.

Безусловно, обращают на себя внимание гектографированные издания местного, уральского происхождения. Следует сказать об издательской деятельности Александра Трофимовича Мельнова (1868–1935), старообрядца-поморца из окрестностей г. Златоуста. Сведения об издательской деятельности А.И. Мельнова на гектографе и краткие биографические данные нам известны из единственного источника — сочинения сына Александра Трофимовича Петра Александровича Мельнова, которое называется «История старья веры в Златоусте и в округе и история некоторых лиц». Это небольшое сочинение поступило в ЛАИ УрФУ зимой 1980 г.,²⁹ а в 1993 г. текст «Истории...» был опубликован А.Г. Мосиным.³⁰ В этом кратком жизнеописании А.Т. Мельнова есть только лаконичное сообщение об издании им «кое-каких книг и тетрадей» на гектографе. В другом месте «Истории...» есть указание на то, что сочинение Т.В. Байдосова³¹ «Ответы о крещении протоиерею Стефану Васильевичу Яхонтову, данные 20 мая 1873 г.» «гектографировал А. Мельнов», и эта книга «разошлась в большом количестве по России».³²

Гектографированные «Ответы...» Т.В. Байдосова находятся в Курганском собрании ЛАИ УрФУ,³³ благодаря чему мы имеем представление об изданиях А.Т. Мельнова. Можно предполагать, что и сборник материалов старообрядческих поморских соборов Златоустовского 30 января 1899 г., Сибирского 17 января 1899 г., Саратовского 1885 г.³⁴ также был гектографирован Мельновым. По оформлению этот сборник схож с гектографированным изданием «Ответов...» Т.В. Байдосова.

Интересно еще одно (или два?) гектографированное издание, находящееся в Курганском собрании ЛАИ УрФУ.³⁵ Это издание содержит материалы соборов старообрядцев поморского согласия: Озерского 1875 г., Озерского 1905 г., Коробейниковского 1906 г., Самарского 1905 г. Издание представляет точку зрения зауральских

²⁹ ЛАИ УрФУ. Горнозаводское собрание (II).27р/844.

³⁰ Мосин А.Г. Златоустовские старцы // Урал. 1993. № 3. С. 197–204.

³¹ О Т.В. Байдосове подробнее см.: Мангилев П.И. К истории старообрядческой литературы Урала: Писатели-старообрядцы из поморской общины города Златоуста // Литература Урала: История и современность. Вып. 6: Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. Екатеринбург, 2011. С. 283–289.

³² Мосин А.Г. Златоустовские старцы... С. 202.

³³ ЛАИ УрФУ. Курганское собрание (V).359р/5625.

³⁴ ЛАИ УрФУ. Горнозаводское собрание (II).39р/1686. Л. 188–211.

³⁵ ЛАИ УрФУ. Курганское собрание (V).332р/5328.

поморцев, приемлющих брак и требующих перекрещивания безбрачников. Три первых из четырех перечисленных соборов проводят в жизнь именно эту точку зрения. «Деяния» Самарского собора 1905 г. составлены его зауральскими участниками Иоилем Копаевым и Ипатием Наумовичем Мякининым с полемической целью. Возможно, эти гектографированные издания были изготовлены поморцами Южного Зауралья.³⁶

Можно отметить, что издания А.Т. Мельнова и издания поморцев Зауралья в целом ниже по качеству гектографированных изданий Д.В. Батова, П.М. Безводина, И.И. Зыкова. Плохое качество пропечатки текста можно, конечно, объяснить тем, что имеющиеся в нашем распоряжении экземпляры были одними из последних в тираже. Но и расположение текста на странице обращает на себя внимание некоторой несоразмерностью. В изданиях А.Т. Мельнова текст вытянут на странице, правое поле несоразмерно широкое. В издании зауральских поморцев, наоборот, текст занимает большое пространство на листе, несколько съедая поля. Нарушена и соразмерность формата текста.

В 2000 г. С.А. Белобородов на основе данных местной епархиальной печати обобщил сведения об издательской деятельности, осуществлявшейся в Екатеринбурге в начале XX в. Мастерская, где создавались гектографированные издания, находилась в одном из флигелей дома екатеринбургского купца 2-й гильдии Г.Н. Грачева. На его средства было приобретено оборудование. Им финансировалась издательская деятельность. Техническим же исполнителем проекта был В.Г. Усов.³⁷ С.А. Белобородов приводит данные о пяти изданиях, вышедших в Екатеринбурге. Только с одним изданием исследователь мог познакомиться непосредственно. Четыре издания были известны ему по литературе.³⁸

Расширить сведения о деятельности этой типографии нам помог имеющийся в библиотеке Екатеринбургской духовной семинарии сборник-конволют,³⁹ в состав которого входят шесть гектографированных изданий (л. 2–124) и рукопись (л. 125–209).

³⁶ Описание изданий А.Т. Мельнова и зауральских поморцев см.: *Мангилев П.И., прот.* Гектографированные издания старообрядцев-поморцев Южного Урала и Зауралья // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. 6. Екатеринбург, 2005. С. 84–92.

³⁷ *Белобородов С.А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири: Из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви — белокрыницкого согласия // *Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий.* Екатеринбург, 2000. С. 160–162.

³⁸ С.А. Белобородов пишет: «К сожалению, несмотря на предпринятые поиски, нам пока не удалось обнаружить ни одного из упомянутых произведений в книгохранилищах региона». См.: *Белобородов С.А.* «Австрийцы» на Урале... С. 161.

³⁹ ЕДС. № 52255.

Среди гектографированных изданий на первом месте в сборнике находится датированное 1864 г. письмо единоверческого священника И. Верховского екатеринбургскому купцу Г.Ф. Казанцеву. В письме обсуждается вопрос о епископе для единоверцев. Этот вопрос активно обсуждался в 60-х гг. XIX в. Верховский был настроен скептически в отношении положительного решения вопроса. Издатели снабдили публикацию собственным пространством комментарием, содержащим критику единоверия.⁴⁰

Издание старообрядцами этого письма на гектографе, видимо, было ответом на публикацию в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» писем Высокопреосвященного Аркадия (Федорова), архиепископа Пермского и Верхотурского (на кафедре 1831–1851) тому же Г.Ф. Казанцеву.⁴¹ В письмах подробно обосновывалась каноническая несостоятельность белокриницкой иерархии.

Интересны три письма старообрядцев Преосвященному Иринею (Орде), епископу Екатеринбургскому и Ирбитскому (на кафедре 1900–1902). Авторы писем критичны в отношении методов миссионерской деятельности среди старообрядцев. Письма содержат описание фактов злоупотреблений, критику православного духовенства и епархиальных миссионеров. Несомненно, письма эти — интересный исторический источник, содержащий ценную информацию о религиозной и культурной жизни Екатеринбурга. Интерес для истории уральского старообрядчества представляют «Письмо старообрядческого епископа Пермского Антония (Поромова) екатеринбургским беспоповцам Ф.А. Малиновцеву и А.В. Бородину» и «Письмо сосланного на Кавказ режевского наставника В.П. Королева к екатеринбургским старообрядцам».

В Екатеринбурге, видимо, было издано «Исповедание ... епископа Арсения Уральскаго и временно Нижегородскаго и священника г. Тулы Василия Механикова» (10 ноября 1903 г.) и переиздано сочинение М.М. Бриллиантова «Памятная записка о событиях, происшедших за последнее время в старообрядчестве. Январь 1902 г.».

Кроме того, «Екатеринбургские епархиальные ведомости» содержат сведения еще о трех гектографированных изданиях, вышедших в

⁴⁰ Подробный разбор письма см.: *Обтемперанский А.* Новое произведение местной старообрядческой литературы // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1902. Отд. неоф. № 4. С. 171–176.

⁴¹ См.: Письма Преосвященного Аркадия, архиепископа Пермского, к екатеринбургскому купцу Г.Ф. Казанцеву о белокриницкой иерархии // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1902. Отд. неоф. № 1–2. С. 16–24; № 3. С. 84–93; № 4. С. 151–160.

Екатеринбурге. Два из них учтены в каталоге Н.Ю. Бубнова,⁴² а одно пока не обнаружено.⁴³ Таким образом мастерская по производству гектографов действовала и выпустила не менее 10 изданий.⁴⁴

Гектографированные издания, находящиеся в книжных собраниях Екатеринбургa, содержат интересный и важный материал по истории старообрядчества. Описание и изучение этого фонда является насущной задачей.

⁴² 1. Поездка на Восток в 1900 г. Результаты исследования о крещении в греческой церкви и сведения о митрополите Амвросии. [Екатеринбург, 1900]. См.: Старообрядческие гектографированные издания... С. 193. № 442; *Единоверец*. Посещение Екатеринбургa апологетом австрийского толка К.А. Перетрухиным и его беседа с часовенными старообрядцами // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1901. Отд. неоф. № 4. С. 118–123; Несколько слов по поводу сочинения двух екатеринбургских старообрядцев под заглавием «Поездка на Восток» // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1901. Отд. неоф. № 5. С. 164–176; *Обтемперанский А.И.* Рассмотрение слов Константинопольского Патриарха о родоначальнике австрийской иерархии, приведенных в «Поездке на Восток» екатеринбургских старообрядцев // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1901. Отд. неоф. № 6. С. 217–225. 2. По поводу поездки на Восток екатеринбургских депутатов-старообрядцев в 1900 году. [Екатеринбург, 1901]. См.: Старообрядческие гектографированные издания... С. 193. № 441; *Обтемперанский А.* Новое произведение австрийских литераторов // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1901. Отд. неоф. № 19. С. 839–849; № 20. С. 873–885; *Белобородов С.А.* «Австрийцы» на Урале... С. 161.

⁴³ «Воззвание» Антония (Поромова), старообрядческого епископа Пермского от 26 февраля 1901 г. [Екатеринбург, 1901], 4^о 12 с. См.: М. Злокозненная австрийская тетрадка // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1902. Отд. неоф. № 3. С. 99–103.

⁴⁴ Подробнее см.: *Мангилев П.И., прот.* Сборник старообрядческих сочинений, изданных на гектографе, из библиотеки Екатеринбургской духовной семинарии // Церковь. Богословие. История: Материалы III междунар. научно-богосл. конф. Екатеринбург, 2015. С. 398–407.

А.В. МАНГИЛЕВА

КРУГ ЧТЕНИЯ УЧАЩИХСЯ ДУХОВНЫХ ШКОЛ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

д-р ист. наук,
Екатеринбургская духовная семинария
mangileva-anna@yandex.ru

Речь в статье идет о читательских интересах учащихся духовных школ в первой половине XIX в. Основным источником сведений для статьи послужили дневниковые записи архим. Антонина (Капустина). В качестве дополнительных источников привлекаются воспоминания И.Я. Порфирьева и Д.Н. Мамина-Сибиряка. На основании дневника архим. Антонина (Капустина) прослеживается изменение литературных вкусов семинариста. Анализируется роль семьи и школы в формировании культуры чтения детей духовенства.

Ключевые слова: история Русской православной церкви, духовная школа, круг чтения, архимандрит Антонин (Капустин), профессор И.Я. Порфирьев, Д.Н. Мамин-Сибиряк.

Несмотря на то, что в последнее время появилось огромное количество литературы, посвященной приходскому духовенству Российской империи, вопрос о его культурном облике, степени вовлеченности в культурные процессы, происходившие в обществе, можно по-прежнему считать дискуссионным. Во многом историки исследуют уже результат (например, участие духовенства в публицистической, научно-просветительской деятельности), а не пути, какими этот результат был достигнут.

В настоящей статье речь пойдет о круге чтения сыновей приходского духовенства. Изучение этого вопроса помогает выявить, каким образом складывался социокультурный облик духовенства, насколько его культура соприкасалась с элитарной культурой имперской России. В качестве источников в статье используются дневниковые записи А.И. Капустина (будущего архимандрита Антонина),¹ воспоминания профессора Казанской Духовной Академии И.Я. Порфирьева и писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка. Дневник А.И. Капустина

¹ Дневник Андрея Капустина цитируется по машинописной копии, хранящейся в Музее истории религии (Санкт-Петербург). Архивной обработки в музее он не прошел, на листах сохранилась нумерация, сделанная в Императорском Православном Палестинском Обществе, готовившем дневник к публикации. Фотокопия дневника любезно предоставлена Генеральным директором издательства «Индрик» К.А. Вахом.

отличается от воспоминаний тем, что передает непосредственные настроения, впечатления автора, отсутствием какой-либо иной цели, кроме сохранения в памяти прошедших событий (в поздние годы архимандрит Антонин отчасти переработал дневниковые записи, придал им характер связного повествования, но отметок о чтении эти изменения не коснулись). Во многом эти записи помогают скорректировать те сведения, которые содержатся в мемуарах, характеризующих семинарскую жизнь, в соответствии с поставленной автором целью.

Андрей Капустин начал вести дневник в связи со своим поступлением в семинарию в 1830 г. в возрасте тринадцати лет. Что он читал до этого времени, неизвестно. Можно предположить только, что любовь к чтению у него зародилась еще в детские годы, поскольку в дневниковых записях он выступает уже как активный читатель с определенными литературными вкусами. О роли семьи в приобщении к чтению можно судить по воспоминаниям И.Я. Порфирьева и Д.Н. Мамина-Сибиряка.

И.Я. Порфирьев (1823–1890), проведший детские годы в сельских приходах Вятской епархии, вспоминал о своем чтении в этот период следующее: «Первой книгой, с которой я начал привыкать к чтению книг и находить в чтении вкус и интерес, были Четьи-Минеи Святителя Ростовского Димитрия».² Неожиданный с современной точки зрения выбор для детского чтения, но в сыне сельского священника жития святых пробуждали, оказывается, те же чувства, что в нынешних подростках приключенческая литература: «Превосходные картины героической борьбы и страданий древних христиан за веру, полные глубочайшего драматизма и трагизма, меня глубоко поражали, трогали и настраивали душу на самые высокие помыслы. Легендарные повести в некоторых житиях (Житие Евстафия Плакиды) со всею романтической обстановкой питали воображение самым приятным образом, а прекрасные литературные изложения житий представляли лучшие образцы славяно-русского стиля и языка».³ После свт. Димитрия Ростовского в руки Ивана Порфирьева попадает журнал «Воскресное чтение», где его особенно привлекают проповеди свт. Иннокентия (Борисова). Вполне возможно, что на подобный выбор чтения повлиял отец, постаравшийся оградить сына от единственно доступной литературы иного рода: «Книг ученых и литературных в селах тогда еще не было, литературные потребности удовлетворялись сказками о Бове Королевиче, Еруслане Лазоревиче,

² Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева, профессора русской словесности Казанской Духовной Академии // Православный собеседник. 2005. № 2 (10). С. 122.

³ Там же. С. 123.

Семи Семионах и другими лубочными книжками, которые заносили в Белую офени-ходебщики в своих коробах».⁴

Тем не менее, излишняя сложность первоначального чтения (которое, видимо, воспринималось только как часть обучения и воспитания, а не как форма досуга) привела к тому, что в семинарии И.Я. Порфирьев интереса к чтению не проявлял. По его словам, «книг для чтения взять было негде, да и чтение книг в это время еще не было в обыкновении».⁵ В этом он во многом винит программу семинарии и ее руководство, не заботившееся о пополнении библиотеки. Тем не менее, из дальнейшего его рассказа выясняется, что в библиотеке семинарии имелись литературные журналы «Телескоп» и «Московский телеграф», издававшиеся в годы, предшествующие его поступлению в семинарию, а значит, уже бывшие в библиотеке в годы его обучения.⁶ Так что дело было скорее в отсутствии «обыкновения» читать, нежели в недостатке литературы.

Дмитрий Мамин⁷ (1852–1912) прямо говорит о том, что любовь к книге была привита ему родителями. Писатель вспоминал, что в доме не было детских книг, потому что их было крайне сложно достать: «Мне пришлось начать чтение прямо с классиков, как дедушка Крылов, Гоголь, Пушкин, Гончаров и т.д. Первую детскую книжку с картинками я увидел только лет десяти, когда к нам на завод поступил новый заводской управитель из артиллерийских офицеров, очень образованный человек. ...В нашей библиотеке первой детской книжкой явился “Детский мир” Ушинского. Эту книгу пришлось выписывать из Петербурга, и мы ждали ее каждый день в течение чуть не трех месяцев. Наконец, она явилась и была, конечно, с жадностью прочитана от доски до доски. С этой книги началась новая эра. За ней явились рассказы Разина, Чистякова и другие детские книги».⁸

⁴ Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева... С. 124.

⁵ Там же. С. 127.

⁶ Там же. С. 141–142.

⁷ Дмитрий Мамин поступил в Екатеринбургское уездное духовное училище в 1866 г., так что его воспоминания об этом периоде жизни выходят за хронологические рамки статьи, но ситуация с чтением в духовных школах к этому времени вряд ли существенно изменилась. В воспоминаниях И.А. Ардашева об учебе в Вятской духовной семинарии в 1880-х гг. по-прежнему говорится о том, что семинаристы мало читают: «Большинство товарищей поглощали лишь Майн-Рида, Жюль Верна и т.п.» (Ардашев И.А. Шесть лет в Крутогорской семинарии // Вестник церковной истории. 2009. № 1–2 (13–14). С. 226). Воспоминания И.А. Ардашева носят ярко выраженный публицистически-заостренный характер, тем не менее интересно отметить, что произведения перечисленных авторов несопоставимы с «Англицким милордом», к которому невольно приобщился Дмитрий Мамин.

⁸ Мамин-Сибиряк Д.Н. Из далекого прошлого // Мамин-Сибиряк Д.Н. Повести. Рассказы. Очерки. М., 1975. С. 476.

Исчерпав домашнюю библиотеку, Дмитрий Мамин принялся за книжные полки заводских служащих. Чтение становится бессистемным, но к моменту поступления в Екатеринбургское уездное духовное училище в 1866 г. Дмитрий Мамин выгодно отличается от некоторых своих одноклассников, читающих лубочную литературу: «Александр Иваныч отметил на полях ногтем самые интересные для него места, которые и прочел... Я ничего подобного до сих пор не читал и не слышал и поэтому заявил, что книга гадкая и читать ее совсем не стоит. ...Завязался горячий спор, причем я перечислил целый ряд авторов, имена которых в этой квартире оказались пустым звуком и вызывали смех».⁹

Возможно, приобщение к чтению Андрея Капустина проходило примерно так же, как и Дмитрия Мамина. Известно только, что вся семья увлекалась сочинением стихов:¹⁰ если мужская ее часть могла приобщиться к стихосложению в семинарии, то женская — только дома. Традиция домашнего обучения шла от деда — Леонтия Васильевича, обучавшегося в Тобольской семинарии еще в XVIII в., когда из ее стен выходили любители литературы Просвещения.¹¹ Вряд ли в его доме нашлось бы место литературному лубку.

В первый же год обучения в семинарии Андрей читает очень много и не сказать, что бессистемно. Записи за 1831 г. завершает «Каталог читанных мною романических книг». Прежде всего в нем бросается в глаза значительно меньшее число русских авторов по сравнению с иностранными. Сочинения их современному читателю неизвестны, за исключением, разве что, «Юрия Милославского» М.Н. Загоскина, который упоминается в «Ревизоре» Н.В. Гоголя. Но Гоголь упомянул роман Загоскина именно как всем известное популярное произведение. О большинстве русских романов, упомянутых в списке, можно сказать то же самое. Семинарист следует за литературной модой и читает те произведения, которые были на слуху у всех.

Особо выделяется в этом списке «Бурсак» В.Т. Нарезного. Учеников семинарии роман должен был привлекать тем, что описывал знакомую им обстановку, хотя и в гротескном виде.¹² В романе се-

⁹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Из далекого прошлого. С. 442.

¹⁰ Киприан (Керн), архим. О. Антонин Капустин — архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817–1894 гг.). М., 1997. С. 15–16.

¹¹ Мангилева А.В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX в. (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998. С. 182.

¹² «В целом семинарист из произведений Гоголя и Нарезного — это вечно голодный, плохо воспитанный плут и воришка, представитель социальных низов. Несмотря на отрицательные черты, он все-таки представлен скорее с симпатией и сочувствием, что роднит его с героем пикарескного романа — отвергнутым хорошим обществом, но сообразительным и энергичным, научившимся всякими способами добиваться своего.

минаристы описываются как маргиналы, вынужденные приспособиться к враждебному им миру. Вполне возможно, что нарочито простонародная, грубоватая лексика, часто встречающаяся в дневниковых записях, заострение внимания на тех своих поступках, которые к числу особо благочестивых вряд ли относились, были не только юношеской бравадой, но и желанием следовать тому стереотипному образу, который сложился в литературе и перешел оттуда в реальную жизнь.

Среди иностранных произведений, перечисленных в дневнике, преобладают сентиментальные и романтические произведения. Среди авторов числятся как В. Скотт и А. Радклиф (которой издатели приписали немало чужих произведений), так и совершенно ныне забытые. Обращает на себя внимание большое количество исторических произведений как среди русских, так и среди иностранных книг. Интерес к истории был характерен для европейской и русской культуры того времени. Приобщаясь к современной литературе, пусть и не всегда самого высокого уровня, молодой человек начинал проявлять интерес и к историческим исследованиям, что в значительной степени определило круг его научных интересов в последующей жизни. Книги по истории неоднократно упоминаются в дневнике вне списка «романических».

Стоит также отметить, что, несмотря на то, что в семинарии преподавались не только древние, но и новые языки, все книги, которые были перечислены в списке, были изданы в переводе на русский, из чего можно сделать вывод о том, что Андрей еще недостаточно владел французским языком для чтения художественной литературы в оригинале (хотя необходимо иметь в виду и недоступность подобных книг в Перми). Только за 13 июня 1836 г. имеется заметка: «Вечером читал Мальт-Брюна и в потемках заснул». Конрад Мальт-Брюн (1775–1826) был географом, картографом и издателем. Основной его труд — шеститомное «Обозрение всемирной географии», изданное в Париже в 1812–1829 гг. Сведений о переводе этой работы на русский язык найти не удалось.

Текст дневника дает также представление о постепенном изменении литературных вкусов семинариста. Этому способствовало чтение журналов, в которых печатались современные русские авторы. В записях упоминается «Библиотека для чтения», можно предположить, что Андрей читал также «Московский телеграф», в котором печата-

Изображаемый иногда в карикатурном свете (особенно у Гоголя), он все же не является отрицательным персонажем» (Лукашевич М. Образ приходского священника в русской беллетристике 60-х – 70-х гг. XIX в.: Дис. ... канд. филол. наук. Варшава, 2009. С. 60).

лись упоминаемые в дневнике повести Н.А. Полевого, но они входили и в вышедший вскоре сборник произведений писателя. Упоминается в дневнике и «Телескоп». «Библиотека для чтения» была самым популярным журналом того времени, выходившим большим тиражом и печатавшим произведения наиболее известных русских писателей. Годовая подписка на журнал стоила относительно недорого (50 руб.), выходил он ежемесячно и, похоже, для провинции был доступнее новых книг, каждую из которых необходимо было выписывать отдельно. Возможно, благодаря в том числе и «Библиотеке» интересы Андрея Капустина постепенно переключаются с зарубежной на русскую литературу, в которой в это время происходят важные и интересные процессы.

Большинство писателей, чьи произведения упоминаются в дневнике в последующие годы, не относятся к числу классиков, изучаемых сегодня в школе, но именно они создали ту основу, на которой возвышаются шедевры Золотого века русской литературы. Часто упоминаются повести Н.А. Полевого, А.А. Бестужева-Марлинского — вероятно, эти авторы нравились А. Капустину. Но наряду с ними появляются и другие имена. Семинарист читает не только стихи А.С. Пушкина, но и «Историю Пугачевского бунта». Здесь опять проявляется его интерес к истории, причем в данном случае интерес этот может подогреваться и тем, что описываемые в книге А.С. Пушкина события происходили в тех местах, где проживала семья Капустиных, более того, семья невольно стала участником этих событий, так что Андрей мог почувствовать и причастность своего рода большой истории. Необходимо также отметить, что «История Пугачевского бунта» — далеко не развлекательное и легкое чтение, требующее как высокого уровня образования, так и развитого интеллекта.

В заметке за 22 января 1836 г. впервые упоминается Н.В. Гоголь (точнее — его литературный псевдоним Рудый Панько). И этот автор стал любимым, поскольку уже 2 апреля следует упоминание нового сборника его произведений «Миргород», причем автор дневника отмечает, что он «дивился г. Гоголю».

Цитируются в дневнике «Россиада» М.М. Хераскова и «Горе от ума» А.С. Грибоедова: если первое произведение могли изучать в семинарии, то второе явно не относится к числу тех, которые получили бы одобрение духовного начальства. Возникает впечатление, что в Пермской семинарии в это время не было особо жесткого надзора за чтением воспитанников (по крайней мере тех, которые проживали на квартирах), о котором упоминают некоторые мемуаристы, и кото-

рый был предписан официально.¹³ Тем не менее, хотя следов каких-либо запретов в области чтения в дневнике нет, нагоняй за свои литературные пристрастия А. Капустин получил, в связи с чем предался весьма эмоциональным рассуждениям: «От того, что я люблю читать все новые книги, в том числе литературные, философские, богословские, особенно книги, содержащие в себе науки, или что-нибудь другое, касающееся природы, — следствия опыта, а не ума, будто уже и можно заключать, что я развратился». Отсюда видно, что в дневнике перечислены далеко не все книги, которые Андрей читал, вполне возможно, что упоминание того или иного произведения связано с особым впечатлением, которое оно произвело. С этой точки зрения интересно, что, хотя семинарист пишет, что читает современные богословские книги, единственным произведением на церковную тематику, упомянутым в дневнике, являются «Странствования по святым местам» В.Г. Григоровича-Барского.

Что же касается стихотворных произведений, то в дневнике говорится о чтении «Полтавы» А.С. Пушкина, некоторые стихи переписаны, причем речь идет прежде всего о стихах, положенных на музыку (т.е. они переписаны уже не в качестве стихов, а в качестве песен). Можно предположить однако, что поэзия занимала значительно большее место в жизни начинающего поэта, чем это отражено в дневнике.

В целом можно сказать, что круг чтения пермского семинариста был необыкновенно широк. Помимо специальной литературы, предписанной программой обучения, он читает научные и научно-популярные произведения, следит за новинками художественной литературы. В отношении последней он был осведомлен не хуже, чем какой-нибудь столичный любитель изящной словесности из дворянских кругов. Можно заметить и изменение его литературного вкуса:

¹³ В 1839 г. правление Московской Духовной Академии сделало выговор правлению Пермской семинарии за то, что оно не следило за чтением воспитанников: у одного из учеников философского класса нашли книгу Вольтера (*Лаговский И.Е.* История Пермской семинарии // Пермские епархиальные ведомости. 1871. Отд. неоф. С. 564). В 1834 г. исполняющий должность ректора Вятской духовной семинарии иеромонах Варлаам (Денисов) составил «Инструкцию касательно поведения воспитанников семинарии и надзора за оным старших», в которой предписывалось: «Книг, не из Библиотеки взятых, или не одобренных Господами учащими никаких не читать. Старший строго блюдет за сим и в случае внесения в комнаты каких-либо книг светских, паче нечистых, или хотя сомнительных, немедленно отбирает от учеников и представляет Господину Инспектору» (Цит. по: *Мангилев П.И., Мангилева А.В.* Читательские интересы уральского духовенства в первой половине XIX в. (на примере рукописного сборника из библиотеки Екатеринбургской духовной семинарии) // *Przegląd wschodnioeuropejski*. 2016. № 7/2. С. 36). Судя по содержанию рукописного сборника, откуда была взята эта инструкция, семинаристы легко обходили эти запреты, благо сами были не прочь почитать что-нибудь внебиблиотечное.

от сентиментальных и готических романов он переходит к современной русской литературе, отдавая предпочтение в основном тем произведениям, которые находились в центре внимания читающей публики. В общем и целом Андрей Капустин вполне бы мог гордиться своею начитанностью, за которую его столь жестко и несправедливо распекало семинарское начальство.

В заключение можно сказать, что духовная школа в XIX в. не ставила своей задачей преодоление раскола, который существовал между элитарной культурой и культурой духовенства. Уровень культуры, в том числе культуры чтения, детей духовенства во многом определялся семьей. Там, где родители стремились привить детям любовь к чтению, направляли их в выборе книг, сыновья поступали в училище уже с определенными навыками сознательного чтения и в дальнейшем были способны самостоятельно производить выбор книг и осмысливать прочитанное. Проблемой даже в этом случае мог стать недостаток подходящих для детского чтения книг в отдаленных провинциальных уголках.

В том же случае, когда родители не пытались привить детям любовь к чтению, школа уже также мало что давала в этом отношении. Вероятно, многие тянулись за более начитанными сверстниками, да и юношеская любознательность могла способствовать пробуждению любви к литературе. В любом случае, круг чтения ученика духовной школы (если он читал) был достаточно широк, проблемой была, скорее, бессистемность этого чтения и не всегда высокий уровень осмысления прочитанного.

Т.Г. КАЗАНЦЕВА

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ГЕКТОГРАФИРОВАННАЯ ПЕВЧЕСКАЯ АЗБУКА ИЗ СОБРАНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СО РАН: ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ

канд. искусствоведения,
Государственная публичная научно-техническая
библиотека СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: kerzak2002@mail.ru

В статье на основе единственного обнаруженного на сегодняшний день экземпляра рассматривается одно из старообрядческих музыкально-теоретических руководств, изданное в начале XX в. гектографированным способом. Дается его кодикологическая характеристика, описывается состав, анализируется содержание разделов, устанавливаются источники. На основе всестороннего изучения данного учебного пособия формулируется гипотеза, согласно которой его автором является известный старообрядческий книгоиздатель Л.Ф. Калашников. В основе системы доказательств данной гипотезы лежат принципы текстологического анализа, в качестве дополнительных свидетельств приводятся факты из биографии Л.Ф. Калашникова и истории старообрядческого богослужебного пения рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: богослужебно-певческая культура старообрядцев, гектографированные издания, певческие азбуки, знаменный распев, Л.Ф. Калашников.

Старообрядческие гектографированные издания, получившие широкое распространение с 70-х годов XIX в.,¹ в последние десятилетия стали объектом пристального внимания исследователей.² Наиболее востребованы полемические сочинения, материалы диспутов (бесед) и съездов, являющиеся непосредственным источни-

¹ Вознесенский А.В., Мангилев П.И., Починская И.В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918): Материалы к словарю. Екатеринбург, 1996. С. 71.

² [Мангилев П.И.] Описание старообрядческих гектографированных изданий: Методические рекомендации. Екатеринбург, 1993; [Бубнов Н.Ю.] Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук. СПб., 2012; Мангилев П., прот. Гектографированные издания старообрядцев-поморцев Южного Урала и Зауралья // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2005. Вып. 6. С. 84–92; Волков В.В. Гектографированные издания 2-й пол. XIX – нач. XX в. – источник изучения православной письменности позднего периода // <http://tver-grant.ru/svg/wordpress/?p=442> (дата обращения 11.02.2015); Половинкин П.В. Сызранская старообрядческая гектографическая типография П.М. Безводина // http://samstar.ucoz.ru/news/polovinkin_pv_syzranskaja_staroobrdjacheskaja_gektograficheskaja_tipografija_p_m_bezvodina/2010-02-03-3171 (дата обращения 11.02.2015) и др.

ком сведений по истории и особенностям вероучения старообрядцев разных согласий в последней четверти XIX – начале XX в.³ Другая печатная продукция, в том числе богослужебные книги, рассматриваются преимущественно в более узком аспекте старообрядческой книгоиздательской деятельности.⁴ Среди последних особый сегмент составляют крюковые певческие книги, лишь в недавнее время обозначенные как объект самостоятельного исследования.⁵ На начальном этапе разработки темы, в условиях, когда не выявлены в полном объеме экземпляры крюковых гектографов, а также в недостаточной степени изучена деятельность старообрядческих гектографических мастерских (за исключением, пожалуй, книгопечатни тульского наставника и апологета новопоморского согласия Д.В. Батова⁶), наиболее перспективным видится путь подробного описания каждого попадающего в поле нашего зрения издания. Настоящая статья посвящена анализу одного из таких изданий – пособию по изучению знаменного распева (певческой Азбуки), хранящегося в собрании Института истории СО РАН под шифром 1/79-г.⁷

Азбука была приобретена сибирскими археографами в 1979 г. в Восточно-Казахстанской области. Она представляет собой кодекс, состоящий из 67 л. формата 4° (21,6 × 17,6) в картонном переплете, корешок которого выполнен из цветного вельвета. Текст воспроизведен в две краски: основной – фиолетовыми чернилами, заголовки, инициалы и пометы на крюках – лиловыми. Область печати – 11,3 × 14,7, размер литер – 10 строк = 75 мм. Точно датировать гектограф

³ См., например: Григорьев А.Б. Гектографические издания в собрании РГБ, посвященные полемике вокруг «Окружного послания» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. 1: Богословие. Философия. 2014. Вып. 3 (53). С. 93–130.

⁴ Вознесенский А.В., Мангилев П.И., Починская И.В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев... С. 71–73; [Бубнов Н.Ю.] Старообрядческие гектографированные издания... С. 5–11.

⁵ Казанцева Т.Г. Старообрядческие гектографированные издания певческих книг знаменной нотации // Книга: Сибирь – Евразия: Труды I Междунар. научн. конгресса. Т. 2. Новосибирск, 2016. С. 48–58.

⁶ Вознесенский А.В., Мангилев П.И., Починская И.В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев... С. 71; Казанцева Т.Г. Старообрядческое сочинение о темпе знаменного распева и реалии современной литургической практики // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 3 (19). М., 2015. С. 130–144.

⁷ Гектограф впервые описан: Панич Т.В., Титова Л.В. Описание собрания рукописей ИИФФ СО АН СССР. Новосибирск, 1991. С. 192–193. Музыкально-палеографическое описание см.: Казанцева Т.Г. Певческие азбуки из собрания Института истории СО РАН (описание) // Археографические исследования отечественной истории: Текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009. С. 333–335.

не представляется возможным, так как на бумаге отсутствуют штемпели; примерной датировкой следует считать первое десятилетие XX в.

Физическое состояние гектографа неудовлетворительно: утраты составляют более 100 л. Согласно сохранившейся в нижнем правом углу напечатанной основными чернилами издательской фолиации, первоначально книжный блок состоял из 168 л., из которых в настоящее время отсутствуют начальные 72 л., а также л. 77, 88–104, 106–113, 116, 122, 158, 160. Листы были утрачены либо до реставрации книжного блока, осуществленной кустарным методом — «в прокол», либо уже после нее, так как нитки нового переплета истлели, и тетради и отдельные листы оказались разрозненными.

На обложке и листах гектографа имеются множественные записи и рисунки. Так, на внутренней стороне верхней и нижней крышек обложки сохранились записи, непосредственно относящиеся к теме богослужбного пения (выполнены фиолетовыми чернилами тонким полууставом).⁸ На внутренней стороне верхней крышки также изображена рука с «указующим перстом» (раскрашена). На листах самого гектографа размещаются записи совсем иного содержания: счет в столбик (л. 82, простой карандаш), фамилия Тютюньков (л. 85 об.–86, написана трижды простым карандашом, скорописью начала XX в.), неграмотно со слуха записанный текст частушки-страданий⁹ (л. 130 об., простой карандаш, скоропись XX в.). На л. 105 об. и 114–115 сохранились детские рисунки, сделанные фиолетовыми и красными чернилами, в том числе различные транспортные средства, деревья и животные.¹⁰ На обороте л. 167 красными чернилами размещен черновик документа житейского содержания.¹¹ Наконец, на обороте последнего листа фиолетовыми и лиловыми чернилами от руки начертан топографический план местности, включающий такие

⁸ «Во благовєстіи радость, и в радости веселіе, а в веселіе торжество, а в торжестве песнопеніе духовное, ко спасенію. Молитесь день и ночь, сердце наше не оскудеет. Твоя певцы Богородице»; «Иже сладость анггеломъ и скорбящимъ радости, хр(ис)тіяномъ Заступнице, Д[е]во М[а]ти Г[оспо]дня заступай насъ и избави вечныя муки. Пойте Богу нашему пойте, пойте Царєви нашему пойте ... и пойте разумно, то есть понимайте, что поете. Поймите символически...».

⁹ «Дорогому нету вх[о]ду, [к]ругом е[го] (фраза записана в одно слово «гругоме-ва». — Т.К.) вода / ему нов[а]я знакомая (видимо, «казноба». — Т.К.) подруж[е]н[ь]ка моя».

¹⁰ Многие рисунки подписаны: «собака бежит», «пень, на пне филин сидит» и т.п.

¹¹ «Верх-Убашемонаевского района от Герасимова Ивана Поликарповича. Заявление. По прозбе нашей прошу разобрать мое дело. У меня была корова красная, лево ухо пнем, а право пластано. Она потерялась с пашни. А теперь означилась у Козлова Игната Павловича на заимке, спрячена в кустах. Дак вот, прошу мою прозьбу разобрать. К сему, Герасимов Иван Поликарпович».

населенные пункты, как Верх-Уба, Большеречка, Выдриха, пос. Лоскутиха, Нижняя и Средняя Еровки, Убинка, реки Лосиха, Мар.

Все эти записи и рисунки, с одной стороны, являются свидетельством резкой перемены среды бытования певческого гектографа, с другой — дают информацию по крайней мере об одном из владельцев (И.П. Герасимове) и конкретизируют географическую привязку экземпляра — район Верх-Убы — Выдрихи — Большеречки, место компактного проживания «бухтарминских» старообрядцев с преобладающим представительство часовенного согласия. Упоминание же под одним из рисунков трактора «Интернационал» позволяет определить и примерное время составления записей — 1930-е гг.¹² Не удивительно, что именно в это время певческая Азбука утрачивает свое непосредственное предназначение, становясь «расходным материалом», что, видимо, и привело гектограф к нынешнему его состоянию.

Дефектность гектографа затрудняет анализ и препятствует исчерпывающей его характеристике. Однако оставить без внимания эту Азбуку невозможно, так как, во-первых, она представляет собой единственный (выявленный на сегодняшний день) экземпляр одного из гектографированных старообрядческих изданий музыкально-теоретических руководств;¹³ во-вторых, содержание Азбуки и принцип компоновки разделов позволяет предположить ее авторское происхождение.

Несмотря на значительные утраты, составить общее представление о первоначальном виде теоретического руководства вполне возможно. Как отмечалось выше, сохранившийся фрагмент Азбуки начинается с л. 73 и не имеет титула, однако это не означает, что он является лишь частью музыкально-теоретического руководства. Общий первоначальный объем издания в 168 л. в целом не свойственен певческим Азбукам, как правило, не достигающим 100 л. Кроме того, пособие начинается с изложения «азов» знаменного распева и содержит фактически все необходимые для подобного рода учебников сведения. Учитывая сказанное, трудно себе представить, какой материал мог бы содержаться в утраченной части предполагаемого пособия. Более вероятной представляется версия о том, что ранее Азбука входила в состав сборника с какой-либо певческой книгой, скорее всего, с Октоихом («Октаем») краткого состава, так как количество листов

¹² Первый советский трактор ХТЗ-15/30 — копия американского International 15/30 — выпускался Сталинградским и Харьковским заводами с 1930 по 1937 г.

¹³ В настоящее время нами выявлено 11 экз. старообрядческих гектографированных музыкально-теоретических руководств, относящихся к пяти различным изданиям. Из них 6 экз. представляют собой Азбуку знаменного пения Д.В. Батова, остальные являются единичными экземплярами разных изданий.

полной редакции Октая и других певческих книги, с которыми теоретические руководства могли объединяться в сборники (Обиход или Ирмологий), как правило, больше 70. Можно также предположить, что начало Азбуки пострадало незначительно. Тем не менее, утрата единичных начальных листов, вызывает огромное сожаление, так как они могли содержать титул и/или авторское предисловие, способное пролить свет на происхождение гектографа.

Руководство содержит все разделы, окончательно сформировавшиеся в середине XVII–XVIII вв.¹⁴ Используя сложившуюся терминологию, их можно обозначить как разделы *перечисления знамен, толкования знамен, лицевые розводы, фитник*, изложение системы *степенных помет* и *признаков, проучки* и различного рода вокальные упражнения, послесловия музыкально-эстетического характера.¹⁵ Преобладает утвердившаяся во второй половине XVII в. форма изложения материала — в виде таблиц. Наличие *проучек* и другого аналогичного по функции материала свидетельствует об учебном предназначении Азбуки, что также типично для позднейшего этапа эволюции музыкально-теоретических руководств.

Охарактеризуем кратко содержание руководства.

Несколько его разделов посвящены изложению системы *степенных* (звуковысотных) помет и *признаков*. Это, прежде всего, открывающая Азбуку таблица, в которой приводятся варианты начертаний *статей, крюков, подчасий* и *скамеиц*, используемые в знаменной нотации в зависимости от обозначения этими знаками ступеней *простого, мрачного, светлого* или *тресветлого согласий*. Во второй строке сверху выписаны литерные обозначения ступеней полного обиходного звукоряда, а знамена в ячейках снабжены дополнительно тушевыми признаками, соответствующими конкретной ступени в пределах каждого из согласий (л. 73). Из-за дефектности гектографа нельзя сказать, стала ли данная таблица своеобразной заменой *горовосходному холму*, или же составитель продублировал ее традиционную «горку», лист с изображением которой мог оказаться утраченным. Информация о звуковысотных пометах частично дублируется в следующем разделе *перечисления знамен*. Позднее составитель вновь возвращается к этой теме в разделе упражнений на освоение интервальной структуры обиходного звукоряда (л. 126 об.–128 об.).

Раздел *перечисления знамен* (л. 73 об.–81) не ограничивается простым сводом названий и начертаний знаков нотации. Помимо зна-

¹⁴ О поздних азбуках см.: Бражников М.В. Древнерусская теория музыки: По рукописным материалам XV–XVIII вв. Л., 1972. С. 252–293.

¹⁵ Тексты послесловий опубликованы: Казанцева Т.Г. Певческие азбуки из собрания Института истории СО РАН. С. 342–347.

комства с «алфавитом» знамен он преследует цель, как указывалось выше, показать варианты начертания в зависимости от *согласия* и конкретной ступени в нем, а также частично раскрыть их интонационные характеристики. В данном случае используется так называемый «мезенцевский» принцип систематизированного представления знамен по числу обозначаемых ими звуков (*гласостепенности*) и направлению мелодического движения.¹⁶ Изложение знамен дополнено авторским комментарием («примечанием»), в котором разъясняются термины, обосновывается последовательность расположения материала, перечисляются дополнительные знаки и поясняется их действие, ведущее к изменению интонационного содержания основного знака.

Таким образом, раздел, соответствующий традиционному *перечислению знамен*, в данном учебном пособии бифункционален и содержит приметы *толкования*. Тем не менее, в Азбуке есть раздел собственно *толкования* под названием «Развод знамени» (л. 124–126). Он также оформлен в виде таблиц, в левых колонках которых дается изображение *толкуемого* знамени, в правых — его развод более простыми знаками или знак-эквивалент.

Аналогичную функцию *толкования*, но по отношению к более сложным объектам, имеет раздел «Развод тайнозамкненности лиц и кулизм» (л. 82–87 об.). В нем представлены так называемые *конечные попевки*, мелодическое содержание которых (при одинаковом начертании) в каждом из восьми гласов индивидуально. Этот раздел является связующим звеном к таблицам «Разводы знамени и лицам» (л. 117–124), в которых в порядке гласов представлены «сокрытые» знамена, *лица* и *кулизмы*, изъятые из контекста песнопений с подтекстовкой, и соответствующее им «Разводное раскрытие знамени, кулизм и лиц».

В пособии также имеется *фитник*. Судить достоверно о его содержании трудно, так как именно эта часть пострадала от утрат в наибольшей степени. По сохранившимся фрагментам *фит* 5-го, 6-го и 8-го гласов можно судить, что набор *фит* достаточно традиционен, но сокращен по сравнению со многими рукописными и печатными *фитниками*.

¹⁶ Данный принцип впервые был предложен известным музыкальным теоретиком русского Средневековья монахом Александром Мезенцем. См.: Азбука знаменного пения (Извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца (1668 года) / Изд. с объясн. и примеч. С. В. Смоленский. Казань, 1888; Александр Мезенец и прочие. Извещение... желающим учиться пению (1670 г.) / Введ., публ. и пер. памятника, ист. исслед. Н.П. Парфентьева; коммент., расшифр. знам. нотац. З.М. Гусейновой. Челябинск, 1996.

Вторую обширную часть пособия занимают материалы, имеющие непосредственно учебно-практическое предназначение. Это различные вокальные упражнения и образцы песнопений для заучивания наизусть. Часть из них — распевки по ступеням обиходного звукоряда — упоминались выше. Среди других особое внимание привлекают девять развернутых музыкальных композиций на тексты внебогослужебного содержания. Восемь из них соответствуют числу церковных гласов,¹⁷ девятая — распетая в 1-м гласе славянская азбука (л. 129 об.–139 об.). Раздел завешается еще одним «примечанием» составителя (л. 140–141 об.), в котором он подчеркивает учебный характер этих «формальных песнопений», «заклучавших в себе различные способы голосоведения, распетых на осемь гласов художеством древних доместиков», указывает на необходимость начинать освоение осмогласия именно с них, и лишь затем переходить непосредственно к разучиванию песнопений.

Далее в этой части Азбуки приведены собственно *памятогласия*: «Подобны запевам на восприимство стихер на “исповедатися”» (осмогласник «О чернеце»; л. 143–144), «Подобны запевам на восприимство “Господо-воззвашным”» (образцы «воззвухов» с мнемоническим текстом «Адам от земли создан бысть»; л. 144–146), «Запевы воззвашные и хвалитные» (распеты по моделям погласиц «о чернеце» псаломские стихи, предворяющие пение стихир на «Господи воззвах» и на хвалитех каждого из 8-ми гласов; л. 146–149), запевы подобнов «О преславное чудо» (глас 8) и «Содетелю и Творче» (глас 8) (л. 149–149 об.).

Кроме *памятогласий* в раздел включены стихиры-подобны (л. 149 об.–160 об.), которые, как и «запевы воззвашные и хвалитные», не являются учебным материалом, а непосредственно используются на богослужении. Их музыкальные тексты обычно помещаются не в руководствах, а в певческих Обиходах. Составитель гектографированной Азбуки включил их в свое пособие, видимо, на основании того, что они выполняют функцию образцов для распевания различных текстов, и их знание делает учащегося совершенно подготовленным к пению на клиросе.

Содержание второй, учебной, части, а также некоторые приметы первой, справочной, свидетельствуют о том, что Азбука составлена старообрядцем, непосредственно занимавшимся обучением богослужебному пению, и содержит авторскую методику его преподавания. Это подтверждается наличием примечаний дидактического харак-

¹⁷ «Боже, в помощь мою вонми», «О Владыко Царю», «Иже мыслию уязвляем», «Приидите, братие, воспоем», «Вострубим, братие, трубою», «Востанем, братие, и тещем во училище», «Уже бо солнце восходит», «Горе мне, яко несмыслен и неразумен».

тера к некоторым разделам, в одном из которых дается указание на личный опыт автора, полученный «с практического упражнения» (л. 141 об.).

Очевидно также, что составитель пользовался несколькими источниками. В ряде случаев это привело к дублированию информации в разных разделах. Например, *кулизмы* и другие *конечные попевки*, первоначально рассмотренные в разделе «Развод тайнозамкненности лиц и кулизм», затем вновь повторяются в таблицах «Разводы знамени и лицам» среди других тайнозамкненных формул. Таблицы «Развод знамени» дублируют содержание раздела систематизированного перечисления знамен лишь отчасти, так как в них конкретизируется мелодико-ритмическое содержание каждого отдельного знака, но обычно две эти формы представления знамен вместе в одном руководстве не встречаются и, следовательно, у этих двух сходных по функции разделов были совершенно разные первоисточники.

Большинство источников традиционны. Так, перечисление знамен, несомненно, заимствовано из Азбуки Александра Мезенца.¹⁸ При этом фактически точно воспроизводятся мезенцевские терминология и формулировки: «Имена знамени единоголасному/единогола-состепенному», «Статьи по имяном от низкаго согласия согласия, с ними же и стрела простая» и т.д. Набор и последовательность знаков в каждой из рубрик повторяет порядок их изложения в теоретическом руководстве старца Александра.

Для упражнений использованы общераспространенные мнемонические словесные формулы: «Исусова» молитва, молитва о просвещении, пророчество Даниила, «наказание от отца к сыну» и собственно призывы к прилежному обучению пению. По наблюдению М.В. Бражникова, *памятогласия* «О чернеце» и «Адам от земли создан бысть» относятся к наиболее ранним и встречаются в уже в древнерусских рукописях конца XVI в.,¹⁹ и, по мнению А.В. Преображенского, имеют древнейшее греческое и латинское происхождение.²⁰ Подборка из 9 «формальных песнопений» впервые (с некоторыми вариациями текста) была обнаружена в рукописи XVIII в. тем же М.В. Бражниковым, который охарактеризовал его как «любопытное отступление от обычных форм памятогласий».²¹ Позднее такие песнопения-модели гласов получили хотя и не повсеместное, но доста-

¹⁸ Азбука Александра Мезенца была опубликована С.В. Смоленским в 1888 г., соответствующий раздел см.: Азбука знаменного пения: Извещение о согласнейших пометах... С. 3–6.

¹⁹ Бражников М.В. Древнерусская теория музыки... С. 235.

²⁰ Преображенский А.В. Культурная музыка в России. Л., 1924. С. 30.

²¹ Бражников М.В. Древнерусская теория музыки... С. 250.

точно широкое распространение в старообрядческих руководствах по знаменному пению, относящихся, как правило, к рубежу XIX–XX вв. и более позднему времени. Так, Н.Е. Денисова отмечала их наличие (преимущественно с текстом Тихона Макарьевского «Трудолюбивый о Бозе песнорачителю») в уральских Азбуках.²² Встречаются они (с текстом «Боже, в помощь мою вонми») и в рукописях сибирского региона.²³

Тем не менее, традиционные разделы подверглись авторскому переосмыслению. Отличием от «мезенцевского» варианта раздела перечисления знамен является введение дополнительных указаний на движение *горé* (вверх) или *долу* (вниз), а каждый знак представлен не одним, а несколькими (преимущественно тремя) вариантами по *согласиям*, снабженными киноварными пометами и *признаками*. В рубрике «Различное знамя», сохраняя в целом предложенную в Азбуке Мезенца последовательность знамен, составитель нового пособия изъясил из нее знаки, встречающиеся только в лицевых формулах (*зме́йца со сложитием*, знак *фиты*, *кулизмы*) или вышедшие из употребления (*сложитие с запятой и крыжем*, *палка с запятою тихая*). Часть знаков (разные виды *сложитий*, *хамила*, *ключ*) исключены по неизвестным причинам. С другой стороны, составитель дополнительно вводит и выделяет заголовком целый раздел *стрел*, куда помещает варианты знаков данного семейства, не вошедшие в предыдущие рубрики.

Особенность изложения *проучек* на освоение обиходного звукоряда состоит в том, что большинство из них прописаны в виде «столбцов» с указанием в каждом направления движения по ступеням звукоряда *горé* или *долу*; дополнительно в левой крайней колонке помещены западноевропейские названия ступеней основного гексахорда: *ут–ре–ми–фа– соль–ля*.

Все внесенные в традиционные разделы коррективы осуществлены с позиций модернизирующей тенденции, характерной для старообрядческой певческой культуры конца XIX – начала XX в. В частности, активное использование сольмизационной системы для старообрядцев в то время уже было не данью западноевропейской музыкальной традиции (как еще можно было бы говорить по отношению к Азбукам XVII в.), а совершенно необходимым этапом освоения знаменного распева – при разучивании каждое песнопение сначала «просаливалось» (т.е. исполнялось сольфеджио) и лишь затем пелось с текстом. Сама форма представления ступеней обиходного

²² Денисова Н.Е. Певческие азбуки старообрядцев Урала XVIII–XX вв.: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 1999. С. 19–20.

²³ См., например: ИИ СО РАН, № 4/71; ТОКМ, № 6352 (две подборки).

звукоряда в виде столбцов, неизвестная нам по другим рукописным и печатным руководствам, также может быть трактована как определенное педагогическое новаторство.²⁴

Особое внимание обращают на себя разделы, точно или с небольшими вариантами соответствующие имеющимся в самой известной старообрядческой печатной Азбуке Л.Ф. Калашникова.

Во-первых, это таблица распределения знамен по согласиям на л. 73, аналогичная таблице из пособия Калашникова²⁵ (с. 31): совпадает не только набор используемых знамен, но и оформление столбцов и ячеек.

Во-вторых, сходным представляется начало раздела «Развод тайнозамкненности лиц и кулизм». Ниже в виде текстологической таблицы приводится данный текст с исключением из него (с целью экономии места) нотной графики, которая полностью совпадает в обоих руководствах:

Азбука 1/79-г (л. 82–84)

Развод тайнозамкненности лиц и кулизм

Кулизма средняя
[начертание]

Поется во всех осми гласех различно, да и в одном и том же гласе иначе поется в середине стихиры и совершенно иначе в конце ея.

[разводы по гласам]

Такие роспевы средней кулизмы могут быть только после предшествующих ей голубчика борзаго и палки.

Таже средняя кулизма в 1-м и 4-м гласе после сложития поется так:

[развод].

Она же встречается с некоторым изменением роспева:

[вариант развода].

Азбука Л.Ф. Калашникова (с. 31–33)

Лица и кулизмы

Кулизма средняя

Начертание ея такое: [начертание], поется во всех восьми гласех различно, да и в одном и том же гласе иначе поется в середине стихиры и совершенно иначе в конце ея. В большинстве случаев кулизме средней предшествуют голубчик борзый и палка.

[разводы по гласам]

Такие роспевы средней кулизмы могут быть только после предшествующих ей голубчика борзого, палки и стрелы светлой.

Таже средняя кулизма в 1-м и 4-м гласе после скамеицы и сложития поется так: [развод].

Она же встречается с некоторым изменением роспева: [вариант развода].

²⁴ Предлагаемый здесь метод имеет некоторые черты сходства с так называемой «столбницей», изобретенной болгарским музыкальным педагогом Б. Тричковым в 1905 г. Конечно, никаких данных о влиянии «болгарской столбницы» на методику автора рассматриваемой Азбуки (или наоборот) не существует, более того, эти методики реализованы в рамках разных ладовых систем — тональной и модальной соответственно, однако обращает на себя внимание общая тенденция поиска новых дидактических приемов в освоении звукорядов, характерная для музыкальной педагогики того времени.

²⁵ См.: Калашников Л.Ф. Азбука церковного знаменного пения. 3-е изд. М., 1915. С. 31.

Кулизма большая

[начертание]

[развод в 4-м гласе]

[развод в 5-м гласе]

Глас 6-й и 8-й в середине поется:

[развод]

В конце:

[развод]

Всего более эта кулизма встречается с предшествующим ей мечиком [начертание] и поется в связи с таковым знаменем: [развод]

Следует знать, что мечик поется как два в челну.

Кулизма большая

Имеет следующее начертание: [начертание]

Поется:

[развод в 4-м гласе]

[развод в 5-м гласе]

Глас 6-й и 8-й в середине: [развод]

в конце: [развод]

Всего более эта кулизма встречается с предшествующим ей мечиком [начертание] и поется в связи с этим знаменем: [развод]

Следовательно, мечик, в данном случае, поется как два в челну.

В-третьих, в конце текста «примечания» к девяти «формальным» песнопениям излагается рекомендация составителя гектографированного пособия переходить после их изучения к певческим книгам, при этом указывается порядок прохождения гласов и проводится идея об их «сродномузыкальности» (л. 141–141 об.). Данный фрагмент не совпадает текстуально, но соответствует содержательно фрагменту из Предисловия к Азбуке Л.Ф. Калашникова, особенно обращает на себя внимание апелляция к личному педагогическому опыту:

Азбука 1/79-г (л. 141–141 об.)

Затем долженствует переходить на изучение Окта, или Ирмосов, гласов: втораго и шестаго, которые до некоторой степени сродны и сходны друг с другом по мелодии.

Таким образом, кончив урок 2-го и 6-го гласов, следует изучать 7-й глас, как более всех способного на расположение слуха в песнопении, а затем 3-й, 1-й, 5-й и 8-й.

Так как гласа сродномелодичны: 1-й глас к 5-му, 2-й к 6-му, 3-й к 7-му и 4-й к 8-му.

Такой порядок изучения предлагается на основании личных опытов, получивших с практического упражнения.

Азбука Л.Ф. Калашникова (с. 4–5)

После изучения всего вышесказанного, приступая к пению по певческим книгам, должно петь сродно-музыкальные по голосоведению песнопения, так как гласа сродно-музыкальны: 1-й глас — 5-му, 2-й — 6-му, 3-й — 7-му, 4-й — 8-му; при изучении рекомендую сначала изучить второй глас, затем шестой, потом: седьмой — третий, первый — пятый, четвертый — восьмой.

Такой порядок изучения предлагается на основании личного опыта и для постепенного перехода от более простых оборотов песнопений второго гласа к более сложным песнопениям других гласов.

Помимо этого, целый ряд пересечений обнаруживается между Азбукой 1/79-г и другим, не менее распространенным, изданием Л.Ф. Калашникова — учебным Октаем.²⁶ К ним относятся, прежде всего, *проучки* на освоение обиходного звукоряда, начинающиеся «Исусовой» молитвой. В Октае *проучки* выписаны не в виде «столб-

²⁶ Октай церковного знаменного пения. 2-е изд. Киев, 1909.

цов», а в обычном «горизонтальном» изложении, однако все тексты, вербальные и музыкальные, а также порядок их следования абсолютно идентичны.²⁷ Особо подчеркнем, что одинаковым является мелодическое движение в каждой *проучке*: чередуются варианты восходяще-нисходящего характера и противоположные по мелодическому движению. Такое чередование является очень характерной приметой, так как в большинстве рукописных Азбук тексты *проучек* расппеваются только по первому варианту.

Кроме *проучек* одинаковыми в обоих пособиях являются вокализы (упражнения на распев гласных), в гектографе обозначенные как «Упражнение в голосоведении» (л. 120 об.–121), а у Калашникова — как «Упражнения в интервалах».²⁸ Наконец, как и в гектографе, в учебном Октае (но не в одном разделе, а распределенные по главам) приведены *памятогласия* «воззвухов» («Адам от земли создан бысть»), примеры для запева стихир (на *погласицы* «О чернеце») и стихирьы-подобны. Их вербальные и невменные тексты соотносятся как варианты, не имеющие принципиальных расхождений.

Столь обширные области совпадения свидетельствуют о тесной связи Азбуки 1/79-г с изданиями Л.Ф. Калашникова и делают чрезвычайно привлекательной гипотезу о том, что данный гектограф подготовил именно этот известный старообрядческий книгоиздатель. Гипотетичность атрибуции гектографированного пособия Л.Ф. Калашникову обусловлена прежде всего тем, что среди сведений о его жизни и деятельности (впрочем, чрезвычайно скупых) нет упоминаний о выпуске им гектографов, в то время как все литографированные «калашниковские» издания широко известны. Кроме того, равновероятным выглядит противоположное предположение, что неизвестный составитель нашего учебного пособия мог воспользоваться, наряду с другими источниками, материалами изданий Л.Ф. Калашникова.

Третья версия, заключающаяся в том, что Л.Ф. Калашников и автор гектографированной Азбуки пользовались неким единым кругом источников, маловероятна: слишком избирательными выглядят совпадающие в двух изданиях фрагменты, более того, рукописи, которые могли бы выполнить в данном случае роль единого протографа, не обнаружены.

Для того, чтобы доказать или опровергнуть одну из двух выдвинутых гипотез, необходимо первоначально выяснить вопрос об отнесенной хронологии двух Азбук. Этот вопрос не имеет простого решения, так как оба издания относятся к близкому временному

²⁷ См.: Октай церковного знаменного пения... Л. 3 об.–4 первого счета.

²⁸ Там же. Л. 4 первого счета.

отрезку: дата 1-го издания Азбуки Л.Ф. Калашникова известна — 1908 г., время появления гектографа, как указывалось в начале статьи, устанавливается лишь приблизительно, иными словами, он мог появиться как ранее, так и позднее указанного года.

Первичность того или иного издания можно определить исходя из содержательных особенностей двух пособий. По общему впечатлению гектографированная Азбука выглядит «архаичнее». Это видно по ряду сохраненных ее составителем традиционных разделов («мезенцевкая» систематизация знамен, таблицы развода *лиц* и *фит*), не востребованных в печатном издании, включившим преимущественно инновационные материалы, а также по стилистике текста комментирующих разделов, примером чему могут служить вышеприведенные текстологические таблицы. В последнем случае особое внимание обращает на себя неустойчивость используемой в гектографе музыкальной терминологии, попытка его автора «примирить» древнерусскую и западноевропейскую систему, найти эквивалентную замену в современном русском языке устаревшим формам слов, использующихся в знаменном пении в качестве музыкальных терминов (*глас* — *голос*, *звук*, *нота*). Например: «Общий вид знамен (т.е. крюков) состоит в том, что сначала изложены знамена единоголосостепенные, т.е. поющие в один *голос*,²⁹ а по латинскому наречию: в одну *ноту*, в один *звук*, в одну *степень голоса* — по древнему наречию — в одну *степень гласа*. Затем двогласные, одни *вверх* возводятся гласом (т.е. *горé*), другие же двогласные снизводятся гласом *вниз* (т.е. *долу*)... Роспев знамен различается числом *гласов* (т.е. *звук*ов)...» (л. 81 об.—82). Западноевропейские названия ступеней обиходного звукоряда вводятся «исподволь», только в «столбцах» *проучек*, и являются не основным, а дополнительным материалом (л. 126 об.—127). Видимо, Азбука создавалась в переходный период становления собственно старообрядческой певческой терминологии.

В своем печатном издании Л.Ф. Калашников уже безоговорочно пользуется западноевропейской терминологией: *мелодия* (а не *напев*), *звук*, *низкий/высокий звук*, *высота звука*, *гамма*. Также вводятся новые термины, касающиеся ритмической стороны знаменного распева: *продолжительность звуков*, *единицы времени*; *целая*, *половина*, *четверть*, *восьмая* (длительности); дается понятие о дирижировании — *взмах руки*, ранее совершенно не свойственное исполнению знаменного распева (с. 3–4); поднимается вопрос правильного дыхания и постановки голоса (с. 5). Объяснение степенных помет осуществляется посредством западноевропейских названий: «г+ — ут низкое; н+ — ре низкое; ц — ми низкое; г — ут высокое» и т.д. (с. 9),

²⁹ Здесь и далее в цитате курсив наш. — Т.К.

а в предисловии к 3-му изданию прямо указывается, что «учителям... старообрядческого пения не лишне знать ноты, так как знание нот, постановки голоса и т.п. даст им возможность успешнее преподавать наше родное искусство, крюковое пение» (с. 5).

Наиболее показательной датирующей приметой является оформление раздела «Развод тайнозамкненности лиц и кулизм». Как отмечалось выше, фрагмент, посвященный характеристике попевок *кулизма средняя* и *кулизма большая* одинаков в обоих изданиях. Последующие же тайнозамкненные попевки в сравниваемых Азбуках не совпадают по количеству и последовательности изложения, встречаются также варианты в их названиях. Так, например, попевка, обозначенная у Калашникова как *колесо*, в гектографе фигурирует под именем *ломка*:

Азбука 1/79-г (л. 84–87 об.)	Азбука Л.Ф. Калашникова (с. 33–38)
ломка [колесо]	долинка средняя или колыбелька
мережа полная	долинка меньшая
другой вид мережи полной	мережа
скачек средний	мережа с поддержкой
кичиги или связи	кичиги или связи
колыбелька	колесо
площадка	храбрица
поворотка	скачек средний
	накидка
	поворотка
	лицо стрельностатейное
	лицо площадка

В свою очередь, тайнозамкненные попевки, следующие в Азбуке Л.Ф. Калашникова после кулизм, обнаруживают в качестве своего первоисточника Азбуку, изданную в 1899 г. православным иереем В. Металловым.³⁰ Их характеристика представляет собой переработанные и сокращенные описания, предложенные этим исследователем, например:

Азбука Л.Ф. Калашникова (с. 33)	Азбука крюкового пения В. Металлова (с. 53–54)
Попевка, называемая по старинному «долинка средняя», состоит из знамен: полукулизмы малой, стрелы громной и статьи простой; если в конце песнопения, то вместо статьи пишется рог или крыж [начертание]. Эта попевка употребляется с одним и тем же начертанием в 1, 3, 5 и	Попевка, называемая по старинному долинка средняя, состоит из следующих знамен: полукулизмы малой, стрелы громной и заключительного знамени — или статьи простой, или рога или крыжа [начертание]. Эта попевка употребляется с одним и тем же начертанием в 1, 3,

³⁰ Металлов В., *прот.* Азбука крюкового пения: Опыт систематического руководства к чтению крюковой семиографии песнопений знаменного роспева, периода кино-варных помет. М., 1899. С. 52–66.

8 гласе, но напев в каждом из этих гласов имеет различный.

В первом гласе этому начертанию обыкновенно предшествуют знамена: переводка, распеваемая часто ломкою вверх, и подчашие, — вся же попевка имеет такой вид: [начертание], развод [начертание]

5 гласе, но напев в каждом из этих гласов имеет различный [...] ³¹

В 1 гласе этой попевке обыкновенно предшествуют знамена: переводка, распеваемая часто ломкою вверх, и подчашие, — вся же попевка имеет следующий вид: [начертание]; переводке чаще всего предшествуют: два в челну и крюк мрачный, и тогда попевка изображается таким образом: [начертание]

Любопытно отметить, что у В. Металлова *кулизмы* в этом разделе не описываются, они находятся в другом разделе и входят в таблицы развода сложных знамен без комментариев. ³² В этой ситуации совершенно логичным выглядит предположение, что Л.Ф. Калашников, заимствовавший основную материал о тайнозамкнутых попевках из исследования В. Металлова, дополнил отсутствовавшую в нем рубрику о *кулизмах* материалом из другого руководства, находившегося в его распоряжении. Им вполне мог оказаться наш гектограф. Гораздо труднее представить противоположное: если гектограф составлялся по материалам Азбуки Л.Ф. Калашникова, то возникает вопрос, почему, оформляя раздел «Развод тайнозамкнутости лиц и кулизм», его автор взял из нее только описание *кулизм*, а остальным попевкам дал свое собственное разъяснение.

Таким образом, гектографированное пособие, несомненно, предшествовало печатному изданию Азбуки Л.Ф. Калашникова и являлось его непосредственным источником. Остается только выяснить, своей или чужой работой воспользовался издатель. Эта задача не имеет окончательного решения, но некоторые факты могут рассматриваться как косвенные доказательства единого авторства обоих руководств.

Прежде всего, это личность самого Л.Ф. Калашникова. Его имя широко известно благодаря крюковым печатным изданиям. Однако он был не только основателем издательства «Знаменное пение», но и переписчиком певческих книг, часть из которых легла в основу его литографированных изданий. Он также занимался преподаванием и служил уставщиком в киевской старообрядческой церкви Успения Пресвятой Богородицы. ³³

³¹ Далее следует развернутый комментарий о различиях начертания и развода долинки в теоретических руководствах и рукописных певческих книгах, который здесь опущен.

³² Металлов В., *прот.* Азбука крюкового пения... С. 47.

³³ Шевчук Е.Ю., Азеева Е.А. Калашников Л.Ф. // Православная энциклопедия. Т. 29. М., 2012. С. 432–434.

В среде старообрядцев белокриницкого согласия, к которому принадлежал Л.Ф. Калашников, он, конечно, был не единственным знатоком и учителем знаменного пения. Известны и другие имена: И.А. Фортов — первый руководитель Морозовского хора, М.Д. Озорнов — преподаватель школы при Рогожском поселке, Л.В. Быстров. Каждый из них создал свое учебное пособие.³⁴ Примерно в то же время был опубликован и учебник единоверческого миссионера, протоиерея Федора Борнукова.³⁵

Все названные пособия непосредственно отражают индивидуальные преподавательские методики их авторов, что делает их (пособия) совершенно не похожими друг на друга. Так, в силу различных причин, Азбуки И.А. Фортова и Ф. Борнукова составлены как двознаменники — знамена в них расшифровываются посредством пятилинейной нотации. В основе методики М.Д. Озорнова лежит идея временной организации знамен: порядок изучения знаков определяется не принадлежностью к семействам или скрытым в них мелодическим движением, а постепенным усложнением ритмического рисунка: сначала проходятся знамена, равные четверти, затем половинной, целой, восьмой длительностям; затем знамена, состоящие из двух звуков, равных четверти, половинной и т.д. Учебник Л.В. Быстрова, с одной стороны, сразу вводит в изучение попевок различных песнопений и разных гласов, с другой — активно включает современные методики развития вокала и слуха с использованием, в том числе, светских произведений (несложных детских песен), исполняющихся в терцию. Ни в одном из этих пособий нет признаков влияния изучаемого нами гектографа.

Напротив, для него и печатной Азбуки Л.Ф. Калашникова характерно единство дидактического замысла, несомненно, отражающего его методику как преподавателя-практика. Этот факт тем более показателен, что, судя по ссылкам в предисловиях и послесловиях к разным изданиям своей Азбуки, Л.Ф. Калашников знал большинство существовавших в то время пособий и учебников, в частности, в кратком послесловии к 3-му изданию Азбуки для более подробного

³⁴ *Фортов И.А.* Азбука и ключ беспометному тушевому знамени с переводом на современную линейную ноту цефалутного ключа // *Круг церковного древнего знаменного пения*. Ч. 1. СПб., 1884. Л. 1–11 об.; *Озорнов М.Д.* Азбука церковного знаменного пения. С прил. азбуки демества. Б. м., 1901 (?); *Быстров Л.В.* Азбука крюкового пения // *Церковное пение*. 1911. № 7. С. 91–106; № 9. С. 107–122; № 10. С. 123–138; № 11. С. 139–154; *Быстров Л.В.* Учебник знаменного пения для старообрядческих школ: в 3 ч. Киев, 1911.

³⁵ *Борнуков Ф.* Азбука и уроки крюкового пения с приложением нотного фитника, песнопений осмогласника и литургийных (старопечатного текста): Пособие к самообучению и обучению в школах. Витебск, 1906 (?).

ознакомления с разводами попевок и для практических занятий он рекомендует труды В. Металлова, М.Д. Озорнова, Л.В. Быстрова.³⁶

Сохранившиеся сведения о Л.Ф. Калашникове свидетельствуют о нем как о человеке нового поколения, сформировавшегося на рубеже XIX–XX в., в период старообрядческого «ренессанса», когда остро стал вопрос об исполнительском профессионализме, об изменении отношения к знаменному распеву. Теперь он рассматривался не только как элемент богослужения, но и как «великое искусство», а певчие — как «художники-артисты».³⁷ Свидетельством этому стала деятельность знаменитого Морозовского хора.³⁸

С целью возрождения древнерусского певческого искусства Л.Ф. Калашников в 1909 г. основал специализированный журнал «Церковное пение», печатавшийся в той же фотолитографии С.В. Кульженко и редактировавшийся самим издателем.³⁹ Данный журнал стоял на самых передовых позициях по вопросам богослужебного пения, в нем не только обсуждались проблемы современного его состояния и велась полемика в связи с концертными выступлениями Морозовского хора, но и публиковались научные труды по истории и теории знаменного распева. Редакция журнала отличалась широтой взглядов и отсутствием конфессиональной замкнутости, на его страницах можно было увидеть публикации как известных деятелей белокриницкой иерархии (Л.В. Быстрова, Я.А. Богатенко, руководителя Морозовского хора П.В. Цветкова и др.), так и представителей других старообрядческих согласий. Активными участниками журнала были беглопоповский священник Г.М. Карабинович и автор, писавший под псевдонимом Поморец, а также ученые, принадлежавшие официальной Церкви, в частности, С.В. Смоленский.

Издание крюковых книг было делом жизни Л.Ф. Калашникова. Он тщательно подбирал рукописи,⁴⁰ занимался их редактированием, го-

³⁶ Калашников Л.Ф. Азбука церковного знаменного пения. 3-е изд. С. 38.

³⁷ Там же. С. 5–6.

³⁸ О Морозовском хоре см.: Дынникова И.В. Морозовский хор в контексте старообрядческой культуры начала XX века. М., 2009.

³⁹ С 1910 г. журнал слал приложением к другому изданию Л.Ф. Калашникова «Старообрядческая мысль».

⁴⁰ Оригиналами для изданных в 1908 г. Октая и Ирмосов стали рукописи, подготовленные им совместно с уставщиками А.И. Романовым и С.Д. Чистовым; для учебного Октая, Ирмосов, Обихода и Обедницы 1909 г. оригиналами послужили рукописи самого Л.Ф. Калашникова; для Праздников 1910 г. — рукописи Ф.И. Добринькова (из Белива) и Л.Ф. Калашникова, выполненные, в свою очередь, с гуслицкой рукописи М.И. Шитикова 1832 г.; в демественной азбуке 1911 г. упоминается рукопись старообрядческого дьякона г. Николаевска Самарской губ. о. Иакова Кожакина из иргизских монастырей (См.: Калашников Л.Ф. Азбука демественного пения. 1-е изд. Киев, 1911. С. 1, сн.***).

товил рукописные оригиналы для печати. В издании крюковых книг, и, как следствие, унификации знаменного распева Л.Ф. Калашников, несомненно, был новатором, или «реформатором», как его называли представители более консервативного крыла белокрыницкого старообрядчества.⁴¹ Вероятно, вызвала настороженность не сама книгоиздательская деятельность, а именно новаторский подход издателя: так, например, первое издание его Ирмосов было иллюстрировано художником В.В. Эйсером в стиле модерн.

Определенные новации нашли отражение и в издаваемых им певческих текстах. Их редактирование было направлено преимущественно на упрощение чтения знаменной нотации. Сама идея издания певческих книг, несмотря на то, что уже имелся «Круг церковного пения»,⁴² созданный при самом активном участии представителей белокрыницкого согласия, возникла у Л.Ф. Калашникова в связи с тем, что лица и фиты в «Круге» были изложены в сокращении («кучей»). Он же планировал воспроизводить фиты в разводах.⁴³ Это стремление доказывает, что издатель подходил к знаменной нотации уже с позиций музыкальной теории Нового времени. Не отрицая значения в знаменном распеве *лиц* и *фит*, он считал их традиционные начертания принадлежностью истории и объектом научного исследования, но не живой практики. В предисловии ко 2-му изданию Азбуки он пишет следующее: «От некоторых покупателей приходится слышать, наприм[ер], о том, что в моей азбуке “отсутствуют фиты и много лиц, которые в других азбуках имеются”. В своей азбуке я помещаю только те лица и попевки, которые имеются в певческих крюковых книгах *нашего времени* (курсив наш. — Т.К.). Изучение же лиц, кулизм, фит и разных “тайнозамкненностей” я не нахожу нужным помещать в азбуке, потому что считаю это присущим книге с специальным назначением. Такими именно книгами и являются почтенные труды Разумовскаго, Смоленскаго и Металлова, на которые я и указал выше...».⁴⁴

Аналогичная позиция, нацеленная на новый дискретный, познавательный способ чтения, исключаяющий какую-либо «тайнозамкненность» и целостность мелодических формул, находит отражение в одном из разделов гектографированного руководства. Разъясняя смысл приведенных здесь девяти «формальных» песнопений, автор, по сути, излагает свою педагогическую позицию, состоящую в необходимости расшифровки с помощью киноварных помет мелоди-

⁴¹ Шевчук Е.Ю., Азеева Е.А. Калашников Л.Ф. С. 433.

⁴² Круг церковного древнего знаменного пения: в 6 ч. СПб., 1884–1885.

⁴³ Шевчук Е.Ю., Азеева Е.А. Калашников Л.Ф. С. 433.

⁴⁴ Калашников Л.Ф. Азбука церковного знаменного пения. 2-е изд. Киев, 1910. С. 5.

ческого содержания сложных знамен в их «скрытой замкненности». Действительно, в данных композициях все более-менее сложные крюки обильно окружены киноварными пометами, обозначающими входящие в них ступени, а тайнозамкненные попевки, *лица* и *фиты* даны в разводе.

Таким образом, автор гектографированного руководства и известный старообрядческий книгоиздатель в вопросах знаменного пения явно стоят на одних и тех же концептуальных, методологических и дидактических позициях. Учитывая сказанное, таким «единомышленником» Л.Ф. Калашникова мог быть человек, во-первых, полностью разделявший его взгляды на церковное пение и принципы обучения ему на современном этапе; во-вторых, обладавший внутренней потребностью издательской деятельности; в-третьих, имевший возможность осуществить издание певческих книг. Такая личность нам пока не известна, поэтому логично предположить, что речь все же идет об одном и том же человеке.

Полагаем, что гектографированное пособие стало первым опытом теоретического осмысления Л.Ф. Калашниковым его педагогической практики, приобретшим затем законченную форму в широко известных литографированных руководствах, создавая которые он разделил прежний материал на «справочный», сформировавший собственно Азбуку, и «учебный», вошедший в состав малого Октая. Оно же, видимо, было и первым опытом его книгоиздательской деятельности. Однако какая гектографическая мастерская выпустила данное издание сказать сложно.

Исследователи называют две издательских организации в бело-криницком согласии: печатню при Братстве Честного и Животворящего Креста Господня (издатель М.И. Бриллиантов), работавшую с середины 1870-х гг., и производство в с. Безводном Арзамаского уезда Нижегородской губернии, основанное в 1890-е гг. священником Арсением (А.В. Швецовым) и И.Г. Усовым (будущим епископом Нижегородским Иннокентием).⁴⁵ Оба издательства могли заниматься выпуском крюковых книг, хотя точных сведений об этом нет. С большей вероятностью можно предположить, что гектографированная Азбука была издана в с. Безводном. Это предположение основано на том, что Л.Ф. Калашников родился в ближних пределах — г. Николаевск Самарской губернии (ныне г. Пугачев Саратовской области). В Киеве, где впоследствии широко развернулась его издательская деятельность, он появился около 1905 г., будучи уже

⁴⁵ Вознесенский А.В., Мангилев П.И., Починская И.В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев... С. 71–72.

достаточно зрелым человеком, главой многодетного семейства.⁴⁶ Вероятно, до этого времени он жил на родине, в центральной России, и нижегородская гектографическая мастерская географически была ему наиболее близкой.

Любопытно, что в трудный период, когда Московская архиепископия начала критическое рассмотрение издательской деятельности Л.Ф. Калашникова, его поддержали только два старообрядческих иерарха, среди них — епископ Нижегородский Иннокентий,⁴⁷ что дает возможность предположить личное знакомство этих двух видных деятелей старообрядчества своего времени. Но, возможно, упомянутый факт не связан с обсуждаемой здесь проблемой. В любом случае, документальное подтверждение высказанным гипотезам и предположениям можно будет получить лишь в случае обнаружения других экземпляров данного гектографа, не дефектных и желательного содержащих на титульном листе исчерпывающую информацию о подлинном авторе Азбуки и ее издателях.

⁴⁶ Шевчук Е.Ю., Агеева Е.А. Калашников Л.Ф. С. 432.

⁴⁷ Там же. С. 433.

И.Н. НИКАНОРОВ

**СБОРНИК «ОТЕЧЕСКИЕ ЗАВЕЩАНИЯ»
И ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ФЕДОСЕЕВЦЕВ**

аспирант,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье рассмотрен процесс оформления традиции федосеевского согласия во второй половине XIX в., который нашел отражение в сборнике «Отеческие письма», составленном из посланий наставников Преображенского кладбища. Анализ предметного указателя, представляющего осмысление содержания сборника, позволил сделать вывод о том, что составители поместили послания с целью аргументировать и разъяснить важнейшие сочинения уставного характера федосеевского согласия, включенные в сборник «Отеческие завещания». В результате сделан вывод, что два сборника, «Отеческие завещания» и «Отеческие письма», представляют собой единый корпус текстов, в котором нашел отражение процесс оформления традиции федосеевского согласия.

Ключевые слова: старообрядческие сборники, федосеевское согласие, Преображенское кладбище, наставники, послания.

Старообрядческие сборники являются комплексным источником, позволяющим охарактеризовать оформление и развитие традиции отдельных согласий. Защитники старого обряда не просто заимствовали эту форму, характерную для книжной культуры Древней Руси, но и успешно ее развивали, дополнив максимально бережное отношение к текстам «отеческой» традиции вполне научными методами работы с рукописями и старопечатными книгами.¹

В начале XIX в. на Преображенском кладбище составили и соборно утвердили сборник «Отеческие завещания». В него включили наиболее авторитетные тексты, в которых, как считали наставники, нашло отражение учение федосеевцев. Внутри согласия развернулась широкая дискуссия по поводу содержания сборника, результатом которой стал созыв собора в Санкт-Петербурге в 1809 г. для решения актуальных вопросов адаптации учения согласия к новым социальным реалиям.² Споры и полемика вокруг принятого постановления

¹ Гурьянова Н.С. Старообрядческие сборники и память о прошлом // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2016. С. 58–73.

² Об этом подробно см.: Никаноров И.Н. Постановление Петербургского собора 1809 года в составе сборника «Отеческие завещания» // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2015. Т. 14. № 8. С. 69–81.

© Никаноров И.Н., 2017

вызвали необходимость продолжения работы по оформлению корпуса авторитетных текстов руководством Преображенского кладбища.

Во второй половине XIX в. была предпринята колоссальная работа по составлению двух томов сборника «Отеческие письма». В них включили отобранные и скопированные послания наставников Преображенского кладбища, написанные в период с 1805 по 1862 г. Сборник «Отеческие письма» как архив сведений по истории федосеевского согласия был известен исследователям и привлекался как источник материалов. К нему обращались Н.С. Гурьянова,³ Е.А. Агеева,⁴ А.И. Мальцев⁵ и др. А.И. Мальцев, в частности, использовал его как источник сведений, позволяющий охарактеризовать отношения федосеевцев к родственным поморскому и филипповскому согласиям. Однако до настоящего времени сборник «Отеческие письма» не был охарактеризован как комплексный источник изучения идеологии федосеевского согласия, не была выявлена логика его составления и принцип его структурирования на тематические блоки, позволяющие судить о процессе оформления наставниками Преображенского кладбища традиции согласия.

Характеризуя сборник «Отеческие письма», следует отметить, что его составителями были наставники Преображенского кладбища, имевшие у себя на руках оригиналы писем, а также черновики некоторых из них, о чем есть соответствующие пометы в тексте глав. Для составителей важно было подчеркнуть роль наставников Преображенского кладбища, о чем позволяет говорить включение в сборник только их писем, а ответные послания наставников региональных общин и других адресатов не копировались. О том, что все эти письма были написаны в ответ на полученные от региональных общин, свидетельствует часто употребляемая в письмах формулировка «Письмо, пущенное от вас... получили», а также нумерация ответов на вопросы наставниками в соответствии с той, которая явно была в прешествующем письме.

Сборник «Отеческие письма» был не просто уникальным историческим архивом, а играл также важную идеологическую функцию репрезентации Преображенского кладбища в качестве авторитетного

³ Гурьянова Н.С. Крестьянский антимоноархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе позднего средневековья. Новосибирск, 1988.

⁴ Агеева Е.А. Судьба старообрядца в императорской России: История жизни «учительного настоятеля» С.С. Гнусина // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Вып. 4. М., 2010. С. 185–233.

⁵ Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.: Проблема взаимоотношений. Новосибирск, 2006.

центра согласия, признаваемого региональными общинами, чье эпископальное наследие рассматривалось как отражение духовной традиции согласия и использовалось в качестве авторитетного руководства для решения актуальных вопросов религиозной жизни.

Совершенно очевидно, что два сборника — «Отеческие завещания» и «Отеческие письма» были реализацией единого плана определения круга авторитетных текстов, в которых нашла отражение эволюция учения согласия и решение актуальных бытовых и организационных вопросов жизни общины. Об этом свидетельствуют не только их названия, но и следующее обстоятельство. Оба сборника открываются одним и тем же письмом, написанным Иваном Алексеевым по поводу направления наставникам Преображенского кладбища на соборное утверждение первоначальной редакции сборника «Отеческие завещания». В этом тексте излагалась история его создания, проделанная работа, а также была сформулирована цель, которую преследовал составитель, — прекращение раздоров внутри согласия.

Выбор данного письма как открывающего оба сборника не был случаен, поскольку должен был подчеркнуть их связь. Второй том «Отеческих писем» открывается письмом об утверждении наставниками Преображенского кладбища постановления Петербургского собора 1809 г., завершающего сборник «Отеческие завещания». Таким образом, тексты, открывающие оба тома сборника «Отеческие письма» призваны были утвердить читателей в мысли, что вся предшествующая традиция нашла отражение в сборнике «Отеческие завещания», а «Отеческие письма» являются дополнением, в котором представлены еще более убедительные аргументы. Параллелизм в названиях сборников, в первом случае — «Отеческие завещания», то есть наиболее значимые тексты, написанные почитаемыми «отцами» прошлого, и «Отеческие письма» — их эпископальное наследие.

На протяжении конца XVIII — начала XIX в. внутри согласия не прекращались дискуссии по наиболее важным вопросам вероучения. Преображенское кладбище высказывало достаточно умеренные взгляды на их решение. Это было зафиксировано в корпусе авторитетных текстов — сборнике «Отеческие завещания». Однако центр согласия имел оппозицию как в лице радикально настроенных членов общины, так и склонявшихся к поморскому учению, содержащему лояльную точку зрения на возможность брака в «последние времена» и допускавшего моление за правящего монарха с употреблением так называемых «прилагательных имен».

Круг авторитетных текстов, в котором нашло отражение учение согласия, был определен в сборнике «Отеческие завещания». Сразу же после его завершения обозначилась проблема их надлежащей

интерпретации, разъяснения и адаптации к современным условиям жизни общин. Именно эту задачу и решали увещательные послания и соборные письма наставников Преображенского кладбища, направляемые единоверцам, которые позже были включены в сборник «Отеческие письма».

Список сборника «Отеческие письма» позволяет получить представление о восприятии современниками его содержания. В него включен предметный указатель, озаглавленный так: «Алфавит предметов, находящихся в книгах отеческих писем».⁶ Он был включен в сборник уже после завершения работы по составлению и представляет собой результат осмысления его содержания. Все послания сгруппированы составителем в тематические блоки. Существенная часть писем наставников Преображенского кладбища, вошедших в состав сборника «Отеческие письма», посвящена вопросам, которые обсуждались на Петербургском соборе 1809 г.

Сопоставление тематических блоков «Алфавита...» и 17 статей Постановления этого собора демонстрирует, что одной из ключевых задач составления сборника «Отеческие письма» было развитие основных идей, заложенных в авторитетных уставных сочинениях прошлого, составивших сборник «Отеческие завещания». Безусловно, тексту постановления Петербургского собора 1809 г. требовались дополнения и разъяснения, связанные с практикой его реализации региональными общинами. С этой целью был составлен сборник «Отеческие письма». Об этом свидетельствует его содержание.

Самой болезненной и требовавшей дополнительной аргументации оставалась проблема брака. Она позволяет наиболее наглядно представить идейную преемственность двух сборников. Вопрос о федосевцах, поженившихся до крещения, оставался предметом полемики для региональных общин. Проблеме «староженов» посвящено семь посланий, включенных в первый том «Отеческих писем». Вероятно, интерес региональных общин к надлежащему отношению наставников к «староженам» вызвал обсуждение этой проблемы на Петербургском соборе 1809 г. Послания, включенные во второй том сборника «Отеческие письма» были составлены после одобрения Преображенским кладбищем постановления 1809 г. В вошедших в том четырех письмах наставников Преображенского кладбища разъяснялись, как правило, конкретные ситуации, возникавшие в практике у руководителей региональных общин. Таким образом, эти письма в совокупности помогали наставнику получить помимо предписания уставного характера, зафиксированного в соборном постановлении

⁶ РГБ. Собр. Егорова (ф. 98). № 1044. Л. 13–14 об. Нач.: «Алфавит предметов, находящихся в книгах отеческих писем...». Далее — «Алфавит...».

1809 г., истолкование и рассмотрение различных частных вопросов и случаев, связанных с его реализацией.

Острую дискуссию вызывало, как и ранее, отношение к «новоженческому» браку. В «Алфавите...» этому вопросу посвящено четыре тематических блока, озаглавленных следующим образом: «О новоженстве», «О браках языческих и сродственных и незаконных», «О различии новожен» и «Отклонительныя от брака».⁷ Как видим, эта проблема потребовала дополнительной дифференциации и уточнений. Непосредственно проблеме отношения к «новоженам» посвящено самое большое количество глав-посланий в сборниках «Отеческие письма»: 18 в первом томе; 17 во втором, а также 10 писем из бумаг М.И. Стучачева. Большинство из них посвящено полемике против брака и призвано убедить отдельных членов общин отказаться от стремления к вступлению в брак, а руководителей региональных общин от практики принятия «новоженов» в общину без развода.

Актуальность решения проблемы отношения к браку обусловила появление в «Алфавите...» особого раздела «О различии новожен», в который было включено 3 послания. В них центр согласия предписывал наставникам различать среди «новоженов» тех, кто осознал греховность своих действий и впадает в нее «по слабости», и тех, кто упорствовал и оправдывал подобные браки. Если к первым наставники Преображенского кладбища допускали проявление некоторого снисхождения, то вторых предписывали отлучать и оберегать от них свою паству.

Большое количество посланий против «новоженов», направляемых наставниками Преображенского кладбища к наставникам региональных общин, вполне объяснимо. Ситуация была осложнена тем, что московская поморская община в этот период окончательно закрепила положение о принятии «новоженов» без развода и добилась утверждения этого положения в Выголексинском общежительстве.⁸ Это привело к значительному ухудшению отношения к поморцам со стороны наставников Преображенского кладбища, что нашло отражение в постановлении Петербургского собора 1809 г. Некоторые региональные общины по-прежнему стремились сохранить более терпимое отношение к поморцам, поэтому требовалось объяснение новых правил чиноприема от наставников Преображенского кладбища. Вошедшие в сборник «Отеческие письма» послания региональным общинам были посвящены обоснованию этих положений.

⁷ РГБ. Собр. Егорова (ф. 98). № 1044. Л. 13–14.

⁸ Хвальковский А.В., Юхименко Е.М. Поморское староверие в Москве // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 1999. С. 314–343.

Сопоставление статей постановления Петербургского собора 1809 г. и тематики посланий, включенных в два тома сборника «Отеческие письма», демонстрирует преемственность и развитие наставниками Преображенского кладбища основных идей, заложенных в нем. Письма наставников Преображенского кладбища, адресованные региональным общинам, дополняли, разъясняли предписания уставного характера, зафиксированные в соборном постановлении 1809 г. Они призваны были помочь наставникам при решении различных частных вопросов и случаев, связанных с его реализацией. Это свидетельствует о том, что сборники «Отеческие завещания» и «Отеческие письма» представляют собой единый корпус текстов, в котором нашел отражение процесс оформления традиции федосеевского согласия.

Н.А. МУДРОВА

**КНИЖНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ УРАЛЬСКИХ
УЧЕНЫХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. В ФОНДАХ
ЕКАТЕРИНБУРГА**

канд. ист. наук,
Центральная научная библиотека УрО РАН, г. Екатеринбург
e-mail: mudrova@cbibl.uran.ru

Статья посвящена краткому обзору хранящихся в фондах Екатеринбурга (Свердловского областного краеведческого музея и Свердловской областной универсальной научной библиотеки) книг из библиотек ученых, живших и трудившихся на Урале во второй половине XIX – первой половине XX в. Представлены книжные коллекции, поступившие в разное время от членов Уральского общества любителей естествознания (О.Е. Клера, М.О. Клера, Г.О. Клера, И.П. Иванова, П.П. Боклевского, М.В. Малахова, Н.К. Чупина и др.) и других деятелей науки и культуры Екатеринбурга (А.А. Анфиногенова и др.). Данное исследование является продолжением НИР, проводимых ЦНБ УрО РАН по изучению научного и культурного наследия Урала и России.

Ключевые слова: история библиотек, книжные коллекции, ученые, Уральское общество любителей естествознания, Свердловский областной краеведческий музей, Свердловская областная универсальная научная библиотека.

Изучение истории и фондов библиотек — государственных, общественных, частных, личных — одна из важнейших задач в исследовании и сохранении историко-культурного наследия.

Особый раздел в изучении библиотек — книжные собрания и коллекции ученых. Большинство библиотек крупных ведущих научно-исследовательских и культурных центров страны обладает мемориальными книжными собраниями ученых, лидеров отечественной науки, создателей научных школ. Сегодня одним из направлений исследований научных библиотек РАН является изучение библиографических ресурсов выдающихся ученых, внесших существенный вклад в разработку основных научных направлений той или иной научной отрасли. Создаются библиографические указатели работ и базы данных, вводятся полные тексты важнейших работ ученых. Важным достижением в деле сохранения российского научного наследия и изучения истории науки стал проект электронной библиотеки «Научное наследие России», одной из целей которого является включение сведений об ученых и основных результатах их научной деятельности в Единое научное информационное пространство. В Центральной

© Мудрова Н.А., 2017

научной библиотеке УрО РАН уже в течение нескольких лет ведутся такие исследования (программа «Научное наследие Урала»).

На ближайшие годы запланирована работа по теме «Книжное наследие Урала в истории культуры России XVII–XX вв.». Осуществляется исследование фондов ЦНБ УрО РАН и библиотек Екатеринбурга. В рамках изучения фондов ЦНБ УрО РАН опубликован ряд статей о книжных коллекциях семейной библиотеки Шубиных, академика С.В. Вонсовского, проф. В. К. Семенченко¹ и др.

Данная статья посвящена обзору наиболее ранних книжных собраний, сохранившихся в фондах других учреждений: Свердловского областного краеведческого музея (СОКМ) и Свердловской областной универсальной научной библиотеки (СОУНБ) им. В.Г. Белинского.

Прежде всего, обратимся к книгам и книжным коллекциям ученых Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), поскольку в рассматриваемый период это был крупнейший научный центр всего Урала, членами которого были не только многие уральские исследователи, но и виднейшие российские и зарубежные ученые.

История библиотеки УОЛЕ освещалась в главах монографии Л.И. Зориной, посвященной истории УОЛЕ.² Некоторым библиотекам в составе книжного собрания УОЛЕ посвящены монографии А.М. Сафроновой и В.Н. Оносовой (библиотеке В.Н. Татищева),³ статьи С.З. Гомельской и Е.П. Пироговой (библиотеке Н.К. Чупина).⁴

¹ Полетаева Е.А. О двух частных коллекциях в фондах редкой книги ЦНБ УрО РАН // Современное информационно-методологическое обеспечение научно-исследовательской деятельности: Материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Урал. отд-ния Рос. акад. наук и 70-летию Центр. науч. б-ки УрО РАН. Екатеринбург, 2003. С. 286–292; Боброва О.В. Владельческие знаки в книжной коллекции Е.П. Шубина (фонд редкой книги ЦНБ УрО РАН) // ERGO... Проблемы методологии междисциплинарных исследований и комплексного обеспечения научно-исследовательской деятельности. Вып. 4. Екатеринбург, 2008. С. 245–253; Мудрова Н.А., Боброва О.В. Фонды научной библиотеки как источник для изучения научного и культурного наследия // Библиотеки региона в системе научных коммуникаций. Новосибирск, 2010. С. 31–44; Книжные знаки в семейной библиотеке Шубиных (фонд редкой книги ЦНБ УрО РАН): Иллюстрированный каталог / Сост. О.В. Камалова. Екатеринбург, 2013; Мудрова Н.А. Книжная коллекция В.К. Семенченко в фонде Центральной научной библиотеки Уральского отделения Российской академии наук // Библиосфера. 2017. № 2. С. 59–66.

² Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929: Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург, 1996.

³ Каталог книг В.Н. Татищева и первой библиотеки Екатеринбурга в фондах Свердловского областного краеведческого музея / Сост. А.М. Сафронова, В.Н. Оносова. Екатеринбург, 2005; Сафронова А.М. В.Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: Опыт исторической реконструкции. Екатеринбург, 2012.

⁴ Гомельская С.З. Библиотека Н.К. Чупина // Уральский библиофил. Свердловск, 1984. С. 110–125; Пирогова Е.П. История приобретения библиотеки Н.К. Чупина Уральским обществом любителей естествознания // Третьи Чупинские краеведческие чтения: Материалы конф. Екатеринбург, 2006. С. 29–36.

Источниками для нашего исследования являются списки книг, пожертвованных учеными, опубликованные в Записках УОЛЕ, автоматизированные информационные программы, электронные каталоги, книги уральских ученых, хранящиеся в фондах СОКМ и СОУНБ.

К настоящему времени хранителем фондов Свердловского областного краеведческого музея В.Н. Оносовой введены в Комплексную автоматизированную музейную информационную программу (КАМИС) описания книг библиотеки УОЛЕ, в которых имеются записи и книжные знаки владельцев и дарителей. Это позволяет представить отдельные книжные комплекты (виртуальные коллекции) многих ученых — членов УОЛЕ и не только ученых.

Работа по выявлению книг с экслибрисами, штампами, владельческими и дарственными записями в фонде Отдела редких книг Свердловской областной библиотеки им. В.Г. Белинского проводилась его сотрудниками И.В. Зыряновой, О.В. Моревой, И.А. Шумковой и др. В предоставленном нам электронном списке есть и книги из фонда УОЛЕ.

Известно, что на первом организационном собрании УОЛЕ (1870 г.) в дар Обществу поступили первые книги: от Онисима Егоровича Клера (идейного вдохновителя и одного из основателей УОЛЕ) — 13 соч. в 16 т. и Ивана Самсоновича Левандо (хранителя музея) — 4 соч. в 7 т.⁵

В дальнейшем книги и целые библиотеки дарили и другие ученые — руководители и рядовые члены УОЛЕ, а также многие известные российские ученые.

В 1908 г. О.Е. Клер передал в УОЛЕ часть своей библиотеки — 45 томов по естествознанию на французском, немецком и английском языках.⁶ Уже после его смерти (в 1920 г.) в УОЛЕ поступило 840 томов книг и 177 номеров периодики. По экслибрисам и записям на книгах выявлено 118 томов в собрании СОКМ и 18 — в фонде ОРК СОУНБ. Это книги на русском и иностранных языках по ботанике, зоологии, минералогии, метеорологии, истории, литературные сочинения. О.Е. Клеру дарили свои книги ученые — члены УОЛЕ, коллеги по работе из Екатеринбургской мужской гимназии, его ученики, многие российские и зарубежные исследователи и писатели. Отметим некоторые издания.

Пермский сборник в 2 кн. (Пермь, 1859–1860), с суперэкслибрисами известного библиографа Д.Д. Смышляева и самого О.Е. Клера.⁷

⁵ Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания. С. 71.

⁶ Там же. С. 147.

⁷ СОКМ. 23900/17 ПИ-12037.

Конволют из трех опубликованных работ Л.П. Сабанеева по исследованию фауны Среднего Урала.⁸ На титульных листах каждого аллигата имеется автограф О.Е. Клера.

Конволют из шести опубликованных работ И.Я. Словцова, посвященных в основном материалам об археологических памятниках и природе Урала, Сибири и Казахстана. На титульных листах каждого аллигата — дарственные надписи автора О.Е. Клеру.⁹

Якимов В.П. Зависимость между днями года и днями недели и определение времени празднования неподвижных праздников в днях недели и подвижных в числах месяца (Казань, 1889). В книге имеется дарственная запись О.Е. Клеру от автора (преподавателя математики и физики Екатеринбургской мужской гимназии).¹⁰

Поклевский-Козелл, Нуров Михаил. Записка о Сибирско-Уральской железной дороге по сделанному изысканию уполномоченными от сибирского купечества. (Екатеринбург, 1870-е гг.), с экслибрисом О.Е. Клера.¹¹ В книге есть приложение: «Ведомость товарам, следующим из России в Сибирь и из Сибири в Россию».

Теплоухов Ф.А. Оттиски статей и заметок о древностях Пермской губернии: 1892–1895 (Пермь, [1895]), с записью: «Глубокоуважаемому Онисиму Егоровичу Клер на память от автора 23 февраля 1896 г.».¹²

В библиотеке О.Е. Клера — издания известных произведений Д.Н. Мамина-Сибиряка («Уральские рассказы», «Три конца», «Самоцветы» и др.), с дарственными записями от автора.¹³

Много книг на иностранных языках (французском, английском, немецком) зарубежных и российских ученых, но изданных за границей. Большая часть этих изданий имеет владельческие записи О.Е. Клера.

На одной из книг (отдельном оттиске статьи К.И. Фаддеева из журнала по кристаллографии; т. 20, вып. 4. Лейпциг, 1892. На немецком языке) дарственная надпись от автора — ученика О.Е. Клера: «Многоуважаемому Онисиму Егоровичу Клеру в знак памяти от любящего ученика К. Фаддеева».¹⁴ В 1903 г. в УОЛЕ по завещанию передана библиотека К.И. Фаддеева: 140 названий книг, журналов и статей по естествознанию на русском, французском, немецком, ита-

⁸ СОКМ. 14344 ПИ-1650 (1870, 1874, 1872 гг.).

⁹ СОКМ. 14344 ПИ-342.

¹⁰ СОКМ. 22689 ПИ-9947.

¹¹ СОКМ. 14344 ПИ-1822.

¹² СОКМ. 14344 ПИ-499.

¹³ СОКМ. 14344 ПИ-4887, 22695/37 ПИ-8347, 23388 ПИ-10247 и др.

¹⁴ СОКМ. 28863/12.

льянском языках.¹⁵ В компьютерной базе СОКМ отражено 5 книг Фаддеева.

Среди 18 выявленных в фонде ОРК СОУНБ книг с дарственными надписями О.Е. Клеру — издания по геологии, математике, истории, статистике, химии. Интересная запись в книге А.П. Павлова «Методика наглядного обучения счислению простых дробей» (М., 1909): «Дорогому многоуважаемому бывшему сослуживцу и приятелю, уральскому естествоиспытателю, основателю Музея Онисиму Егоровичу Клер на память добрых наших отношений от автора. Москва, 3 января 1910 года».¹⁶

В КАМИС СОКМ представлены также коллекции сыновей О.Е. Клера: геолога и палеонтолога Модеста Онисимовича Клера (50 ед. в СОКМ и 22 ед. в СОУНБ); географа и зоолога Георгия Онисимовича Клера (52 ед. в СОКМ), зоолога Владимира Онисимовича Клера (4 ед. в СОКМ).

Иван Павлович Иванов (главный начальник Уральских горных заводов в 1876–1896 гг., пожизненный почетный президент УОЛЕ)¹⁷ в 1906 г. передал в УОЛЕ 107 книг в 148 томах.¹⁸ Часть этих книг имеет записи о принадлежности к собранию И.П. Иванова.

По предложению Павла Петровича Боклевского (главный начальник Уральских горных заводов в 1896–1912 гг., президент УОЛЕ в 1897–1898 гг.) в 1900 г. в УОЛЕ передана Центральная библиотека Горного Правления. Вместе с этой библиотекой или ее частью попали в УОЛЕ и книги В.Н. Татищева. В 1912 г. П.П. Боклевский подарил часть своей библиотеки — 1233 тома.¹⁹

В фонде ОРК СОУНБ выявлено 11 книг с дарственными надписями П.П. Боклевскому от ученых Л.Б. Бертенсона, В.Н. Гутовского, А.Н. Митинского, Л. Романова, М. Сендзиковского, Ф. Тольда, Н.Н. Трутнева, А. Хогга. Там же выявлено 14 книг, принадлежавших горному инженеру, металлургу Н.А. Иоссе.

Интересна книжная коллекция Михаила Викторовича Малахова, первого археолога-исследователя Урала, внука известного архитектора Михаила Павловича Малахова. Среди книг — издания сочинений известных исследователей Урала: Н. Устрялова,²⁰ В.Н. Шишонко,²¹

¹⁵ Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания. С. 146.

¹⁶ СОУНБ. Б 540456-ОРК.

¹⁷ Екатеринбург: Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 239.

¹⁸ Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания. С. 146.

¹⁹ Там же. С. 147.

²⁰ СОКМ. 14344 ПИ-258. Устрялов Н. Именитые люди Строгановы. СПб., 1842.

²¹ СОКМ. 14344 ПИ-393. Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Период 2: 1613–1645 г. Пермь, 1889.

Н.К. Чупина,²² Г. Щуровского,²³ Л.П. Сабанеева,²⁴ В.П. Безобразова,²⁵ Д. Петухова²⁶ и др. с дарственными надписями М.В. Малахова и экслибрисами библиотеки М.В. Малахова.

В фонде СОКМ хранятся книжные дары многих ученых. Это книги, принадлежавшие Л. Драверту,²⁷ Д.И. Висковатову,²⁸ А.Ф. Комесу,²⁹ Е.Н. Короткову,³⁰ Д.И. Лобанову,³¹ И.Г. Остроумову,³² Н.С. Арнольдovu,³³ Н.А. Русских³⁴ и другим ученым и общественным деятелям.

Свои книги дарили в УОЛЕ известные российские ученые (многие из которых являлись членами УОЛЕ): В.И. Вернадский, А.П. Карпинский, Н.М. Пржевальский, В.А. Обручев, М.А. Рыкачев, А.Е. Ферсман, И.В. Мушкетов, М.В. Павлова, К.Д. Носилов, Г.Ф. Кунц, уральцы — члены УОЛЕ: Г.Ф. Абельс, М.О. Клер, Н.К. Чупин, А.А. Дмитриев, И.Я. Кривошеков, В.Н. Шишонко, Л.П. Сабанеев, Д.Д. Смышляев и др.

²² СОКМ. 14344 ПИ-526. *Чупин Н.К.* О местах жительства и образе жизни вогул. Пермь, 1874 (Извлеч. // Сб. Пермск. Земства. Кн. 1).

²³ СОКМ. 14344 ПИ-1600. *Щуровский Г.* Уральский хребет в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношениях. М., 1841.

²⁴ СОКМ. 14344 ПИ-1649. *Сабанеев Л.П.* Позвоночные Среднего Урала и распространение их в Пермской губернии. М., 1874.

²⁵ СОКМ. 14344 ПИ-2005. *Безобразов В.П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869.

²⁶ СОКМ. 14344 ПИ-2133. *Петухов Д.* Горный город Дедюхин и окольные местности. СПб., 1864.

²⁷ Л. Драверт подарил УОЛЕ 10 томов. См.: *Зорина Л.И.* Уральское общество любителей естествознания. С. 145.

²⁸ Д.И. Висковатов в 1875 г. передал УОЛЕ 48 книг в 64 т. по ботанике, зоологии, географии и др. См.: *Зорина Л.И.* Уральское общество любителей естествознания. С. 75. В КАМИС СОКМ отражено 9 книг этого собрания.

²⁹ В 1891 г. в УОЛЕ поступила личная библиотека А.Ф. Комеса: 139 названий в 228 т. См.: *Зорина Л.И.* Уральское общество любителей естествознания. С. 145–146. В КАМИС СОКМ отражено 11 книг с экслибрисами библиотеки А.Ф. Комеса.

³⁰ О Е.Н. Короткове (1850–1919) см.: Екатеринбург: Энциклопедия. С. 301–302; о передаче книг Е.Н. Коротковым в УОЛЕ см.: *Зорина Л.И.* Уральское общество любителей естествознания. С. 146. В КАМИС СОКМ учтено 7 книг с экслибрисами Е.Н. Короткова.

³¹ О Д.И. Лобанове см.: Екатеринбург: Энциклопедия. С. 328. В УОЛЕ Д.И. Лобанов передал 21 том. См.: *Зорина Л.И.* Уральское общество любителей естествознания. С. 145. В коллекции Д.И. Лобанова в КАМИС СОКМ — 4 книги.

³² О И.Г. Остроумове см.: Краеведы и краеведческие организации Перми... С. 201–202. В УОЛЕ он передал 22 книги, см.: *Зорина Л.И.* Уральское общество любителей естествознания. С. 145. В коллекции И.Г. Остроумова в КАМИС СОКМ 7 книг.

³³ О Н.С. Арнольдове (1844–1917) см.: Екатеринбург: Энциклопедия. С. 16; *Зорина Л.И.* Уральское общество любителей естествознания. С. 147.

³⁴ О Н.А. Русских (1857–1916) см.: Екатеринбург: Энциклопедия. С. 483; *Зорина Л.И.* Уральское общество любителей естествознания. С. 147.

В настоящее время в Свердловском краеведческом музее выявлена и хранится отдельной коллекцией библиотека Н.К. Чупина (1824–1882). Характеристику состава библиотеки Н.К. Чупина дала С.З. Гомельская. Она отмечала: «Чупинская библиотека замечательна. Это — библиотека ученого-энциклопедиста, она отражает весь круг его интересов, красноречиво рассказывает о его выдающейся образованности...».³⁵ Это бесценное собрание книг, где можно было найти почти все, что когда-либо было написано об Урале.

Как известно, библиотека Н.К. Чупина была передана в УОЛЕ уже после его смерти. Все имущество историка было опечатано и описано в 1882–1883 гг. екатеринбургским судебным приставом. Приобретение библиотеки затянулось на многие годы, и ее передача в УОЛЕ состоялась в конце 1907 – начале 1908 г. В документах фигурирует цифра 1447 книг чупинской библиотеки. Однако «тяжелые после-революционные и последующие советские десятилетия привели к тому, что в “недрах” Свердловского областного краеведческого музея — приемника музея и библиотеки УОЛЕ — чупинские книги были потеряны...».³⁶

Как отмечает С.З. Гомельская, к началу 1969 г. удалось обнаружить примерно половину библиотеки Н.К. Чупина. Но в этом году систематическая работа по выявлению книг этой библиотеки прервалась.

В 2006 г. на Третьих Чупинских краеведческих чтениях Е.П. Пирогова вновь поставила вопрос о выявлении книг библиотеки Н.К. Чупина.

Лишь к настоящему времени В.Н. Оносова выявила всю библиотеку Н.К. Чупина, в которой насчитывается около 1260 ед. (около 1002 на рус. яз. и 250 на иностр. яз.). Это количество отличается от указанного в документах о передаче 1907–1908 гг., как объясняет В.Н. Оносова, в связи с тем, что в личной библиотеке Н.К. Чупина могли оказаться и книги, бравшиеся им временно для работы в Екатеринбургской горной библиотеке (в которой он исполнял обязанности библиотекаря).³⁷

В книжном собрании Н.К. Чупина встречаются книги с владельческими записями читателей — жителей Екатеринбурга конца XVIII – начала XIX в., например, книги из интереснейшей библиотеки священника Федора Львовича Карпинского. Одна из книг: Татищев В.Н.

³⁵ Гомельская С.З. Библиотека Н.К. Чупина. С. 117–118.

³⁶ Пирогова Е.П. История приобретения библиотеки Н.К. Чупина Уральским обществом любителей естествознания... С. 35.

³⁷ О работе Н.К. Чупина в этой библиотеке см.: Гомельская С.З. Н.К. Чупин. Свердловск, 1982. С. 32.

Духовная тайнаго советника и астраханскаго губернатора Василия Никитича Татищева, сочиненная в 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу. СПб.: [Тип. Сухопутн. кад корпуса], 1773.³⁸ В ней имеются записи на свободной части нижнего форзаца: 1. «Прочитал другой раз 1799 генваря 22 числа»; 2. «Прочитал 1802 года декабря 21 числа»; 3. «Прочитал 1814 года июля 8 ч.»; 4. «Прочитал 1822 марта 4 ч.».

Эти записи сделаны рукой протоиерея Екатеринбургскаго собора Федора Львовича Карпинскаго, большаго книголюба, о чем свидетельствует его дневник.³⁹ В дневнике он описывал, где он был, что делал и что случилось с ним за день. Библиотеке (литературным пристрастиям, вопросам приобретения, обмена, дарения друзьям и знакомым, особенностям чтения) протоиерея Федора Карпинскаго посвящена статья Л.А. Ситникова, который отмечал, что священник не удовлетворялся однократным прочтением того или иного сочинения и перечитывал книги по несколько раз.⁴⁰

Большая часть выявленных книг Ф. Карпинскаго поступила в СОКМ и СОУНБ в составе библиотеки Н.К. Чупина. Об этом свидетельствуют записи рукой Ф. Карпинскаго, печати Екатеринбургскаго судебного пристава и штампы УОЛЕ о получении 1907 г. и 1908 г.

Особо следует сказать о книжной коллекции екатеринбургскаго краеведа и библиографа А.А. Анфиногенова (1884–1948).⁴¹ Андрей Андреевич Анфиногенов — автор большаго количества работ, посвященных природе, истории и культуре Урала. Фактически он явился продолжателем известных уральских краеведов — Смышляева, Чупина, Кривошекова, Клера и др. Огромный вклад Анфиногенов внес в развитие краеведческой библиографии. Он был одним из авторов многих путеводителей по Уралу, изданных в 20–30-е гг.

³⁸ СОКМ. 14344 ПИ-353. *Пирогова Е.П.* Сводный каталог книг гражданскаго печата XVIII – 1-й четверти XIX века в собраниях Урала. Екатеринбург, 2007. Т. 2: Н–Я. № 4858.

³⁹ О Федоре Львовиче Карпинском (1758–1831) см.: *Ситников Л.А.* Екатеринбургский книголюб конца XVIII – начала XIX столетий // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. Новосибирск, 1984. С. 5–28; Дневник священника / Публ. подгот. В.И. Байдин, С.В. Голикова, Л.А. Дашкевич, М.Ю. Нечаева // Уральский исторический вестник. 1995. № 2. С. 114–143.

⁴⁰ *Ситников Л.А.* Екатеринбургский книголюб... С. 19–20.

⁴¹ Об А.А. Анфиногенове см.: *Гомельская С.З.* Краевед Анфиногенов // Уральский библиофил. Челябинск, 1986. С. 110–119; *Пешкова И.* Андрей Андреевич Анфиногенов и его записные книжки // Уральская старина: литературно-краеведческие записки. Екатеринбург, 2004. Вып. 6. С. 197–216; *Пешкова И.* Анфиногенов А.А. Записные книжки: [Янв.–март 1942 г.] // Уральская старина. 2005. № 7. С. 119–141; *Пешкова И.* Андрей Андреевич Анфиногенов и его записные книжки: [Комментарии к дневникам, 1943] // Уральская старина. 2006. Вып. 8. С. 128–165. А.А. Анфиногенову было посвящено немало статей в местной и центральной периодической печати в связи с его 60-летним юбилеем, 100-летием со дня рождения и другим памятным датам.

XX в., «Уральской советской энциклопедии», им составлены экскурсионные маршруты по Свердловской области и окрестностям Свердловска. К нему обращались за консультациями по самым разным вопросам ураловедения (в т.ч. по изобразительному и прикладному искусству и музыке). Его круг общения был чрезвычайно широк. Среди его друзей — П.П. Бажов, В.П. Бирюков, О.Е. Клер, И.В. Попов (сопровождаящий Д.Н. Мамина-Сибиряка во многих поездках) и др.

А.А. Анфиногенов окончил бухгалтерские курсы, и профессия бухгалтера стала для него основной. Однако важнейшим в его жизни был интерес к родному Уралу, который он почти весь объездил и обошел в 1920–1930-е годы. Он собирает библиотеку, большую коллекцию газет и журналов (часть книг, журналов и газет он передал в свое время различным организациям). Анфиногенов очень высоко ценил «Географический и статистический словарь Пермской губернии» Н.К. Чупина. Составление словаря, подобного чупинскому, стало мечтой Анфиногенова. С начала 1900 г. он собирает материалы об окрестностях Екатеринбурга, затем обо всей Пермской губернии, а впоследствии — и обо всем Урале, как бы дополняя оставшийся незаконченным чупинский словарь. Основной труд Анфиногенова, которому он посвятил почти всю свою жизнь, — это «Материалы для географического краеведческого словаря Урала». «В результате почти сорокалетнего труда создалась огромная картотека, содержащая 23–24 тысячи географических названий, 65 тысяч вырезок, выписок, библиографических подборок и других материалов. Она стала богатейшим источником многих краеведческих трудов Анфиногенова, сотен консультаций и ряда библиографических работ».⁴²

Понимая, что одному не под силу подготовить к изданию такой объем материала, Анфиногенов, будучи главным бухгалтером Уральского филиала Академии наук, передает в УФАН в 1936 г. все эти материалы с надеждой при содействии и под руководством УФАН подготовить к печати словарь. В УФАН была образована Группа геологии, геохимии и географии, в которой Анфиногенову предлагалось вести работу над географическим словарем. Но в 1937 г. группа была упразднена, и работа не была закончена.⁴³ Однако работу над словарем он продолжал вести, даже в трудные военные годы. Впоследствии он являлся членом Свердловского областного совета краеведения, штатным библиографом и консультантом областной библиотеки им. В.Г. Белинского.

⁴² Гомельская С.З. Краевед Анфиногенов... С. 117.

⁴³ Колосова Е.Н., Филатов В.В. К истории создания Уральского филиала АН СССР (1932–1939): Неюбилейные заметки // Уральский геологический журнал. 2007. № 4 (58). С. 64.

К сожалению, Словарь так и остался неопубликованным. Его краеведческая библиотека, как пишет С.З. Гомельская, не сохранилась в едином комплекте. Большая ее часть находится теперь в Свердловском областном краеведческом музее.

В электронной базе КАМИС СОКМ учтено 88 книг из библиотеки А.А. Анфиногенова. В его библиотеке — знаменитые труды по истории и географии России, Урала и Сибири: Географическо-статистический словарь российской империи П. Семенова-Тян-Шанского 1863–1865 гг.,⁴⁴ Историческое обозрение Сибири П.А. Словцова, кн. 1–2 (СПб., 1886),⁴⁵ Географический и статистический словарь Пермской губернии Н.К. Чупина (Пермь, 1873, 1887),⁴⁶ Пермская летопись В.Н. Шишонко, пер. 5, ч. 3 (Пермь, 1889)⁴⁷ и др., сочинения по истории старообрядчества (А. Щапова, Н.И. Субботина).

Среди книг А.А. Анфиногенова мы также видим издания важных исторических источников: Духовный регламент Петра Первого 1721 г. (СПб., 1820),⁴⁸ Правда русская или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха (М., 1799),⁴⁹ Указы... Петра Великого самодержца всероссийского... с 1714 по ...28 число, 1725 году» (СПб., 1777)⁵⁰ и др. Особо отметим «Словарь юридической, или Свод российских узаконений, по азбучному порядку...» Ф. Ланганса, изданный в Тобольской типографии В. Корнильева в 1791 г.⁵¹

Есть книги, касающиеся истории, статистики и географии регионов и городов Урала: Материалы для истории христианства в Далматовском крае Пермской губернии протоиерея Г. Плотникова (Пермь, 1869);⁵² Симанов И.И. Город Екатеринбург: Сб. ист.-стат. и справ. сведений по городу... (Екатеринбург, 1889),⁵³ Исторический путеводитель по г. Соликамску Якова Шестакова (Соликамск, 1917)⁵⁴ и др.

⁴⁴ СОКМ. 22688 ПИ-9819; 22688 ПИ-9820.

⁴⁵ СОКМ. 22688 ПИ-9811.

⁴⁶ СОКМ. 14344 ПИ-192; 14344 ПИ-191.

⁴⁷ СОКМ. 14344 ПИ-399.

⁴⁸ СОКМ. 14344 ПИ-5053. *Пирогова Е.П., Белобородов С.А.* Сводный каталог книг гражданской печати XVIII – 1-й четверти XIX века в собраниях Урала. Екатеринбург, 2005. Т. 1: А–М. № 1317.

⁴⁹ СОКМ. 14344 ПИ-2522. *Пирогова Е.П.* Сводный каталог... Т. 2. № 3795.

⁵⁰ СОКМ. 14344 ПИ-2639. *Пирогова Е.П.* Сводный каталог... Т. 2. № 5121.

⁵¹ СОКМ. 14344 ПИ-1456. *Пирогова Е.П., Белобородов С.А.* Сводный каталог... Т. 1. № 2213.

⁵² СОКМ. 22688 ПИ-9364.

⁵³ СОКМ. 14344 ПИ-340.

⁵⁴ СОКМ. 22696 ПИ-10025.

В библиотеке Анфиногенова встречаются также книги самого разного содержания: учебные, по горному делу, картографии, этнологии, природе и охоте, садоводству, поискам золота, свадебным обрядам и песням, книги о том, как сочинять письма и др. Есть Библия — первое издание Российского Библейского общества (СПб., 1822),⁵⁵ а также Руководство к церковному красноречию с примерами из Священного Писания... (СПб., 1804).⁵⁶

Практически на всех книгах библиотеки А.А. Анфиногенова имеется его экслибрис (штемпель — факсимиле его подписи).

Завершая обзор рассмотренных книжных коллекций, следует отметить, что о библиотеках уральских ученых второй половины XIX — первой половины XX в. мы пока можем судить лишь на основании выявленных в фондах библиотек и музеев Екатеринбурга книг с сохранившимися владельческими записями, штампами и экслибрисами, а также некоторых опубликованных списков книг в Записках УОЛЕ. Складывается впечатление, что эти библиотеки носили как специальный (библиотеки М.О. Клера, М.В. Малахова, Н.А. Иоссы), так и (по большей части) универсальный характер (библиотеки О.Е. Клера, Д.И. Висковатова, Н.К. Чупина, А.А. Анфиногенова и др.). В так называемых универсальных библиотеках присутствовала литература по разным областям знания — естественнонаучного, технического, гуманитарного направлений. Состав библиотек отразил бурное развитие науки в этот период в России и на Урале. Значительное место в этих книжных собраниях занимает литература по геологии, горному делу, истории, этнографии, о природе Урала.

⁵⁵ СОКМ. 21639 ПИ-7473. *Пирогова Е.П.* Сводный каталог... Т. 2. № 2955.

⁵⁶ СОКМ. НВ-4647/2. *Пирогова Е.П.* Сводный каталог... Т. 2. № 4217.

Е.И. ДЕРГАЧЕВА-СКОП, А.Ю. БОРОДИХИН

**СВОДНЫЙ КАТАЛОГ РУКОПИСЕЙ,
СТАРОПЕЧАТНЫХ И РЕДКИХ КНИГ В
СОБРАНИЯХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА:
ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ**

д-р филол. наук,
Новосибирский государственный университет
e-mail: e_dergacheva-skop@post.nsu.ru

канд. филол. наук,
Государственная публичная научно-техническая
библиотека СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: borodichin@spsl.nsc.ru

В статье представлены результаты многолетней совместной работы археографов ГПНТБ СО РАН и Новосибирского государственного университета по подготовке серии «Материалов к Сводному каталогу рукописей, старопечатных и редких книг, в собраниях Сибири и Дальнего Востока»; особое внимание уделяется истории сложения серии, направленной на описание и введение в научный оборот памятников кириллической книжности из этих хранилищ.

Ключевые слова: камеральная археография, кириллическая книжность, сводный каталог, книжные памятники, Сибирь, Дальний Восток.

Сибирские и дальневосточные хранилища различной ведомственной принадлежности аккумулировали в своих фондах значительное количество книжных произведений древнерусской традиции и коллекций рукописных и старопечатных книг, получивших здесь свою постоянную прописку. Если к ним добавить библиотеки современных старообрядческих общин, играющих немаловажную роль в духовной жизни современной Сибири и до сих пор содержащих замечательные экземпляры книг кириллической традиции, мы получим если не исчерпывающую, то достаточно полную картину той части русской книжности региона, которая представляется нами в публикациях каталогов и описаний серии «Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях Сибири и Дальнего Востока: Материалы к Сводному каталогу» (под общей редакцией А.П. Деревянко; на обл.: «Книжные памятники и книжные собрания»; далее — «Материалы»).

Первые выпуски нашей серии вышли в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия; и в настоящее время серия продолжает представлять сибирские и дальневосточные книжные коллекции и собрания.

Однако работа с этим книжным корпусом восточных провинций России начата была задолго до этого времени. С середины 1960-х гг. ее осуществляли археографы трех учреждений Новосибирска — Новосибирского государственного университета, Института истории, филологии и философии СО АН СССР и Государственной публичной научно-технической библиотеки СО АН СССР.

Регулярное ежегодное археографическое исследование Сибири началось, как известно, в 1965 г.¹ Впрочем, надо сказать, что еще в 1945 г. В.И. Малышев, известный российский археограф, находит время обследовать ряд сибирских хранилищ (в Тюмени, Тобольске и Барнауле), где составляет охранные описи местных книжных собраний.² Позднее он назовет рядом с традиционными археографическими районами — Карелией и Архангельской областью — районы Республики Коми, Пермской области, Прибалтики, Западной Сибири, оказавшиеся весьма важными для книжного поиска. Именно от В.И. Малышева мы восприняли комплексный подход к традиционному книжному наследию России и, соответственно, Сибири, уточнив на региональном материале в процессе наших исследований ряд параметров такого подхода. Практическая разработка этих принципов осуществлялась прежде всего в процессе археографической работы, понимавшейся в самом широком смысле и включавшей не только полевую (В.И. Малышев связывает ее уже в 1930-е гг. со старообрядческим прошлым тех или иных районов),³ но и камеральную археографию.⁴

¹ См.: *Панченко А.М.* «Археографическое открытие» Сибири // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. 1974. М., 1975. С. 152–156; *Покровский Н.Н.* Из истории первых новосибирских археографических экспедиций // Книга и литература в культурном контексте: Сб. науч. ст., посвящ. 35-летию начала археогр. работы в Сибири, 1965–2000. Новосибирск, 2003. С. 15–22; *Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н.* Археографические исследования Сибири второй половины 60-х – начала 70-х годов и формирование коллекций рукописных и старопечатных книг // Книга и литература в культурном контексте: Сб. науч. ст., посвящ. 35-летию начала археогр. работы в Сибири, 1965–2000. Новосибирск, 2003. С. 23–36 и др.

² *Малышев В.И.* Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска // ТОДРЛ. Т. 5. М.; Л., 1947. С. 155–158; *Малышев В.И.* Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновца, Риги, Двинска и других городов // ТОДРЛ. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 467–468 (в том числе обзор рукописей Тюменского областного музея, древлехранилищ Барнаула).

³ *Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н.* Археографические исследования Сибири... С. 26–29. См. также: *Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н.* Репертуар традиционного чтения старообрядческих согласий Сибири: Этюды нравственной философии // *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradicje we współczesnym świecie.* Warszawa, 1994. S. 43–56.

⁴ Под камеральной археографией мы понимаем такую сферу археографических разработок, которая связана с выявлением, научной обработкой и описанием книжных

Классический дух в камеральной археографии обеспечивался традицией «археографического путешествия», у истоков которой стоял П.М. Строев (1796–1876). «Это значило разыскивать по хранилищам рукописи, составить сперва частные местные каталоги, а потом свести их в общий каталог. Это и есть то, что побудило Строева начать свою «археографическую» работу и о чем Строев говорит как об осуществлении «моей идеи археографических обозрений»⁵. Строев считал, что «даже маленькое собрание книг при каталоге много выигрывает»⁶. Между тем, не только каталоги, но и даже самые малые сведения о наличии обретающихся в сибирском и дальневосточном регионах книжных собраний, содержащих старопечатные и рукописные книги древнерусской традиции, практически отсутствовали. А те обзоры и описания, которые существовали к началу наших археографических разработок, либо относились к отдельным библиотечным фондам, известным с дореволюционной поры (Томский университет,⁷ Тобольский губернский музей,⁸ консисторские архивохранилища⁹), либо фиксировали буквально единичные наход-

коллекций и отдельных книжных памятников, оказавшихся в составе государственных хранилищ. Книга, получившая свое постоянное место хранения, начинает здесь жить только в общении с читателем, исследователем, издателем. Именно на этом этапе историку книги уместнее всего ставить вопросы, связанные с локализацией отдельных экземпляров и целых фрагментов собрания, определять пути миграции книги до момента их появления в той частной коллекции, которая вошла в собрание государственное. См., например: *Дергачева-Скоп Е.И.* Некоторые вопросы локализации рукописей: коллекция В.Ф. Груздева в собрании М.Н. Тихомирова // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 37–46. «Живые» библиотеки, книги которых мигрируют и по сию пору в старообрядческой среде (общинные и наставнические библиотеки разных согласий), являются по преимуществу предметом полевой археографии. Однако полученные с них цифровые копии могут создать особый предмет именно камеральной археографии. См.: *Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н.* «Археография книжных памятников» в Федеральной целевой программе «Интеграция» (2002–2006 гг.) // Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на Востоке России (1965–2005). Т. 1. Новосибирск, 2008. С. 23–40.

⁵ *Валк С.Н.* Избранные труды по археографии: Научное наследие. СПб., 1991. С. 230.

⁶ *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 8. СПб., 1894. С. 178.

⁷ Каталог главной библиотеки императорского Томского университета. Дополнение к т. 1: Витринный каталог. № 1–584. Томск, 1889.

⁸ *Мамеев С.Н.* Рукописи библиотеки Тобольского губернского музея. Вып. 1. Тобольск, 1894; Вып. 2. Тобольск, 1896; *Филиппов М.В.* Рукописи библиотеки Тобольского губернского музея: Систематический каталог Тобольск, 1907.

⁹ *Сулоцкий А.* Библиотеки в городе Тобольске // Тобольские губернные ведомости. 1858. № 22. Ч. неофиц. С. 399–402; № 25. Ч. неофиц. С. 455–457; № 27. Ч. неофиц. С. 457–460; № 28. Ч. неофиц. С. 476–488 (Обзор рукописей Тобольского консисторского хранилища при Софийском соборе и библиотеки семинарии); Сведения о существующих в епархиях церковно-археологических учреждениях и консисторских архивах //

ки неизвестных и малоизвестных ранее памятников древнерусской и старообрядческой письменности, обнаруженных в некоторых архивохранилищах Сибири и Дальнего Востока краеведами.¹⁰

Всего в 12 публикациях разного времени, посвященных восточному региону,¹¹ к концу 1960-х гг. было представлено чуть более 700 книг кириллической традиции, преимущественно рукописей.

Поэтому с самых первых лет археографических разработок в Сибири говорилось о необходимости и важности работы с многочисленными хранилищами даже самых малых собраний, и, хотя количество книжных памятников в таких коллекциях невелико, но здесь могли ожидать интересные находки.¹² В этих собраниях прежде всего фиксировались рукописи и печатные книги древнерусской кириллической традиции, но дело не ограничивалось только ими. В создаваемых картотеках оказались собрания русской и сибирской книги гражданской печати XVIII – начала XIX в. (до 1830 г.). Интерес для нас представляли также книжные коллекции сибирских и российских деятелей, связанных по разным причинам с Сибирью,¹³ книжные комплексы старого времени (библиотеки учебных заведений, музеев,

Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т. 2. Пг., 1917. С. 355 (Краткий обзор рукописей Тобольского епархиального древлехранилища); *Петров Н.* Рукописи Иркутской духовной семинарии южнорусского происхождения // Труды Киевской Духовной Академии. 1892. № 10. С. 305–312.

¹⁰ См., например: *Селищев А.М.* Забайкальские старообрядцы: Семейские. Иркутск, 1920 (описано 7 рукописей Иркутской духовной семинарии); *Георгиевский А.П.* Вопрос об архивах и памятниках древней русской письменности в пределах Дальневосточного края // Записки Владивостокского отделения Государственного русского географического общества. Владивосток, 1929. Т. 2 (19). С. 87 (описаны 2 рукописи Дальневосточного окружного архивного бюро); *Томилова В.* О рукописях научной библиотеки Томского государственного университета // Историк-марксист. 1941. № 6 (94). С. 155–157 (обзор и описание 8 рукописей) и др.

¹¹ В том числе названные выше публикации В.И. Малышева, а также отчеты московских археографических экспедиций конца 1950-х – начала 1960-х гг. в Забайкалье. См.: *Павлов-Сильванский В.Б., Рогов А.И.* Рукописи и старопечатные книги, собранные в Бурятской АССР в 1959 г. // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 216–221; *Павлов-Сильванский В.Б., Рогов А.И.* Рукописи и старопечатные книги, приобретенные экспедицией Археографической комиссии в Бурятской АССР в 1960 г. // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 266–214; *Костина Р.В., Павлов-Сильванский В.Б.* Рукописи и старопечатные книги, приобретенные экспедицией Археографической комиссии в Бурятской АССР в 1962 г. // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С. 422–424. Рукописи и старопечатные книги этих экспедиций, вывезенные в Москву, позднее были переданы в отдел рукописей ГПНТБ СО РАН и хранятся в составе Забайкальской коллекции.

¹² *Дергачева-Скоп Е.И., Покровский Н.Н.* Задачи археографического изучения Сибири // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 172.

¹³ Коллекции могли находиться как в Сибири, так и в других архивохранилищах России, но должны быть своей судьбой или именем их создателей связаны с восточным ее регионом.

заводские библиотеки и пр.), сохранившиеся в составе современных библиотек и книжных коллекций (см., например, книжные собрания З.А. Рагозиной (Вердеревской), А.А. Белоголового и др. в составе Научной библиотеки Томского университета; Тобольской семинарии и гимназии; Н.Л. Скалозубова в составе библиотеки Тобольского музея-заповедника; Колывано-Воскресенских горных заводов среди коллекций редких книг и рукописей Новосибирской государственной областной научной библиотеки, ГПНТБ СО РАН, библиотек Барнаула и Томска); фрагменты знаменитой библиотеки Г.В. Юдина в Красноярских хранилищах; собрание рукописей Музея Приенисейского края среди коллекций отдела рукописей Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге и т.д.

Уже к началу 1970-х гг. нами были учтены рукописи, книжные раритеты и коллекции большинства заметных сибирских хранилищ: Тобольска, Тюмени, Ишима, Енисейска, Минусинска, Иркутска, Улан-Удэ, Кяхты и многих др. В местных хранилищах разного ранга нами составлялись специальные картотеки с точной (насколько это было возможно в условиях полевой работы и отсутствия справочников) локализацией и датировкой книжных памятников, охранные описи собраний.¹⁴ Там, где это было необходимо, мы проводили занятия по обучению первоначальным навыкам работы с книжными коллекциями, знакомили со специально разработанными нами форматами карточек для описания старопечатных книг и рукописей кириллической традиции. К тому времени в составе сборников научных трудов ГПНТБ СО АН СССР «Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока» вышли два специальных выпуска (в 1973 и 1975 гг.), посвященных разным проблемам именно традиционной книжной культуры региона, в которых был раздел «По собраниям редких книг и рукописей (обзоры и описания)».¹⁵ Появился первый выпуск источниковедческой серии ИИФиФ СО АН СССР и СО Археографической комиссии, в котором были опубликованы описания отдельных собраний региона.¹⁶ К концу 1970-х гг. мы имели практически

¹⁴ Сведения о некоторых из них были опубликованы позднее, см., например: *Ситников Л.А.* Рукописи Тобольского краеведческо-архитектурного музея // *Сибирская археография и источниковедение.* Новосибирск, 1979. С. 104–117; *Ситников Л.А.* Рукописи Омского краеведческого музея // *Археография и источниковедение Сибири.* Новосибирск, 1980. С. 176–177 и др.

¹⁵ См. сборники научных трудов ГПНТБ СО АН СССР: Вып. 14. Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 133–185; Вып. 19. Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975. С. 149–234.

¹⁶ Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. См. в нем: *Дергачева-Скоп Е.И., Ромодановская Е.К.* Собрание рукописных книг Государственного архива Тюменской области в Тобольске. С. 64–143; *Мартынов И.Ф.* Литературные рукописи

полное представление о большинстве (даже самых мелких) книжных коллекций Сибири; десятилетием позже к ним были присоединены и книжные собрания Дальнего Востока. Работа по составлению картотек и охранных описей на местах осуществлялась опытными археографами, в качестве лаборантов выступали студенты-практиканты Новосибирского государственного университета, аспиранты, стажеры НГУ и Сибирского отделения АН СССР. Активизировали свою работу и сибирские вузовские и библиотечные центры (Томск, Иркутск, Красноярск, Тюмень и др.). Назрела необходимость введения в научный оборот всего массива книжных памятников и более активного подключения к этой работе хранителей местных коллекций.

В начале 1980-х гг. Отделом редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН и археографами кафедры литературы Новосибирского университета были разработаны принципы и определены основные задачи создания Сводного каталога рукописей, старопечатных и редких книг, хранящихся на территории Сибири и Дальнего Востока (далее — СК), а в июне 1983 г. эти принципы стали предметом обсуждения на специальном рабочем совещании представителей библиотек названного региона. В совещании приняли участие сотрудники ряда областных и краевых библиотек, библиотек высших учебных заведений региона, некоторых музеев, представители Сибирского и Уральского отделений Археографической комиссии АН СССР.

В вышедшем вслед за этим сборнике научных трудов «Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков» (Новосибирск, 1984) была определена роль СК как инструмента, призванного «собрать воедино сведения обо всех имеющихся в настоящее время в государственных собраниях Сибири и Дальнего Востока памятниках русской средневековой книжности — печатной и рукописной». Выполнение такой задачи дает возможность «реконструировать репертуар книг, бытовавших здесь на протяжении XVII–XX вв., детализировать представления о духовной культуре русского населения этого региона», представляет «материалы для изучения круга чтения, книгораспространения в Сибири, исследования читательской среды».¹⁷

Являя собой надежный способ реконструкции общерусского репертуара в Сибири, публикации охранных описей библиотек и книжных собраний, хранящихся на территории Сибири, рассматри-

из Музея Приенисейского края в Библиотеке Академии наук СССР. С. 149–155; *Покровский Н.Н.* Рукописи и старопечатные книги Тюменского областного музея. С. 144–148.

¹⁷ *Лончакова Г.А., Алексеев В.Н.* О Сводном каталоге рукописей и старопечатных книг Сибири и Дальнего Востока // *Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков.* Новосибирск, 1984. С. 102–103.

вались нами как достоверный материал для создания СК в достаточно короткие сроки.¹⁸ Были сформулированы задачи подготовки к его созданию: 1) прежде всего «максимально полное выявление и учет памятников древней письменности и печати, хранящихся в библиотеках, архивах и музеях на территории Сибири и Дальнего Востока, — создание картотек» (эта задача была выполнена быстро, поскольку, как мы сообщили выше, имела достаточный подготовительный этап); 2) затем — создание охранных описей на местах (при активном участии опытных археографов) и публикация их на основе издательской базы ГПНТБ СО АН СССР отдельными выпусками и подборками описей небольших хранилищ в сборники (позднее, в середине 1980-х гг., была задумана серия «Материалов», призванная объединить все описания); 3) наконец, составление СК, который, как писали разработчики его проекта, «ни в коей мере не отменяет необходимости планомерной работы над составлением полного научного описания всех имеющихся в регионе рукописей и старопечатных книг».¹⁹ Были предложены, как нам казалось, самые минимальные форматы описания единиц хранения коллекций.

В то же время на совещании было отмечено, что уровень и форма описания каждого конкретного собрания определяется авторами его описания на местах. Дело в том, что даже к началу 1980-х гг. в местных (особенно мелких) книгохранилищах зачастую не было археографов; многие хранители никогда не работали с рукописным и старопечатным материалом кириллической традиции; практически не имелось справочников. Наши обучающие семинары и помощь в справочной литературе, хотя и были полезны, но не отменяли всех проблем. Однако нам представлялось, что заведомо неоднозначные, да и осуществленные не так быстро, как мы планировали с самого начала, описания все же достигают выполнения главной задачи — сделать местные, как правило, малоизвестные, или неизвестные вовсе, книжные собрания рукописей и кириллических изданий достоянием широких кругов культурной и научной общественности, вовлечь эти собрания «в общественное пользование», добиться на местах изменения не только отношения к ним, но и нормальных физических условий их хранения и использования.²⁰ Создание каталогов местных

¹⁸ *Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н.* Основная проблематика программы «Русская книга в дореволюционной Сибири» // *Рукописная и печатная книга на востоке страны.* Новосибирск, 1991. С. 3–37.

¹⁹ *Лончакова Г.А., Алексеев В.Н.* О Сводном каталоге рукописей... С. 103.

²⁰ *Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н.* [Предисловие] // *Русские и иностранные рукописи Научной библиотеки Иркутского государственного университета.* Ч. 1: Кириллические рукописи древнерусской и новой традиции. Новосибирск, 1995. С. 7.

хранилищ Сибири и Дальнего Востока было отдано, насколько это было возможно, в руки их хранителей. Это значительно затормозило процесс актуализации книжных собраний, правда, создало атмосферу заинтересованности проблемой на местах. Особые трудности, по названным выше причинам, вызывала у местных сотрудников фондохранилищ работа с рукописями (а в небольших хранилищах и со старопечатными книгами) древнерусской традиции. Как и ранее повсеместно работу по обучению составителей охранных описей и каталогов некоторым премудростям археографической обработки такого материала, а иногда и описания самих фондов (собраний и коллекций), продолжали вести новосибирские археографы из Новосибирского университета и ГПНТБ СО АН СССР. Уже к началу 1980-х гг. работа на местах показала, что «Материалы» должны представить книжные памятники возможно большим количеством описательных статей, создать базу отработки полей, необходимых для формата такой статьи в СК, дать материал для построения его концепции.

Своевременность такого подхода к СК была отмечена на консультационном совещании в Новосибирске в 1988 г., на котором обсуждалась работа практиков-книгovedов. Они единодушно заговорили о необходимости иметь одновременно как охранные описи, диктуемые заботой о судьбе книжных памятников, так и научные описания, учитывающие специфику их хранилища (музей, архив, библиотека и др.) и имеющие, кроме достаточно полного «библиографического» описания книжного памятника, его атрибуцию, историко-литературный комментарий к нему, подробную роспись его содержания.²¹ Собрания в каталогах должны были обрести ценностные характеристики, а вместе с ними — и соответствующее отношение тех, от кого зависело достойное их хранение на местах. Одновременно было подчеркнуто, что формат «Материалов» очень удобен для такого типа каталогов: он мобилен, предполагает возможность пересмотра параметров описания каждой конкретной коллекции, вычленения из нее отдельных «библиографических» комплексов (например, старопечатных книг) для их публикации вне коллекции, одновременно обеспечивает и другие составляющие книжного собрания публикациями внутри единой издательской серии. Задача первоначальная — создание лишь охранных описей книжных коллекций, их публикация в «Материа-

²¹ 1980-е — 1990-е гг. отмечены активизацией деятельности археографов по описанию и изданию разноформатных каталогов рукописей и старопечатных книг разных российских хранилищ. Задачи этих каталогов и их реализация в изданиях, несомненно, требуют обсуждения, но не в рамках настоящей статьи. Не касаемся мы здесь и разнообразных форматов описания, предложенных в этих каталогах. Наши проблемы относятся только к изданию серии «Материалов», содержащих в основном описания рукописей старопечатных и редких книг в хранилищах восточных регионов страны.

лах», а затем — вне этих коллекций — в соответствующих «библиографических» подразделах СК, — представлялась уже недостаточной. На совещании еще раз было подчеркнуто, что «Материалы» фиксируют книжные памятники непременно как составляющие сибирских книжных коллекций, как единицы хранения, имеющие в то же время свои собственные «биографии» (они могут отражать факты целенаправленных действий писцов и типографов, внешние вмешательства (случайности), которые изменили первоначальный облик книги, разнообразные проявления связей книги с «общественным целым», частью которого она является и др.). В природе книги всегда есть два начала — «индивидуальное и социальное» (М.Н. Куфаев), а потому в каталог могли включаться любые факты «биографий» книг и описание исторической судьбы коллекций, комментарии к содержательной структуре описываемой книги, а при наличии помет на полях — к восприятию ее читателем.

Разработанная нами в те же годы программа «Русская книга в дореволюционной Сибири»²² ставила перед сибирскими книговедами две практические задачи. Они включали: 1) реконструкцию общерусского книжного репертуара, обращавшегося в Сибири с конца XVI до начала XX в., учитывающего и книги, выпущенные на ее территории, а также напечатанные в других провинциях специально для Сибири; 2) локализацию книг общерусского фонда в составе отдельных сибирских книжных собраний и библиотек (материал для изучения процессов «жизнедеятельности» русской книги в Сибири). В свете поставленных задач в программе отводилось значительное место изданию именно «Материалов».²³ Наши собственные интересы в этой программе преимущественно касались русской кириллической книжности в Сибири, как менее всего изученной. Принимая во внимание только эту группу бытовавших в Сибири памятников книжности, отметим, что после совещания 1988 г. в Новосибирске было выпущено более двадцати публикаций: отдельные каталоги и описания в сборниках научных работ Сибирского отделения РАН, краткие описи и перечни археографических находок, некоторые каталоги, выпущенные нашими коллегами на местах.²⁴ В научный оборот было

²² Концепция программы была представлена на Всесоюзной научной конференции «Книга и книжное дело Сибири» (Новосибирск, 1989 г.). См. подробнее: *Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н.* Основная проблематика программы «Русская книга в дореволюционной Сибири» // *Рукописная и печатная книга на востоке страны.* Новосибирск, 1991. С. 3–37.

²³ Там же. С. 17–21.

²⁴ Назовем некоторые из них: *Шиндина А.Б.* Книги кирилловской печати XVIII века в фондах Красноярской краевой научной библиотеки им. В.И. Ленина: Описание коллекции. Красноярск, 1988; *Панич Т.В., Титова Л.В.* Описание собрания рукописей

введено более 3000 единиц хранения. 20 каталогов вышли именно в «Материалах».²⁵ В настоящее время готовятся к печати описания певческих рукописей Тихомировского собрания, фонда редких книг Научной библиотеки Хабаровской духовной семинарии, рукописей

ИИФиФ СО АН СССР. Новосибирск, 1991; *Мальцев А.И., Панич Т.В., Титова Л.В.* Рукописи XVI–XX вв. из коллекции Института истории СО РАН. Новосибирск, 1998; *Зольникова Н.Д.* Описание книг кирилловской печати XVI–XVII вв. Собрания Института истории СО РАН (1987–1995 гг.) // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 293–311; *Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е., Захарова Е.Г.* Старообрядческая «библиотека Нифантовых»: Из фондов Томского областного краеведческого музея. Каталог. Томск, 2005; *Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н.* Рукописные и печатные книги кириллической традиции XVI–XX вв. из собрания Аркадия Григорьевича Елфимова. Новосибирск, 2006; *Есипова В.А.* Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог. Вып. 1: XV–XVII вв. Томск, 2007; Вып. 2: XVIII в. Томск, 2009; Вып. 3: XIX в., первая половина. Томск, 2012; *Панич Т.В., Титова Л.В.* Описание рукописей XVI–XX вв. из собрания Института истории СО РАН. Новосибирск, 2011.

²⁵ *Глухих Т.Ю.* Отечественные издания, напечатанные при Петре I: Каталог. Новосибирск, 1992; *Шиндина А.Б.* Книги кирилловской печати XVII века в фондах Красноярской краевой научной библиотеки им. В.И. Ленина: Описание коллекции. Новосибирск, 1992; *Алексеев В.Н.* Книги кирилловской печати XVII–XX вв. Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника: Каталог. Новосибирск, 1993; *Игумнова Н.Д.* Русские и иностранные рукописи Научной библиотеки Иркутского университета. Ч. 1: Отечественные рукописи. Новосибирск, 1995; *Бахтина О.Н.* Русские старопечатные книги XVI–XVIII вв. Томского объединенного историко-архитектурного музея: Описание. Новосибирск, 1996; *Очирова Ц.-Х.В.* Книги кириллической печати в собрании Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова: Каталог. Новосибирск, 1999; *Лончакова Г.А.* Русские рукописные книги и книги кирилловской печати г. Якутска: Каталог. Новосибирск, 2000; *Игумнова Н.Д.* Старопечатные книги зональной научной библиотеки Иркутского государственного университета: Каталог. Новосибирск, 2002; *Кладова В.П.* Старопечатные и рукописные книги кириллической традиции в собрании отдела редких книг Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова: Каталог. Новосибирск, 2006; *Бородихин А.Ю.* Редкие рукописные и старопечатные книги малых сибирских хранилищ (Республики Алтай и Хакасия, Приморье): Каталог. Новосибирск, 2007; *Казанцева Т.Г.* Певческие рукописи Забайкальского территориального собрания ГПНТБ СО РАН: Каталог. Новосибирск, 2009; *Бородихин А.Ю., Юдин А.А.* Рукописи и книги кириллической традиции государственных учреждений г. Улан-Удэ (Республика Бурятия). Новосибирск, 2009; *Казанцева Т.Г.* Певческие рукописи старообрядцев-семейских из собраний Улан-Удэ и Новосибирска: Каталог. Новосибирск, 2010; *Казанцева Т.Г.* Духовные стихи в рукописных сборниках старообрядцев филипповского согласия (по материалам Кемеровского территориального собрания ГПНТБ СО РАН). Новосибирск, 2014; *[Зайцев И.В.]* Арабские и турецкие рукописи Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН в Новосибирске: Каталог. Новосибирск, 2014; *[Драгайкина Т.А.]* Русские книги гражданской печати собрания Кольвано-Воскресенских горных заводов в фонде ГПНТБ СО РАН: Каталог. Новосибирск, 2014; *[Казанцева Т.Г.]* Певческие книги малых собраний Сибири и Дальнего Востока: Каталог. Новосибирск, 2015; *[Бородихин А.Ю.]* Рукописные и старопечатные книги малых хранилищ Сибири и Северного Казахстана (Исетское, Ялуторовск, Кызыл, Семипалатинск): Каталог. Новосибирск, 2015; *[Казанцева Т.Г.]* Певческие рукописи XVII–XX веков Государственного архива в г. Тобольске: Каталог. Новосибирск, 2016.

и старопечатных книг Кемеровской территориальной коллекции ГПНТБ СО РАН.

Понимая важность ведения археографической работы в Сибири, в первую очередь, с книжными памятниками русского средневековья, редакционная коллегия «Материалов» с самого начала их выпуска также поддерживала и по сию пору поддерживает, а в ряде случаев даже инициирует публикации в серии сведений о других книжных комплексах. Сюда относятся книги гражданской печати XVIII – начала XIX в. (особенно из бывших собраний учебных заведений Сибири, заводских библиотек, личных и частных собраний), библиотеки деятелей науки, ученых, коллекции произведений выдающихся авторов мировой литературы и культуры, периодической печати и др.²⁶ В последние годы в поле зрения составителей описаний для «Материалов» оказываются «живые» книжные собрания старообрядческих общин разных согласий,²⁷ ибо сейчас представляется уже невозможной исчерпывающая реконструкция репертуара книг кириллической традиции для СК без учета состава общинных и наставнических библиотек активно функционирующих сибирских старообрядческих центров. В культурную традицию археографических обзоров возвращаются частные собрания (пока еще немногочисленные). Место описаний в «Материалах» в последние годы все более занимают каталоги, учитывающие все без исключения единицы хранения конкретного собрания, с возможно более полным и точным научным его описанием, а потому обнимают не один том «Материалов».²⁸ Большинство коллекций сибирских хранилищ имеют смешанный характер: кроме рукописей кириллической традиции и старопечатных книг, в собрания входят книги синодальных типографий (Москва, Санкт-Петербург, Киев), книги гражданской печати XVIII–XIX вв., изданные не только в столичных центрах, но и в периферийных типографиях как России

²⁶ Лобанов В.В. Библиотека Зинаиды Алексеевны Рагозиной: Описание. Новосибирск, 1989; Лобанов В.В. Издания произведений Жан-Жака Руссо в Научной библиотеке Томского университета. Новосибирск, 1989; Рудзинский П.Т. Прижизненные издания произведений В.И. Ленина: Описание. Новосибирск, 1990; Рудзинский П.Т. Сатирические журналы первой русской революции 1905–1907 гг.: Каталог. Новосибирск, 1990; Жаркова Е.М. Книги гражданской печати XVIII века в фондах Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева: Каталог. Новосибирск, 1992; Библиотека профессора Александра Ильича Клибанова: Каталог / Сост.: А.Ю. Бородихин, Е.Ю. Бородихина, Т.Л. Седлецкая. Новосибирск, 1996.

²⁷ См., например: Бородихин А.Ю. Архив Братства во имя святого священномученика и исповедника Аввакума (Приморский край) // Редкие рукописные и старопечатные книги малых сибирских хранилищ (Республики Алтай и Хакасия, Приморье): Каталог. Новосибирск, 2007. С. 205–245.

²⁸ Игумнова Н.Д. Русские и иностранные рукописи Научной библиотеки Иркутского университета...; Игумнова Н.Д. Старопечатные книги зональной научной библиотеки Иркутского государственного университета..., и др.

в целом, так и Сибири. Они хранились длительное время как единое целое и требуют единого взгляда на них как на памятники местной книжной культуры. В то же время их составляющие могут и даже должны быть описаны отдельно. Из собраний для публикации отдельным каталогом или изданием в рамках «Материалов» вполне вычлняются: русские старопечатные книги XVI–XVII вв. и их «воспроизведения» старообрядческими печатнями, рукописи кириллической и новой русской традиции, рукописи на иностранных языках, рукописи «певческие», «жанровые комплексы» (например, рукописи Златоустов, Прологов, Торжественников из сибирских собраний), отдельные экземпляры выдающихся рукописных сборников, реконструкции утраченных книжных собраний и пр.

Рукописи в этом случае должны содержать полное, насколько это возможно, описание (экземпляр хранения), представляющее особенности их как кодекса, и одновременно учитывающее все варианты вмешательства читателя в жизнь книги. В то же время рукописи в таком описании представлены как экземпляры определенной книжной традиции с атрибуцией и научными аннотациями памятников литературы их составляющих. Старопечатные экземпляры, кроме всех содержательных примет относящихся к экземпляру хранения, должны содержать научное описание самого издания, принятого при его библиографировании (ссылки на «идеальное издание», представленное общими каталогами старопечатных книг, все возможные индивидуальные приметы конкретной книги как экземпляра издания).²⁹ В свете такого подхода «Материалы» требуют корректировки полей описания, поскольку книжный памятник должен быть через их форматы представлен в каталоге со всеми своими типологическими и одновременно специфическими (как единица хранения) приметами. Наличие такого информационного ресурса, как «Материалы к Сводному каталогу рукописей, старопечатных и редких книг в собраниях Сибири и Дальнего Востока», позволяет планировать распространение информации о книжных памятниках региона. Серия «Материалов» к СК продолжает, на наш взгляд, оставаться актуальной, поскольку создание СК как единого распределенного банка данных о фондах книжных памятников всех уровней книг кириллической традиции собраний востока России остается пока отдаленной перспективой.

²⁹ Наиболее интересные в этом направлении теоретические разработки представлены в работах А.В. Вознесенского. См., например: *Вознесенский А.В. Об особенностях бытования старопечатных книг и их отражении в библиографии // Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (1965–2005)*. Новосибирск, 2008. С. 175–184; *Вознесенский А.В. К истории славянской печатной Псалтири. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая псалтирь*. М.; СПб., 2010 и др.

А.А. ЮДИН

КНИГИ СТАРООБРЯДЦЕВ ПРИБАЛТИКИ В СОБРАНИИ М.Н. ТИХОМИРОВА

Государственная публичная научно-техническая
библиотека СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: alexey_yudin@mail.ru

В статье излагаются результаты исследования рукописей из собрания М.Н. Тихомирова (ГПНТБ СО РАН, Новосибирск). Выявлены владельческие штампы, записи и другие приметы книжных памятников, ранее принадлежавших старообрядческим общинным библиотекам, частным собраниям староверов-книжников. Полученные данные позволяют локализовать бытование части рукописей в бывшем Северо-Западном крае (территории в том числе и нынешней Прибалтики).

Ключевые слова: Собрание М.Н. Тихомирова, древнерусские рукописи, владельческие штампы, записи, приметы, старообрядческие общины Прибалтики.

Книжное собрание академика М.Н. Тихомирова поступило в ГПНТБ СО АН СССР (г. Новосибирск) по завещанию ученого в 1967 г. Еще до передачи книжной коллекции учениками М.Н. Тихомирова под его руководством было составлено описание рукописной части собрания. В работе над составлением и публикацией каталога принимали участие Н.Н. Покровский, А.И. Рогов и Б.Н. Флоря. Возможно, из-за сжатых сроков было описано только 500 из 648 рукописных книжных памятников.¹ Вне рамок изданного описания остались коллекция книг старой печати (96 единиц хранения), рукописные памятники неславянских традиций,² а также древнерусские акты и архивные документы. В основу предложенного каталога лег «тихомировский» принцип краткого описания книжного памятника, суть которого заключается в том, что «описания рукописей должны быть археографическими описаниями, а не всесторонними исследованиями, обширными по объему».³ В некоторых рукописях

¹ *Тихомиров М.Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. Далее: Описание.

² Совсем недавно вышло описание рукописей восточной традиции в собрании академика: *Зайцев И.В.* Арабские и турецкие рукописи Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН в Новосибирске. Новосибирск, 2014.

³ *Левочкин И.В.* Ранние работы М.Н. Тихомирова по описанию рукописных собраний // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 35.

коллекции сохранились такого рода краткие описания, выполненные рукой М.Н. Тихомирова.

К сожалению, некоторые провенансы рукописей не были отражены при их описании. Так, совершенно не учтен тот факт, что до трети всех рукописей Тихомировского собрания ранее принадлежали известному коллекционеру В.Ф. Груздеву. Восполнить этот пробел была призвана статья В.И. Малышева, в которой, в частности, автор указывает примерное количество рукописей В.Ф. Груздева, оказавшихся в собрании М.Н. Тихомирова.⁴ Более детальный анализ груздевского «вливания» в состав Тихомировской коллекции был дан в статье Е.И. Дергачевой-Скоп.⁵ По ее данным более 200 тихомировских рукописей, т.е. до трети всего собрания, ранее принадлежали В.Ф. Груздеву. Более точный подсчет невозможен, так как и после продажи своей коллекции В.Ф. Груздев, по свидетельству В.И. Малышева, продолжал сотрудничать с М.Н. Тихомировым в пополнении его коллекции. По оценкам В.И. Малышева в ходе такого сотрудни-

⁴ *Малышев В.И.* Об одном важном источнике Тихомировского собрания: Страничка воспоминаний // ГОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 395–401.

⁵ *Дергачева-Скоп Е.И.* Некоторые вопросы локализации рукописей. Коллекция В.Ф. Груздева в собрании М.Н. Тихомирова // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 37–46. Владельческая опись собрания опубликована здесь же: С. 47–84. Необходимо отметить, что в Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН ведется планомерная работа по локализации отдельных книжных памятников в составе нынешних собраний. См.: *Бородихин А.Ю.* О дальневосточной коллекции в собрании Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН // Шестые Макушинские чтения: Тез. докл. науч. конф. Новосибирск, 2003. С. 43–47; *Бородихин А.Ю.* Книги типографии Мамоничей в старообрядческих библиотеках Сибири и Дальнего Востока // Матэрыялы Х Міжнародных книгазнаўчых чытаньняў «Кніжная культура Беларусі XVI – сярэдзіны XVII ст.: Да 440-годдзя выдавецкай дзейнасці Мамонічаў». Мінск, 2014. С. 35–42; *Илюшечкина Т.Н.* «Полоника» в собрании европейских книг сибирской академической библиотеки // Библиосфера. 2016. № 2. С. 73–79; *Илюшечкина Т.Н.* Книги кенигсбергских библиотек в собрании старопечатных европейских книг ГПНТБ СО РАН // Книга: Сибирь – Евразия: Тр. 1-й Междунар. науч. конгр. Т. 2. Новосибирск, 2016. С. 35–47; *Казанцева Т.Г.* Крюковые рукописи Забайкальского собрания ОРКиР ГПНТБ СО РАН: К проблеме типологии старообрядческой певческой книги // *Казанцева Т.Г.* Певческие рукописи Забайкальского территориального собрания Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук: Каталог. Новосибирск, 2009. С. 13–34; *Казанцева Т.Г.* Певческие рукописи Государственного архива в г. Тобольске: Встреча двух культур // *Казанцева Т.Г.* Певческие рукописи XVII–XX веков Государственного архива в г. Тобольске: Каталог. Новосибирск, 2016. С. 8–33; *Подопригора В.В.* Старопечатные книги на греческом языке из библиотеки Тобольской духовной семинарии в фонде отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН // Книга: Сибирь – Евразия: Тр. 1-й Междунар. науч. конгр. Т. 2. Новосибирск, 2016. С. 92–99; *Юдин А.А.* Печатные книги Текущего собрания отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН: К истории формирования коллекции // Книга: Сибирь – Евразия: Тр. 1-й Междунар. науч. конгр. Т. 2. Новосибирск, 2016. С. 106–114.

чества М.Н. Тихомиров мог получить от В.Ф. Груздева еще около 50 рукописей.

В коллекции академика оказалась также часть архива угличских купцов Серебренниковых, известных своим пристрастием к книжной старине.⁶ При этом другие части рукописного материала, принадлежавшего Серебренниковым, оказались в Пушкинском Доме,⁷ Ярославском государственном архиве, РГБ, ГИМ.⁸ Установлено также, что М.Н. Тихомиров приобрел некоторые рукописи у ленинградского коллекционера Ф.М. Морозова.⁹ «При научном описании собрания М.Н. Тихомирова, — пишет в заключительной части своей статьи В.И. Малышев, — надо также учитывать, что он получал рукописи и от других лиц, в частности от М.С. Севастьянова»,¹⁰ который выезжал с целью приобретения рукописей и в Прибалтику.

На то, что часть книг из Прибалтики поступила в Тихомировское собрание при посреднической деятельности М.С. Севастьянова, указывают владельческие признаки старообрядческих общин этого региона, присутствующие на книгах, которые сам М.Н. Тихомиров отметил как полученные от этого собирателя.¹¹

К этим признакам следует отнести владельческие штампы общин и отдельных старообрядцев, владельческие и вкладные записи установленных лиц из этого региона, а также то, что можно назвать

⁶ *Серебренников В.И.* Из моих воспоминаний. Углич, 2014.

⁷ Древнерусские рукописи Пушкинского Дома / Сост. В.И. Малышев. М.; Л., 1965. С. 28.

⁸ См.: *Титова Л.В.* Записи владельческие, писцовые и читательские на списках «Беседы отца с сыном о женской злобе» // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 128, 129; *Кошечев В.Б.* Архив Серебренниковых в собрании М.Н. Тихомирова // Книга в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1980. С. 172–185.

⁹ *Юдин А.А.* О некоторых источниках сибирского собрания М.Н. Тихомирова в Государственной публичной научно-технической библиотеке Сибирского отделения Российской Академии наук // Мартъяновские чтения – 2016. Минусинск, 2017 (в печати); уже после написания этой статьи удалось установить, что еще одна рукопись (ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. № 142. Житие Варвары, XVIII в.) также происходит из собрания Ф.М. Морозова.

¹⁰ *Малышев В.И.* Об одном важном источнике... С. 401. О жизненном пути М.С. Севастьянова можно узнать из материалов, опубликованных на сайте старообрядческой общины Покровского собора Ростова-на-Дону (https://izdrevle.ru/sevastyanov_mihail_stefanovich; дата обращения 07.07.2017). См. также: *Малышев В.И.* Задачи собирания древнерусских рукописей // ТОДРЛ. Т. 20. М.; Л., 1964. С. 305, 312, 320, 325; Палеограф с отмычкой (из зала суда) // Советская Россия. 1964. № 83 (8 апр.). С. 4; *Малышев В.И.* Оградить ценности от спекулянта! // Человек и закон. 1974. № 2. С. 49, 50.

¹¹ *Юдин А.А.* Неизвестные источники Тихомировского собрания ГПНТБ СО РАН // Библиосфера. 2016. № 4. С. 83, 84.

приметами экземпляра: закладки, оберточный материал и т.п., также связанные с Прибалтикой.¹²

При просмотре старопечатной части собрания академика М.Н. Тихомирова выяснилось, что по крайней мере 29 книг из 85 изданий кирилловского шрифта ранее принадлежали старообрядческим общинам Прибалтики.¹³

Две старопечатные книги М.Н. Тихомиров, вероятно, подарил своему ученику А.И. Рогову. Тот позднее передал их в дар Музею фресок Дионисия в Феррапонтове. Одна из них имеет первоначальный шифр, который был присвоен ей собирателем,¹⁴ вторая — владельческий экслибрис академика.¹⁵ Эти два издания представлены экземплярами в собрании М.Н. Тихомирова в ГПНТБ СО РАН.¹⁶ Может быть, поэтому Михаил Николаевич расстался с ними в пользу собрания своего ученика. Примечательно, что на одной из них есть штампель Покровской старообрядческой общины из д. Пудерево Сакстыгальской волости Резекненского уезда Витебской губернии (ныне Прейльский район Латвии). В рукописной части Тихомировского собрания такой штампель встречается на шести рукописях, и это самое большое число книг коллекции, ранее находившихся в одной старообрядческой общинной библиотеке.¹⁷

¹² Впервые на большое количество провениенций, связанных с Прибалтикой, в собрании М.Н. Тихомирова обратил внимание С.Ю. Темчина. О приметах экземпляра см.: Юдин А.А. Приметы экземпляра старопечатного кириллического издания и задачи локализации частных книжных собрания // Библиотека и общество: Проблемы и направления развития: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2014. С. 257–260.

¹³ Юдин А.А. Старопечатные книги собрания академика М.Н. Тихомирова: К вопросу о локализации источников поступления // Десятые Макушинские чтения: Материалы науч. конф. Новосибирск, 2015. С. 90.

¹⁴ «На первом форзаце синим карандашом: “Тих № 511”» в книге: Октоих, часть I (гласы 1–4). М.: Печатник Андроник Тимофеев Невежа, 31.I.1594. См.: *Вздорнов Г.И., Шаромазов М.Н.* Старопечатные кириллические книги в Музее фресок Дионисия. 1538–1918. Каталог-путеводитель. М., 2003. С. 20, 21. № 6.

¹⁵ Экслибрис М.Н. Тихомирова отмечен описателями «на первом форзаце» в книге: Евангелие учительное. Вильно: типография Мамоничей, 1595 (7103). См.: *Вздорнов Г.И., Шаромазов М.Н.* Старопечатные кириллические книги... С. 22. № 9.

¹⁶ Евангелие учительное Мамоничей 1595 г. (ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. № К-9); Первая часть невежинского Октоиха 1594 г. (ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. № К-30).

¹⁷ См.: Юдин А.А. К вопросу об источниках собрания рукописей и старопечатных книг академика М.Н. Тихомирова // Берковские чтения – 2015. Книжная культура в контексте международных контактов: Материалы междунар. науч. конф. Минск; М., 2015. С. 624; Юдин А.А. Неизвестные источники... С. 84.

Как уже отмечалось, некоторые рукописи Тихомировского собрания ранее находились в старообрядческих общинах Латвии.¹⁸ Это легче всего выявляется на основании хорошо просматривающихся штемпелей этих общин. Среди шести рукописей Пудеревской общины (Тих. 132, Тих. 238, Тих. 300, Тих. 329, Тих. 464, Тих. 640) в штемпеле одной из них вписан наибольший из известных на данный момент номер общинного экземпляра (в Тих. 329: «№ 88»), в Тих. 464 номер не вписан. Две рукописи со штемпелем приходского совета Гурилишкской общины старообрядцев-федосеевцев (Тих. 540 и Тих. 265) имеют штемпель за 1937 г. и № 4 и 3 соответственно, печатная московская декабрьская Миня 1620 г. (Тих. К-47) — штемпель 1939 г. (исправлен на 1945 г.) и № 10. На Триоди постной и цветной (Тих. 263) кроме штемпеля наставника Ермолая Федосеевича Парфенова в записи сообщается, что «книги привезены из Польши 1916 г. на Гриву»,¹⁹ т.е. речь идет о Гривской общине в предместье Даугавпилса. На штемпеле с русской легендой Кривошеевской старообрядческой общины дер. Кривошеево Малиновской волости Двинского уезда год не проставлен, хотя в заготовке оттиска указаны 20-е гг. («192 г. (sic!)»), порядковый номер экземпляра — 14. В штемпеле на латышском языке рукопись уже имеет № 15, а год инвентаризации 1936, при заготовке на 30-е гг. Рукопись Житий и слов (Тих. 299) имеет два варианта круглых штемпелей, легенда одного только на латышском («Moskvinas vecticibnieku draudze [по ободу] Zimogs [в центре]»), второго — на двух языках («Moskvinas Vecticibnieku Draudze [по ободу] Москвинская/ Старообрядч./ ОБЩИНА. [в центре]»). Триодь постная (Тих. 262) имеет лишь штемпель Двинского старообрядческого Никольского «молитвенного храма» Старофорштадтской общины, номер экземпляра не проставлен. Некоторые штемпели старообрядческих общин Прибалтики плохо читаются, так как имеют нечеткий оттиск или были вычищены или заклеены последующими владельцами. Так, на рукописи Лествицы Иоанна Синайского (Тих. 236) легенда штемпеля читается отрывочно: «...Тискадской единоверческой...». На старообрядческом сборнике (Тих. 314) проставлена нечеткая печать наставника Ульяновской моленной Режицкого уезда Сакстыгальской волости (л. 105 об., 106). На примере употребления штемпелей из Псалтири с месяцесловом (Тих. 330) можно видеть процесс инвентаризации книг в старообрядческих общинных библиотеках: первоначальный штемпель на латышском языке сопровождался но-

¹⁸ Юдин А.А. К вопросу об источниках... С. 623, 624.

¹⁹ Запись приводится в: *Казанцева Т.Г.* Коллекция певческих рукописей в собрании академика М.Н. Тихомирова // *Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция.* Новосибирск, 2014. С. 316.

мером экземпляра («№ 12»), рядом с ним имеется запись на русском («анулирован (sic!) в 1946 году/ 28 июля») и на наклейке штемпель уже на латышском и русском языках о принадлежности Штыканской старообрядческой общине и № 48.

Также по штемпелям и владельческим записям были выявлены книги, входившие в личные библиотеки староверов Прибалтики. Так, среди тихомировских рукописей обнаружено три книги со штемпелем Аристарха Моисеевича Пимонова (Тих. 215, Тих. 275, Тих. 382²⁰), одного «из видных поморских деятелей Российской империи», председателя Виленской общины.²¹ К его же библиотеке можно отнести еще четыре рукописи, имеющие характерную запись о покупке на нижнем форзаце (Тих. 31, Тих. 281, Тих. 512, Тих. 576). При этом одна из таких книг с запродажной записью имеет владельческую отметку библиотеки Жировичского монастыря (Тих. 512). Кроме этой рукописи еще Тих. 11 ранее находилась в этой же монастырской библиотеке.²²

К уже выявленным пяти рукописям Тихомировской библиотеки, ранее принадлежавшим староверке из Прибалтики Наталье Абакумовой (Мининой),²³ следует отнести еще одну печатную книгу из собрания академика, на нижнем форзаце которой (обычное место записи этой владелицы) проставлено ее имя и фамилии, девичья и по мужу.²⁴ На основании идентичности почерков и нахождения владельческой записи к «мининским» книгам следует отнести также рукопись Тих. 461.²⁵

Если даже в книге есть владельческая запись, то не всегда ее можно соотнести с конкретным человеком и регионом бытования. Так,

²⁰ Отмечен в Описании (с. 116).

²¹ О нем см.: *Барановский В., Поташенко Г.* Староверие Балтии и Польши: Краткий исторический и биографический словарь. Vilnius, 2005. С. 288, 289.

²² Эта особенность рукописи зафиксирована в Описании (с. 19), но его составители не соотнесли эту запись с Жировичским монастырем. Впервые на связь этой приметы в рукописях М.Н. Тихомирова с библиотекой Жировичского монастыря указал С.Ю. Темчинас.

²³ *Юдин А.А.* Неизвестные источники... С. 86. Книги, ранее принадлежавшие Н.М. Мининой-Абакумовой, есть и в Латгальском собрании Пушкинского Дома (см.: *Маркелов Г.В.* Латгальская рукописно-книжная традиция: Материалы к изучению // ТОДРЛ. Т. 42. Л., 1989. С. 428, 434).

²⁴ ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. № К-30. Октоих, часть 1 (гласы 1-4). М.: Печатник Андроник Тимофеев Невежа, 31.1.1594. Внешн. л. нижн. форз.

²⁵ Рукопись привлекала внимание исследователей (см.: *Плигузов А.И.* К изучению орнаментики ранних рукописей Выга // *Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России.* Новосибирск, 1983. С. 87, 91, 93, 101), на листе использования рукописи рукой А.И. Плигузова дано более конкретное ее название, чем в Описании: «Сборник выговский». Из записи на этой рукописи можно узнать и отчество владелицы — Матвеевна.

распространенные имя и фамилия владельцев не могут дать полной уверенности, что речь идет о конкретном старовере из Прибалтики. Другое дело, если антропоним подкреплен топонимическими сведениями. Но и тут есть свои сложности: зачастую почерк настолько искажает реальные названия, что их довольно трудно бывает прочитать и верно соотнести с реальной местностью. Например, в статье Т.Г. Казанцевой, посвященной певческим рукописям Тихомировского собрания, упоминается Обиход (Тих. 434),²⁶ принадлежавший, судя по записи, «Московскому молитвенному дому».²⁷ Запись, впрочем, следует читать иначе: «Сія священная и богодухновенная книга нарицаемая Обиходник принадлежит Масловскому молитвенному дому...».²⁸ Таким образом, рукопись происходит из Масловской общины, которая существовала в имении Маслово Капинской волости Двинского уезда.²⁹ На связь со староверами Северо-Западного края³⁰ указывает также имя, написанное тут же («Агей Бретушенков»). Известен наставник Макаровской общины Галянской волости Режицкого уезда Витебской губернии Е.П. Бритушенко.³¹ Редкость и созвучие фамилии, а также многодетность старообрядческих семей позволяют предположить, что и эта запись на книге может быть связана с общинной старообрядческой библиотекой Прибалтики. Уместно будет отметить, что рукопись Житий и слов (Тих. 430), имеющая штемпель этой же Макаровской старопоморской общины (под № 30), являлась собственностью ее наставника, о чем он сообщает в записи: «Сія кни-

²⁶ В Описании рукопись названа «Стихиры кряковые» (с. 130), Т.Г. Казанцева называет ее сборником «сложной, нетипичной структуры, опирающийся на модель Обихода» (см.: *Казанцева Т.Г. Коллекция певческих рукописей... С. 311*).

²⁷ *Казанцева Т.Г. Коллекция певческих рукописей... С. 316–317*.

²⁸ ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. № 434. Стихиры кряковые. Об. внутр. л. верхн. форз.

²⁹ См.: *Опись старообрядческих общин, входящих в состав Центрального комитета по делам старообрядцев Латвии // Старообрядческий календарь на 1927 г. (Даугавпилс, Латвия): <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/53-1-0-1247> (дата обращения 01.09.2017); Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906. С. 112. № 210. Имение принадлежало Лосеву, в нем проживали крестьяне-старообрядцы (с. 400). Кроме того, в Витебской губернии существовало еще несколько деревень с таким названием, но лишь об одной сказано, что там проживают старообрядцы — дер. Маслово Истрской волости Люцинского уезда (с. 231. № 15).*

³⁰ Северо-Западный край Российской империи — территория шести губерний Белорусского и Литовского генерал-губернаторств. Территория края — место переселения русских крестьян-старообрядцев с конца XVII в. (см.: *Заварина А.А. Русское население восточной Латвии во второй половине XIX — начале XX века. Рига, 1986. С. 7 и далее*).

³¹ <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/53-1-0-1247> (дата обращения 01.09.2017).

га принадлежит (sic!) наставнику Ивану Федоровичу Базулеву 1907 января 15».³²

Среди певческих рукописей Тихомировского собрания, ранее принадлежавших староверам Прибалтики, стоит отметить Обиход (Тих. 23) и Ирмологий крюковой (Тих. 639). Рукопись Обихода не имеет владельческих записей, соотнести ее со староверами Северо-Западного края помогает рукопись Ирмология, которая выполнена в той же манере и, вероятно, тем же писцом. На это указывает схожий почерк обеих рукописей и украшения в них. Переплеты этих книг выполнены одним и тем же мастером, внутренние форзацы не сохранились. Можно предположить, что их бытование могло быть связано с одним регионом. На Ирмологии есть владельческая запись карандашом: «Сіи Ирмосы Якова Петровича Панцерова». Панцыревы — достаточно известная фамилия среди прибалтийских старообрядцев-поморцев, в том числе и наставников.³³

Записи владельцев с редкими фамилиями вполне соотносимы с определенными староверами Прибалтики. Так, например, в небольшом по формату (8°) Цветнике середины XVII в. (Тих. 638) на нижнем форзаце есть запись: «Ета книга/ принадлежитъ (sic!)/ Егупонакъ». Симеон Федорович Егупенок — известный деятель поморского староверия, наставник Виленской общины, духовный писатель.³⁴ В Минее служебной XVI в. (Тих. 273) имеется запись,³⁵ из которой следует, что книга принадлежит Артамону Осиповичу наставнику, «а житие его на Войтишках, а пана Велькирзана полковника».³⁶ Речь идет об Артемон Осиповиче Зачереве, который, согласно Дегуцкому летописцу, умер в Войтишкской общине в 1787 г. за изготовлением свечей после субботней вечерни.³⁷

Сборник житий и слов (Тих. 32) содержит записи владельцев Никиты Степанова, Тимофея и Василия Поповых. Соотнести носителей этих довольно распространенных фамилий со старообрядцами Севе-

³² ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. № 430. Внутр. л. верхн. форз.; в списке, составленном Е.И. Дергачевой-Скоп при атрибуции рукописей В.Ф. Груздева, эта рукопись отмечена с вопросом, в обратном списке знак вопроса убран; о наставнике и общине см.: *Никонов В.* Макаровская община // *Барановский В., Потащенко Г.* Староверие Балтии и Польши. С. 234.

³³ *Барановский В., Потащенко Г.* Староверие Балтии и Польши. С. 278, 279.

³⁴ Там же. С. 163, 164.

³⁵ Составители Описания говорят о ней так: «На обороте последнего листа владельческая запись скорописью XVIII в.» (Описание, с. 81).

³⁶ ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. № 273. Миния служебная, XVI в. Л. 382 об.

³⁷ *Маркелов Г.В.* Дегуцкий летописец // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л., 1990. С. 200, 201; *Барановский В.* Войтишкская община // *Барановский В., Потащенко Г.* Староверие Балтии и Польши. С. 78.

ро-Западного края довольно сложно. На связь этой рукописи с Прибалтикой может указывать неоконченная запись («В Пуде[рво?]») на л. 34.

Не всегда в рукописях можно найти владельческие записи либо штемпели общинных и личных библиотек. В некоторых случаях отнести такие рукописи к определенному региону помогают случайные находки в них. Уже было отмечено, что в одной книге нашлась обертка от зубного порошка, производившегося в Латвии, корешок другой подклеен вырезкой из старой газеты с частью статьи о выборах в Верховный Совет Латвийской ССР.³⁸ Совсем недавно при просмотре старообрядческого сборника (Тих. 107) был обнаружен кусок обертки от мятной конфеты. Удалось установить, что такие конфеты в советский период изготавливались именно в Латвии.³⁹ Возможно, и сама рукопись, в которой нашлась эта бумажка, использовавшаяся, скорее всего, в качестве закладки, происходит из библиотеки староверов этого региона.

Четыре тихомировские рукописи происходят из собрания И.Н. Заволоко, известнейшего религиозного и общественного деятеля староверия Латвии в XX в.⁴⁰ На это указывает его экслибрис на верхнем форзаце рукописей, который отмечен в Описании у трех рукописей.⁴¹ Тих. 457 (Страсти Христовы, к. XVIII — нач. XIX в.) также имеет этот экслибрис. На двух книгах имеются штемпели П.Т. Стрелкова, наставника Гривской общины.⁴² Это Цветник (Тих. 326)⁴³ и рукопись,

³⁸ См.: Юдин А.А. Старопечатные книги. С. 89.

³⁹ Благодарю за консультацию рижский Музей шоколада компании «Лайма» и лично руководителя проекта Музея Софию Вахрамееву.

⁴⁰ О нем см.: Маркелов Г.В. Коллекция рукописей И.Н. Заволоко в Древлехранилище Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979. С. 377–387; Маркелов Г.В. Из истории собрания И.Н. Заволоко // ТОДРЛ. Т. 35. Л., 1980. С. 439–445; Маркелов Г.В. Старообрядцы в Латгалии: Три портрета // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 147–149; Мекш Э. Иван Никифорович Заволоко // Барановский В., Поташенко Г. Староверие Балтии и Польши. С. 173–175; Пазухина Н. Иван Никифорович Заволоко // Барановский В., Поташенко Г. Староверие Балтии и Польши. С. 175–181.

⁴¹ ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. № 111. Сборник исторический, XVII–XVIII вв. (с. 49 в Описании); ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. № 138. Житие Василия Нового, XIX в. (с. 58); ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. № 277. Измарагд, XVII в. (с. 82); Рукопись ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. № 111 поступила в собрание М.Н. Тихомирова от В.Ф. Груздева.

⁴² О нем см.: Маркелов Г.В. Старообрядцы в Латгалии. С. 149, 150; Барановский В. Стрелков Прокопий Титович // Барановский В., Поташенко Г. Староверие Балтии и Польши. С. 402.

⁴³ Штемпель отмечен в Описании (с. 98).

отмеченная в Описании как Канонник (Тих. 407).⁴⁴ «История о за-
чале Выговской пустыни» (Тих. 303) отмечена штемпелем Н.А. Пру-
сакова, настоятеля Виленской поморской общины.⁴⁵ Настоятелю
Буткунской и Паневежиской общин Епифанию Костюкову,⁴⁶ судя по
штемпелю, принадлежал Цветник (Тих. 412). Скорее всего, имен-
но Е.Я. Костюкову дарит Сборник (Тих. 437) другой наставник —
Т.М. Федотов, что следует из записи в рукописи.⁴⁷

Общее количество рукописей в Тихомировской коллекции, име-
ющих владельческие записи, штемпели либо иные приметы, позво-
ляющие связать их с бывшим Северо-Западным краем, регионом, ко-
торый активно заселяли старообрядцы, достигает на данный момент
108 единиц хранения. Работа по выявлению и локализации рукопи-
сей собрания М.Н. Тихомирова, принадлежавших ранее старообряд-
ческим общинам Прибалтики, продолжается.

⁴⁴ См.: Описание (с. 124). Книга имеет также тщательно заклеенный штампель На-
учной библиотеки Новгородского музея. О судьбе рукописи см.: Юдин А.А. Неизвест-
ные источники... С. 85, 86.

⁴⁵ О нем: Барановский В., Поташенко Г. Староверие Балтии и Польши. С. 313.

⁴⁶ О нем: Барановский В. Костюков Епифаний Яковлевич // Барановский В., Пота-
шенко Г. Староверие Балтии и Польши. С. 216.

⁴⁷ Л. 69: «1942 г. Дарю на долгою (sic!) память уважаемому другу Епифанию Яков-
левичу Т.М. Федотов», фиол. хим. карандаш. О Т.М. Федотове см.: Барановский В. Ти-
мофей Михайлович Федотов // Барановский В., Поташенко Г. Староверие Балтии и
Польши. С. 428.

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ XVII–XX вв.

УДК 348.114"1605"

МАКАРИЙ (ВЕРЕТЕННИКОВ), архимандрит

СОБОР РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВРЕМЕНИ ПАТРИАРХА ИГНАТИЯ

д-р богословия,
Московская Духовная Академия
e-mail: office@lavra.ru

В статье описана история принятия решений о браке Лжедмитрия с Мариной Мнишек Собором Русской Церкви во главе с Патриархом Игнатием, заседанием Римской католической церкви под началом Папы и польским Тридентским Собором. Вопрос о женитьбе самозванца с Мариной Мнишек встретил большие затруднения, так как на Руси не допускались смешанные браки.

Ключевые слова: Лжедмитрий, Марина Мнишек, Патриарх Игнатий, собор Русской церкви, бракосочетание, коронация.

В Древней Руси источником канонических сведений была Кормчая книга. В ней содержались постановления святых Апостолов, Соборов (Вселенских и Поместных), святых Отцов, узаконения византийских императоров, Уставы русских князей, а также решения Соборов Русской Церкви. Но в середине XIX в. был сделан новый перевод правил, которые были изданы вместе с указателем, что сделало книгу более удобной для пользователя.¹ Он вытеснил Кормчую книгу, и поэтому постановления древнерусских Соборов оказались в забвении, хотя их никто не отменял. Более того, и в учебниках по каноническому праву данная тематика занимает обычно очень немного места.² Публикации документов русских Соборов встречаются чаще всего в изданиях XIX в., которые являются ныне библиографической редкостью. Необходимо отметить, что Собор — это орган высшей церковной власти в Православной Церкви, но история Соборов у нас отсутствует, как и нет русской каноники, поэтому создание русской каноники и написание истории высшей церковной власти на Руси — настоятельная необходимость церковной науки нашего времени.

¹ Книга правил святых Апостол, святых Соборов Вселенских и Поместных, и святых Отец. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992 (Репр. изд. 1893 г.).

² Цыпин В., *прот.* Церковное право [М.,] 1994. С. 99–110; Цыпин В., *прот.* Каноническое право. М., 2009. С. 226–240.

Перечень Соборов XV–XVII вв. и их постановлений (если таковые были и сохранились) вкратце были нами изложены и изданы.³ Однако обращение к различным историческим источникам позволяет сделать некоторые дополнения к проделанному труду. В данном случае речь будет идти о Соборе времени первого самозванца и Патриарха Игнатия. Взойдя на Московский царский престол, Лжедмитрий, исполняя обещание, данное ранее польке-католичке Марине Мнишек, предпринимает усилия для вступления с ней в брак. Брак государя с ревностной католичкой — явление беспрецедентное в русской истории того времени. Поэтому, когда этот вопрос был в начальной стадии реализации, самозванец обратился к Патриарху Игнатию с вопросом о предстоящем венчании. По этому поводу в сентябре–октябре 1605 г. в Москве был созван Собор иерархов.⁴ Единого мнения на Соборе высказано не было, и поэтому вопрос о женитьбе расстриги с Мариной Мнишек встретил большие затруднения, так как на Руси не допускались смешанные браки.

Русская практика того времени предполагала принятие православия для того, кто вступал в брак, через новое, православное крещение, т.е. перекрещивание. На основании этой практики Собор духовенства, к которому обратился самозванец с данным вопросом, разделился в своих взглядах. Патриарх Игнатий и некоторые иерархи из желания угодить самозванцу склонны были согласиться на предстоящий брак через предварительное миропомазание Марины. Но нашлись и такие, кто стал категорически возражать против этого, отстаивая церковную практику того времени. Их имена известны, это были митрополит Казанский Ермоген⁵ († 1612; пам. 17 февр.) и епископ Коломенский Иосиф⁶ († 1615). По повелению самозванца они были отправлены из Москвы в свои епархии. 20 февраля 1606 года иезуит Николай Савицкий написал из Москвы своему корреспонденту, «что Дмитрий счастливо успокоил поднявшуюся бурю “духовных” по случаю царского брака. Виновные, прибавляет он, наказаны, но никто не предан казни».⁷ Так было достигнуто единство среди членов Собора.

³ Макарий (Веретенников), архим. Из истории Соборов Русской Церкви. Можайск, 2016. 232 с.

⁴ Ульяновский В.И. Православная Церковь: Лжедмитрий I // Архив русской истории. 1993. № 3. С. 61.

⁵ РИБ. Т. 13: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 655.

⁶ РИБ. Т. 13. Стб. 740; Марков Н., свящ. Коломенская епархия. М., 1888. С. 12.

⁷ Пирлинг [П., о.] Дмитрий самозванец. Ростов-на Дону, 1998. С. 326.

Поскольку речь шла о вступлении в брак «православного» с католичкой, то самозванец обратился для решения этого вопроса также и к католической стороне, а именно — к польскому нунциу, кардиналу Клавдию (Рангони), и просил его разрешить Марине в день коронации и заключения брака внешне исполнить православные обряды и причаститься из рук Московского Патриарха. Но латинский прелат не взял на себя решение данного вопроса, ответив уклончиво и с большим опозданием.⁸ Отец невесты, Ю. Мнишек, обсуждал с нунцием, примасом и другими католическими богословами возникший вопрос о принятии причастия своей дочери в день коронации у православного Патриарха. Как правовед и выпускник Лейпцигского университета, он имел на это свою точку зрения. «В его глазах все сводилось к простому *communicatio in sacris* с не католиками. И так как... подобное общение не возбранялось Самим Богом, то, следовательно, оно возможно и в силу канонического права».⁹ Документы по данному поводу были отправлены им в Рим.

Для решения поднятого вопроса о вступлении в брак невесты-католички с православным женихом-царем Папа собрал заседание тайного судилища. Богословы во главе с Римским Первосвященником пришли к отрицательному выводу, о чем было сообщено самозванцу.¹⁰ Как считает иезуит о. П. Пирлинг, отрицательный ответ «имел скорее дисциплинарное, нежели вероучительное значение».¹¹ Однако самозванец согласился с тем, что его невеста не может причаститься «по греческому обряду».¹²

Такова была предыстория брака самозванца с польской невестой. Для решения вопроса о своем вступлении в брак с Мариной Мнишек Дмитрий отправляет в Речь Посполитую посольского дьяка А. Власьева. Согласно постановлениям Тридентского Собора, было совершено католическое заочное венчание самозванца с Мариной. Его персону при венчании представлял государев дьяк: *regi pro cura*, т.е. через представителя.¹³ Венчание было совершено 12 ноября 1605 г. в Кракове,¹⁴

⁸ Пирлинг [П., о.] Дмитрий самозванец. С. 248.

⁹ Там же. С. 269.

¹⁰ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1996. Т. 6. С. 82.

¹¹ Пирлинг [П., о.] Дмитрий самозванец. С. 270.

¹² Там же. С. 271.

¹³ Иезуит П. Пирлинг приводит аналогичный пример, когда 17 декабря 1600 г. во Флоренции произошло обручение французского короля Генриха IV с Марией Медичи «через его представителя», затем по ее прибытии в Лион «было устроено величественное торжество в церкви св. Иоанна» (Пирлинг [П., о.] Дмитрий самозванец. С. 324).

¹⁴ Устрялов Н.Г. Сказания современников о Димитрии самозванце. 3-е изд. СПб., 1859. Ч. 1. С. 175.

совершил его двоюродный брат Ю. Мнишка Гнезненский архиепископ Бернард (Мациевский).¹⁵ Ранее, в 1596 г., он был «инициатором и проводником Брестской унии»¹⁶ и теперь думал о дальнейших шагах по насаждению католичества на востоке Европы. Примас сообщил в Римскую курию, «что он освятил огласно торжественному обряду Церкви брак Марины с Дмитрием».¹⁷

Затем после прибытия Марины в Москву в четверг 8 мая 1606 г., в канун пятницы и празднования летней памяти святителя Николая, было совершено обручение, коронация и бракосочетание новобрачных, когда «по церковным постановлениям не венчали».¹⁸ Обручал молодых благовещенский протопоп Феодор Терентьев, он произнес затем речь и дал поцеловать православный крест. Приветственную речь произнес и «тысяцкий» боярин Василий Шуйский.¹⁹ Затем Патриарх Игнатий совершил их коронацию. Он возложил на Марину крест, корону и совершил миропомазание. Это миропомазание должно было убедить католиков, что они видели коронационное священнодействие, а не миропомазание, которое совершается во время присоединении к православию. Для православных же это явилось как бы началом ее присоединения к православию, потому что коронация происходила до присоединения к православию. Казалось, надо было первоначально принять в православие через миропомазание, т.е. вторым чином, как было, очевидно, решено на Соборе, а затем совершать бракосочетание и коронацию.²⁰ Поэтому исследователь-иезуит П. Пирлинг называет данные торжества «макиавеллистическим планом»,²¹ а мы должны назвать это «литургическим» творением Патриарха Игнатия, которое было совершено в угоду самозванцу. Таково было практическое воплощение соборных постановлений.

Затем началась Божественная Литургия, в конце которой протопоп Феодор Терентьев совершил бракосочетание самозванца с уже

¹⁵ *Левитский Н.* Игнатий, «названный» Патриарх Московский: Историко-биографический очерк // Странник: Духовный учено-литературный журнал. СПб., 1881. С. 215. См. также: *Пирлинг [П., о.]* Дмитрий самозванец. С. 280–285.

¹⁶ *Эйльбарт Н.В.* Семья Марины Мнишек: Несостоявшиеся правители России. СПб., 2015. С. 109.

¹⁷ *Пирлинг [П., о.]* Дмитрий самозванец. С. 324. Описание венчания и последующих торжеств см.: РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 51–72.

¹⁸ *Левитский Н.* Игнатий, «названный» Патриарх Московский... С. 216. См. также: *Сахаров И.* Сказания русского народа. М., 2013. Т. 1. С. 516–517.

¹⁹ *Успенский Б.А.* Свадьба Лжедмитрия // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997. С. 409; *Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и Российский трон. Л., 1991. С. 132.

²⁰ *Успенский Б.А.* Царь и Патриарх. Харизма власти в России: Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998. С. 192–196.

²¹ *Пирлинг [П., о.]* Дмитрий самозванец. С. 326.

коронованной царицей. Таким образом, как отмечает Б.А. Успенский, «Лжедмитрий и Марина были в сущности венчаны дважды — по католическому и по православному обряду».²² Мемуары архиепископа Арсения Элассонского сохранили интересный факт: после венчания царственные особы не пожелали причаститься Святых Христовых Тайн. «Это сильно опечалило всех, не только Патриарха и архиереев, но и всех видевших и слышавших. Итак, это было первая и великая печаль, и начало скандала и причина многих бед для всего народа московского и всей Руси»,²³ — записал архиепископ Арсений. Таким образом, верная дочь Католической Церкви исполнила запрещения-предписания Римского Папы.²⁴ В отличие же от нее самозванец не стремился к точному исполнению решений Собора.

²² Успенский Б.А. Свадьба Лжедмитрия. С. 407.

²³ Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 182. Описание торжеств, сделанное польским очевидцем, который отметил, что в Успенский собор «наших пустили немного, более русских», см.: Устрялов Н.Г. Сказания современников о Дмитрии самозванце. С. 157–158.

²⁴ Пирлинг [П., о.] Дмитрий самозванец. С. 329.

А.А. БРОДНИКОВ

ПАМЯТЬ О ЗАСЛУГАХ ПРЕДКОВ В СЕМЬЕ ИРКУТСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ПЕРФИРЬЕВЫХ

Новосибирский государственный университет
dora_179@ngs.ru

В статье рассматриваются два документа, авторами которых являются представители «служилой аристократии» иркутского гарнизона, — отставной сын боярский И.М. Перфирьев и один из его внуков. В этих документах (челобитных) содержатся важные факты о службе родоначальника служилой династии Перфирьевых известного землепроходца XVII в. М. Перфирьева и его сына И. Перфирьева. Общие сведения, хотя и приведенные в этих документах в разном объеме, свидетельствуют, что память о заслугах предков хранилась в семье Перфирьевых в виде какой-то записи, явившейся протографом двух рассматриваемых документов. Члены семьи этими сведениями очень дорожили и, в случае необходимости, использовали их при обращении к властям.

Ключевые слова: служилые люди, память о заслугах предков, Иркутск, служилые династии.

Как известно, в течение XVII в. значительную часть русского населения Сибири составляли служилые люди, численность которых, по оценке В.И. Шункова, к началу XVIII в. достигала 11 тысяч человек.¹ По подсчетам Н.И. Никитина, в это время в некоторых сибирских городах они и их семьи составляли большинство населения.²

Специфика формирования контингента служилых людей заключалась в том, что московское правительство в XVII в. регулярно требовало от сибирской администрации соблюдения правила «из чину в чин не переводить»,³ тем самым пытаясь ограничить проникновение в категорию служилых людей «по прибору» представителей тяглых слоев. Однако реальная ситуация вынуждала сибирских воевод ре-

¹ Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 26.

² Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 7, 14.

³ Н.И. Никитин под этим высказыванием подразумевает ориентиры в политике центральной власти только в отношении ситуации внутри сословия служилых людей (См.: Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 81–83.), в то время как Н.Н. Покровский рассматривал суть этого высказывания гораздо шире, подразумевая под ним стремление правительства к установлению замкнутости сословий (Покровский Н.Н. Томск. 1648–1649 гг.: Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 182.).

© Бродников А.А., 2017

гулярно нарушать эти требования, а московских чиновников — мириться с этим.⁴

Тем не менее, когда в сибирских городах появилась и стала быстро увеличиваться прослойка младших родственников служилых людей — младших братьев, детей, племянников, — при верстании на службу на «выбылые» и вновь образуемые места именно им стало отдаваться предпочтение: младшие родственники служилых людей «прибирались» за заслуги (кровь и раны) своих старших братьев, отцов, дядьев. Причем достаточно часто — непосредственно на места освобождаемые этими родственниками.⁵

Этого же принципа придерживались в гарнизонах при комплектовании командного состава. Детям пятидесятников, атаманов, сотников и детей боярских, служивших рядовыми казаками или стрельцами, гораздо легче было получить эти должности, чем их же товарищам, не имевшим родственников среди командного состава. Особенно когда уходивший в отставку по увечью или по старости офицер в своей челобитной просил поверстать на его место сына или племянника. Такие ходатайства, как правило, удовлетворялись.⁶

В итоге в течение XVII в. в Сибири сформировались целые династии так называемой «служилой аристократии»,⁷ когда представители одной фамилии занимали в гарнизонах командные должности и, естественно, играли заметную роль в жизни этих городов. Например, в Тобольске это были династии сотников Рукиных, атаманов Грозинных, сынов боярских Ремезовых, в Красноярске — семьи атаманов Тюменцовых и Злобиных, в Енисейске — атаманов, затем сынов боярских Галкиных.⁸

Н.Н. Покровский и В.А. Александров приводят ряд примеров того, как в некоторых сибирских гарнизонах заслуги соратников Ермака учитывались в последующем при назначении на командные должности их сыновей.⁹ Они констатируют, что в семьях сибирских служилых людей «поколениями сохранялась память о предках, сокрушавших Сибирское ханство».¹⁰

⁴ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 63–67, 68.

⁵ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 63, 67–72; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 91.

⁶ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 218, 219 (сн. 223, 259); Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. С. 83.

⁷ Н.Н. Покровский использовал этот термин без кавычек. См., например: Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. С. 82.

⁸ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 50; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. С. 82.

⁹ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. С. 80–83, 153.

¹⁰ Там же. С. 80.

Таким же образом память о заслугах предков хранилась не только в семьях потомков участников похода Ермака. В нашем случае речь пойдет о семье Перфирьевых, представители которой, являясь «служилой аристократией», несли службу более столетия по Енисейску и Иркутску.

Родоначальником этой династии был известный землепроходец Максим Перфирьев, служивший в Енисейском остроге, по крайней мере, с середины 20-х гг. XVII в. сначала подьячим, затем атаманом. В результате интриги братьев Галкиных в середине 30-х гг. Максим, по указанию московских чиновников, был отставлен из атаманов и ему пришлось начать службу в Енисейском остроге вновь рядовым казаком.¹¹ Однако на этот раз он довольно быстро прошел все ступени служебной лестницы, т.е. должности десятника, пятидесятника, сотника, и к началу 50-х гг. дослужился до чина сына боярского.¹²

Сын его, Иван Максимович, начав службу в начале 50-х гг. XVII столетия рядовым казаком (был послан в Забайкалье с отрядом П. Бекетова),¹³ уже через несколько лет был поверстан в дети боярские (упоминается в этом чине с 1658 г.).¹⁴ Причем сначала И. Перфирьев числится сыном боярским по Енисейскому острогу, а с образованием Иркутского уезда в 1682 г. переходит в штат служилых людей Иркутска, где уже давно реально проживает. Все это время он выполняет административные функции, практически непрерывно назначаясь приказчиком в различные остроги Верхнего Приангарья и Забайка-

¹¹ Об этом см.: Бродников А.А. Борьба за чин атамана в енисейском гарнизоне в 30-е гг. XVII в. // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: Вчера, сегодня, завтра»: Материалы регион. науч. конф. (г. Новосибирск, 21 декабря 2008 г.). Новосибирск, 2009. С. 122–127.

¹² О М. Перфирьеве подробнее см.: Бродников А.А. Сибирский служилый человек Максим Перфирьев: Опыт биографического исследования // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 213–227.

¹³ Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. № 57. С. 190–191 (далее СДИБ). В источнике упоминается пятидесятник Иван Максимов. У нас нет сомнения, что речь идет об Иване Максимовиче Перфирьеве, поскольку и в некоторых более поздних документах он упоминается именно таким образом. Необходимо отметить, что в окладных книгах Енисейска за 150 и 151 гг. (1641/1642 гг. и 1642/1643 гг.) встречается дьячок Богоявленской церкви Ивашко Перфирьев (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Кн. 153. Л. 67–67 об., 150–150 об.). У нас нет полной уверенности, что это именно И.М. Перфирьев, хотя на тот момент ему должно было быть 13–15 лет и, будучи сыном бывшего подьячего, он несомненно владел грамотой.

¹⁴ В частности, в событиях 1658 г., связанных со злоупотреблениями приказчика Братского и Балаганского острогов сына боярского И. Похабова, принимает участие енисейский сын боярский Иван Максимов. См.: СДИБ. № 65, С. 219–222. Но известно, что после И. Похабова в 1658 г. приказчиком Братского острога назначается именно сын боярский И. Перфирьев. См.: ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. ДП, XXVI. № 8. Л. 1; РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Ед. хр. 13.

ля. Несколько раз Иван Максимович выполнял дипломатические функции, возглавляя посольства к монгольским правителям.¹⁵

Три сына Ивана Максимовича, Василий, Остафий и Иван, начав службы рядовыми казаками, также очень быстро оказались в списках детей боярских: Иван — по Енисейску, Василий и Остафий — по Иркутску. Уходя в отставку, в своей челобитной Иван Максимович просил поделить между сыновьями свой оклад жалованья. Челобитная эта, об отставке его со службы, датирована 1687 г.¹⁶ И в последующее время он в документации упоминается, как правило, отставным сыном боярским.¹⁷ Однако его жизненный и административный опыт не остались невостребованными. В Сибирском приказе помнили о его административных способностях и в экстренных ситуациях активно использовали опыт отставного сына боярского. В 1688 г. И. Перфирьев получает из Сибирского приказа указание отправиться в Енисейск, где ему надлежит сменить разрядного воеводу Григория Новосильцева, на которого поступило много жалоб. В результате несколько месяцев отставной сын боярский руководит не только Енисейским уездом, но и всем разрядом.¹⁸

В 1696 г. он получает еще одно важное указание — исполнять обязанности илимского воеводы (вместо Б. Челищева, против которого выступило практически все население уезда).¹⁹ Однако, пожалуй, самым известным событием его биографии было исполнение обязанностей иркутского воеводы при малолетнем Николае Полтеве, отец которого стольник Семен Полтев, назначенный в Иркутск воеводой в 1697 г., скончался в пути, не доехав к месту службы нескольких дней. К исполнению обязанностей воеводы отставного сына боярского принудило собрание жителей Иркутска. В результате Иван Максимович в течение почти года управлял городом, пока из Москвы в 1698 г. не прибыл другой воевода — И. Никалев.²⁰

Именно это почетное назначение и привело к тому, что И. Перфирьев был обвинен ранее восставшими забайкальскими служилыми

¹⁵ Об И. Перфирьеве подробнее см.: *Бродников А.А.* Иван Максимович Перфирьев: Из истории сибирской служилой династии XVII в. // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII – XIX веков. Тобольск, 2005. С. 151–168.

¹⁶ ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. ДП, XXVI. № 15.

¹⁷ Например: РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. № 5, 7, 12; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1067. Л. 263–264; Ф. 494. Оп. 2. Ч. 1. № 7. Ч. 6. Л. 25–26 об., 31 об.–34 об., 85 об., 88 и др.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1067. Л. 263–264.

¹⁹ РГАДА. Ф. 494. Оп. 2. Ч. 1. № 7. Ч. 6. Л. 25–31 об. Об этих событиях подробнее см.: *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. С. 316–322.

²⁰ РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. № 13. Л. 3; Первое столетие Иркутска. СПб., 1902. С. 123; *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. С. 321.

людьми в «попоровке» прежнему воеводе А. Савелову. В результате чего престарелый сын боярский был поставлен «на правож» — приговорен к штрафу в размере 300 рублей.²¹

В РГАДА в фонде статского советника Юни (Ф. 204) хранится упомянутая выше челобитная И.М. Перфирьева на 5 листах (в том числе один — с оборотом) с просьбой не взыскивать с него эти 300 рублей. Отставной сын боярский заверяет государя Петра Алексеевича в том, что он никакой «попоровкой» А. Савелову не занимался. Для убедительности и в соответствии с традицией того времени И. Перфирьев приводит перечень заслуг своего отца, Максима Перфирьева, и свои собственные заслуги, т.е. поступает точно так же, как в гарнизонах Западной Сибири поступали соратники Ермака и их потомки. Документ этот в описи архива датирован 1700 г., но по содержанию текста должен быть датирован промежутком времени не ранее 1 сентября 1699 г. — не позднее 31 декабря 1699 г. («в нынешнем 208-м г. пришел указ о взыскании 300 руб.»).²²

Пять листов челобитной И. Перфирьева написаны без помарок достаточно четким, аккуратным почерком (скоропись XVII в.). А вот на обороте листа 3 почерк совсем иной, беглый. Текст здесь содержит вставки между строк, есть зачеркнутости. С большой степенью вероятности можно предположить, что основной текст был написан не самим И. Перфирьевым, а иным лицом, профессионально занимающимся переписыванием документов (иркутским подьячим или кем-либо из его младших родственников? — А.Б.²³), но с его слов. Однако после того, как документ уже был готов, отставной сын боярский, вспомнив еще об одной своей важной заслуге, решил написать о ней в уже готовом документе и (возможно, собственноручно) добавить на обороте листа сведения о своем участии в возвращении на территорию Иркутского уезда ясачных бурят в 1679 г., ранее ушедших во владения монгольского правителя Цецен-нойона. Почему этот действительно важный факт его биографии был пропущен первоначально, остается только догадываться.

В Тихомировском собрании рукописей ГПНТБ СО РАН хранится еще один интересный документ — челобитная одного из внуков Ивана Максимовича, которая может быть датирована не ранее 1711 г. К сожалению, документ этот не имеет начала и конца, поэтому ни имя автора, ни причина появления этого документа нам не известны. По тексту становится понятным, что автором является один из сыновей

²¹ Бродников А.А. Иван Максимович Перфирьев... С. 167.

²² РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. № 13. Л. 5.

²³ В конце документа И. Перфирьев указывает на свое проживание с детьми, внуками и правнуками. См.: Там же.

Остафия Ивановича Перфирьева. Документ на трех сохранившихся листах. Обращает на себя внимание, что в тексте 1711 г. есть несколько интересных исправлений: в начале текста, где речь идет о службах Максима Перфирьева, первоначально написанное слово «дед» зачеркнуто, над ним написано «прадед».²⁴ Такое же исправление есть в конце листа. А затем начинается описание службы Ивана Максимова и есть аналогичное исправление слова «отец» на «дед». Напрашивается предположение, что за основу этого документа был взят текст из семейного архива Перфирьевых, написанный еще при жизни Остафия Ивановича. И перепиской этого документа занимался человек, не находившийся в родственных отношениях с его семьей, иначе бы он не допустил таких фактических ошибок.

Некоторые фрагменты двух текстов в информационном плане совпадают очень сильно, но, тем не менее, в челобитной 1711 г. эти сведения преподносятся весьма кратко. Эти два момента — информативность и механическое переписывание слов «дед» и «отец» — позволяют прийти к выводу о том, что автор текста 1711 г. имел на руках если не копию челобитной И. Перфирьева 1700 г., то какой-то другой близкий по содержанию документ.

Возможно, оба источника имеют один протограф, но авторы рассматриваемых нами документов делают акцент на своих личных заслугах. Поэтому в челобитной И. Перфирьева мы видим подробное освещение своей службы, а в документе его внука эти сведения преподносятся весьма кратко, но, тем не менее, приводятся как важные заслуги деда.

Челобитная И.М. Перфирьева 1700 г.
РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. № 13

л. 1 ...Служил отец мой Максим Перфирьев сначала как почался быть Енисейской острог по Енисейску в атаманех и в детех боярских болши сорока лет. И будучи на твоих великого государя службах... Байкал-море проведаль...

л. 1 И я, ...будучи на твоих... службах... привел на великой реке Шилке князца Гелтемура с родом и с улусными ево людьми и иных тунгус//ких родов в ясачной платеж и в вечное холопство в прошлом во 161-м году и ясак первой с них... взял сем сороков пять соболей с пупки и с хвосты.

Челобитная сибирского служилого человека Перфирьева 1711 г.
ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. ДП, XXVI. № 8

л. 1 И из Енисейска проведаль Байкал-море прадед мой Максим Перфирьев и служил по Енисейску в детех боярских многие годы.

л. 1 Деда моево Ивана Перфирьева службы: во 161-м году на великой реке Шилке привел князца Гантимура с родом и иных родов в ясачной платеж и взял с них ясаку 7 сороков 5 соболей.

²⁴ ГПНТБ СО РАН. Тихомировское собр. ДП, XXVI. № 8. Л. 1.

- л. 2 Да в прошлом же... во 166-м году изменя тебе, великому государю, братские ясачные люди от Братского и от Балаганского острогов отъехали в мунгалскую землю все, без остатку. И того ж 166-го году послан был я... в Братцкой острог для... ясачного збору и для призыву... тех изменников. И я... сыскивая тех изменников... в ясачной платеж и в вечное холопство призвал...
- л. 2 Да в прошлом же... во 171-м и во 172-м годах призвал я... к Иркутскому острогу в ясачной платеж и в вечное холопство тунгуса Заектая с родом и с улусными ево людьми и хлебную... пашню завел и крестьян поселил.
- л. 2 Да в прошлых же... в 175-м и во 176-м годах призвал я... к Иркутскому острогу из мунгал прежних изменников и вновь братских людей Туртуерского и Комкдорского родов.
- л. 2 В прошлых же... во 175-м и во 183-м годах... посылан был я... с... грамотами и с жалованьем в Мунгалскую землю к мунгалскому Калке-хану и к Очирою Саин-хану и к брату ево Батуру-тайше для договору всякого мирного состоятельства // и для проезду твоим, великого государя, людям через их Мунгалскую землю с торгами в Китайское государство. И того ж... 183-го году по моему... договору препущен был через их Мунгалскую землю в Китайское государство торговый человек Гаврило Романов...
- л. 3 об. В прошлом же... во 187-м году мунгалские воинские люди погромили под Тункинским острогом... братских и тунгуских ясачных людей многое число и свели с собою в Мунгалскую землю з женами и детми, а иных побили. И в прошлом же... во 188-м году... боярин и воевода князь Иван Петрович Борятинский посылал меня... из Енисейска в Ыркуцкой острог для... ясачного збору. И пришед я... в Ыркуцкой посылал в Мунгалскую землю... служилых людей... пять человек к мунгалскому тайше к Цецен-нойону веля
- л. 1 Во 166-м году изменили от Брацкого и Балаганского острогов брацкие люди в мунгалы, а во 168-м году всех привел по прежнему в ясашной платеж.
- л. 1 Во 171-м и во 172-м годах призвал под Иркутской в ясашной платеж тунгусского князца Заяктая с родом и в Ыркуцку первую пашню завел // и пашенных поселил.
- л. 2 А во 175-м и во 176-м годах призвал из мунгал прежних изменников и вновь брацких людей Тертеивского и Конкодоровского родов в ясашной платеж.
- л. 2 И во 175-м же и во 183-м годах посылан з государевыми грамотами и з жалованьем к мунгалскому Калке-хану и Очирею Саину-хану и к Батуру-тайше для договору всякого мирного состоятельства и для проезду через их землю посланником и торговым человеком в Китайское государство. И того ж 183-го году пропущен был через договор торговой человек Гаврило Романов.
- л. 2 А во 187-м году погромили мунгалские люди под Тункинским брацких и тунгуских людей, а иных многих побили. И по договору Цецен-ноен отдал назад юрт з девеностю.

уговорить, чтоб тайша Цецен-нойон...
ясачных людей отпустил от себя по
прежнему к Тункинскому острогу в...
ясачной платеж и чтобы в том меж...
ясачными людьми с ними, мунгалскими
людми, ссоры не было. И по той... моей
посылке и по договору отпустил он,
тайша, к Тункинскому острогу... ясач-
ных людей девяносто юрт с женами и
с детьми.

- л. 3 В прошлом же... в 205-м по твоему
(государеву)... указу и по наказу из
Сибирского приказу послан был с Мо-
сквы в Иркутцк на воеводство столник
и воевода Семен Тимофеев сын Полтев
на перемену прежнему столнику и
воеводе Афанасею Тимофееву сыну
Савелову. И не доехав Иркутцка он,
столник и Воевода Семен Полтев умре.
И Иркутцкого города всяких чинов
жители вместо ево, Семена Полтева,
приняли на воеводство сына ево Ни-
колая... а для ево, Николаева, малолет-
ства выбрали и приневолили... быть в
приказной избе с ним, Николаем, мне...
судьею.
- л. 2 А в 205-м году по указу
великого государя и по
грамоте был в Ыркуцку с
Николаем Полтевым судьею
в товарищах.

И.Л. МАНЬКОВА

ФОРМИРОВАНИЕ ЖЕНСКОГО МОНАШЕСТВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII в.

канд. ист. наук,
Институт истории и археологии
УрО РАН, г. Екатеринбург
e-mail: ilman.08@mail.ru

В статье рассматривается ранняя история женского монашества в Западной Сибири. Анализируя истории 7 монастырей, автор выделяет три этапа процесса формирования женского монашества: проживание принявших постриг среди мирян; поселение монахинь около приходской церкви или в мужском монастыре; строительство монастырского комплекса. Она приходит к выводам, что в основном постриг принимали женщины, проживавшие в ближайшей округе, монастыри выполняли функции богаделен. В некоторые монастыри присылались опальные монахини. Отмечены источники существования монашеских общин: государственные оклады и милостыни, небольшие вклады, рукоделия и помощь мужских монастырей. Женские обители не имели вотчин.

Ключевые слова: колонизация Сибири, история Русской Православной Церкви, монашество, женские монастыри.

В конце XVII в. на территории Сибирской епархии действовало 24 мужских и 8 женских монастырей. Реконструкция ранней истории женского монашества в Сибири существенно затруднена скудностью источниковой базы. Монастырские архивы почти не сохранились, в делопроизводственной документации Сибирского приказа и приказных изб можно найти лишь отрывочные сведения. Попытаемся их обобщить.

Русские начали осваивать территорию Западной Сибири с конца XVI в., они переносили на новые земли свои религиозные традиции и образ жизни, возводили церкви и монастыри. Основываясь на документах, с уверенностью можно говорить, что к концу XVII в. в западной части Сибирской епархии действовало 6 женских обителей.¹ Почти все монастыри находились в городах, либо рядом с ними — это Верхотурье, Тобольск, Тюмень, Туринск, Томск и Тара. Как правило, там уже существовали мужские обители. Далматовский Введенский девичий монастырь также возник рядом с мужским монастырем.

¹ К тому времени перестал существовать Тарский Пятницкий девичий монастырь. См.: РГАДА. Ф. 214. Д. 1182. Л. 4.

Это соответствовало древнерусской традиции парного размещения обитателей. Как правило, мужская община оказывала материальную поддержку старицам, черные священники (иеромонахи) постригали в иноческий чин женщин. Кроме того, в городах было проще найти источники пропитания. С первых лет существования русских поселений в Сибири государство стремилось создать необходимые условия для совершения обряда пострижения. Среди первых священников, присланных по царским грамотам, были представители черного духовенства. Так, в 1600 г. одновременно с указом о строительстве новой соборной церкви в Тюмень был послан черный поп Никон.² Во многих сибирских мужских монастырях были периоды, когда иеромонахи возглавляли братию вместо игуменов.

Процесс формирования женского монашеского социума в Сибири прошел несколько этапов. Зарождение традиции женского монашества начиналось с того, что в силу каких-то жизненных обстоятельств женщины принимали постриг, но оставались жить в миру. На начальном этапе еще не образовывались компактные монашеские поселения. Как писал первый сибирский архиепископ Киприан, наблюдая ситуацию в Верхотурье в 1621 г., «многие старицы в мире жили, постригшись от мужей своих».³ Об этом же писали и верхотурские старицы в челобитной 1622 г. — до приезда владыки они «волочили меж двор и жили в мире».⁴

Далее ситуация могла развиваться по двум «сценариям» — либо около приходской церкви ставились кельи для стариц, либо монахини селились в мужском монастыре (так называемые двойные монастыри). В Тобольске и Тюмени первоначально кельи стариц появились около приходских церквей, но трудно сказать, когда начался этот процесс. Так, самое раннее упоминание женской монашеской общины в Тобольске содержится в дозорной книге 1624 г. В ней указано, что около расположенных рядом приходских церквей во имя Николая Чудотворца и Рождества Богородицы стояли 13 келий, в которых проживала 21 монахиня.⁵ Но это объединение еще не называли монастырем.

Самым ранним из известных документов, в котором упоминается женский монастырь в Тюмени, является отписка тобольского воеводы М. Годунова, адресованная тюменским воеводам Ф. Пушкину и М. Елизарову. В ней идет речь об извете на игуменью Ильинского

² РИБ. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 76.

³ Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Сост. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 177.

⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 338–339.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 3. Л. 61.

монастыря Каптелину, что та «живет не по иноческому обещанию». Десятильник Ларион Ефремов сообщил о полученном извете архиепископу Киприану 29 января 1623 г.⁶ Следовательно, Ильинский женский монастырь существовал в Тюмени до 1623 г. Но был ли это монастырь в полном смысле этого слова? В дозорной книге Тюмени 1623/24 г. есть описание приходской Ильинской церкви, отмечено, что это «мирское строение», но рядом с ней нет келий, монастырских строений и ограды.⁷ Этому может быть, по меньшей мере, два объяснения. Либо в момент проведения дозора стариц в Тюмени не было (монастырь прекратил свое существование), либо сложилась ситуация, описанная в грамоте Патриарха Филарета архиепископу Киприану от 11 февраля 1622 г. В ней говорилось, что «в которых де городах монастыри мужские и девичьи устроены, и в тех де монастырех старцы и старицы живут с мирскими людьми с одново, в одних домех, и ничем от мирских людей не рознятсяца».⁸ Вероятно, и в Тюмени старицы жили в мирских дворах, рассредоточенных по посаду, но их государственная руга была приписана к Ильинской церкви, а священник этой церкви являлся их духовником. Трудно сказать, была ли впоследствии обустроена территория около Ильинского храма как монастырь, но община управлялась игуменьей и в документах она указывалась как Ильинский монастырь.

Второй путь развития женской монашеской традиции (поселение стариц при мужских монастырях) прослеживается в Туринске, Далматовском Успенском и Невьянском Богоявленском монастырях. В Туринске мужской Покровский монастырь образовался до 1621 г.⁹ Через некоторое время в обители появились женщины-монахини. Об этом свидетельствует отписка сибирского архиепископа Герасима туринскому воеводе П.Р. Борятинскому. Преосвященный сообщал, что «в нынешнем 153 (1645)» г. к нему обратились «Туринского Покровского монастыря старцы и старицы», что в Туринском остроге нет черного священника. «А ныне де приходит время Святого и Великого поста, — писали монашествующие, — и им де без отца духовного быти не уметь». Они просили архиепископа «их пожаловати — благословити велети им дать для исповеди и причастия отца духовного черного священника».¹⁰

⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 322. В публикации она ошибочно датирована 1622 г.

⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 405 об., 408, 409.

⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 323.

⁹ Тобольский архиерейский дом... С. 177.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 6. Л. 101.

Самое раннее упоминание стариц в Невьянском Богоявленском монастыре содержится в переписке местных властей о разорении зауральских поселений во время «башкирского» восстания 1662–1664 гг. В частности, невянский игумен Давыд сообщал, что 28 июля 1664 г. «изменники же Невьянской монастырь повоевали... старцов восемь человек убили, старицу убили, а другую в полон взяли... семь келей у стариц сожгли...».¹¹ В 1699 г. из казны Богоявленского монастыря было выдано 10 коп. «в девич монастырь старицам милостыни».¹² Трудно сказать, что имелось в виду под названием «девич монастырь». Возможно, в конце XVII в. старицы жили за оградой мужского монастыря в кельях, и это поселение называли девичьим монастырем. У них не было своей церкви, они ходили в Богоявленский храм мужской обители. Скорее всего, их окормлял черный поп Корнилий, который служил в мужской общине. В 1724 г. было составлено описание Невьянского Богоявленского монастыря, в котором перечислены единым списком 10 монахов и 7 монахинь.¹³ Протоиерей Г. Плотников упомянул в своей работе о Далматовской Введенской женской обители, что она была устроена недалеко от мужского Успенского монастыря «по примеру... Невьянского Богородицкого при Богоявленском...».¹⁴ Однако документальные подтверждения существования Богородицкого монастыря в XVII в. пока не обнаружены.

Неизвестно, где проживали старицы до строительства Далматовского Введенского монастыря. Согласно благословенной грамоте сибирского митрополита Павла, 28 июня 1680 г. к нему обратились старец Далмат, игумен Исаак и старец Никон с братией за повторным разрешением построить рядом с оградой мужского монастыря женскую обитель. Они получили первое благословение еще от митрополита Корнилия, но тогда монастырские крестьяне отказались от строительных работ и попросили преосвященного отменить это решение. Митрополит Корнилий выполнил просьбу крестьян, и строительство женской обители было остановлено. В 1680 г. старцы получили благословение митрополита Павла и построили девичий Введенский монастырь на своей вотчинной земле.¹⁵

¹¹ ДАИ. Т. 4. СПб., 1851. С. 385.

¹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1235. Л. 112 об.

¹³ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 86. Л. 7.

¹⁴ Плотников Г. Описание мужского Далматовского Успенского общежительного трехклассного монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря. Екатеринбург, 1906. С. 86.

¹⁵ Там же. С. 92–93.

Поселение общин в монастырских комплексах можно считать завершением процесса формирования женского монашеского социума в регионе. В Туринске и Тобольске женские монашеские общины заняли монастыри, освободившиеся после переселения мужской общины в новый монастырь. Так, в Тобольске старицы перевели в Успенский монастырь в 1625 г. после того, как иноки перешли в новую Знаменскую обитель. В Туринске братия построила Николаевский монастырь в 1679/80 г. и перешла туда, а старицы остались в Покровской обители.

В Тюмени женская община добилась разрешения построить женскую обитель за счет городской казны. В челобитной 1656 г. игуменья Прокла с сестрами просили власти «повелеть» построить монастырь «за острогом близ церкви Знамения пречистыя Богородицы».¹⁶ В 1656/57 г. разрешение из Москвы на строительство монастыря было получено. Как установила Г.А. Леонтьева, в 1657 г. из городской казны выделили 10 руб. на строительство келий.¹⁷ К 1659/60 г. была возведена церковь во имя святителя Алексея (а не Алексия?), митрополита Московского, и оклад одного из священников Ильинской церкви перевели в новый Алексеевский храм.¹⁸

В Верхотурье, Таре и Томске женские монашеские сообщества миновали второй этап, для них сразу были построены монастырские комплексы. Первый в Сибири женский монастырь появился в Верхотурье в 1621 г. при активном участии сибирского архиепископа Киприана.¹⁹ Впоследствии он ремонтировался и восстанавливался после пожаров на государственные средства. В дозорной книге Тары 1624 г. содержится описание женского Пятницкого монастыря. Около церкви во имя Параскевы Пятницы с приделом во имя св. Екатерины и колокольной отмечены 7 келий. Территория женской обители была обнесена оградой. Также упомянуты 2 кельи, находившиеся у Никольской церкви. Всего в женской монашеской общине было 13 стариц.²⁰ Есть основания полагать, что это был особножительный монастырь. В Томске женский Христорождественский монастырь был построен в 1671 г. трудами казачьего головы Зиновия Литосова.²¹

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 8. Кн. 1. Л. 174 об.

¹⁷ Леонтьева Г.А. Застройка Тюмени и ее государственное обеспечение в конце XVI – начале XVIII в. // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1989. С. 61–62.

¹⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 187. Оп. 2. Д. 18. Л. 3.

¹⁹ АИ. Т. 3. СПб., 1841. С. 407.

²⁰ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 152. Л. 74.

²¹ Беликов Д.Н. Старинные монастыри Томского края. Томск, 1898. С. 165.

Сохранившиеся документы содержат крайне мало сведений о старицах. В лучшем случае известны имена тех, кто получал ругу. Иногда в расходных книгах указывались фамилии и прозвища ружниц. Поэтому представляется весьма важной роспись монахинь Верхотурского Покровского монастыря 1667 г., сохранившаяся в фонде Верхотурской приказной избы (РГАДА).²² Она дает представление о социальном положении женщин и географии их проживания до поселения в обители. Очевидно, такие росписи составлялись регулярно, поскольку по ним монахиням выдавалась милостыня из казенных средств. В документе 1667 г. указано 11 стариц, из них 10 приняли постриг в Верхотурье. Монахиня Марфа Казанка приехала из Казани уже в статусе инокини.²³ Из 10 стариц четверо были посестриями (постриженными женами) пашенных крестьян, двое — стрельцов, одна — сына боярского и одна — таможенного дворника. Стали монахинями матери Спасского попа Ивана Яковлева и подьячего Ерофея Головина. О двух старицах отмечено, что одна приехала из Казани, другая — «с Невьи».²⁴ Поскольку у остальных не указано откуда они приехали, то можно предположить, что они были жительницами Верхотурья.

В монастырь людей приводили разные обстоятельства и мотивации. Из сообщений архиепископа Киприана Патриарху Филарету следует, что основной причиной принятия пострига как у мужчин, так и у женщин была болезнь.²⁵ В реальности жизненные ситуации были сложнее и разнообразнее. Например, трудно сказать, что сподвигло старицу Каптелину уйти в Верхотурский Покровский монастырь, оставив в миру малолетнего сына. Ее муж, Юрий Матвеев Арсеньев, когда-то служил в Рыльске. В 1657/58 г. его сослали в Верхотурье с указанием верстать в дети боярские с денежным и хлебным окладами. В 1664/65 г. во время «башкирского» восстания он погиб. В переписной книге 1666 г. среди дворов подростков детей боярских отмечен двор его 8-летнего сына Сенки.²⁶ Видимо, к тому времени его мать уже приняла постриг.

²² РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 152. Л. 74–74 об.

²³ Марфа поселилась в Покровском монастыре до 1658/59 г. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 368. Л. 144 об.

²⁴ Нейва (Невья) — река в Верхотурском уезде, так же в документах XVII в. называли земледельческий район в бассейне этой реки.

²⁵ Тобольский архиерейский дом... С. 195.

²⁶ Полетаев А.В., Полетаева Е.А. Записи на старопечатных книгах кирилловской традиции XVI–XVII вв. из собрания Лаборатории археографических исследований УрФУ // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. Вып. 1 (17). С. 52–53.

Зачастую причиной ухода в монастырь становилось одиночество, неспособность самостоятельно вести хозяйство, бедность. В росписи монахинь 1667 г. указана старица Евгения — «посестрия» стрельца Гришки Тараканова.²⁷ В переписи Верхотурья 1669/70 г. отмечено, что посадский человек Ортюшка Дураня владеет двором по закладной старицы Евгении. Женщина могла стать владелицей двора только в том случае, если в семье не было мужчины. Закладными записями оформлялись долговые обязательства сторон. Как правило, под заклад недвижимости занимались деньги, и если заемщик не возвращал их в установленный срок, то имущество переходило в собственность кредитора. Видимо, овдовев, старица Евгения попала в подобную ситуацию.²⁸

Согласно церковным правилам, принятие пострига являлось сугубо добровольным делом. Любопытно, что в Сибири за этим следили не только церковные, но и светские власти. Так, около 1676 г. затыльник Ирбитской слободы Верхотурского у. Офонька Черемной обратился с просьбой дать ему проезжую грамоту в Тобольск, куда он собирался отвести свою жену, поскольку она дала обет «в Тоболску в девиче монастыре постричься и тружатца по смерть свою, потому что она ногою правою болна». Однако верхотурские власти потребовали сначала прислать челобитную ее духовного отца с подтверждением, что она действительно собирается принять постриг.²⁹

Сохранились сведения о том, что в Тобольский Успенский и Далматовский Введенский монастыри отправляли ссыльных монахинь. Так, в декабре 1631 г. в Тобольск были сосланы черницы Офонасья Ододурова и Ириада Иванова из Московского Вознесенского монастыря с указанием «быть в девиче монастыре в черных службах монастырских за их многое безчинство и за непослушание — что они государева Патриарша указу не послушали и говорили про великого государя Патриарха... непригожее слово, да игуменью и старицу-келаря бесчестили». После смерти Патриарха в 1633 г. они были прощены.³⁰

В 1685 г. у митрополита Павла возникла идея построить женский монастырь на острове «за рекою Обью» недалеко от Кондинского Троицкого монастыря, куда будут ссылать «черниц и женок, вдов, которые объявятца в погрешении телеснем». Необходимость создания такого монастыря он объяснял тем, что «для подкрепления и в под-

²⁷ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 152. Л. 74.

²⁸ РГБ. Ф. 218. Д. 547. Л. 38 об.

²⁹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 70. Ч. 3. Л. 331–332.

³⁰ Копийная книга «о опальных людех», сосланных в Сибирь в 1614–1624 гг. / Подг. текста, вступ. ст. и комм. А.В. Полетаева. Екатеринбург, 2014. С. 237–238.

началство, где им быти и плакаться грехов своих вечно безисходно, в Тоболску держать их негде, в Успенском девиче монастыре старицы скудны и бедны, и таковых черниц и вдов в подначалство отсылать некуды, по городам девичих монастырей нигде нет, а в которых городех монастыри и есть, и те велми скудны и самим тех монастырей старицам есть нечего, кормятца христовым именем».³¹ В Москве эта инициатива сибирского митрополита не нашла поддержки.

Возможно, митрополит Павел в какой-то мере сгущал краски, описывая бедственное положение женских обителей Сибири, однако источники свидетельствуют о том, что действительно они имели весьма скромное обеспечение. Старицы жили за счет государевой руги, подаваний, незначительных вкладов, собственного труда на огороде, рукоделий и помощи мужских обителей. Ругу получали только Верхотурский Покровский, Тобольский Успенский, Тюменский Ильинский и Тарский Пятницкий монастыри. Для каждой обители было установлено определенное количество окладов. Так, в 1621 г. архиепископ Киприан указал выдавать ругу по 2 руб. 10 старицам Верхотурского Покровского монастыря. Позднее монахини добились назначения им хлебных окладов. Такое же количество окладов было установлено и Тюменскому Ильинскому (Алексеевскому) монастырю.³² В Тарской обители ругу получали 7 стариц. Время от времени монахини подавали челобитные с просьбой увеличить количество окладов. Так, в 1691 г. тюменские старицы писали, что хлебное жалованье получали игуменья и 9 сестер, «а еще 11 сестрам ничего не дают».³³ Но, как правило, такие просьбы не удовлетворялись. Судя по книгам выдачи окладов, Тобольской Успенской обители ругу давали по количеству реально проживавших монахинь. Так, на 1635/36 г. оклады получили 19 стариц, включая игуменью,³⁴ а на 1667/68 г. ругу выдали 50 инокиням.³⁵ Также ругу получали белые священники и причт монастырских церквей.

В городах монахиням давали из казенных средств милостыню по 1 алтыну (3 коп.) в дни именин членов царской семьи и на великие церковные праздники. Эти казенные траты записывались в расходные книги государевой денежной казны. Поскольку милостыня давалась всем проживавшим в монастыре сестрам, то эти документы дают возможность узнать реальное количество монахинь в обители.

³¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1058. Л. 366.

³² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 389. Л. 492 об.

³³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1050. Л. 364–393.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 83. Л. 28–28 об.

³⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 501. Л. 30–32.

Но это только в том случае, если количество стариц записывались отдельно. Так, по верхотурским расходным книгам можно определить, что в Покровском монастыре проживало в разные годы от 10 до 17 человек.³⁶ В расходных книгах некоторых городов выдача милостыни старицам учитывалась в общих суммах наряду с нищими и тюремными сидельцами.

У Верхотурского Покровского монастыря были небольшие земельные владения, полученные в результате государственных пожалований и вкладами в первые годы его существования, но к середине XVII в. он их утратил. В дальнейшем инокини не поднимали вопроса о наделении их землей вновь. Определенную помощь женским обителям оказывали мужские монашеские общины. Особенно заметна экономическая зависимость Введенского женского от Далматовского Успенского монастыря. Так, вклады, сделанные в связи с постройкой женщин, учитывались во вкладной книге мужской обители.³⁷

Таким образом, XVII в. стал временем распространения традиций женского монашества в Сибири. Строительство женских обителей отвечало в первую очередь потребностям местных сообществ, они выполняли функции богаделен.

³⁶ ТГИАМЗ. КП 12777. Л. 9, 16; КП 12817 Л. 49; КП 12710. Л. 71. КП 12712. Л. 4, 114–115 об., 118 об., 122 об., 125; АИ. Т. 3. СПб., 1841. С. 407–408; РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 325. Л. 37.

³⁷ Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII – начало XVIII в.): Сб. документов / Сост. И.Л. Манькова. Свердловск, 1992. С. 27, 30, 54 и др.

И.А. НИКУЛИН, священник

ДЕНЕЖНЫЕ СБОРЫ С ПРИХОДОВ И НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XVII в.

канд. богословия, канд. ист. наук,
Екатеринбургская духовная семинария
e-mail: nikulinivan@yandex.ru

К концу XVII в. в Сибири сложилась система сбора денег в казну Тобольского архиерейского дома со всего православного населения Сибири. Прежде всего, это выплаты всей приходской общины (дани) один раз в год, кроме того, налог платили старосты («милостинные деньги») и клир («песошные деньги») приходов. Существовали экстраординарные сборы для клириков (включая просвирниц) при получении места или переходе на новое место. Особой статьей дохода были венечные и похоронные пошлины. Автор показывает размеры, сравнивает с другими епархиями, показывает отличия от установленной Патриархом Иоакимом в 1687 г. нормы. Главными источниками исследования являются: Приходно-расходная книга Тобольского архиерейского дома 1696/1697 г. и грамоты сибирских митрополитов последней трети XVII в.

Ключевые слова: Тобольский архиерейский дом, Игнатий (Римский-Корсаков), Софийский дом, «дани», пошлины, Сибирская епархия, десятильник, заказчик.

Сибирская епархия была открыта в 1620 г., однако за весь XVII в. сохранилась лишь одна Приходно-расходная денежная книга Тобольского архиерейского дома за 1696/1697 г. Именно поэтому проследить процесс формирования системы денежных выплат в пользу Тобольского архиерейского дома XVII в.¹ полностью не представляется возможным, хотя изучение архивохранилищ Сибири могло бы дать определенное развитие данной теме. Нам пока неизвестны рукописи приходных книг, в которых фиксировался сбор, осуществляемый десятильниками.

«Бюджеты» (мы используем это слово в кавычках²) архиерейских домов XVII в. нельзя назвать вполне исследованными, хотя исследованием «бюджетов» архиерейских домов в XVI–XVII вв. занимались И.М. Покровский (Казанский)³ и Б.Д. Греков (Новгородский).⁴

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 926; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 860.

² См.: *Башнин Н.В.* «Бюджет» Вологодского архиерейского дома св. Софии в первой трети XVII в. // *Российская история.* 2017. № 5. С. 114–116.

³ *Покровский И.М.* Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Казань, 1906. С. 187–266.

⁴ *Греков Б.Д.* Новгородский дом святой Софии: Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины. Ч. 1. СПб., 1914. С. 13–14.

Из современных работ собственно теме посвящена лишь работа Н. В. Башнина.⁵

В 1687 г. от Патриарха Иоакима всем архиереям Русской Церкви (в числе получателей отмечен и митрополит Сибирский Павел) была разослана грамота, повелевавшая строго соблюдать размеры взимаемых сборов в соответствии с традициями Патриаршей области. В этом документе все сборы с приходов, духовенства и населения описаны достаточно подробно.⁶ Кроме того, судебные сборы должны были регулироваться и другими документами, в частности, Соборным уложением 1649 г.

Доходы Тобольского архиерейского дома в 1696/1697 г. состояли из трех основных частей: царской руги, доходов, которые приносили вотчины Софийского дома, сборов с церквей и населения Сибири. Рассмотрим, из каких основных составных частей состояли сборы с церквей и населения Сибири и каков был их размер.

«Дани». С каждого прихода в казну митрополии собирался определенный «оклад», причем его размер, как указывал преосвященный Игнатий одному из заказчиков, должен был назначаться десятильником⁷ «смотря по приходу», т. е. сообразуясь с конкретными возможностями прихода, прежде всего по количеству дворов в приходе,⁸ а также сообразуясь с выплатами других (соседних) приходов. Крупные приходы (например, в Тобольске) платили 3–5 рублей, более мелкие 1–2 рубля.⁹ За часовни вносилась еще меньшая «дань» — одним из случаев — одна гривна (10 копеек).¹⁰ Назначение размера выплат оставлялось на усмотрение десятильника. В 1686 г. митрополит Сибирский Павел писал заказчику игумену Феодосию о том, что новосвященную церковь необходимо «обложить данию против иных острогов и церквей, ...да в Телебинском и в Яравинском часовни обложить же данию против иных острогов и часовен и взять у часовенных старост».¹¹ Таким образом, дани назначались исходя из воз-

⁵ Башнин Н.В. «Бюджет» Вологодского архиерейского дома св. Софии... С. 114–126.

⁶ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 1. СПб., 1869. С. 2–9.

⁷ Здесь и далее при указании должности десятильника нужно иметь в виду, что в Сибири в последней трети XVII в. главой десятины могло быть и духовное лицо. В этом случае он именовался заказчиком. Подробнее см.: Никулин И.А., *свящ.* К вопросу о системе административно-территориального управления Сибирской епархией в последней трети XVII в. // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 82–96.

⁸ Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии / Сост. архим. Мелетий (Якимов). Казань, 1875. С. 24.

⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 860. Л. 5–20 об.

¹⁰ Там же. Л. 9 об.

¹¹ Древние церковные грамоты... С. 32.

можностей прихода и выплачивались из средств храма или часовни. Размер «даней» вполне соответствует данным по Вологодской епархии.¹² Кроме того, существовали «праздничные деньги» — небольшие сборы в пользу архиерейского окружения — певчих дьяков и поддьяков, поддиакона и т.п. Вероятнее всего, они собирались и высылались в Тобольск на Рождество и Пасху. Деньги эти не фиксируются в Приходно-расходной книге, а только упоминаются митрополитами в грамотах,¹³ вероятнее всего, эти деньги напрямую выплачивались архиерейскому окружению.

Неокладные сборы с церковного причта (пошлины). Существовали разовые сборы, которые собирались с церковного причта и были связаны с выдачей памятей (в данном случае — официальных документов на право ведения той или иной деятельности). Так, в грамоте сибирского митрополита Павла упоминаются «новичные и переходные памяти с дьячков, пономарей и просвирниц по 8 алтын 2 деньги» (25 копеек);¹⁴ по московской норме — 6 алтын 4 деньги (20 копеек).¹⁵ Подобные сборы собирались и со священства при рукоположении. Эти сборы существовали и в других епархиях. Интересно, что в Вологодской епархии в середине XVII в. неокладные сборы за выдачу памятей церковнослужителям сбор был ниже — 5 алтын 2 деньги (16 копеек),¹⁶ а в 1696 г. Новгородской епархии за «новичную память» с дьячка было взято 6 алтын 4 деньги (20 копеек).¹⁷ «Новопоставленные» пошлины для священнослужителей были выше, так, в Вологодской епархии в 1677 г. она составляла 15 алтын (45 копеек) с диакона и 30 алтын (90 копеек) со священника.¹⁸

«Песошные деньги». Кроме того, в Сибири существовали сборы с духовенства в пользу Тобольского архиерейского дома и ежегодные (окладные). Так в приходно-расходной книге 1696/1697 г. фиксируется приход «песошных денег» — сбора с священников, диаконов,

¹² См.: Приходно-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги Вологодской епархии: XVII – начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башкин. М.; СПб., 2016. С. 285–466.

¹³ Древние церковные грамоты... С. 46.

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Описание документов и бумаг... С. 4.

¹⁶ Черкасова М.С. Записные книги поповских заказчиков Устюжской десятины Ростовской митрополии в середине XVII в. // История и культура Ростовской земли: Материалы конференции, 2012 г. Ростов, 2013. С. 80.

¹⁷ Черкасова М.С. Документы по истории Устюженской десятины Новгородской митрополии XVII – начала XVIII века // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4 (23–24). С. 23.

¹⁸ Приходно-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии... С. 285.

дьячков и прочих причетников около 5 алтын (15 копеек) в год; точную ставку нам высчитать не удалось.¹⁹

Грамота 1686 г. преосвященного Павла, митрополита Сибирского и Тобольского, заказчику игумену Феодосию отмечает, что новосвященную церковь необходимо «обложить данию против иных острогов и церквей, и взять дань на 199 год на нем попе Кириле, да у негож попа Кирилла взять *святительские зборные деньги* (курсив наш. — И.Н.), да в Телебинском и в Яравинском часовни обложить же данию против иных острогов и часовен и взять у часовенных старост». ²⁰ Чуть позднее, в самом конце XVII в. в грамоте митрополита Игнатия отмечается: «указали тебе в Чечуйском острожке ведать церковные догматы и духовные дела, и с попа с причетники данные и всякие указные деньги по окладу имать». ²¹ Вероятно, под этими «святительскими сборными деньгами», «указными деньгами по окладу» и имеются в виду «песошные деньги», хотя сам термин «песошные» в опубликованных грамотах сибирских архипастырей не встречается. Интересно, что в епархиях центральной России данное название сбора в тот же период не встречается и ранее. Вероятнее всего, это сбор за проживание на церковной земле, который и фиксируется в Патриаршей грамоте. ²² «Песошные», вероятно, образовано от слова «соха». В указаниях из Москвы 1687 г. отмечается и размер этих даний. С дворов поповых 2 копейки, с диаконов по 1, причетников и просвирниц по 1 деньге (полкопейки). В Сибири наблюдается явное превышение этих норм.

«*Милостинные деньги*». В 1678 г. московские богадельни из ведомства Большого Дворца были переведены в ведение Патриаршего Казенного приказа (в связи с ликвидацией Монастырского приказа). ²³ С этого времени на содержание московских богаделен стали собирать в архиерейских епархиях по гривне (10 копеек) с церкви. В «Статье пятой» Приходно-расходной книги 1696/1697 г. зафиксирован приход «милостинным денгам», которые собирались со «старост церковных» в «споможение московских богаделен нищим в милостыню на прокормление и на одежду и на обувь и на всякие потребы». ²⁴ Размер этих сборов был также фиксированным, по указанному документу хорошо виден его размер — 10 копеек, таким образом, на-

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 926. Л. 76–80.

²⁰ Древние церковные грамоты... С. 32.

²¹ Там же. С. 112.

²² Описание документов и бумаг... С. 2.

²³ *Покровский И.М.* Казанский архиерейский дом... С. 200.

²⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 926. Л. 81–84.

лог в 1696/1697 г. был собран с более чем 200 старост Сибирской епархии. Как известно, в конце XVII в. в Сибири существовало более 160 приходских храмов,²⁵ а если предположить, что число должников за 1696/1697 г. примерно равнялось числу уплаченных долгов за 1695/1696 г., то получается примерно 40 часовен действовало в Сибири в конце XVII в. Что весьма странно, так как часовен по той же приходно-расходной книге (статья 1) гораздо больше.²⁶ Интересно, что в Казанской епархии на рубеже XVII–XVIII вв. собирали только с церквей, но не с часовен.²⁷

«Вечные и похоронные пошлины». В грамотах митрополитов Павла и Игнатия в последней трети XVII в. указывалось церковным чиновникам брать следующие пошлины: «со свадеб с отроков по 10 алтын 4 деньги (32 копейки), с двоеженцев «вдвое» (64 копейки), с троеженцев «втрое» (96 копеек),²⁸ «с похоронных памятней по 9 алтын 2 деньги (28 копеек)».²⁹ Именно такой размер пошлин фиксирует приходно-расходная книга 1696/97 г.³⁰ В связи с «делом о десятильниках» прошла проверка их деятельности. В июне 1698 г. воеводы сибирских городов получили из Сибирского приказа указание сообщить о размерах окладных и неокладных сборов, взимаемых с духовенства и мирян в митрополичью казну.³¹ Проверка Сибирским приказом размеров податей, собираемых в Софийский дом, показала огромные превышения указных норм. Указания привести сибирскую практику в соответствие с официальной нормой поступили митрополиту Игнатию из Москвы. Зимой 1699 г. он писал заказчикам о строгом и безукоризненном взимании пошлин строго согласно уже упомянутой «уставной грамоты великого господина Святейшего Кир-Иоакима Патриарха Московского и всея России» (1687 г.).³² Московские размеры были совсем иными: «Свадеб с отрока, который женитца на девке четыре алтына (12 копеек), с двоеженца, которой

²⁵ Андриевич В.К. История Сибири. Ч. 2: Период с 1660 года до воцарения императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1889. С. 326, 330; Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 3: 1689–1699. СПб., 1830. С. 234.

²⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 860. Л. 1–20 об.

²⁷ Покровский И.М. Казанский архиерейский дом... С. 200.

²⁸ Древние церковные грамоты... С. 46.

²⁹ Там же. С. 46.

³⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 926. Л. 41.

³¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 1363. Л. 449. См.: Покровский Н.Н. Сибирское дело о десятильниках // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 146–189.

³² Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5: 1676–1700. СПб., 1842. С. 532–533; Древние церковные грамоты... С. 107.

женитца на девке или отрок на вдове первобрачной по шести алтын (18 копеек), со вдовцов же которые женятца на вдовах оба вторым браком по полуполтине (25 копеек), со вдовцов же, которые женятца третьим браком на вдовах или девицах или отрок на вдове третьебрачной по десяти алтын (30 копеек), да с тех же статей отвозных денег на приказ по осьми денег (4 копейки) с памяти». ³³ Размер похоронных пошлин, выдаваемых тем, кто скоропостижно скончался, по московской грамоте 1687 г. составлял одну гривну (10 копеек), однако грамота отмечает, что с 1675 г. «велено давать безошлинно». Таким образом, превышение норм в Сибири фиксируется минимум в два раза.

«Штрафы». Судом населения по вопросам, находившимся в юрисдикции церковного суда, занимались десятильники, они же и собирали наложенные церковным судом штрафы в пользу митрополии. Все указанные средства должны были фиксироваться в специальных книгах и пересылаться в Тобольск. ³⁴ Согласно указаниям митрополита Игнатия, церковные чиновники должны были брать «с судебных дел пени по 2 рубля 8 алтын 2 деньги, почеревных потому ж (при митрополите Павле «почеревных» было 13 алтын 2 деньги ³⁵)», ³⁶ «с духовных изустных памятей (завещаний) и судных, и со всяких дел с рубля по гривне, ³⁷ да пересуду и правого десятка по семи алтын по две деньги». ³⁸

Штрафы за преступления были фиксированы. Удалось проследить изменения штрафа, вероятнее всего, за наиболее распространенное преступление — «блудное воровство». Еще митрополит Павел в 1690 г. указывал брать за «блудное воровство» 2 рубля 8 алтын 2 деньги (2 руб. 25 коп.) с лиц обоего пола ³⁹ (соответственно указу Патриарха 1687 г.). Митрополит Игнатий в 1695 г. повысил пени (денежный штраф) до 5 рублей, взимаемой десятильниками за «блудное воровство». ⁴⁰ Но штраф взыскивался только с лиц мужского пола. Однако уже в грамотах 1699 г., после упомянутой московской проверки, митрополит требует с заказчиков взимать пеню за блудное воровство 2 рубля, 8 алтын и 2 деньги (2 руб. 25 коп.) с человека. ⁴¹

³³ Древние церковные грамоты... С. 108.

³⁴ Там же. С. 46–47, 60.

³⁵ Там же. С. 17.

³⁶ Там же. С. 46.

³⁷ Тихомиров М.Н., Елифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 118.

³⁸ Древние церковные грамоты... С. 46.

³⁹ Там же. С. 41.

⁴⁰ Там же. С. 60.

⁴¹ Акты исторические... Т. 5. С. 532–533; Древние церковные грамоты... С. 107, 111.

Таким образом, в Сибири в конце XVII в. существовала сложная система регулярных и экстраординарных сборов с приходов, духовенства, причетников, и мирян. Система эта в основной своей части была похожа на сложившуюся в центральной России. Но были и свои особенности, причины которых еще предстоит выяснить. Система сбора была тоже непростой, документы показывают, что деньги поступали чаще всего через десятильников, но не всегда. Причина, вероятнее всего, в сибирских расстояниях, проще было отправлять напрямую. Изучение данного вопроса во многом объясняет возникшую в среде сибирских десятильников коррупцию в конце XVII в., вызвавшую «дело о десятильниках». Документы показывают, что в Сибири многие сборы значительно превышали указанные Патриархом нормы, причины чего еще предстоит выяснить. Изучение всех выявленных источников позволит реконструировать как «бюджет» Тобольского архиерейского дома, так систему церковной администрации проводивших сборы с населения и приходов.

В 1696/97 г. по самым общим предварительным подсчетам общий размер денежного «бюджета» Софийского дома составил почти три тысячи рублей. Из них одних даней с церковью более 800 рублей, почти 432 рубля — сбор с венчаний и погребений, судебные пошлины и всякие неокладные сборы — еще более 1000 рублей. Около 109 рублей — «песошные деньги», собиравшиеся с духовенства, милостинных денег 21 рубль. Получается, большую часть денежного дохода Архиерейский дом получал именно с населения: 2362 рубля. Учитывая, что руга от великого государя составляла 370 рублей, на остальные доходы остается не так и много — меньше 300 рублей. Это, конечно, только денежный бюджет — надо изучать и «бюджет» натуральных продуктов. Но это отдельная тема.

А.Х. ЭЛЕРТ

ОБРАЗ ПРОМЫШЛЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ИСТОЧНИКАХ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: alexandreiert@yahoo.com

Статья посвящена анализу источников, по которым можно проследить эволюцию термина «промышленные люди» и определить роль промышленных в истории Сибири XVII – первой половины XVIII в. Для XVII в. – это акты и делопроизводственные материалы. Оценочные характеристики образа промышленного человека появились в научной литературе лишь в первой половине XVIII в., а наиболее информативные в этом отношении свидетельства принадлежат участникам Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.): С.П. Крашенинникову и Г.В. Стеллеру. Данные источники дают основание полагать, что к середине XVIII в. промышленные люди, как особая категория русских сибиряков, перестали быть сколько-нибудь значимы в истории освоения Сибири.

Ключевые слова: История изучения и освоения Сибири в XVII – первой половине XVIII в., промышленные люди, Вторая Камчатская экспедиция, С.П. Крашенинников, Г.В. Стеллер.

Роль промышленных людей в присоединении и освоении Сибири в XVII в. изучена достаточно полно на основе анализа актов и делопроизводственных материалов. В первой половине XVIII в. указанные источники дополняются наблюдениями и специальными работами участников научных экспедиций: Д.Г. Мессершмидта, И.Г. Гмелина, Г.Ф. Миллера, Г.В. Стеллера, С.П. Крашенинникова. В них не только подробно описаны организация промыслов, взаимоотношения в артелях (ватагах), занимавшихся соболиным, рыбным и иными промыслами, но иногда дается характеристика нравственных качеств промышленных. Среди этих работ следует особо выделить описание соболиного промысла, составленное студентом Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) С.П. Крашенинниковым, и сведения об организации рыбного промысла на Байкале, собранные участником той же экспедиции адъютантом Академии наук Г.В. Стеллером.¹

* Статья написана в рамках Комплексной программы фундаментальных научных исследований СО РАН № П.2.П «Интеграция и развитие» (номер проекта в ИСГЗ ФАНО 0326-2015-0018).

¹ Крашенинников С.П. О соболином промысле // Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 671–687; Steller G.W. Beschreibung der Stadt Irkuck

В современной литературе нет однозначного определения, что такое промышленник или промышленный человек — к этой категории русского населения Сибири нередко относят всех, кто занимался каким-либо промыслом, например, охотничьим, соляным, извозным, рудным, портняжным, свечным и т.д. На протяжении XVII–XVIII вв. значение термина «промышленный» существенно трансформировалось. В XVII в. к промышленным людям относили прежде всего профессиональных охотников, занимавшихся промыслом соболей и других животных с ценным мехом, а также добычей рыбы, рыбьего зуба (моржовых клыков), соли, ломкой слюды, плавкой железа. Эти занятия были для промышленных основной, чаще единственной сферой деятельности, и их объединяет присваивающий характер хозяйственной деятельности. Промышленные крайне редко занимались промыслом в одиночку, объединяясь в артели, состоявшие обычно из 4–6 человек, иногда — из 30–40. Артели могли состоять из своеужинников (лиц, которые снаряжались за свой счет) или покрученников — тех, кто получал от нанимателя все необходимое для промысла, за что должен был отдавать ему $\frac{2}{3}$ добычи. Большей частью они были выходцами из Поморья и других регионов севера европейской части России, где они были черносошными крестьянами или посадскими. В отличие от сибирских крестьян, посадских и цеховых, они не несли тягла, были относительно свободными, могли самостоятельно определять место жительства и род занятий. Обязательства перед государством были весьма ограниченными: промышленные были обязаны лишь уплачивать десятину — десятую часть добытой пушнины, рыбы, слюды и т.д. В XVIII в. доля таких русских в общей численности населения резко уменьшилась, а термин «промышленные» стали применять в отношении целого ряда других категорий сибиряков.

Г.В. Стеллер в описании Иркутска, составленном в 1740 г., писал по этому поводу: «Промышленные являются выходцами из всех городов России и Сибири, но большинство из них со времени прекращения торговли в Архангельске прибыло из Архангельской провинции и городов Устюг, Вологда, Соль Вычегодская, Яренск, а также городов Арзамас, Ярославль и Рязань. В России их называют бурлаками и гулящими, но здесь они безосновательно получили название “промышленные”. Они могут заниматься всем, чем хотят, тогда как прежде это название прилагалось лишь к тем, кто ходил компаниями на соболиный, лисий, бобровый и песцовый промыслы, на рыбную

und der umliegenden Gegenden // Georg Wilhelm Steller, Stepan Krascheninnikov, Johann Ebergard Fischer: Reisetagebücher 1735 bis 1743. Halle, 2000. S. 1–75.

ловлю или занимался торговлей и поставлял купцам слюду и тому подобные вещи».²

С известными оговорками к промышленным можно отнести и так называемых бугровщиков, занимавшихся поисками могильного золота на юге Западной Сибири и юге Красноярского уезда. Во второй половине XVII – начале XVIII в. сотни бугровщиков отправлялись на этот промысел, собираясь крупными ватагами, что было вызвано опасностью набегов телеутов, джунгар и других кочевых народов. Этот промысел просуществовал относительно недолго, поскольку почти все известные к тому времени археологические памятники были быстро разграблены. Находки бугровщиков были большей частью переплавлены, и лишь небольшая их часть сохранилась в Эрмитаже. С одним из последних бугровщиков, продолжавших раскопки, одноруким стариком, жившим в хижине на юге Красноярского уезда, в 1739 г. познакомились академики Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин и получили от него ценные сведения о классификации археологических памятников.

Своеобразным промышленным человеком в старости стал переводчик академического отряда Второй Камчатской экспедиции Я.И. Линденау, автор целого ряда ценных географических и этнографических трудов. Заслуги ученого не были по достоинству оценены: обращения корреспондента Академии Э. Лаксмана с просьбой о небольшой пенсии престарелому ученому, находящемуся в бедности и крайней нужде, остались без ответа. Линденау отказался от приглашения Лаксмана жить у него в квартире в Иркутске и последние годы прожил в хижине на р. Осе близ Балаганска, добывая себе пропитание ломкой селитры в ущельях. Здесь он в 1795 г. в возрасте 95 лет и погиб во время пожара в жилище, в котором сгорели и его рукописи.³

В начальный период присоединения Сибири к России именно промышленные и служилые люди были первопроходцами: они занимались «приискиванием» новых территорий и необъясченных народов, участвовали в военно-промысловых экспедициях. При этом роль промышленных в этом процессе нередко преуменьшается и лавры славы достаются служилым. Примером может служить знаменитый поход служилого Семена Дежнева, первым из европейцев прошедшего из Ледовитого океана в Тихий через Берингов пролив. Однако, кроме Дежнева, все остальные участники похода общей численностью 63 человека были промышленными во главе с Федотом

² *Steller G.W. Beschreibung der Stadt Irkuck... S. 30–31.*

³ *Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983. С. 10.*

Алексеевым (или Холмогорцем), который и снарядил экспедицию. Из них 12 были покручениками Алексеева, а 50 являлись своеужениками, своего рода пайщиками Алексеева, которые снаряжались за свой счет. Алексеев погиб уже в Тихом океане, но он, несомненно, заслуживает не меньшей славы, чем государев служилый Дежнев.⁴ Так или иначе, благодаря таким людям, как Алексеев и его товарищи, в литературе сложилось общее представление о промышленных как людях авантюристического склада, отважных, решительных, выносливых, обладавших твердой волей и жестким характером.

К промышленным людям конца XVII – первой половины XVIII в. данная характеристика приложима не в полной мере. Показателем может служить следующее обстоятельство. Взаимоотношения промышленных с коренным населением, как и прежде, были весьма непростыми, а вооруженные столкновения и грабежи – достаточно обыденным явлением. Для аборигенов основной причиной нападений на промышленных было стремление не допустить русского промысла в угодьях, которые они считали своими и в которых они добывали соболей для уплаты ясака, однако иногда мотивы были элементарно грабительскими. Убийства промышленных чаще всего происходили в местах кочевок воинственных тунгусов и ненцев-юраков: так, в 1634 г. только на Нижней Тунгуске они убили 53 человека, в последующие годы нападения продолжались, что привело к почти полному прекращению русского промысла в бассейне этой реки. Сравнительно редкими были грабежи ясачных со стороны промышленных, да и то это обычно происходило не во время промысла. Еще реже они решались на вооруженные акции против аборигенов – если ясачные за убийства промышленных часто не несли никаких наказаний, то убийства ясачных промышленными, даже если это были ответные действия, власти рассматривали как ущерб для казны. Челобитные промышленных на имя царя, просивших разрешения «ратным боем смирить изменных» ясачных, почти всегда оставались без ответа. Решительные и отважные в других обстоятельствах, обычно располагавшие огнестрельным оружием, промышленные при нападении на них аборигенов чаще всего обнаруживали полнейшую беспомощность и покорность. Постоянная опасность, исхившая от аборигенов, заставляла промышленных прибегать к мерам предосторожности: съестные припасы они прятали в ямах, шкурки добытых соболей помещали в выдолбленные колоды и зарывали их в снег неподалеку от станов.⁵ Чтобы предотвратить грабежи и убийства, промышленные нередко брали с собой в качестве подарков или обмен-

⁴ Демин Л.М. Семен Дежнев. М., 1990. С. 167–172.

⁵ Крашенинников С.П. О соболином промысле... С. 676–677, 682.

ных товаров бусы, бисер, медные котлы и др. Нападения ясачных на промышленных стали редкими лишь к началу XVIII в., что связано с кризисом промышленной деятельности в условиях истощения пушных ресурсов. Впрочем, окончательно эти нападения не прекратились и к середине XVIII в. Так, Г.В. Стеллер, описывая наиболее богатые рыбой районы Байкала, куда отправлялись артели промышленных, называет и место впадения в озеро Верхней Ангары, добавляя при этом: «Однако сейчас к Верхней Ангаре никто больше не отваживается идти, так как тамошние тунгусы более дерзко, чем где-либо, отбирают у промышленных рыбу, а при сопротивлении убивают, что они делали неоднократно».⁶

Пушной и рыбный промыслы сопровождались множеством запретов и ритуалов, несоблюдение которых грозило виновным карам со стороны артельщиков, иногда жестокими. О некоторых таких правилах сообщает С.П. Крашенинников: идя на соболиный промысел каждый брал с собой иконку, первый стан промышленный рубил на имя определенной церкви и первые соболи, добытые на этом стане, предназначались в дар этой церкви; последующие станы рубились на имя того или иного святого и если у промышленных имелись с собой образа этих святых, то первые добытые здесь соболи отдавались им (все другие соболи делились поровну между членами артели). Тягчайшими преступлениями считались попытки утаить добычу, есть тайком от других. Существовали табу на именование некоторых животных их настоящими именами: ворона следовало называть верховым, змею — худой, кошку — запеченкой. Ученый отмечает, что в прежние времена табуированных названий было гораздо больше: церковь полагалось называть востроверхою, бабу — шелухой, девуку — простыгой и т.д. Неудачу в промысле обычно объясняли тем, что соболь не только очень умен, но и прозорлив, от него не могло скрыться любое прегрешение и за это он наказывал всю артель тем, что съедал приманки, портил ловушки и уходил невредимым. Крашенинников пишет: «И так велико их суеверие, что буде кто станет их разговаривать и их суеверие обличать, то им то весьма противно, но на том стоят, что конечно от сего так, как и от воровства, промысел портится».⁷

Несколько иными были, как пишет Стеллер, запреты при рыбной ловле на Байкале, отмечая при этом сочетание православной набожности с верой в могущество божества Байкала: «Между собой артельщики живут очень мирно, полюбовно улаживают возникающие ссоры, взаимно дружелюбны и учтивы. Когда они обедают, то перед

⁶ *Steller G.W. Beschreibung der Stadt Irkuck... S. 31.*

⁷ *Крашенинников С.П. О соболинном промысле... С. 679.*

этим благоговейно молятся. За столом же не ведется никаких разговоров и стоит такая тишина, как в столовой Сиротского дома в Галле. После обеда артельщики повторно молятся... Бесшабашных голов они совсем не принимают в артель или выгоняют из нее, поскольку, как они говорят, беспорядок может рассердить божество озера».⁸

В начале XVII в. промышленные редко обзаводились в Сибири семьями и оставались жить здесь постоянно. Однако со временем таких становилось все больше, и в условиях дефицита русских женщин они часто женились на крещеных представительницах коренных народов, в том числе взятых «на погроме» (ясырках). Так, в 1630-х гг. «на погроме» промышленным Друганом была захвачена якутка Намыцай, у которого она прожила 5 лет, затем Друган продал ее промышленному Костромину, который в Якутске перепродал ее промышленному Упругому, который, в свою очередь перепродал ее своему брату Иванову, который испросил разрешение крестить Намыцай и жениться на ней.⁹ По данным Б.О. Долгих и И.С. Гурвича в середине – второй половине XVII в. в разное время у русских находилось от 10 до 20 % юкагирских женщин детородного возраста. Нередко будущих жен или сожительниц покупали, как это сделал уже женатый знаменитый землепроходец и промышленный Е.П. Хабаров (жена с семьей оставалась в это время в Устюге), купивший «якутскую женку» у некоего Балагура, который, в свою очередь, купил ее у отца за кобылу.¹⁰ На представительницах коренных народов были женаты некоторые участники похода С. Дежнева и Ф. Алексеева, в частности, на якутке Абакайда Сичю был женат Семен Дежнев.¹¹ Впрочем, женитьба на нерусских женщинах была широко распространена лишь на северо-востоке Сибири.

Хищническое истребление ценных пушных зверей привело к тому, что уже к середине XVII в. промышленные оставили огромные территории, прежде всего в Западной Сибири, где и раньше промысел был незначительным, не в последнюю очередь потому, что мех соболя в бассейне Оби был низкого качества и оценивался обычно в 50 коп., а в отдельные годы средняя цена опускалась до 20–25 коп. Цена соболя в Восточной Сибири составляла 1–5 руб., а наиболее ценные экземпляры оценивались еще выше. Особенно дорогими были так называемые парные соболи высшего качества, цена на которые доходила до 100 руб. за пару. Однако и в Восточной Сибири в XVIII в. пушной про-

⁸ *Steller G.W. Beschreibung der Stadt Irkuck... S. 32–33.*

⁹ *Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. С. 94–95.*

¹⁰ Там же. С. 97.

¹¹ *Демин Л.М. Семен Дежнев. С. 141.*

мысел переживал кризис, и промышленные не могли рассчитывать на большую доходность этого занятия. Тем не менее каждый год десятки артелей уходили в тайгу, не пытаясь заняться более прибыльным делом. На одну из причин этого указывает Стеллер. По его словам, за несколько десятилетий интенсивного лова на Байкале количество наиболее ценной рыбы уменьшилось многократно. К примеру, если в начале XVIII в. артель нередко добывала за одну тоню¹² до 60 бочек осетров, то к 1740 г. за весь сезон удавалось добыть лишь 7 бочек. По подсчетам ученого, на Байкале рыболовная артель из 14–15 человек в среднем тратила на суда (дошаник и две лодки), снасти и провиант около 500 руб., а добытая рыба стоила менее 600 руб., таким образом, за тяжкий труд в течение всего лета артельщик получал лишь около 6 руб. Ученый объясняет, почему промышленные не бросают это занятие — они идут на это потому, что ими движет желание хоть какое-то время быть свободными: «Особенное удовольствие им доставляет то, что ими никто не командует, и они сами себе господа».¹³

К середине XVIII в. основная масса осевших в Сибири промышленных людей основной доход получала уже не от соболиного промысла, а от других занятий, постепенно переходя в сословия посадских, крестьян, цеховых. Многие из них в зимнее время по-прежнему занимались охотничьим промыслом, однако охота велась уже преимущественно на менее ценных пушных животных. В Мангазейском уезде, где в первой половине XVII в. добычей пушнины занималось до 2 тыс. человек в год, к началу XVIII в. соболиный промысел почти прекратился, однако многие промышленные осели здесь, ведя комплексное хозяйство (добыча лисиц, песцов, белок, лосей, оленей, рыболовство и скотоводство). В ответах Мангазейской (Туруханской) воеводской канцелярии на анкету Г.Ф. Миллера (1739 г.) по пункту «Какие в Туруханском ведомстве имеютца пашенные заимки и поселения промышленных людей, и на каких урочищах и в каком они расстоянии промеж себя и от города, и сколько в котором месте домов и каких чинов людей» сообщалось о местоположении около 250 промышленных «коренных» и «отъезжих» зимовьях и их владельцах.¹⁴

В трудах участников Второй Камчатской экспедиции можно обнаружить немало оценок качеств, присущих промышленным людям. Г.В. Стеллер писал об иркутских промышленных: «Первое: они очень трудолюбивы, и с удовольствием видишь, с какой сноровкой и с ка-

¹² Тоня — место рыбной ловли; круг работ от постановки невода до его выборки и вылова рыбы.

¹³ *Steller G.W. Beschreibung der Stadt Irkuck... S. 33.*

¹⁴ РГАДА. Ф. 199. Портфель 481. Ч. 5. Л. 112–131.

кой энергией они принимаются за свою работу, почему и работают втрое быстрее, чем ленивые сибиряки. Второе: промышленные высоко ценят себя и свои умения, чему способствует то, что все местное стоит вдвое дороже, чем сделанное в Москве. Третье: они содержат, снабжают и охраняют Иркутц, поскольку являются рыбаками, крестьянами, ремесленниками, а по первому знаку становятся хорошими солдатами... Четвертое: промышленные наносят вред Иркутцу тем, что не могут жениться; это приводит к повсеместному распространению распутства и умножению заболеваний сифилисом». ¹⁵ Очень высоко оценил он профессиональные навыки промышленных: «Почти все ремесленники в Иркутке — промышленные. Иногда трудно определить, в Москве или в Иркутке выполнена работа золотых или серебряных дел мастеров по литью, ковке, чеканке и гравировке. Они изготовляют даже математические инструменты — квадранты, астролябии, циркули, — и так умело, что скорее можно было бы предположить, что они сделаны в Англии, нежели в Сибири русскими. Гранильщики, токари по дереву, железу, серебру, рогу и кости, мастера медного литья, проволочники, пуговичники, ...кузнецы, слесари, жестянщики — в основном из промышленных». ¹⁶

Как и в Мангазейском уезде, значительную часть постоянного русского населения в других северных уездах — Илимском и Якутском — составляли крестьяне и посадские, происходившие из промышленных людей. Наблюдения, сделанные Г.В. Стеллером во время путешествия 1740 г. от Иркутска до Якутска дали повод ученому сделать вывод о том, что суровые природные условия способствуют формированию лучших человеческих качеств. Среди отличительных черт ленского крестьянства он называет нравственное и физическое здоровье, а также систематический напряженный труд, что соответствовало идеалам путешественника-лютеранина. По оценке Стеллера, жители русских деревень по р. Лене были более зажиточны, чем те, кто жил в более благоприятных климатических условиях, отличались многодетностью, завидным здоровьем и долголетием (ученому довелось беседовать с двумя стариками, которым было более 100 лет). Причину этого он видел в трудолюбии жителей, которые «все поголовно стараются, насколько возможно, избавиться от нужды, занимаются земледелием, скотоводством, подводной гоньбой, ткачеством и т.д.». Пушной промысел оставался одним из основных занятий и, по свидетельству Стеллера, каждый мужчина зимой настраивал от 300 до 1000 плашек. ¹⁷ Для Стеллера особенно отрядным

¹⁵ *Steller G.W. Beschreibung der Stadt Irkuck... S. 40.*

¹⁶ Там же.

¹⁷ Плашки — самоловные орудия на мелких пушных зверей давящего типа.

было видеть, что постоянным трудом были заняты не только мужчины и женщины, но и дети: «Здесь не увидишь ни одного дома, где бы не изготовляли из пряденой конопля мешки, не ткали рубахи, штаны и полотно... Здесь же можно заметить, как женщины из-за нехватки покосов собирают траву в лесу на немецкий манер... нередко видишь, как женщины и девочки 8–10 лет и мальчики 8–9 и 10 лет выполняют роль подводчиков, чтобы взрослые могли заниматься домашними работами и промыслом».¹⁸

С этими оценками сходны наблюдения И.Г. Гмелина. Путешествуя по Лене, он писал о большом недостатке ленских промышленных людей и крестьян. Объясняет это ученый большим трудолюбием и мастерством местных жителей. Так, многие из них летом без потерь доставляли муку в Якутск на плотах собственной постройки грузоподъемностью до 2000 пудов. При этом казенные плоты такой же величины стоили вдвое больше, могли взять наполовину меньше груза, имели вдвое больше плотогонов и, тем не менее, редко доставляли муку в сохранности. В связи с этим Гмелин пишет о крестьянах-плотогонах: «Поэтому они всегда возвращаются с хорошей прибылью, а так как они еще хорошо зарабатывают белкованием, то крестьяне на Лене не могут жаловаться на плохое существование... Каждая крестьянка имеет шелковые платья...».¹⁹ Подробно описан путешественником слюдяной промысел на Витиме и в этом случае он отмечает большое трудолюбие промышленных.²⁰

Промышленные люди сыграли выдающуюся роль в присоединении Сибири к России и в освоении ее природных ресурсов, они стали важной составной частью постоянного русского населения азиатской части страны. Важно отметить и то, что когда речь заходит об особом характере сибиряков, следует помнить, что многие лучшие черты этого характера сформировались под влиянием именно промышленных людей.

¹⁸ *Steller G.W. Reisejournal von Irkuck nach Ochock... // Georg Wilhelm Steller, Stepan Krascheninnikov, Johann Ebergard Fischer. Reisetagebücher 1735 bis 1743. S. 88.*

¹⁹ Цит. по: *Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 171.*

²⁰ Там же. С. 172–175.

И.А. ШИПИЛОВ

ПЕРЕВОДЧИК ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ И.П. ЯХОНТОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СИБИРИ

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: Shipilof@yandex.ru

В статье впервые в научной литературе на основе комплексного изучения материалов из наследия переводчика Второй Камчатской экспедиции И.П. Яхонтова, в том числе не введенных в оборот, осуществлена репрезентация всех функций Яхонтова в экспедиции, дана его обстоятельная характеристика как исследователя Сибири. Автор, проанализировав многочисленные источники и историографию на русском и немецком языках, показал, что Яхонтов в ходе экспедиции не только успешно выполнил свои прямые обязанности переводчика, но также проявил себя как копиист, канцелярист, универсальный исследователь — этнограф, географ и натуралист.

Ключевые слова: история изучения Сибири, Вторая Камчатская экспедиция, переводчик И.П. Яхонтов, делопроизводство, путевые описания, вопросы этнографии якутов и бурят.

Материалы из богатейшего наследия Второй Камчатской, или Великой Северной, экспедиции (далее ВКЭ) были и становятся предметом научных работ отечественных и зарубежных исследователей. Как правило, в историографии основное внимание сконцентрировано на профессиональной деятельности руководителей экспедиции, а экспедиционная работа студентов, геодезистов, переводчиков, копиистов и иных представителей вспомогательного персонала ВКЭ мало изучены. Не являются исключением труды и материалы переводчика академического отряда (далее АО) ВКЭ И.П. Яхонтова.

Илья Петрович Яхонтов, сын священнослужителя из Ярославля (по другим данным, из Костромы), был принят в гимназию АН 28 июля 1726 г. в возрасте 15 лет.¹ Его успехи в изучении немецкого, латинского и французского языков были отмечены конректором немецкого класса гимназии М.М. Шванвицем, который с 1728 г. начал привлекать Яхонтова к переводам текстов с немецкого на русский язык для газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и научно-популярного журнала «Месячные исторические, генеалогические и

¹ МИИАН. Т. 1: 1716–1730. СПб., 1885. С. 225; МИИАН. Т. 6: История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжениями И.-Г. Штриттера: 1725–1743. СПб., 1890. С. 629.

географические примечания в Ведомостях».² Этой деятельностью Яхонтов, с 1730 г. в штате АН в должности «ученика переводчика» с ежегодным жалованием в 24 рубля, занимался вплоть до своего отъезда во ВКЭ в 1733 г.³ Высокое качество его работ отмечалось как его коллегами, например, В.Е. Ададуровым,⁴ так и АН.⁵ Однако академическое руководство не спешило повышать Яхонтова в должности и по достоинству вознаграждать его: в 1733 г. он получал 72 руб. в год,⁶ тогда как другие переводчики ежегодно получали 144 руб. и более.⁷

На способности Яхонтова обратил внимание и Г.Ф. Миллер, являвшийся редактором названных выше академических изданий с 1728 по 1731 г. В 1733 г., после трагической гибели от разорвавшейся петарды ученика А. Леонтьева, проходившего в АН подготовку к ВКЭ, единственной кандидатурой для его замены в АО, предложенной профессорами Г.Ф. Миллером, И.Г. Гмелиным и Л. Делиль де ла Кройером, был И. Яхонтов. Профессора в «Доношении» в Сенат просили установить для Яхонтова ежегодный оклад в 200 рублей, которого он, по их мнению, был достоин.⁸ В результате по Сенатскому указу от 26 апреля 1733 г. Яхонтов был включен в состав АО ВКЭ в должности переводчика с ежегодным жалованием в 120 рублей.⁹ В ходе путешествия, при содействии Миллера и Гмелина, его годовой оклад был увеличен до 144 руб.¹⁰ Для сравнения отметим, что работавшие в экспедиции с конца 1730-х гг. переводчики и копиисты Я.И. Линденау и А.В. Мартины получали по 300 и 240 руб. в год соответственно.¹¹

Рассмотрим, какие именно работы осуществил Яхонтов в экспедиции.

Начиная с первого года путешествия и до своей смерти (4 марта 1739 г.), Яхонтов исправно выполнял свои прямые обязанности переводчика. Во-первых, знание им немецкого, латинского и французского языков позволяло беспрепятственно общаться и наладить взаимопонимание между профессорами — выходцами из Германии и Франции и русскоязычным вспомогательным персоналом АО ВКЭ.

² МИИАН. Т. 1. С. 603.

³ Там же. С. 650, 654; МИИАН. Т. 2: 1731–1735. СПб., 1886. С. 262–263.

⁴ МИИАН. Т. 6. С. 233.

⁵ Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition 1730–1733: Akademiegruppe. Halle, 2004. S. 365.

⁶ МИИАН. Т. 1. С. 263.

⁷ Там же. С. 189, 482, 500, 619–620.

⁸ Там же. С. 398.

⁹ Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition 1730–1733. S. 360, 385.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 25. Л. 2.

¹¹ МИИАН. Т. 4: 1739–1741. СПб., 1887. С. 142, 258.

В дополнение к этому Яхонтов помогал осваивать русский Миллеру и Гмелину. Во-вторых, Яхонтовым были сделаны многочисленные переводы на русский язык немецких, латинских и французских оригиналов рапортов и доношений в Сенат и АН, промеморий в канцелярии учреждений сибирской администрации, служебных писем, инструкций сотрудникам и иных материалов делопроизводства АО ВКЭ за авторством Миллера, Гмелина и де ла Кройера.¹² Иногда такие документы он составлял непосредственно со слов руководителей АО.¹³ В данном случае Яхонтов выполнял функции как переводчика, так и секретаря профессоров. В-третьих, Яхонтову принадлежат русскоязычные переводы некоторых написанных по-немецки научных трудов профессоров, примерами которых являются «Известия о северном ходе из устья Лены реки для проведывания восточных земель» и «География и устройство Камчатки на основании различных письменных и устных сообщений, собранных в Якутске в 1737 году» Миллера.¹⁴ Отметим, что «География и устройство Камчатки...» в переводе Яхонтова была использована С.П. Крашенинниковым в качестве руководства по исследованию полуострова.¹⁵ Также Яхонтов помогал Миллеру и Гмелину переводить и/или транскрибировать на немецкий слова и фразы из русского языка и его местных диалектов, языков и диалектов коренных народов Сибири.¹⁶

Миллер и Гмелин неоднократно отмечали высокий уровень переводов Яхонтова, его общую эрудированность и способность находить точные аналоги в русском языке при трансляции немецкого оригинала, равно как и при переводе с русского на немецкий.¹⁷

В ходе путешествия обязанности переводчика Яхонтов сочетал с деятельностью копииста. Его, как и студентов В. Третьякова, С. Крашенинникова, А. Горланова, Г.Ф. Миллер постоянно привлекал к снятию полнотекстовых копий или составлению экстрактов с документов из хранилищ учреждений сибирской администрации.¹⁸ Следует

¹² СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 18, 20, 24; Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition 1730–1733; Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition Januar – Juni 1734: Akademiegruppe. Halle, 2006.

¹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Кн. 664. Л. 214, 229; Кн. 666. Л. 478–478 об.; Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition 1730–1733. S. 340–341, 362–363, 388–389.

¹⁴ Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2: XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965. С. 86, 172.

¹⁵ Там же. С. 172.

¹⁶ Белковец Л.П. Иоганн Георг Гмелин: 1709–1755. М., 1990. С. 95, 120.

¹⁷ МИИАН. Т. 6. С. 349; Johann Georg Gmelin: Expedition ins unbekannte Sibirien. Sigmaringen, 1999. S. 274–275.

¹⁸ Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 62–63.

признать, что не все такие работы были выполнены Яхонтовым идеально. В научной литературе известен случай явного несоответствия оригиналам копий трех актов, снятых для Миллера переводчиком в Якутском «архиве» в 1736–1737 г.¹⁹ В то же время исследователями отмечен и тот факт, что большая часть копий и экстрактов, сделанных Яхонтовым, точно передают содержание подлинников, которые уже тогда были в плохом состоянии.²⁰ Возможно, ошибки, допущенные Яхонтовым, стали следствием недостатка времени и сил для скрупулезной работы над огромным массивом документов, обнаруженных в Якутской воеводской канцелярии. Дефицит времени был обусловлен тем, что он параллельно с копированием продолжал исполнять обязанности переводчика и секретаря, а также выполнял географические, этнографические и естественнонаучные исследования, которые стали чаще поручаться ему профессорами после отъезда Крашенинникова в 1737 г. в Охотск и на Камчатку. Хотя руководители АО ВКЭ привлекали его к научно-исследовательской работе и ранее.

Зимой 1735 г., отправляясь из Енисейска в Красноярск, Миллер поручил описывать путь Яхонтову, который с тех пор систематически выполнял такие задания, путешествуя вместе с историком.²¹

Как определено нами, путевые описания представителей вспомогательного персонала АО ВКЭ, работавших под руководством Миллера и Гмелина, являются научными географическими описаниями страноведческого характера, то есть содержат сведения о географическом положении, конфигурации, рельефе, водоемах, почве, растительном и животном мире, минеральных и иных ресурсах, населении определенной территории.²² Не исключение и работы И. Яхонтова.

Основной компонент их содержания — сведения о географических объектах, расположенных на территории, по которой проходил маршрут. В первую очередь, это информация о бассейнах многочисленных водоемов Сибири. И. Яхонтовым описан Енисей на участке течения между Красноярском и Енисейском.²³ В его работах имеется информация об оз. Байкал, текущих в него реках и берущей в нем начало Ангаре.²⁴ Яхонтов принимал участие в исследовании водной

¹⁹ Там же. С. 125–127.

²⁰ Андреев А.И. Прим. к § 46 Гл. 4 // Миллер Г.Ф. История Сибири. С. 499.

²¹ О маршрутах, описанных И. Яхонтовым, см.: Шипилов И.А. Путевые описания вспомогательного персонала Второй Камчатской экспедиции как источник по истории изучения Сибири // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2016. С. 128.

²² Там же. С. 141.

²³ РГАДА. Ф. 199. Портф. 517. Ч. 1. Д. 11. Л. 2–9 об.; Д. 14 а. Л. 1–4.

²⁴ РГАДА. Ф. 199. Портф. 517. Ч. 1. Д. 16. Л. 2–6 об.

системы р. Лена в ее верхнем и среднем течении от Качуга до Якутска, осуществленном в 1736 г. по заданию профессоров, совместно с С. Крашенинниковым, А. Горлановым и А. Ивановым.²⁵ В ходе поездки по Забайкалью Яхонтов обследовал и описал речные системы Аргуни и Шилки.²⁶

В его гидрологических описаниях имеются сведения об особенностях береговой линии, островах, опасных местах (отмелях, порогах) и, напротив, благоприятных участках водоемов для навигации, причаливания и стоянки судов. Например, в «Описании водяного пути от города Иркутска вниз по рекам Ангаре, Тунгуске и Енисею до города Енисейска» Яхонтов зафиксировал более ста островов на Ангаре от впадения Иркуты до устья, значительная часть которых именовалась одинаково: Березовый, Лиственничный, Сосновый, Каменный, Конный, Еловый.²⁷ При этом, согласно примечанию переводчика, среди многих больших и малых островов «токмо главнейшие и знатнейшие показаны...».²⁸ Кроме того, им описаны главные ангарские пороги (Похмельный, Пьяный, Падунский, Долгий, Шаманский) и многочисленные каменистые перекаты — «шиверы», располагавшиеся в основном ниже Братского острога, отмечены направления безопасного судового хода в этих местах.²⁹

Путевые описания Яхонтова содержат сведения о рельефе, флоре и фауне, природных зонах посещенных им областей.³⁰

Также в описаниях путешествий Яхонтова имеется этнографическая информация. Прежде всего, это сведения о местах расселения бурят, эвенков, эвенов, якутов и других сибирских этносов и их территориальных групп.³¹ Помимо этого, в его работах есть данные по аборигенной топонимике, анализ которых позволяет восстановить страницы из истории народов, их языковые и культурные параллели, осветить иные историко-этнографические вопросы. Названия географических объектов, зафиксированные на языках коренных народов, в описаниях путей Яхонтова по территориям современных Красноярского края, Иркутской области, Республик Бурятия и Якутии, Забайкальского края свидетельствуют о продолжительных на

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 24. Л. 128–176 об.

²⁶ Там же. Л. 38–66.

²⁷ РГАДА. Ф. 199. Портф. 517. Ч. 1. Д. 26. Л. 2–31.

²⁸ Там же. Л. 12.

²⁹ Там же. Л. 14 об., 16, 17 об., 18 об.

³⁰ Подробнее см.: *Шилов И.А.* Путевые описания... С. 136.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 24. Л. 33 об.; РГАДА. Ф. 199. Портф. 517. Ч. 1. Д. 12. Л. 9 об.; Д. 13. Л. 4 об., 5 об.

тот момент лингвистических и культурных связях между бурятами, монголами, эвенками и якутами.³²

Кроме того, Яхонтов был автором специальных этнографических описаний языческих обрядов, происходивших во время якутского праздника Ысыах, бурятских праздников Кырык и Таилга, выполненных по поручениям Миллера и по результатам личных наблюдений.

Ысыах состоялся 31 мая 1737 г. у князька Кангаласской волости (р-н г. Якутска) Мекчиргая, на котором из членов АО ВКЭ также присутствовали Миллер и Гмелин, составившие свои записи о празднике. Как показал А.Х. Элерт, в описаниях якутского торжества Миллера и Яхонтова отражено четкое распределение задач между профессором и его помощником при осуществлении этнографического исследования: первый «брал на себя выяснение сути обрядов, значение всех действий», дополняя увиденное, сведениями из бесед с участниками праздника, а второму поручал «фиксировать внешнюю сторону происходившего, последовательность действий шаманов и других лиц».³³ Можно заметить, что Миллер ориентировал Яхонтова на осуществление этнографического описания по тем же научным принципам (единой методике научного исследования), которые транслировались профессором посредством собственных работ и инструкций представителям вспомогательного персонала АО ВКЭ для составления путевых описаний: скрупулезная регистрация фактов и минимум личного (эмоционального) отношения авторов к описываемым явлениям и событиям.³⁴

Руководствуясь данными принципами, Яхонтов лаконично, но весьма точно описал основные этапы Ысыаха. Во-первых, он сообщил о приготовлениях к церемонии: оформлении интерьера летней юрты (урасы) Мекчиргая, порядке размещения в ней гостей и участников праздника («шаман и летний шаман» с двумя помощниками в центре, тойон со старейшиной напротив двери, остальные по сторонам юрты) и раздачи чаш с кумысом, воткнутых перед юртой березовых ветках. После этого происходил обряд кропления кумысом божествам и духам, в котором, как заметил Яхонтов, принимали участие оба шамана, но с ведущей ролью «летнего» (белого). Это выразилось в том, что пока «шаман говорил 22 молитвы к разным своим богам...», именно белый шаман с помощью крапильной лопатки хамьег черпал кумыс из чаш у стоящих рядом с ним якутов «и безпре-

³² РГАДА. Ф. 199. Портф. 517. Ч. 1. Д. 12. Л. 5–6 об.; Д. 13. Л. 14 об.

³³ Элерт А.Х. Якутский праздник Ысыах в описаниях участников Второй Камчатской экспедиции // Источники по русской литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 258.

³⁴ Элерт А.Х. Предисловие // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 12.

станно брызгал кверху, и его речи повторял». Затем участники церемонии, используя хамьяг, предсказывали, по их мнению, будущее. С этой целью крапильную палочку подбрасывали над поставленным перед дверью лукошком с кумысом, если она падала на землю или в чашу выделанной стороной вверх, то всех ждало счастливое будущее. Далее происходил обряд коллективного питья священного кумыса, которым считался напиток, находившийся в сосудах у шаманов, их помощников и в упомянутом выше лукошке. После празднующие выходили из юрты и рассаживались кругами у берез, между которыми уже стояли «кожаные посуды» (симиры) с кумысом. Шаманы освящали напиток и угощали всех, начиная со стариков. За обрядовым угощением следовали традиционные развлечения: у мужчин борьба, бег наперегонки, прыжки на одной ноге, у женщин, которые праздновали и веселились отдельно, — танцы. Когда все симиры были опустошены, все расходилось.³⁵ По подсчетам Яхонтова, в праздновании, которое он наблюдал, участвовало около ста мужчин.³⁶

По указанным выше научным принципам, Яхонтовым были выполнены и два «Описания» бурятских праздников: «...Кырык называемого, которой был на реке Китое в Конгодорском роду»³⁷ 26 июня 1738 г. и «...называемого таилга, которой отправлялся на усть Унги реки в Муруеве и Кинатове роде»³⁸ 7 августа того же года.

Как сообщает Яхонтов, праздник Кырык был посвящен «небесному богу Манджилаю» и другим небожителям (тэнгри), а таилга — богу, о статусе которого переводчик подробной информации не дает.³⁹ Пояснения к этому имеются в материалах Миллера, согласно которым таилга проводился в честь божеств (эжинов) земли и подземного мира.⁴⁰ По сведениям Яхонтова, таилга был более масштаб-

³⁵ Ысыах в описании И. Яхонтова // *Элерт А.Х.* Якутский праздник Ысыах... С. 260–262; ср. Якуты (Саха). М., 2012. С. 246.

³⁶ Ысыах в описании И. Яхонтова... С. 262.

³⁷ *Яхонтов И.П.* Описание братского праздника, Кырык называемого, которой был на реке Китое в Конгодорском роду; опубл. в: *Элерт А.Х.* Языческие обряды аборигенов Сибири в трудах и материалах участников Второй Камчатской экспедиции. Статья вторая // *Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция.* Новосибирск, 2014. С. 189–193.

³⁸ *Яхонтов И.П.* Описание братского праздника, называемого таилга, которой отправлялся на усть Унги реки в Муруеве и Кинатове роде; опубл. в: *Элерт А.Х.* Языческие обряды аборигенов Сибири в трудах и материалах участников Второй Камчатской экспедиции [статья первая] // *Археографические исследования отечественной истории: Текст источника в литературных и общественных связях.* Новосибирск, 2009. С. 214–216.

³⁹ *Яхонтов И.П.* Описание братского праздника, Кырык называемого... С. 190, 192; *Яхонтов И.П.* Описание братского праздника, называемого таилга... С. 215.

⁴⁰ *Элерт А.Х.* Языческие обряды аборигенов Сибири... [статья первая]. С. 225, сн. 14.

ным, чем Кырык, торжеством. В нем участвовали два рода унгинских бурят, обряды осуществляли шаман и 18 помощников, названных переводчиком «пономарями», было принесено в жертву 9 животных. Кырык проводился для одного рода хонгдорских бурят, церемонию вел шаман с 12 ассистентами, было совершено одно жертвоприношение.⁴¹

Как показано в «Описаниях» Яхонтова, оба бурятских праздника, кроме заключительных обрядовых действий, проходили по схожему сценарию. Церемониям предшествовала подготовка выбранных мест (в обоих случаях это речной берег), где устанавливались 9 священных березовых веток (тургэ), между ними расстилались войлочные потники и расставлялись чаши и кожаные мешки с кумысом и молочной водкой, блюда с простоквашей тарак и мучной кашей саламат.

По сведениям Яхонтова, в церемониях принимали участие разные слои мужского бурятского населения от «родовых» (шуленг) до «рядовых». Из женщин при обрядах присутствовали только шаманки. На привилегированные места у священных тургэ, садились те, кто предоставил животных для жертвоприношений, и старейшины, а остальные стояли вокруг.

Церемонии начинались с троекратного произнесения шаманом «молитв», по завершении которых его помощники «подносили» кумыс или молочное вино божествам, выливая их из чаш на землю около тургэ. Затем «пономари» гадали о будущем, бросая чашки из-под кумыса перед собой, и если они падали на дно, то признавали «за счастье», и наоборот.

После этого наступала кульминация церемоний — жертвоприношения, во время которых шаман также произносил молебствия божествам. Мясо убитых животных готовилось на сделанных из описанных выше березовых веток жертвенниках. Сварившееся мясо и бульон «пономари» бросали палочками на жертвенник, а шаман просил у божеств счастья и благополучия всем присутствующим, начиная с тех, кто предоставил животных для жертвоприношений.⁴²

Как записал Яхонтов, обрядовая часть Кырыка завершалась «освящением» белой лошади шаманом с ассистентами.⁴³ Последним обрядовым действием тайлги было камлание шамана «у березы, на которую жеребьячья кожа взоткнута», с просьбами к эжинам даровать «счастия и всякаго изобилия» тем, «чьи были бараны и жеребенок».⁴⁴

⁴¹ Яхонтов И.П. Описание братского праздника, Кырык называемого... С. 189–193; Яхонтов И.П. Описание братского праздника, называемого тайлга... С. 214–216.

⁴² Там же.

⁴³ Яхонтов И.П. Описание братского праздника, Кырык называемого... С. 193.

⁴⁴ Яхонтов И.П. Описание братского праздника, называемого тайлга... С. 216.

Завершались обе церемонии всеобщим пиршеством и торжеством.

Сравнительный анализ этнографических трудов Яхонтова и изучение специальной научной литературы⁴⁵ позволяют сделать вывод о том, что переводчиком АО ВКЭ в обоих случаях с большой точностью были запечатлены разные формы бурятских тайлаганов («таилги» у Яхонтова) — церемоний, устраиваемых в определенное время года отдельными семьями, родовыми или территориальными группами, на которых шаман(-ы) посредством камланий «контактируют» с божествами и духами, посвящают им жертвоприношения хэрэг, или, по терминологии Яхонтова, Кырык, прося у них благополучия в семье и хозяйстве, удачи в делах, защиты от бед и несчастий, и прочего. Как следует из работ представителя вспомогательного персонала АО ВКЭ, таилга являлся более массовым, чем Кырык, празднеством, посвященным божествам более высокого уровня.

Историческая ценность этнографических работ Яхонтова состоит в том, что в них описаны традиционные обряды якутов и бурят, которые к настоящему времени, как в случае с Ысыахом, претерпели серьезные изменения, либо, как «братские праздники», вовсе перестали существовать.

Также Яхонтов помогал Миллеру собирать сведения по истории монголов и о бурятском ламаизме. В августе 1735 г. переводчик был отправлен профессором из Удинска (Улан-Удэ) в Селенгинск к главе цонгольских бурят тайше Лобзану и ламе Дзоржи за летопись древней истории монголов.⁴⁶ Яхонтов привез копию данной летописи Миллеру, который впоследствии использовал ее в качестве источника для «Истории Сибири».⁴⁷ В 1738 г. Яхонтов вновь был послан Миллером к ламе Дзоржи. По составленным профессором истории «Допросам...» представителю вспомогательного персонала следовало «у ламы Дзорджея выспросить»: сведения о книгах по монгольской истории до Чингисхана и периоде его правления, подробную информацию о Тибетской земле и вере.⁴⁸ Помимо этого переводчику было поручено попросить у ламы или купить и «с собою привезть»: «употребляющиеся при службе божией» бубны, трубы, четки, молитвенное колесо, амулеты, «различных бурханов» и другие вещи.⁴⁹ Об успешном выполнении Яхонтовым заданий Миллер сообщил в своем благодарственном письме к ламе, написанном по возвращении пере-

⁴⁵ Буряты. М., 2004. С. 372–380.

⁴⁶ С.П. Крашенинников в Сибири: Неопубликованные материалы. М., 1966. С. 81.

⁴⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири... С. 181.

⁴⁸ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 25. Л. 193 об.–194.

⁴⁹ Там же. Л. 194 об.–195.

водчика в Иркутск в июле 1738 г.⁵⁰ Привезенные переводчиком вещи по завершении ВКЭ дополнили коллекцию Кунсткамеры.⁵¹

По заданию Гмелина Яхонтов собирал этнолингвистические данные. По пути от Екатеринбурга до Кузнецка переводчик по результатам бесед с носителями составил словарик (51 слово) западносибирского диалекта русского языка. В этом вокабулярии Яхонтовым даны определения следующим словам: пимы, тумак — меховая шапка-ушанка, ушкан — заяц и др.⁵² Исследователь сибирских диалектов В.И. Панов считал, что данные материалы Яхонтова позволяют скорректировать представления диалектологов о ранних этапах русской областной лексикографии.⁵³

Во время путешествий по Сибири Гмелин периодически привлекал Яхонтова к метеорологическим наблюдениям. Например, в Иркутске Яхонтов произвел «термометрические обсервации» температуры воздуха, ангарской воды в реке и в помещении, а также снега в утренние, дневные и вечерние часы с 16 декабря 1737 г. по 14 января 1738 г.⁵⁴

В ходе экспедиции Яхонтов не только выполнял распоряжения профессоров и ассистировал им, но помогал и своим коллегам по вспомогательному персоналу. Так, он собирал этнографические и естественнонаучные сведения для работы С.П. Крашенинникова «Описание соболиного промысла», довершив ее после отъезда студента на Камчатку.⁵⁵

Исследование различных материалов, связанных с биографией и научной деятельностью И.П. Яхонтова, показывает, что он в ходе ВКЭ не только великолепно справился со своими должностными обязанностями переводчика, но также зарекомендовал себя хорошим копиистом и канцеляристом, успешно работал как разносторонний исследователь: географ, этнограф, лингвист, натуралист. Его высокий профессионализм, неоднократно отмечавшийся Миллером и Гмелиным, так и не был, к сожалению, по достоинству оценен Сенатом и Академией наук.

⁵⁰ Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. С. 237–238.

⁵¹ Летопись Кунсткамеры. 1714–1836. СПб., 2014. С. 124.

⁵² *Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1738 bis zu Ende 1740.* Göttingen, 1751. Bd. 1. S. 291–294.

⁵³ Панов В.И. Сборник областных слов И. Яхонтова и И. Гмелина // Труды Научн. конф. Сталинского пед. ин-та. Кемерово, 1956. Вып. 1 С. 182–203.

⁵⁴ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 73. Л. 185–186.

⁵⁵ Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.: Л., 1949. С. 256.

С.А. БЕЛОБОРОДОВ

О НЕВЬЯНСКОМ СОБОРЕ 1741/1742 Г.*

канд. ист. наук,
Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург
e-mail: s.a.beloborod@yandex.ru

В статье рассмотрены вопросы, связанные с традицией «старейшинства» — назначения «старшего среди равных» в обществе уральских старообрядцев-беглопоповцев во второй четверти XVIII в. На основании прямых и косвенных свидетельств автор доказывает, что предложенная старообрядческими историографами XIX в. схема «передачи благодати» на самом деле не была такой простой. Руководивший уральскими беглопоповцами Иов скончался в мае 1741 г., а его преемник Иаков прибыл на Урал лишь в марте 1742 г. Между этими датами в Невьянске состоялся старообрядческий собор, о котором до сего дня не упоминалось в отечественной историографии. Именно собор «благословил Иакова на старейшинство».

Ключевые слова: уральские старообрядцы-беглопоповцы, «старейшинство», Невьянский собор, священноиноки Иов и Иаков.

Реконструируя раннюю историю уральской беглопоповщины, исследователи чаще всего обращаются к сочинениям писателей-старообрядцев М.И. Галанина, черноризцев Валентина и Нифонта. Именно на основе этих источников в отечественной науке закрепилось представление о преемственности беглого священства на Урале в 1720-е–1740-е гг.: керженский иеромонах Никифор правил священника Симеона (С.В. Ключарева), которого около 1722 г. благословил ехать в Зауралье с рекомендательным письмом. В мае 1723 г. Ирюмский собор через инока Тарасия «благословил Симеона исполнять на Ирюме нужды мирские, и дано ему благословение старейшинствовать на Ирюме».¹

На Урал же Никифор благословил старейшинствовать первого священника Иоанна (в иночестве Иова), а случилось это во время приезда самого Никифора в Нижний Тагил в 1725 г.

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта № 33.2182.2017/4.6 («Формирование русской культурно-религиозной идентичности: памятники традиционной письменности как символические коды культурной памяти») госзадания Министерства образования РФ научным коллективам исследовательских центров и (или) научных лабораторий образовательных организаций высшего образования на 2017–2019 гг.

¹ Соборное уложение Ирюмского собора // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. [Т. 1]. Новосибирск, 1999. С. 332. Далее — ДЛ-1.

Иов же, в свою очередь, благословил священноинока Иакова.²

Однако к настоящему времени появились некоторые новые данные, позволяющие говорить, что предложенная старообрядческими историографами схема передачи старейшинства была не столь проста и однозначна. Начнем с того, что беглые попы действовали на Урале и до Иоанна (Иова). Так, например, известно, что в 1722 г. в висимских лесах³ священнодействовал о. Никита;⁴ в том же районе (д. Уткинская⁵) беглый священник Василий Дмитриевич венчал в 1722/1723 г.;⁶ в то же время священник «белец» Никифор служил в Невьянске.⁷

* * *

Личность беглого иерея Иоанна (священноинока Иова), несмотря на всю значимость его фигуры для истории уральской беглопоповщины, до сих пор не привлекала особого внимания исследователей.⁸ Попытаемся собрать воедино имеющиеся в нашем распоряжении материалы и выстроить на их основе некую более-менее пространную историю. Итак, впервые церковные власти серьезно заинтересовались персоной Иова в начале 1745 г., когда началось масштабное следствие о беглых попах. Среди имен других старообрядческих священников упоминался иеромонах Иов.

² Рукопись о древних отцах; о. Валентин. Родословие часовенных Зауралья; о. Нифонт. Родословие часовенного согласия // ДЛ-1. С. 36, 62, 83.

³ «Висимские леса» — общепринятое название, понятное в XVIII в. любому жителю горнозаводского Урала. Это местность, ограниченная с севера р. Висим, впадающей в р. Межевая Утка (и далее — по течению последней), с запада — р. Чусовой, с востока — р. Тагил. Южная граница была довольно расплывчата и шла по диагонали от нынешнего Староуткинска до Верхнего Тагила. Общая площадь этого района — около 2500 км² (территория такого европейского государства, как, например, Люксембург).

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1263. Л. 463.

⁵ Деревни с таким названием в переписных книгах первой половины XVIII в. нет. Вероятно, речь идет о старообрядческом поселении, находившемся при впадении р. Утки в Чусовую (район современного Староуткинска — Уткинского Демидовского завода, основанного в 1729 г.).

⁶ К истории православного старообрядчества (единоверия) в Екатеринбургском уезде // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1902. № 23. С. 918.

⁷ Там же. С. 919.

⁸ В частности, в первой фундаментальной монографии, посвященной исследованию уральского староверия, изданной Н.Н. Покровским в 1974 г., имя Иова вообще не упоминается. В комментариях к публикации памятников старообрядческой письменности («Духовная литература староверов востока России») биографии Иова посвящено четыре неполных строки: «Иов (в миру Иоанн) (ум. 04.09.1751) — священноинок; родом из Владимирской провинции, был около 1725 г. в Нижнем Тагиле “исправлен”, а затем пострижен священноиноком Никифором. Здесь же жил и действовал в качестве преемника Никифора».

В декабре 1745 г. «в допросе с пристрастием под плетью» сын нижнетагильского приказчика Дмитрий Сидоров показал, что «черный поп Иов в дом к отцу моему приезжал в 1738 и 1739 годах по однажды в год из лесов, в которых он жил своим двором, а оные леса расстоянием от Нижнетагильского завода в 40 верстах. А приезжал Иов в Великий пост для исправления треб и в доме нашем как отец мой, так и я с женою исповедывались, токмо не причащались. Оный поп Иов умер в 1741 году весною, в мае месяце, того же Нижнетагильского завода в доме раскольницы Яковлевой, которая жила в Верхней Рудянской улице. Погребал Иова поп Василий Димитриев в лесу, от завода с версту».⁹

Арестованный в начале 1754 г. в Гуслицкой волости инок Исаакий (Иван Филиппов) в ходе следствия сообщил, что около 1728 г. он попал на Урал, где нашел приют в скиту старца Андроника. А еще через 10 лет (т.е. около 1737–1738 гг.) в той же пустыни, расположенной то ли на р. Висиме, то ли на Шайтанке, он принял иноческий постриг от черного попа Иова.¹⁰ Примечательно, что расстояние от нынешнего поселка Висима до Нижнего Тагила по современной дороге составляет 47 км — немногим больше тех самых 40 верст, о которых упоминал Д. Сидоров. Возможно, именно здесь и находилось в конце 1720-х — 1730-х гг. убежище Иова.

Скорее всего Иов бывал в Тагиле не только по большим праздникам, как говорил Сидоров. Во всяком случае, пойманный в 1751 г. на польской границе при попытке уйти на Ветку старообрядческий инок Дионисий (Д.К. Белый) в своих показаниях отмечал, что иноческий постриг он принял около 1738 г. в доме Иова на Нижнетагильском заводе. Здесь же Дионисий «по вся годы исповедался и причащался». В «особой хоромине» (часовне. — С.Б.) Иов ежедневно отправлял богослужения, на которые собирались заводские жители и скитские старцы.¹¹

Очень кратко об Иове упоминали в своих исторических сочинениях старообрядческие писатели XVIII в. (Т.Б. Заверткин, Иона Курносый, М.И. Галанин): «Никифор правил Иова», «Никифор правил Иова и благословил», «Никифор правил и благословение подал Иову священнику».

Определенный интерес к жизни (и смерти) Иова проявили в 1830-е гг. священники официальной церкви в связи с «открывшимися» данными о массовом стечении людей на могилу беглого иеро-

⁹ К истории православного старообрядчества... С. 918.

¹⁰ Байдун В.И. Кто ты, Иона Курносый? // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург, 1995. С. 35.

¹¹ Там же. С. 39.

монаха. В январе 1836 г. последовало распоряжение Св. Синода «разведать секретным образом» об Иове. Уже в апреле того же года сведения, собранные нижнетагильским протоиереем Кирилловым, были отправлены в столицу. Согласно этим данным, Иов родом был великоросс из Московской губернии (если не из самой Москвы). В Тагиле он провел более 10 лет, а умер в 1740-е гг. Жил Иов на окраине селения, на кладбище, в кельях с молельной. При нем первоначально дьячком был некий Петр, а после — Павел Богатырев.¹²

Сибирским и уральским археографам давно известно сочинение инока Кастора, жившего в Кедровском скиту на р. Сылве, озаглавленное «О священной епархии христианской и пустынных жителей». О нем впервые упоминал в одной из своих ранних работ Н.Н. Покровский.¹³ В этом небольшом историческом произведении, составленном в середине 1860-х гг., Кастор рассказывает о появлении около 1725 г. в Нижнем Тагиле беглого священника Иоанна (инока Иова), затем сообщает о приеме Иовом «на исправу» молодого человека по имени Михаил (1729 г.) и его пострижении в монахи под именем Максим, затем излагает биографию инока-схимника Максима, который после смерти Иова в 1731 г. ушел в Черноисточинские скиты.¹⁴

Одним из источников произведения Кастора, очевидно, была информация, зафиксированная анонимным автором со слов некоего Дмитрия Васильевича Кривы, бывшего пономарем при Иове и скончавшегося в 1788 г. Правда, в этом произведении, содержащем рассказ «о родине (примечательно, что в этом тексте говорится не о Московской, а о Владимирской епархии. — С.Б.), нравственности и христианских добродетелях Иова», приводится другая дата смерти священноинока — 1751 г. Позже именно эти сведения (без учета других данных) попали в различные труды, посвященные уральскому староверию.

* * *

Следующим звеном в передаче священнической благодати, согласно старообрядческой историографии, был священноинок Иаков, которого «Иов правил и благословил». Но при внимательном изучении известных данных становится понятно, что и в этом случае все обстояло не так гладко.

Первые известия о беглом иеромонахе Иакове уральские власти, вероятно, получили также в 1745 г. Основным информантом вы-

¹² С.Г.У. В области раскола // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1901. № 15. С. 670–671.

¹³ Покровский Н.Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII в. // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 168, 180–181.

¹⁴ Собр. ИИ СО РАН. № 9/71. Л. 101–102 об.; № 1/72. Л. 20–23; № 1/73. Л. 25–41.

ступал все тот же Д. Сидоров, который сообщил следователям, что в Нижний Тагил черный поп Иаков приехал из Центральной России в марте 1742 г.¹⁵

Указанная дата появления Иакова на Урале нам представляется совсем не случайной, если вспомнить, что последний «носитель» священнической благодати Иов скончался не в 1751, а весной 1741 г. К этому следует прибавить один любопытный факт, на который исследователи не обращали особого внимания: в целом ряде сочинений М.И. Галанин упоминает о своей поездке с Ирюма на Урал («на завод») в 7250 г. от сотворения мира (т.е. между сентябрем 1741 и августом 1742 г.). При этом цель визита, во время которого молодой тогда еще старовер «застал» (т.е. увидел) собрание старцев (от «учительных отцов» до простых иноков), Мирон Иванович описал недвусмысленно: «В заводе отцов древних много мы застали в 7250 году... А сии вси учительныя отцы. А простых инок безчисленное множество. А вси единодушно купно мудрствовали обо всем благоческий, и вси требовали благословение инока Феодосия».¹⁶

Суммируя все вышеперечисленные факты, мы с уверенностью можем утверждать, что смерть Иова в 1741 г. и «совет освященный» (собрание) уральских беглопоповцев, состоявшийся на Невьянском заводе в 1741/1742 г. имеют самую непосредственную взаимосвязь. Проблема действительно была серьезнейшей: кто после Иова станет хранителем благодатной традиции, идущей с дониконовских времен? Иаков, спешно вызванный на Урал, для этого вполне подходил: судя по его прозвищу 'Варламов', он какое-то время провел в обители старца Варлаама. Скорее всего, это священноинок Варлаам, которого в свое время «перемазал» (т.е. принял вторым чином) сам Софонтий на Керженце. После разгрома Керженских скитов Варлаам ушел в леса на границе Галичского и Солигаличского уездов, где основал новую пустынь.¹⁷

Кстати, одним из духовных детей Варлаама был небезызвестный деятель ранней истории уральского старообрядчества Авраамий Галицкий. По мнению Ионы Курносого, Авраамий (про которого в старообрядческом обществе ходил «слушок», что он, «не ошибиться бы», рукоположен во священника от архиерея-обливанца) и «при-

¹⁵ К истории православного старообрядчества (единоверия) в Екатеринбургском уезде. С. 918.

¹⁶ Рукопись о древних отцах // ДЛ-1. С. 37.

¹⁷ *Есинов Г.В.* Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым. Т. 2. СПб., 1863. С. 187.

нял» в свое время Иакова.¹⁸ Это обстоятельство, не столь значимое для уральских староверов в 1740-е гг., позже стало «козырной картой», которую разыгрывали старообрядческие богословы в ходе развернувшейся в 1760-е гг. полемики об истинном священстве. В 1742 г. гораздо важнее было то, что на Иакове есть благодать, переданная именно от Феодосия (через Софонтия, Варлаама и Авраамия). Позже «нюанс» с тем, кто же все-таки принял Иакова «от никонианской ереси», был окончательно заретуширован старообрядческими историографами: М.И. Галанин — «Иов правил и подал благословение Иакову»; Нифонт — «той же Никифор принял священноинока Иакова».¹⁹

Акцентируем главные выводы:

1. Беглый поп Иоанн (иеромонах Иов) не был первым священником уральских беглопоповцев, но, скорее всего, действительно первым получил благословение на старейшинство.

2. Священноинок Иов скончался 29 мая 1741 г.

3. Священноинок Иаков прибыл на Урал только в марте 1742 г., а, следовательно, никак не мог получить благословение от Иова.

4. Между сентябрем 1741 и августом 1742 гг. в Невьянске состоялся собор уральских беглопоповцев для решения вопроса о передаче священнического старейшинства.

5. Собор благословил Иакова на принятие старейшинства.

¹⁸ Мельников П.И. Исторические очерки поповщины // Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собр. соч. в 8 т. Т. 7. М., 1976. С. 274–275.

¹⁹ Послание о вере; о. Нифонт. Родословие часовенного согласия // ДЛ-1. С. 51, 83.

А.Г. МОСИН

**ЧАСТОТНЫЙ СПИСОК ФАМИЛИЙ
СВЯЩЕННО- И ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЕЙ
КАК ИСТОРИКО-АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ
«ПОРТРЕТ» РЕГИОНАЛЬНОГО ДУХОВЕНСТВА**

д-р ист. наук,
Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург
e-mail: alexg28@yandex.ru

В статье рассматриваются возможности использования частотных списков фамилий для изучения историко-антропонимического фонда духовного сословия дореволюционной России. На материалах списков епархиального духовенства и учащихся духовных учебных заведений показано, сколь индивидуальным был состав местной антропонимики, как варьировалась частотность фамилий в зависимости от условий формирования регионального исторического ядра фамилий священно- и церковнослужителей. Намечены перспективы использования частотных списков фамилий приходского духовенства отдельных епархий для изучения родовой истории.

Ключевые слова: историческая антропонимия, приходское духовенство, частотный список фамилий, искусственные фамилии.

Составление частотных списков фамилий в масштабах страны, отдельного региона или города имеет давнюю традицию. Изучение регионального антропонимического фонда дает представление об особенностях заселения данной территории, о миграционных потоках, о местных этнокультурных и иных традициях населения. Например, частотный список ста русских фамилий, составленный Б.-О. Унбегауном по материалам книги «Весь Петербург» за 1910 г.,¹ включает фамилии Шмидт/Шмид (67-е место), Миллер (75-е место) и Шульц/Шульце (89-е место), что отражает историю формирования населения столицы Российской империи в XVIII – начале XX в. Ни одна из этих фамилий не входит в современный список пятисот наиболее распространенных русских фамилий.² В первой сотне таких фамилий в современном Екатеринбурге³ есть фамилии Новоселов

¹ См.: Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. 2-е изд., испр. М., 1995. С. 312–313.

² См.: Журавлев А.Ф. К статистике русских фамилий. I // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 134–145.

³ См.: Мосин А.Г. Сто наиболее распространенных фамилий Екатеринбурга // Материалы 2-й Уральской родоведческой научно-практической конференции. 15–16 ноября 2002 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург, 2004. С. 61–66.

(35–37-е места), Зырянов (42-е место), Пермьяков (69–70-е места), Пьянков (77–79-е места), которых нет ни в «списке 100» Унбегауна, ни в «списке 500», фамилии Казанцев (26–27-е места) и Черепанов (32-е место) отсутствуют в списке Унбегауна, а в «списке 500» нашли место лишь в пятой сотне.

Частотные списки разнятся не только составом фамилий, но и порядковыми местами, которые они в этих списках занимают. Таким образом, частотные списки фамилий жителей разных регионов столь же индивидуальны, как дактилоскопические снимки человека, и в этом смысле они представляют собой своеобразные историко-антропонимические «портреты» города, региона, в целом страны.

Частотные списки могут использоваться и при изучении антропонимического фонда отдельных сословий дореволюционной России, в том числе духовенства. Духовенство до сих пор остается едва ли не наименее изученным сословием России, чему в немалой степени способствовала его судьба в советское время. Это относится и к исследованию фамилий духовенства, сословия, достаточно «закрытого» на входе (хотя на протяжении XVIII–XIX вв. оставались возможности его пополнения за счет выходцев из других сословий, прежде всего крестьянства), но «открытого» на выходе, благодаря чему специфические священно- и церковнослужительские фамилии постепенно распространялись в других слоях российского общества. Достаточно сказать, что единственное монографическое исследование фамилий русского духовенства вышло более ста лет назад.⁴ Одной из специфических черт антропонимического фонда духовенства является широко распространенная практика присваивать искусственные фамилии учащимся и выпускникам духовных академий и семинарий.

Роль духовных учебных заведений в формировании состава епархиального духовенства повысилась после издания синодального указа 1797 г. о назначении на священнические места только выпускников духовных семинарий. При этом возможности присвоения фамилий, как шутили семинаристы, «по церквам, по цветам, по камням, по скотам, и яко восхощет его преосвященство», в разных регионах использовались по-разному, вследствие чего и соотношение «природных», отеческих фамилий и фамилий искусственного происхождения было различным, как и сам набор придуманных именовании. Это и придавало «лица необщее выражение» антропонимике приходского духовенства.

Массовыми источниками для изучения фамилий духовенства выступают как архивные материалы (прежде всего клировые ведо-

⁴ См.: *Шереметевский В.В.* Фамильные прозвища великорусского духовенства в XVIII и XIX столетиях. М., 1908.

мости), так и материалы опубликованные: списки духовенства отдельных епархий, печатавшиеся обычно в епархиальных памятных книжках и календарях, списки учащихся духовных семинарий и училищ, а также епархиальных женских училищ, регулярно публиковавшиеся на страницах местных епархиальных ведомостей.

В ходе исследования фамилий русского православного духовенства XVIII – начала XX в. и подготовки к изданию словаря фамилий служителей церкви нами составлено около трехсот частотных списков фамилий клириков и учащихся духовных учебных заведений разных уровней. В результате выявлена весьма пестрая картина бытования «природных» и искусственных фамилий, дающая примеры как абсолютного преобладания той или иной категории фамилий, так и сочетания их в разных долях.

Сравнение частотных списков фамилий приходского духовенства Нижегородской и Казанской епархий на 1904 г. (табл. 1) показывает, что в обеих епархиях преобладали фамилии искусственного происхождения (в Казанской епархии в первом десятке оказались отыменные фамилии Васильев и Петров). Но есть и существенные отличия. Нижегородский список возглавляет фамилия Виноградов, встречающаяся по всей России в наши дни настолько часто, что в «списке 500» она занимает высокое 45-е место, в казанском она оказалась за пределами первой десятки. В оба списка вошли семь фамилий, но частотные позиции, кроме фамилии Архангельский (9-е место), у них разные.

Таблица 1

Сравнение частотных списков фамилий приходского духовенства
Нижегородской и Казанской епархий*

№ п/п	Нижегородская епархия (1904)	Казанская епархия (1904)
1	Виноградов (54)	Троицкий (26)
2	Троицкий (45)	Соколов (24)
3	Покровский (44)	Рождественский, Смирнов (23)
4	Никольский (43)	
5	Лебедев (41)	Соловьев (20)
6	Смирнов (39)	Воскресенский (16)
7	Знаменский (32)	Васильев, Петров (15)
8	Соколов (30)	
9	Архангельский (26)	Архангельский, Лебедев, Никольский, Яхонтов (14)
10	Воскресенский (23)	

* Составлено по: Адрес-календарь Нижегородской епархии на 1904 год. Нижний Новгород, 1904; Справочная книга Казанской епархии. Казань, 1904.

Принципиально иную картину представляет сравнение частотных списков фамилий приходского духовенства Пермской (1894 г.) и Екатеринбургской (1915 г.) епархий (табл. 2). Здесь первые две позиции уверенно занимают Поповы, лидирующие в Приуралье, и Пономаревы, чаще других встречающиеся на Среднем Урале (это объясняет высокое 10-е место Пономаревых в частотном списке фамилий Екатеринбурга в 2002 г.; для сравнения: в «списке 500» эта фамилия на 97-м месте, в списке Унбегауна — на 85-м). В обоих уральских списках в первой десятке присутствуют еще две фамилии — Бирюков и Коровин. Бросается в глаза отсутствие в этих списках фамилий искусственного происхождения, за исключением все тех же Поповых и Пономаревых: в пермском списке в первой тридцатке только Ивањицкие, в екатеринбургском на 11–12-й позиции — Троицкие.

Таблица 2

Сравнение частотных списков фамилий приходского духовенства Пермской и Екатеринбургской епархий*

№ п/п	Пермская епархия (1894)	Екатеринбургская епархия (1915)
1	Попов (64)	Пономарев (42)
2	Пономарев (35)	Попов (37)
3	Будрин, Калачников (-шн-) (22)	Бирюков (27)
4		Коровин (24)
5	Коровин (21)	Кузовников, Топорков (22)
6	Конюхов (18)	
7	Луканин (17)	Дягилев, Словцов (-ев) (19)
8	Пьянков, Серебренников (14)	
9		Чернавин (18)
10	Бирюков, Яковкин (12)	Удинцев (16)

* Составлено по: Адрес-календарь Пермской епархии на 1894 год и справочная книжка для духовенства. Пермь, 1894; Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. Екатеринбург, 1915.

Абсолютное преобладание в среде уральского духовенства XIX в. фамилий естественного происхождения подтверждается данными частотного списка фамилий выпускников Пермской духовной семинарии за сто лет, составленного по материалам юбилейного издания о. Иакова Шестакова.⁵

⁵ См.: Справочная книга всех окончивших курс Пермской духовной семинарии: В память исполнившегося в 1900 году 100-летия Пермской духовной семинарии. Пермь, 1900.

Частотный список фамилий выпускников
Пермской духовной семинарии (1802–1900)

1 Попов (166)	6–7 Будрин (36)
2 Пономарев (87)	6–7 Коровин (36)
3–4 Пьянков (45)	8 Серебренников (32)
3–4 Удинцев (45)	9 Первушин (30)
5 Словцов (44)	10 Топорков (28)

После лидирующих с большим отрывом Поповых и Пономаревых следуют фамилии, характерные для крестьян Приуралья и Среднего Урала.⁶ Черты искусственности есть и в фамилии Словцов, бытовавшей в крестьянской среде в варианте Слопцов, но при поступлении в семинарию, видимо, прошедшая корректировку, выразившуюся в замене одной буквы. Из фамилий искусственного происхождения выше других в этом списке стоят Боголеповы (22-е место), Спасские (29–30-е места) и Знаменские (37–43 места). Столь скромное место фамилий, дававшихся «по церквам» (церковным праздникам или храмам), выглядит особенно впечатляюще.

По наблюдениям В.А. Никонова, фамилия Попов, стабильно входящая в общероссийском и региональных частотных списках в первую четверку русских фамилий, является самой распространенной на Русском Севере (при этом исследователь оговаривается, что в некоторых случаях в основе фамилии могло быть не нарицательное *поп*, а имя собственное).⁷ Не удивительно, что частотный список фамилий духовенства Архангельской епархии за 1901 г. с большим отрывом от других возглавляет именно эта фамилия (таблица 3). В первой десятке из «храмовых» фамилий только Ивановские. Аналогичную ситуацию представляет частотный список фамилий духовенства Тобольской епархии за 1897 г., с той разницей, что здесь в первой десятке присутствуют Пономаревы и Лебедевы (оттопонимическая фамилия Поникаровский восходит, по-видимому, к названию села в Ярославской губернии).

⁶ См.: Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005. С. 62, 185, 287, 316, 344, 378; Мосин А.Г. Уральские фамилии: Материалы для словаря. Т. 1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года). Екатеринбург, 2000. С. 182, 288, 318–319, 344–345, 351, 378–379, 388–389; Мосин А.Г. Исторические корни уральских фамилий. Екатеринбург, 2008. С. 417, 510, 588, 611, 631, 637, 661, 668; Коровин А.Ф. Феномен белоносовцев (Белоносовы, Давыдовы, Коровины) // Уральская родословная книга: Крестьянские фамилии. Екатеринбург, 2000. С. 199–210; Лялинское поречье. Родословие Удинцевых / М.С. Бессонов, С.С. Бессонов, Н.Б. Гощицкий, А.Г. Мосин. Екатеринбург, 2016.

⁷ См.: Никонов В.А. География фамилий. М., 1988. С. 34. Примеры бытования имени и прозвища Поп, Попко в крестьянской среде, в том числе на Урале, см.: Тушиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004. С. 315; Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001. С. 319–320.

Сравнение частотных списков фамилий приходского духовенства
Архангельской и Тобольской епархий*

№ п/п	Архангельская епархия (1901)	Тобольская епархия (1897)
1	Попов (38)	Попов (31)
2	Синцов (18)	Поникаровский (17)
3	Иванов (17)	Серебренников (14)
4	Ивановский (16)	Наумов (13)
5	Титов (14)	Пономарев (12)
6	Варфоломеев, Васильев, Новиков, Шангин (13)	Шалабанов (11)
7		Парышев, Тверитин (10)
8		
9		Лебедев, Сосунов, Федюшин (9)
10	Зуев, Кононов, Шилов (11)	

* Составлено по: Список приходов, церквей, причтов и монастырей Архангельской епархии за 1901 год. Архангельск, 1901; Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1897 год. Тобольск, 1897.

Что касается фамилии Пономарев, столь часто встречающейся в среде приходского духовенства Урала, то она за пределами этого региона не получила широкого распространения, лишь в Тобольской епархии в 1897 г. она занимала почетное пятое место.⁸

Сравнение более чем трех десятков частотных списков учащих духовных семинарий великорусских епархий второй половины XIX – начала XX в. показывает, что Поповы возглавляют их в семи семинариях: Астраханской, Вологодской, Воронежской, Донской, Иркутской, Курской и Якутской. Помимо Поповых, лидерами частотных списков фамилий учащих семинарий чаще других выступали Смирновы (Калужская, Новгородская, Олонецкая, Рязанская и Ярославская), Никольские (Олонецкая, Оренбургская, Самарская и Уфимская), Лебедевы (Костромская, Олонецкая и Саратовская), Соколовы (Кашинская, Смоленская и Тверская). Среди фамилий, выступавших в этой роли по одному разу, преобладали искусственные (в Нижегородской семинарии – Виноградов, в Орловской – Покровский, в Пензенской – Архангельский, в Симбирской – Троицкий, в Тамбовской – Преображенский, в Тульской – Глаголев, в Ярославской – Розов), но встречались и «природные», «отческие»: в Благо-

⁸ Подробнее об этом см.: Мосин А.Г. Об одном антропонимическом феномене: Фамилии Попов и Пономарев на Урале и за его пределами // Церковь. Богословие. История: Материалы V Междунар. науч.-богосл. конф. (Екатеринбург, 2–4 февраля 2017 г.). Екатеринбург, 2017. С. 154–159.

вешенской — Суровцев, в Вятской — Овчинников, в Псковской — Васильев, в Тобольской — Серебrenников, в Уфимской — Петров.

Частотность той или иной фамилии на определенной территории (епархия, уезд) свидетельствует о степени ее укорененности в местной антропонимической традиции и может содействовать в поисках исторической «малой» родины носителей фамилии. Составление частотных списков фамилий приходского духовенства уже позволило выявить фамилии, зафиксированных лишь в какой-то одной епархии. Сводка данных по четырём десяткам великорусских епархий, подготовленная для публикации в «Археографическом ежегоднике»,⁹ может иметь практическое значение при проведении историко-родословных разысканий и восстановлении истории семей, предки которых принадлежали к духовному сословию.

Подводя кратко итог сказанному, можно отметить, что частотные списки фамилий священно- и церковнослужителей вместе со словарем фамилий православного духовенства позволят не только восстановить антропонимику этого сословия дореволюционной России во всей ее полноте и многообразии, но и проследить динамику ее развития на конкретном региональном материале.

⁹ См.: Мосин А.Г. Фамилия как источник для изучения родословий русского православного духовенства // Археографический ежегодник за 2013 год (в печати).

Л.М. ДАМЕШЕК

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ НАРОДОВ СИБИРИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ОКРАИННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

д-р ист. наук,
Иркутский государственный университет
e-mail: levdameshkek@gmail.com

Через призму окраинной политики империи рассматривается миссионерская деятельность РПЦ среди аборигенов Сибири. Подчеркивается, что конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «инородцев» была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди «инородцев». Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции. В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Это было еще одно отличие колонизационной политики России по отношению к окраинам государства от колониальных империй Запада.

Ключевые слова: Н.Н. Покровский, Сибирь, инородцы, Православная Церковь, инкорпорация, окраинная политика.

Среди обширного и разнообразного творческого наследия академика Николая Николаевича Покровского важное место занимают работы по истории русского православия, старообрядчества в частности.¹ Н.Н. Покровский хорошо сознавал «большую социальную силу»² православной церкви в России. История православия, особенно на Востоке России, — это не только важная составляющая социокультурной жизни Российского государства, но еще и неотъемлемая компонента государственной религиозной политики, направленной на инкорпорацию азиатских территорий России и их населения в

¹ Покровский Н.Н. Предисловие // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 9–28; Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002; Зольникова Н.Д., Покровский Н.Н. Русская Православная Церковь // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. Новосибирск, 2009. С. 788–794; и др.

² Бахрушин С.В. К вопросу о крещении Руси // Религия и церковь в истории России. М., 1975. С. 36.

© Дамешек Л.М., 2017

административное, политическое и духовное пространство империи. Исследованию одного из этих сюжетов и посвящена настоящая статья.

В основу публикации положены нормативные и делопроизводственные источники. Прежде всего, это материалы Свода законов Российской империи, который гласил, что Русская Православная Церковь — «Первенствующая и господствующая в Российской империи»,³ статьи Устава об управлении инородцев, предоставляющие сибирским аборигенам право «отправлять богослужение по их законам и обычаям», постановления Сибирского комитета по вопросам веры и др. К делопроизводственным источникам относится переписка глав Священного Синода с сибирскими генерал-губернаторами по вопросам распространения православия «во вверенном их управлению» крае, отчеты различных миссионерских обществ, содержащие сведения о целях, путях, методах и результатах распространения православия, о количестве церквей и приходов, их материальном обеспечении, источниках денежных поступлений и другие материалы.

Важно подчеркнуть, что религиозная политика на Востоке являлась составной частью окраинной политики правительства в целом, направленной на упрочение единства Европейской и Азиатской России в рамках империи. Эти две части огромного государства существенно отличались географическими и природно-климатическими условиями, инфраструктурой, удаленностью от границ и центра страны, этническим составом и конфессиональной принадлежностью населения. Продвигаясь на Восток, русское государство решало двуединую задачу: с одной стороны, расширение территории несомненно способствовало упрочению границ на восточном побережье. С другой — Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами: пушниной, солью, рыбой, драгоценными металлами. Но она и в начале XIX в. осталась малоизвестной окраиной, которую еще только предстояло инкорпорировать в экономическое, административное и социокультурное пространство империи. Такой подход был основан на признании экономической зависимости окраин от европейского центра, в котором, по меткому замечанию известного мемуариста XIX в. Ф.Ф. Вигеля, всегда смотрели на Сибирь, как богатая барыня смотрит «на дальнее поместье, случайно ей доставшееся...».⁴

³ Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 1. Стб. 40.

⁴ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 191. Автор считает необходимым отметить, что в сибиреведческой литературе этот отрывок впервые был использован А.С. Кузнецовым, а затем А.В. Ремневым. См.: Кузнецов А.С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 2. Иркутск, 1971. С. 12; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 17.

Это косвенное признание неоднородности империи явственно выдвигает перед историками требование дифференцированного подхода к изучению и оценке окраинной политики империи, ее многофакторности и многоплановости, которая в последнее время все чаще характеризуется исследователями как политика «имперского регионализма».⁵ Это понятие охватывает важные сферы региональной политики от имперской идеологии и практики в региональном измерении до установления внутренних и внешних границ региона, динамики административного устройства и управленческой деятельности внутри конкретного территориального пространства. Особенностью государственного строительства России являлось постоянное преобладание административно-политических целей над экономическими. Россия как империя постоянно расширялась, включая в свое государственное пространство все новые территории и народы, различные по многим социально-экономическим и социокультурным параметрам. За решением первоначальных военно-политических задач неизбежно следовали задачи административного обустройства и последовательной интеграции региона в имперское пространство. Именно территория привязывала к государству человека, а не идея гражданства, как в эпоху национальных государств. Кроме административных и судебных институтов во властном освоении и присвоении пространства огромную роль играли единая денежная система, коммуникации, налоги, государственный язык, РПЦ. В определении основ окраинной политики самодержавие постоянно находилось перед выбором: ввести общегосударственную систему управления или предоставить территориям некоторую административную автономию. Поэтому изучение как частных, так и концептуальных вопросов истории России имперского периода требует регионального измерения, а исследование внутривластных сюжетов должно вестись с учетом внешнеполитических факторов, национального и религиозного компонента российской истории.

В 1825 г. в РПЦ входило 37 епархий. В 1841 их было уже 50, в 1851 — 55, в 1861 — 58.⁶ На территории Сибири ко времени отмены крепостного права действовали 4 епархии: Тобольская, Томская, Иркутская и Енисейская. Во всех мероприятиях правительства в религиозной сфере велика была роль РПЦ, особенно ее миссионерской деятельности. Подчеркивая это, обер-прокурор Синода К.П. Побе-

⁵ М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: Опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск, 2017.

⁶ Дмитриев С.С. Православная церковь и государство в предреформенной России // История СССР. 1966. № 4. С. 45.

доносцев писал в 1892 г. в статье, посвященной памяти известного проповедника православия, директора Казанской учительской семинарии Н.И. Ильминского, что в течение XVII–XVIII вв. миссионерское дело в России было «окутано тьмой и пребывало в застое». Тогда забота правительства об утверждении веры «ограничивалась лишь внешними мерами предписаний, наград и наказаний». Лишь во второй четверти XIX в. миссионерское дело оживает и появляются «новые деятели инородческого просвещения на дальних окраинах России».⁷ Утверждение это не является частным мнением. В 1914 г. светские власти официально признали, что «миссионерская деятельность получила свое полное развитие» только в XIX столетии.⁸

Оживление миссионерской деятельности в начале XIX в. официальная церковь обычно связывала с основанием в январе 1813 г. в Петербурге Российского Библейского общества, почетным членом которого являлся император Александр I. При активной поддержке правительства Общество вскоре обзавелось огромным капиталом, организовало перевод Библии на 40 языков народов России и издало ее тиражом в 876 000 экземпляров.⁹ В 1819 г. отделение Общества было открыто в Иркутске. Его директорами стали преосвященный Михаил (Бурдуков) и генерал-губернатор М.М. Сперанский. Членами общества были в свое время гражданский губернатор И.Б. Цейдлер, городской голова К.М. Сибиряков, купцы Кузнецов, Трапезников, Саватеев и др.¹⁰ Годом раньше отделение Общества возникло в Забайкалье, в Селенгинске.¹¹ В 1863 г. возникает «Общество для распространения Священного Писания в России».¹² Самой крупной организацией такого рода стало Православное миссионерское общество. В его уставе, утвержденном императором Александром II в июне 1865 г., говорилось, что оно утверждается для «распространения православного христианства между язычниками империи». Деятельность общества

⁷ *Победоносцев К.П.* Из воспоминаний о Н.И. Ильминском // *Русский вестник.* 1892. № 2. С. 143.

⁸ *Азиатская Россия.* СПб., 1914. Т. 1. С. 215.

⁹ *Дмитриев С.С.* Православная церковь и государство. С. 34.

¹⁰ *Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова) с предисловием, добавлениями и примечаниями И.И. Серебренникова* // *Тр. Вост.-Сиб. отд. имп. Русск. Географ. об-ва. Иркутск,* 1911. № 5. С. 223.

¹¹ *Пивоваров Б.И.* Забайкальская духовная миссия // *Историческая энциклопедия Сибири.* Т. 1. Новосибирск, 2009. С. 563; *Грулев М.* Из прошлого Забайкалья: К истории нашей миссионерской деятельности на окраинах // *Русская старина.* 1901. Т. 106. С. 218.

¹² *Астафьев Н.А.* Опыт истории Библии в России, в связи с просвещением и нравами. Б/м., 2001. С. 202 // <http://books.e-heritage.ru/book/10001677> (дата обращения 04.09.2017).

предполагалось «прежде всего обратить к местностям Алтая и Забайкалья... по многочисленности язычников, там обитающих». Затем, по мере «развития средств Общества», оно «предоставляло себе право расширить свою деятельность на язычников, обитающих... в других местах России».¹³ Членам Общества рекомендовалось в своей практической деятельности убеждать аборигенов в том, что «у разных людей могут быть свои языки, свои обычаи и даже свои правительства», но «вера у всех людей должны быть одна». Священнослужителям рекомендовалось для «возбуждения усердия... к переходу в христианство указать награды, которые удостоивает за такие действия государь император».¹⁴ Во главе Общества с 1868 г. был поставлен известный алеутско-камчатский миссионер, митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов). Покровительницей Общества была провозглашена императрица Мария Александровна. Отделения Общества на местах возглавляли епархиальные архиереи. Отделения были открыты в 56 епархиях, в том числе в 11 сибирских. К 1888 г. в рядах Общества насчитывалось 9,5 тыс. членов, доходы от добровольных пожертвований составляли 287 000 руб., к 1893 г. они возросли до 331 186 руб., а к 1894 г. — до 352 136 руб. В 1895 г. на счетах Общества скопилась огромная сумма в 1 289 369 руб. Основными источниками денежных поступлений были добровольные пожертвования, кружечный сбор, торговля в церквях различными предметами церковного обихода.¹⁵ В конце XIX в. Общество оказывало материальную поддержку всем православным миссиям России и за ее пределами, но на содержание сибирских миссий ежегодно шло не менее 45,5 % денежных средств Общества. В годы первой русской революции это соотношение не изменилось: около 48 % денежных средств шло на христианизацию народов Сибири.¹⁶ Наряду с этим правительство пыталось изыскать и иные средства привлечения сибирских аборигенов к православию. В 1867 г. в Казани было основано «Братство святого Гурия», имевшее целью «просвещение инородцев поволжских и сибирских путем издания религиозных книг в переводе на инородческие языки».¹⁷ В 1878 г. при нем была организована Постоянная переводческая комиссия во главе с Н.И. Ильминским.

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 145. Д. 1134. Л. 42 об.

¹⁴ НА РБ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 33.

¹⁵ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 3177. Устав православного миссионерского общества. С. 1. Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 361.

¹⁶ Подсчитано автором по материалам: Обзор деятельности... С. 366; РГИА. Ф. 796. Оп. 181. Д. 3115; Оп. 185. Д. 5894. Л. 2 об.; Оп. 188. Д. 7880. Л. 8.

¹⁷ Азиатская Россия. Т. 1. С. 217.

В состав комиссии вошли профессора Казанской Духовной Академии С.Г. Саблуков, В.В. Миротворцев и др.¹⁸ Несмотря на все усилия, сибирские аборигены плохо усваивали догматы веры, зачастую совершенно не понимая русских священников. Генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель, посетивший в 1863 г. Березовский округ, признавал, что между инородцами христианство распространяется «более номинально», и абсолютное большинство крещенных аборигенов «в душе» остаются язычниками.¹⁹ Несколько ранее Иркутский архиепископ Нил (Исакович) сообщал в Синод, что крещенные карагасы Нижнеудинского округа (тофалары) «находятся в добром расположении духа, но без всяких понятий в вере».²⁰ Эта ситуация не изменилась и к началу XX в. В 1907 г. Иркутский комитет Всероссийского православного миссионерского общества вынужден был признать, что «понятие о христианстве у инородцев очень смутное».²¹ Именно поэтому Синод официально разрешил в сибирских епархиях богослужение на языках местных народов, поручив контроль за этим местным архиереям.²² Такую же цель преследовали попытки обучения миссионеров языкам местных народов. Но такие случаи бывали, по-видимому, довольно редкими. Так, например, в 1907 г. из 23 миссионеров-священников Иркутской миссии только один — Михаил Мохочкеев был бурятом. Остальные были русскими.²³ В Забайкальской православной миссии в 1885 г. из 25 миссионеров было лишь три бурята.²⁴ Подготовка миссионеров для сибирских епархий велась в трех духовных училищах Сибири: Бийском катехизаторском училище, Иркутской церковно-учительской семинарии и Читинском центральном училище.²⁵ Однако эти учебные заведения не могли удовлетворить постоянно растущую потребность в миссионерах. По официальному признанию духовных властей, в Сибири постоянно ощущалась «потребность безотлагательного умножения» последних.²⁶ Совет Православного миссионерского общества был вынужден присылать в край миссионеров из епархий Европейской России. Так, в Иркутской епархии в 1870-х гг. служил диакон Воронежской

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 159. Д. 1380. Л. 9 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 385. Оп. 16. Д. 8620. Л. 11 об.

²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 122. Д. 402. Л. 3.

²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 306. Л. 3.

²² Обзор деятельности ... С. 436.

²³ РГИА. Ф. 796. Оп. 188. Д. 7797. Л. 24.

²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 308. Л. 60.

²⁵ Азиатская Россия. Т. 1. С. 218.

²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 306. Л. 3.

епархии И. Попов, из Казанской епархии — Н. Нелидов, Киевскую епархию представлял А. Куликов.²⁷ Между тем, Синод, рассматривая в 1858 г. итоги деятельности православных миссий в Сибири, «имел рассуждение о малом преуспении проповеди Слова Божьего...» между язычниками Сибири. Одну из основных причин такого положения члены Синода видели в незнании миссионерами языков сибирских народов и ведении проповедей «через переводчика». Поэтому Синод решил направить в Петербург для получения «полного миссионерского образования с обучением сверх того при здешнем университете монгольскому языку семь-восемь детей местного духовенства, а еще лучше детей крещенных бурят».²⁸ Осенью того же года в Петербург прибыла первая группа выпускников Иркутской духовной семинарии — семь человек. Все они были детьми местного духовенства. В бурятских семьях отправлять детей в неведомую столицу желающих не нашлось. Четверо из вновь прибывших иркутян — Г. Попов, М. Митропольский, Е. Писарев, В. Карелин — были зачислены слушателями в Духовную Академию, остальные — В. Миротворцев, А. Карелин, И. Корнаков — в высшее отделение семинарии. Все вновь прибывшие должны были изучать монгольский язык. Спустя три года, в 1861 г., шесть слушателей, за исключением В. Миротворцева, попросили вернуть их в Сибирь для практического закрепления навыков разговорной речи. Свои познания в языке они считали достаточными для «будущей их миссионерской деятельности».²⁹ Выпускник же М. Митропольский по возвращении в Иркутск «решительно отказался» не только от миссионерского служения, но и вообще подал на имя Александра II прошения об исключении его из духовного звания и переводе в светское. Такое «неблагодарное поведение» вызвало резкое осуждение епископа Парфения (Попова). Дело дошло в 1863 г. до Синода, от имени которого Митропольскому было объявлено, что он может быть уволен из духовного звания не иначе, как возвратив в казну истраченные на его обучение деньги.³⁰

Одновременно с этим продолжалось организационное переустройство ведомства Православной Церкви в Сибири. Если в 1840 г. Православная Церковь располагала в Сибири пятью епархиями, то концу XIX столетия число их возросло до 12. Старейшей из них была Тобольская, основанная в 1620 г. В 1861 г. была учреждена Енисейская епархия, затем Якутская (1868 г.), Туркестанская (1871 г.), За-

²⁷ Обзор деятельности... С. 436.

²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 139. Д. 325. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 14, 21, 22.

³⁰ Там же. Л. 29–30.

байкальская (1894 г.), Омская (1895 г.), Владивостокская (1898 г.).³¹ С 1840 по 1890 г. число церквей Сибири возросло с 716 до 1732. В расчете на одну тысячу прихожан больше всего церквей было в Иркутской епархии. За ней следовали Енисейская, Томская, Тобольская и Якутская. За полвека число церквей в Иркутской епархии увеличилось примерно на 46 %, Тобольской — на 52 %, Томской — на 45 %. За период с 1883 по 1893 г. при церквях сибирских епархий было открыто 88 новых приходов, из которых 33 полностью содержались за счет казны. Наряду с этим на огромной территории Сибири и Дальнего Востока постоянно действовало 8 православных миссий. Наблюдается быстрый рост численности священников-миссионеров. При этом необходимо отметить, что немногочисленные своего рода «временные» миссии встречаются только в северных территориях Сибири — Березовском и Туруханском округах. В то же время такие миссии, как Алтайская, Иркутская, Забайкальская, активизируют свою деятельность, растет их численность, упрочивается финансовое положение.

Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «инородцев» была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежало признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди «инородцев». Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции. В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Это было еще одно отличие колонизационной политики России по отношению к окраинам государства от колониальных империй Запада. Распространение православия правительство рассматривало как важную составную часть общегосударственной политики по обрусению нерусских народов окраин империи, «приравниванию» их к основному крестьянскому населению империи. Архивные материалы и воспоминания современников событий свидетельствуют о том, что для большинства крещенных сибирских инородцев следующим шагом был переход к оседлости и занятию земледелием. Не случайно во многих местах Сибири возникали целые деревни оседлых крещенных «инородцев», мало или ничем не отличающиеся от крестьянских сел. Однако вплоть до середины XIX в. содействие распространению православия со стороны правительства, как правило, ограничивалось предоставлением вновь новокрещенным льгот по платежу ясака. Во второй половине сто-

³¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 139. Д. 325. Л. 31.

летия государственная политика по распространению православия стала более гибкой и разнообразной. Особенностью распространения православия во второй половине XIX в. стало введение практики богослужения на языках народов Сибири. Активизация деятельности РПЦ по распространению православия среди народов Сибири во второй половине XIX в. совпадает с началом нового этапа государственной политики в отношении аборигенов региона – унификации системы землепользования с русским крестьянством, управления, административного устройства, налогообложения, введения паспортной системы, привлечения к воинской повинности и, как итог, окончательной ликвидации сословия инородцев.³²

³² *Дамешек Л.М.* Сибирские инородцы в имперской стратегии власти XVIII – начала XX вв. Иркутск, 2007.

С.Ю. АКИШИН

ЛЕКЦИОННЫЙ КУРС ПРИВАТ-ДОЦЕНТА А.А. ДМИТРИЕВСКОГО ПО ИСТОРИИ БОГОСЛУЖЕНИЯ В РУССКОЙ ЦЕРКВИ

аспирант
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург
e-mail: nikomachus@gmail.com

В статье на основе рукописных материалов из фонда А.А. Дмитриевского (РНБ. Ф. 253) делается попытка реконструкции программы лекционного курса по истории богослужения в Русской Церкви, прочитанного студентам Казанской Духовной Академии в 1882–1884 гг., и выявляются основные источники, положенные в его основу. Автор приходит к выводу, что для создания лекций А.А. Дмитриевским был использован широкий репертуар исторических источников и исследований как по истории Русской Православной Церкви, так и специально-литургических. Было установлено, что при работе с исследовательской литературой ученый далеко не всегда корректно обозначал заимствования, потому что не предполагал публикации лекционного курса.

Ключевые слова: литургика, история богослужения в Русской Церкви, Казанская Духовная Академия, А. А. Дмитриевский.

Настоящая статья посвящена выяснению одного интересного и важного вопроса, касающегося наследия великого русского ученого, византиниста, литургиста и археографа, члена-корреспондента Академии наук Алексея Афанасьевича Дмитриевского (1856–1929).¹ В его архивном фонде, находящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 253), хранится ряд дел, содержащих курсы лекций либо материалы к ним, прочитанные студентам разных учебных заведений Российской империи и времен первого десятилетия Советского государства.² Наше внимание привлек курс лекций по истории богослужения в Русской Церкви, читанный ученым студентам Казанской Духовной Академии в течение полутора учебных лет 1882–1884 гг.³ Следует отметить, что ни до этого времени, ни после

¹ Подробнее о А.А. Дмитриевском см.: *Сове Б.И.* Русский Гоар и его школа // Богословские труды. 1968. Сб. 4. С. 39–84; *Герд Л.А., Акишин С.Ю.* Дмитриевский Алексей Афанасьевич // Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007. С. 429–438; *Акишин С.Ю.* Последний период жизни и судьба научного наследия профессора Киевской Духовной Академии А.А. Дмитриевского // Труды Киевской Духовной Академии. 2011. Т. 15. С. 250–267.

² Это следующие дела Ф. 253: 135, 152, 154, 196–198, 200–203.

³ Лекции, прочитанные в это время, содержатся в 135, 196 и 197 делах.

в Казанской Духовной Академии не было такой учебной дисциплины. Литургику здесь с 1870 г. читал учитель А.А. Дмитриевского Н.Ф. Красносельцев,⁴ и его лекционный курс ограничивался литургией в целом: от разбора устройства храма, утвари, богослужебных книг, до частного богослужения — таинств и треб. Безусловно, студентам давались определенные элементарные знания из области истории богослужебных последований, однако цель у лекционного курса Николая Фомича была не научная, а чисто практическая: дать полноту информации по дисциплине с тем, чтобы потом его слушатели были готовы воспроизвести полученные знания перед воспитанниками духовных семинарий и училищ.

А.А. Дмитриевский завершил обучение в Казанской Духовной Академии в 1882 г. со степенью кандидата богословия и был оставлен в ней в должности приват-доцента при кафедре церковной археологии и литургики для преподавания и окончания работы над магистерской диссертацией.⁵ Поскольку кафедру занимал его учитель Н.Ф. Красносельцев, который по долгу службы как основной преподаватель был обязан читать студентам Академии общие курсы литургики и церковной археологии, учебный план церковно-практического отделения пришлось расширять и вводить в него специально для А.А. Дмитриевского две новые дисциплины: «История богослужения в Русской Церкви»,⁶ которую начинающий преподаватель должен был читать студентам 1–2 курсов, и «История богослужебных книг» для выпускного, 4-го курса. Еще учась на 3 и 4 курсах Академии, А.А. Дмитриевский писал диссертацию по истории русского богослужения в XVI в.,⁷ поэтому, естественно, в теме более или менее разбирался и литературу вопроса знал. Кроме того, еще будучи студентом, он начал писать и публиковать, вероятно по рекомендации Н.Ф. Красносельцева, пространную рецензию на книгу Н.Ф. Одицова о порядке общественного богослужения в Древней Руси.⁸ Но

⁴ О Н.Ф. Красносельцеве подробнее см.: Поминка по Н.Ф. Красносельцеве. Одесса, 1899; *Акишин С.Ю.* Красносельцев Николай Фомич // *Православная энциклопедия*. Т. 38. М., 2015. С. 433–438.

⁵ Подробнее см.: *Протоколы заседаний совета КазДА за 1882 г.* Казань, 1882. С. 92, 213–214, 298.

⁶ *Отчет КазДА за 1882–1883 учебный год.* Казань, 1883. С. 31.

⁷ Тема диссертации звучала следующим образом: «Богослужение в Русской Церкви в XVI в.». На ее основе А.А. Дмитриевский написал и защитил магистерскую диссертацию, изданную в Казани в 1884 г.

⁸ *Одицов Н.Ф.* Порядок общественного и частного богослужения в Древней России до XVI века. СПб., 1881. Рецензия публиковалась в течение 1882–1883 гг. в журнале Казанской Духовной Академии «Православный собеседник»: *Дмитриевский А.А.* Богослужение в Русской Церкви за первые пять веков // *Православный собеседник*.

А.А. Дмитриевский, как начинающий преподаватель, должен был столкнуться с одной серьезной, но преодолимой проблемой: ранее ни в одной из Академий Российской империи история русского богослужения не читалась, отчего структура учебного курса была не определена и ему приходилось определять и наполнять ее самостоятельно практически с нуля. В связи с этим нас будет интересовать курс А.А. Дмитриевского по истории богослужения в Русской Церкви, в первую очередь, не с содержательной стороны, а с точки зрения того, какова была его структура, каким образом он составлялся и, конечно же, каковы были эти источники.

Воссозданию структуры курса способствует, главным образом, программа лекций, составленная А.А. Дмитриевским по итогам первого года преподавания и хранящаяся в фонде Казанской Духовной Академии в Национальном архиве Республики Татарстан (Ф. 10. Оп. 1. Д. 7712⁹), а также собственноручные записи карандашом на тетрадях, содержащих лекции (пометы типа «Тетр. 1», «Тетр. 2» и т.д.). В архивном фонде А.А. Дмитриевского выявлено 11 дел, содержащих лекции, прочитанные ученым в течение жизни студентам разных учебных заведений. Исходя из штемпелей на бумаге и ее датировки, из этого количества дел удалось выявить 3 единицы хранения (135, 196, 197), в которых находятся лекции интересующего нас учебного курса.

Начинается лекционный курс пространной характеристикой¹⁰ имеющихся пособий по литургики, которые лектор признает устаревшими и не дающими главного — исторического взгляда на литургику. Основная мысль первой лекции состоит в том, что излагать литургику и, шире, — богослужение нужно «естественным историческим путем»,¹¹ а не исключительно изучением уставных особенностей. Если литургику превратить в изучение голых бездушных уставных схем, то она становится для студентов невыносима и они ее начинают ненавидеть. Далее ученый говорит о корнях русской литургической традиции и констатирует, что в первое время она всецело зависела от богослужебных обычаев Константинопольской Церкви и самостоятельности не было даже в литургической поэзии.¹² Следующий раздел — основа курса, в которой Дмитриевский формули-

1882. Ч. 1. № 2. С. 166–183; № 3. С. 252–296; Ч. 2. № 9. С. 346–373; Ч. 3. № 10. С. 149–167; № 12. С. 372–394; 1883. Ч. 2. № 7/8. С. 345–374; Ч. 3. № 10. С. 198–229; № 12. С. 470–485.

⁹ Программа издана: *Дмитриевский А.А. Лекции по литургики*. Ч. 1: Курсы лекций, прочитанные студентам Казанской Духовной Академии в 1882–1884 гг. Екатеринбург, 2017. С. 320–322.

¹⁰ *Дмитриевский А.А. Лекции по литургики*. Ч. 1. С. 112–134.

¹¹ Там же. С. 134.

¹² Там же. С. 146.

рует методологические установки любого начинающего заниматься литургией — так называемый сравнительно-генетический метод ее изучения. Он формулирует этот метод, используя известную работу А.Л. Катанского¹³ об истории литургии Православной Церкви, правда, при этом на нее не ссылаясь и идя дальше в своих размышлениях. Переходя к характеристике периодизации истории богослужения в Русской Церкви, Дмитриевский сожалеет о том, что, несмотря на совершенное девять веков назад Крещение русского народа в водах Днепра, мы до сих пор не знаем истории нашего же богослужения. Рассматривая периодизацию истории богослужения в Русской Церкви, А.А. Дмитриевский цитирует церковных историков, таких, как архим. Сергей (Спасский), Н.Ф. Одинцов, Е.Е. Голубинский, но цитаты из их трудов он приводит исключительно в полемических целях. В вопросе периодизации Алексей Афанасьевич становится в некотором смысле слова новатором, потому как предлагает ее не связывать с историей нашего Отечества, а считает совершенно самостоятельной областью, никак не зависящей от истории государства Российского. В итоге А.А. Дмитриевский предлагает исходить из текста богослужебных чинов и выделяет 4 периода, кратко их характеризуя: 1) от Крещения Руси в 988 г. до времени вступления на кафедру митрополита Киприана Киевского; 2) с 1390 г. до Стоглавого Собора; 3) от окончания Собора до Большого Московского Собора 1666 и 1667 гг.; 4) с 1667 г. до наших дней.¹⁴

После этого А.А. Дмитриевский на основании данных Е.Е. Голубинского тщательно рассматривает византийские и русские литургические источники, благодаря которым можно получить представление о совершении богослужения в Византии и на Руси.¹⁵ Кроме того, он обращается и к нелитургическим памятникам, таким, как летописи, жития, гомилетические сочинения русских иерархов, отмечая крайнее разнообразие богослужебных книг и стремление унифицировать литургическую практику. Такой же, источниковедческий, подход А.А. Дмитриевский выдерживает при характеристике литургической деятельности митрополитов Киевских Киприана и Фотия. Рассмотрением этого, собственно, завершился первый год чтения курса. В этой части своих лекций А.А. Дмитриевский использует довольно широкий репертуар исследовательской литературы, включающий в себя работы по истории России В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина, ис-

¹³ Катанский А.Л. Очерк истории литургии нашей Православной Церкви. СПб., 1868. С. 3. Автор сердечно благодарит профессора Московской Духовной Академии А.М. Пентковского за указание на это заимствование, не отмеченное нами в издании курса лекций А.А. Дмитриевского.

¹⁴ Дмитриевский А.А. Лекции по литургии. Ч. 1. С. 160.

¹⁵ Там же. С. 180–187.

следования по истории Русской Церкви митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), архиепископа Черниговского Филарета (Гумилевского), работы по литургике архиепископа Вениамина (Румовского-Краснопевкова), протоиерея Константина Никольского и И.Д. Мансветова и, наконец, небольшое эссе чешского слависта П.Й. Шафарика, а также множество статей из русской духовной периодики. Очень часто А.А. Дмитриевский цитирует огромными кусками и даже целыми страницами. При цитировании он может указывать имя автора в том случае, если далее полемизирует с ним. Если же он цитирует без указания авторства, то тогда он безоговорочно соглашается со всем тем, что высказал тот или иной ученый и делает его слова своими. Наиболее используемые в этом разделе исследования принадлежат Н.Ф. Одинцову и И.Д. Мансветову — их ученый привлекает, как правило, без указания заимствований.

Второй учебный год для А.А. Дмитриевского был неполным: уже 16 декабря 1883 г. он был избран советом Киевской Духовной Академии занять там кафедру церковной археологии и литургики, и с 1 марта 1884 г. должен был приступить к должности,¹⁶ поэтому он, вероятно, не успел полностью прочесть свой курс студентам Казанской Духовной Академии. Но, тем не менее, судя по лекционному материалу, успел он прочитать довольно много — четыре больших темы: литургические обычаи русских по Стоглавому собору, о славянских типографиях по смерти Ивана Федорова, богослужение в южнорусских землях, литургическая деятельность Петра Могилы, очень бегло затронута проблематика книжной sprawy и круг вопросов, с ней связанных.¹⁷ Вероятно, если бы Алексей Афанасьевич доработал в Казанской Академии до конца учебного года, он довел бы повествование до современного ему состояния, однако этому не суждено было случиться. При составлении лекций второго года преподавания А.А. Дмитриевский использует большую часть работ уже упомянутых ранее авторов, а также исследования других ученых: С.Т. Голубева, архим. Леонида (Кавелина), Г.П. Смирнова-Платонова, П.А. Бессонова, М.Я. Морошкина, Е.М. Крыжановского, Н.И. Субботина и некоторых других. В этой части курса цитирование без должного оформления изобилует: так, например, в разделе о Стоглавом Соре А.А. Дмитриевский приводит целыми страницами

¹⁶ Протоколы совета Казанской Духовной Академии за 1884 г. Казань, 1884. С. 5, 30.

¹⁷ Этой проблеме ученый посвятил одно исследование, опубликованное уже после его смерти, причем дважды: *Дмитриевский А.А. Новые данные по исправлению богослужебных книг в Москве в XVII и XVIII вв. // Palaeoslavica. 2004. № 12/2. Р. 71–197. В прил. к ст.: Страхова О.Б. «Русский Гоар» А.А. Дмитриевского и его статья об исправлении служебника в Москве в XVII и XVIII вв.; Дмитриевский А.А. Исправление книг при Патриархе Никоне и последующих Патриархах. М., 2004.*

статью об этом Соборе анонимного автора, опубликованную в «Православном собеседнике» в 1860 г.¹⁸ Лекцию о митрополите Киевском Петре Могиле А.А. Дмитриевский практически полностью строит на статье Е.М. Крыжановского,¹⁹ добавляя от себя совсем немного.

Таким образом, подытоживая наше беглое рассмотрение структуры и источников лекционного курса по истории русского богослужения, прочитанного А.А. Дмитриевским студентам Казанской Духовной Академии в 1882–1884 гг., выскажем ряд наблюдений и выводов принципиального характера.

При подготовке своего курса Алексей Афанасьевич использовал все доступные ему и известные тогда науке первоисточники разнообразного содержания и жанра, из которых можно составить в возможной степени полно цельную картину истории русского богослужения. Для А.А. Дмитриевского огромное значение имел сам изучаемый источник: он его анализировал, обильно цитировал, извлекая необходимое знание и делая из его содержания определенные выводы. Скорее, читаемый им курс можно было бы назвать источником ведения истории богослужения в Русской Церкви, чем собственно историей. Видимо, А.А. Дмитриевский старался привить на своих лекциях слушателям любовь к источнику и подчеркивал его своеобразный примат для исследователя.

В дополнение к первоисточникам в арсенале ученого были все наиболее важные для истории богослужения в Русской Церкви исследования отечественных ученых XIX в., как церковных, так и светских. Их наработки А.А. Дмитриевский использовал с определенной полнотой, но иногда вступал и в полемику с авторами. Нередко ученый приводил цитату из той или иной работы, при этом оформляя ее соответствующим образом, но чаще, как правило, он просто не указывал источник заимствования и приводил тот или иной фрагмент, выдавая его за плод собственной интеллектуальной работы. Такая кажущаяся на первый взгляд небрежность цитирования, которую в наше время называют плагиатом, в случае с А.А. Дмитриевским, на наш взгляд, извинительна и объясняется следующим. Ученый не планировал издавать свой курс лекций, потому не утруждал себя указанием в собственных записях источников заимствования. Правда, иногда он делал на полях соответствующие пометки, отсылая к месту заимствования, однако такие пометки немногочисленны.

¹⁸ Стоглавый Собор // Православный собеседник. 1860. Ч. 2. С. 107–153, 219–255, 362–412.

¹⁹ Крыжановский Е. Требник Киевского митрополита Петра Могилы // Руководство для сельских пастырей. 1860. № 43. С. 185–206; № 44. С. 209–233; № 46. С. 272–287; № 47. С. 296–316; № 52. С. 449–462.

При чтении первой части курса складывается такое впечатление, что ученый тратил довольно много времени на подготовку текста лекций: он нередко пересказывает мнения того или иного ученого, иногда цитирует с пропусками или же переделывает цитируемые фрагменты, адаптируя для понимания текст. Но когда ему по какой-либо причине не хватало времени для работы, что особенно видно по материалам второго года преподавания, это отражалось и на его лекциях: в них присутствует очень мало собственных наблюдений и оценок, приводимые фрагменты из работ других ученых даются в больших объемах, которые при вдумчивом, внимательном отношении можно было бы как-то обобщить и изложить своими словами. Вероятно, определенного рода небрежность А.А. Дмитриевского при составлении лекций второго года преподавания можно объяснить его хлопотами, связанными с печатанием и защитой диссертации, а также с планируемым переездом в 1884 г. в Киев на новое место службы.

Лекционный курс по истории богослужения в Русской Церкви был для А.А. Дмитриевского первым опытом преподавательской работы. Он только учился преподавать и, как кажется, с каждым годом все более и более оттачивал свое мастерство, но уже на ином материале и в других учебных заведениях (об этом свидетельствуют другие лекционные курсы). Если бы ученый преподавал историю богослужения в Русской Церкви на протяжении ряда лет и его лекции сохранились бы, то мы бы, скорее всего, увидели очень индивидуальный и самостоятельный лекционный курс, для составления которого привлечена была не только внушительная база источников и литературы, но и собственные наблюдения над литургическими рукописями. Однако историю богослужения в Русской Церкви А.А. Дмитриевский читал лишь один раз, а с переходом на службу в Киевскую Духовную Академию он был вынужден начать чтение общего курса литургики, иногда предлагая для выпускного курса Академии какой-либо небольшой спецкурс, но не более того. Вся последующая научная деятельность Алексея Афанасьевича показывает, что он углубился в изучение византийского богослужения и литургической традиции православного Востока в целом, а от глобальной разработки тем по истории русского богослужения отошел. Свой прочитанный в Казани курс А.А. Дмитриевский, по-видимому, ценил довольно низко, осознавая его компилятивный характер, и поэтому не предполагал его публикации. Тем не менее курс А.А. Дмитриевского по истории богослужения в Русской Церкви является замечательным образцом того лекционного материала, который предлагался профессурой духовных академий XIX в. их слушателям, и в этом смысле не потерял своего интереса и определенного значения до настоящего времени.

Е.В. КОМЛЕВА**ЭГО-ДОКУМЕНТЫ СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА
(КОНЕЦ XVIII – XIX в.)**

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: feodal@history.nsc.ru

Статья посвящена характеристике источников личного происхождения, созданных сибирскими купцами в конце XVIII – XIX в. Анализируются состав корпуса сохранившихся эго-текстов и их информационные возможности. Приводятся примеры воспоминаний, дневников, журналов, написанных сибирскими купцами, их детьми и женами. Особое внимание уделено частной корреспонденции из семейных архивов иркутских купцов Басниных и красноярских Ларионовых. Некоторые из оставленных представителями купечества эпистолярных свидетельств впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Сибирь, купечество, культурно-образовательный уровень, эго-документы, мемуары, дневники, письма, журналы.

Среди всего многообразия источников по истории сибирского купечества особое место занимают эго-документы, оставленные самими купцами. Эти достаточно редкие свидетельства дают возможность приподнять завесу над повседневной жизнью авторов и окружавших их современников, почерпнуть сведения об использовавшихся приемах ведения коммерции, деловой этике, картине мира и круге интересов не только мужчин, но и женщин из купеческой среды. Чересчур категорично звучат слова барнаульского исследователя Н.Ю. Кошеновой о том, что «новым явлением во второй половине XIX – начале XX в. стало появление купеческих, буржуазных источников личного происхождения не только в Европейской России, но и в Сибири».¹ Различные по жанру произведения, вышедшие из-под пера сибирских купцов, начинают создаваться задолго до этого. В частности, потребность зафиксировать для потомков свой жизненный путь у них отмечается уже на рубеже XVIII–XIX вв. Подобная тяга была, несомненно, заимствована из традиций, присущих дворянской культуре, при этом нельзя не учитывать и тех изменений, которые произошли в сознании купечества в эпоху Просвещения.

¹ Кошенова Н.Ю. Источники личного происхождения о сибирском купечестве второй половины XIX – начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. С. 55.

Появление эго-текстов, конечно, напрямую связано и с культурно-образовательным уровнем сибирских купцов, который неуклонно повышался на протяжении всего рассматриваемого периода. Для конца XVIII – первой половины XIX в. довольно широко распространена низкая оценка общей образованности дореформенного купечества.² Тем не менее и в середине XVIII в. среди населения региона встречались люди, осознанно стремившиеся к обучению грамоте, видевшие в овладении этим навыком залог успешной карьеры в будущем. Вот как характеризовал своего отца Тимофея Максимовича иркутский купец П.Т. Баснин: «Несмотря на величайшие неудобства... старался... обучиться грамоте. Таланты моего родителя сообщили его рас судку, что он не этих занятий стоит, может заниматься и другим...».³ Надо сказать, что в последующем в семье Басниных обучению чтению и письму не только мальчиков, но и девочек придавалось большое значение. На это, например, указывает приписка под письмом Т.М. Баснина от 5 августа 1799 г. об успехах его внуков: «У Васил[ь]я учил Чусовнин – Николай и Овдот[ь]я азбуку выучили, азбуку скоро выучила и Катерина».⁴ В мае 1832 г. П.Т. Баснин записал: «Сего 24-го чи[сла] отдали учиться внука Ин[н]окентия Николаю Федоровичу Скрябину».⁵ В целом сохранившееся эпистолярное наследие сибирских купцов свидетельствует о достаточно широком распространении грамотности среди городского населения Сибири уже в конце XVIII – начале XIX в. и «в значительной степени разрушает традиционные представления о невежестве провинциального купечества».⁶

Всего в историографии фигурируют более трех десятков источников мемуарного характера, созданных сибирскими купцами или выходцами из купеческой среды, в том числе опубликованные работы Е.А. Авдеевой-Полевой,⁷ М.Н. Барамыгина,⁸ А.И. Барковой,⁹

² *Бойко В.П.* Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в.: Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск, 2007. С. 342–343.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 469. Д. 2. Л. 4 об.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 469. Д. 1. Л. 35 об.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 469. Д. 46. Л. 91 об.

⁶ *Семенова А.В., Аксенов А.И.* Предисловие // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. М., 2007. С. 7.

⁷ *Авдеева-Полевая Е.А.* Записки и замечания о Сибири // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 7–124.

⁸ *Барамыгин М.Н.* Путевой журнал купца Михаила Барамыгина, во время поездки из Нижнеколымска в Анойскую крепость в 1855 г. // Записки СО ИРГО. 1857. Кн. 9. С. 13–17.

⁹ *Баркова А.И.* Воспоминания о сибирской золотопромышленности // Сибирский сборник. СПб., 1887. С. 168–186.

П.П. Баснина,¹⁰ П.Т. Баснина,¹¹ В.Н. Баснина,¹² Н.А. Белоголовой,¹³ Е.В. Белоголовой,¹⁴ А.Д. Васенева,¹⁵ Н.Ф. Веселкова,¹⁶ И.С. Конюхова,¹⁷ П.И. Кузнецова,¹⁸ И.В. Кулаева,¹⁹ П.И. Пахолкова,²⁰ А.П. Першина,²¹ К.А. Полевого,²² Н.А. Полевого,²³ М.К. Сидорова,²⁴ Н.М. Чукмалдина,²⁵ И.А. Юринского,²⁶ Н.М. Ядринцева.²⁷ Сюда же можно добавить журнал уроженца Тобольска, московского купца и приказчика Российско-Американской компании Ф.И. Шемелина,²⁸ а также купеческого приказчика из Тюмени П.Ф. Кочнева.²⁹ Ряд устных воспоминаний восточно-сибирских купцов (П.М. Герасимова, П.О. Ка-

¹⁰ Баснин П.П. Из записок деда // Сибирь. 2004. № 2. С. 167–197.

¹¹ Баснин П.Т. Из прошлого Сибири: Мученики и мучители // Сибирь. 2003. № 2. С. 131–163.

¹² Баснин В.Н. Петербургские впечатления молодого сибиряка в 1828 г. // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. М., 2007. С. 150–205.

¹³ Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988.

¹⁴ Мои записки (записки Евдокии Васильевны Белоголовой. 1863–1887 гг.) // Земля Иркутская. 2010. № 2 (37). С. 56–74.

¹⁵ Сибирский купец А.Д. Васенев. Ч. 1. Дневники. Барнаул, 1994.

¹⁶ Веселков Н.Ф. Записки минусинского купца Н.Ф. Веселкова на пути от Дзидзилика в Иркутск // Известия ИРГО. 1873. Т. 9. № 5. С. 157–162.

¹⁷ Конюхов И.С. Кузнецкая летопись. Новокузнецк, 1995. С. 14–107.

¹⁸ Сысоева Л.А. Амурская экспедиция // Хранители наследия: Альманах Ассоциации муниципальных музеев. Вып. 2. Барнаул, 2005. С. 118–129.

¹⁹ Кулаев И.В. Под счастливой звездой: Записки русского предпринимателя. 1875–1930. М., 2006.

²⁰ Пахолков П.И. Записки об Амуре, за первые годы со времени занятия его Россией в 1854 году // Мемуары сибиряков: XIX век. Новосибирск, 2003. С. 157–203.

²¹ Першин А. Воспоминания старожила // Забайкалье. 1902. Февраль-май.

²² Полевой К.А. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого. СПб., 1860.

²³ Полевой Н.А. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 77–90.

²⁴ Сидоров М.К. Автобиография // Русская старина. 1887. Т. 55. № 9. С. 704.

²⁵ Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни. М., 1902.

²⁶ Юринский И.А. Местность Дэлюн-Болдок на берегах р. Онона (место рождения Чингис-хана) // Записки СО ИРГО. 1856. Кн. 2. С. 1–6.

²⁷ Ядринцев Н.М. Детство // Литературное наследство Сибири. Т. 4. Новосибирск, 1979. С. 253–265.

²⁸ [Шемелин Ф.И.] Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара, сочиненный под высочайшим его императорского величества покровительством Российско-Американской компании главным комиссионером, московским купцом Федором Шемелиным. Ч. 1–2. СПб., 1816–1818.

²⁹ Кочнев П.Ф. Жизнь на Большой реке: Записки сибирского приказчика. Новосибирск, 2006.

тыщецева, А.М. Крюкова, А.А. Литвинцева, П.И. Обухова, Д.О. Портнова) вкраплен в известный труд В.И. Вагина о М.М. Сперанском.³⁰ До сих известны лишь в рукописном варианте произведения М.А. Зензинова³¹ и Н.В. Скорнякова.³² Составленные этими людьми тексты включают воспоминания, в том числе и записанные со слов купцов, автобиографии, дневники, путевые заметки, литературные записки, некрологи. Проблематика каждого конкретного источника зависит от личности, кругозора и жизненного опыта автора: это может быть описание родных и знакомых, городского быта, деловых и научно-исследовательских поездок по Сибири, злоупотреблений чиновников, жизни на золотых приисках, нелегком пути «в люди».

Часть интересных мемуарно-эпистолярных источников, написанных купцами, остается пока неизвестной исследователям или вовсе безвозвратно утрачена, на что указывают иногда встречающиеся выдержки из них в материалах делопроизводства и других документах. Так, например, удалось обнаружить фрагмент дневника тарского купца А.С. Рожина за 1820-е гг., из которого можно почерпнуть сведения об известном купеческом роде Нерпиных, связанном с автором родственными узами.³³

Одной из первых попыток составить автобиографию можно считать «Журнал моей жизни», написанный иркутским купцом П.Т. Басниным. Автор, впрочем, не осуществил свой первоначальный замысел и прервал записи лишь на жизнеописании своего отца Т.М. Баснина.³⁴ Первая запись, сделанная П.Т. Басниным, гласит: «Между моими занятиями, не теряя свободного времени, рассудил я изобразить журнал моей жизни, дабы потомки мои могли видеть оной, а в чем заключается таковой, в следующих статьях в подробности излагается».³⁵

Своеобразный жанр эго-текстов сибирских купцов представляют дневниковые записи. Пример дневника — «Месяцеслов», составлявшийся в семье Басниных сначала Петром Тимофеевичем, а затем его племянником Василием Николаевичем с 1800 по 1857 г.³⁶ Записи сделаны на маленьких листках бумаги разного качества, аккуратно обер-

³⁰ Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 г. СПб., 1872. Т. 1. С. 565–568, 574–577, 580–583; Т. 2. С. 569.

³¹ Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010. С. 322–323.

³² Архив города Енисейска. Ф. 6. Оп. 1. Д. 65.

³³ ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 102. Л. 5–7 об.

³⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 469. Д. 2.

³⁵ Там же. Л. 2.

³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 469. Д. 45–47.

нугу бумажками с указанием года и вложены в картонные коробки. Наряду с русским языком, в «Месяцеслове» встречаются относящиеся к началу XIX в. попытки использовать латынь.³⁷ Большинство заметок содержат характеристику погоды и атмосферных явлений: «Август 1822. 10. Четверг. День переменной: иногда ясно, иногда пасмурно, но более последнее. Вечер пасмурной — ночь очень темная. Погоды почти никакой не было». Или: «1828. Март. 5 ч[исло]. В городе в улицах от воздуха тиоплова дорога начала портится... 11 [число]. Сияние солнца, от холоду в окнах мерзли стиокла, морозу 15 град[усов]. 12 [число]. От холоду пыль аки облако, даже закрыв солнце. 13 [число]. Холодно было днем, сияние солнца в лужицах...».³⁸ Помимо этого данный источник содержит биографические сведения о датах рождения, крещения, венчания, смерти близких родственников и окружения авторов. Так, в мае 1829 г. П.Т. Баснин оставил единственную запись: «1769го года мая 8го числа рождение мое. В супружество сочетался с Меланией Дмитревной 1788го года в генваре месяце, которого чи[сла] — не припомню. А супруга моя меня моложе тол[ь]ко семью месяцами».³⁹ «Месяцеслов» содержит и любопытные подробности о различных событиях, важных для жителей города: в сделанной 10 августа 1822 г. заметке сообщалось, что «в 5^м часу дня генерал-губернатор Александр Степанович Лавинский переправился чрез Ангару в Иркутск, а в 5^{тб} часов, в самый звон к вечерням, приехал он в свой дом, назначенный для его приезду. Ночью большое во многих местах плосечное освещение».⁴⁰ А вот другой пример восприятия событий и отражения их в тексте: «1831 ноябрь. 21го чи[сла] объявлен рескрипт Государя Императора архиепископу Иринею в присутствии генерал-ад[ъютанта] губернатора, бригадного генерала, коменданта — тоже генерала и прочих чиновников. Читал оной рескрипт присланной от Государя флигель-адъютант».⁴¹ О содержании самого рескрипта не упоминалось ни слова, между тем, речь шла о получившем широкий резонанс скандале, связанном с противостоянием иркутского владыки и местных властей, в результате которого он, в конце концов, был смещен с кафедры.⁴²

³⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 469. Д. 45. Л. 3, 6.

³⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 469. Д. 46. Л. 6.

³⁹ Там же. Л. 29.

⁴⁰ ОПИ ГИМ. Д. 45. Л. 69 об.

⁴¹ Там же. Л. 55.

⁴² Туманик Е.Н. «Бунт» архиепископа Иринея: Причины и тайные пружины // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 399–405.

Без преувеличения уникальным можно считать относящийся к 1850-м гг. и разбитый на две тетради дневник М.Н. Кандинской (урожд. Сабашниковой) — супруги селенгинского купца 1-й гильдии и потомственного почетного гражданина Н.Х. Кандинского Младшего.⁴³ И хотя первая из сохранившихся тетрадей озаглавлена «Путевые записки Николая Хрисанфовича и Марфы Никитичны Кандинских»,⁴⁴ на самом деле все записи сделаны одной Марфой Никитичной (ее почерком и от ее имени) и отражают впечатления от путешествия из Кяхты в Москву. Автор упоминает Иркутск, Красноярск, Томск, Тюмень и другие города. Дневник очень эмоционален, пропитан грустью об оставшихся в Кяхте детях, беспокойством об отношениях с мужем, содержит многочисленные мелкие детали, что вообще характерно для женской мемуаристики. Так, впечатление от Тюмени отразилось в следующих словах: «Мне этот город не пондравился: в нем, кажется, кроме мужикоф никого нет, да комароф».⁴⁵ Описывая пребывание в Казани, М.Н. Кандинская записала: «...Заезжали в кондитерскую, но в ней ничего не нашли хорошего. Конфеты дряные».⁴⁶ Особое внимание уделено описанию развлечений: посещению театра, концертов, «маскерада», слушанию органа, покупкам нарядов. В записи, сделанной 2 июня в Иркутске, Марфа Никитична отмечает: «Ездила поутру к знакомым своим и вечером была в здешнем театре. В этот раз играли “Матроса” и водевиль “Женская натура”. Мне очень пондравилась игра здешних актероф».⁴⁷ Больше впечатление на автора произвела Москва: «Сегодня я поутру ездила в город, покупала для себя наряды и ходила в ряды из любопытства и где пила разные квасы. В первой раз очень любопытно быть в рядах и видеть много интересного. Сколько там народу. Сколько продающих и покупающих — я не могу надивиться».⁴⁸

Эпистолярное наследие, оставленное сибирскими купцами, не ограничивается мемуарами и дневниками — известны также другие, не менее интересные документы. Так, сохранились два больших семейных архива, сформированные сибирскими купеческими семьями и включающие документы за более чем столетний период. Это находящееся в Государственном историческом музее собрание известных иркутских купцов Басниных, а также входящая в состав Юдинско-

⁴³ Жеребицов Г.А. Купцы Кандинские и их потомки. Чита, 2012. С. 153–158.

⁴⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 92. Д. 35. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Л. 6.

⁴⁶ Там же. Л. 8.

⁴⁷ Там же. Л. 4.

⁴⁸ Там же. Л. 9 об.–10.

го фонда Государственного архива Красноярского края рукописная коллекция красноярских купцов Ларионовых. Среди разнородных документов этих собраний значительный объем занимает частная корреспонденция, среди авторов и адресатов которой как члены вышеупомянутых купеческих семейств, так и их деловые партнеры, родственники и знакомые, проживавшие в других городах. Стоит также отметить наличие двух обширных комплексов писем, принадлежавшим вологодским купцам Булдаковым⁴⁹ (конец XVIII – первая половина XIX в.) и московским купцам Калашниковым (1830-е гг.),⁵⁰ которые, хотя и не входили в состав сибирского купечества, но по роду деятельности были связаны с Сибирью (с Тобольском и Кяхтой) и отразили местные реалии в посланиях к близким. К пореформенному периоду относятся письма А.Д. Васенева, В.А. Баландиной, С.Т. Востротина, М.С. Беловой и целого ряда других представителей сибирского купечества.

В сохранившихся письмах можно найти многочисленные подтверждения значимости переписки в жизни сибиряков уже на рубеже XVIII–XIX вв. Важность обмена корреспонденцией подчеркивалась, например, такими словами: «Получу ваше пис[ь]мо, яко самих вас увижу, — много радуемся и добрым людям любо, что все благополучно»,⁵¹ «...я бо к вам, други, рад каждой день писать...»,⁵² «...на пис[ь]ме вашем доволен»,⁵³ «...и вас покорнейше прошу писанием своим меня наградить, чего буду с почтою ожидать непременно»,⁵⁴ «...желаю и надеюсь по благорасположению вашему получать и в будущее время от вас письма, которые для меня приятны»,⁵⁵ «...испрашиваю дражайших ваших уведомлений», «...прошу вас... не оставлять меня письмами, ибо чтобы мне веселее было...».⁵⁶

Несмотря на то, что в большинстве купеческих писем речь идет преимущественно о коммерческих обстоятельствах, тем не менее иногда в них вкраплены и любопытные подробности о распространенных нормах общения, городских происшествиях, выдающихся современниках. В частности, основываясь на рассмотренных источ-

⁴⁹ Гузакова М.В. «Торговые обстоятельства» в переписке купцов Булдаковых // Российская история. 2017. № 4. С. 36–46.

⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 10. Д. 75.

⁵¹ ОПИ ГИМ. Ф. 469. Д. 1. Л. 30.

⁵² Там же. Л. 31–32.

⁵³ Там же. Л. 27 об.

⁵⁴ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4468. Л. 2 об.

⁵⁵ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4482. Л. 4.

⁵⁶ Комлева Е.В. Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Новосибирск, 2016. Вып. 1: Письма конца XVIII – первой трети XIX в. С. 123, 285.

никах, можно утверждать, что уже к началу XIX в. в среде сибирского купечества сложились определенные морально-этические представления о том, как следует вести торговлю и выстраивать отношения с другими купцами, собственными служащими и покупателями («...а покупателям надобно кланяться»,⁵⁷ «чужим животом торговать — одно только время препровождать»⁵⁸).

Еще один интересный вид эго-текстов из среды сибирского купечества — это журналы или тетради с записями, которые могли быть посвящены как хозяйственной тематике, так и содержащие интересные авторов сведения из самых разных областей. Известно, например, что иркутский купец А.В. Белоголовый в 1820–1830-х гг. вел «журнал», в котором записывал «занимательные для него случаи».⁵⁹ В архиве Басниных отложились две тетрадки, принадлежавших Василию Николаевичу.⁶⁰ В одной из них, маленькой самодельной тетрадошке, датируемой 1816 г., когда автору должно было исполниться шестнадцать лет, приведены семьдесят загадок, а также «разные стихи». Примером последних может служить такой: «Лиза в городе жила, / но невинною была. / Лиза — ангел красотою, / ангел ндравом и душою. / Время ей пришло любить. / Всем любиться в свете должно, / и в 17 лет неможно / сердцу без друга жить...».⁶¹ Надпись приклеена на обложке другой тетради и гласящая «Смесь», на первом листе уточняется: «Смесь любопытного, приятного с полезным». Начальные записи были сделаны еще в юные годы Василия Николаевича — буквы выведены крупным, старательным почерком в отличие от пометок на полях, написанных позже, иногда по прошествии нескольких десятилетий. В тетради содержатся записи китайских легенд и обычаев, названия лекарственных трав, диеты, советы разных лиц о производстве разных вещей, рецепты наливок; особенно много места занято китайской игрой тхян-ти-жен-чу. Среди прочего сообщается «кяхтинский интересный факт», когда купцу Н.Ф. Сабашникову (отцу вышеупомянутой М.Н. Кандинской) в день именин китайские торговцы преподнесли «приветственный лист», испещренный иероглифами, означающими: «Кто приобрел счастливый навык постоянно следовать путем справедливости, тот, хотя бы старался скрывать свои похвальные качества, но оне, сами собою об-

⁵⁷ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4471. Л. 6 об.

⁵⁸ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4469. Л. 1 об.

⁵⁹ Гаврилова Н.И., Матханова Н.П., Зуева Е.А. и др. Белоголовые // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 69.

⁶⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 469. Д. 11. Л. 1–111, 134а–162 об.

⁶¹ Там же. Л. 143 об.

наруживаясь, подобно величайшему и громкому колоколу, разносят о нем славу повсеместно».⁶²

Таким образом, приведенные примеры показывают, насколько многообразно оставленное сибирскими купцами письменное наследие. Различные по форме и содержанию, сохранившиеся эго-документы сибирского купечества позволяют взглянуть изнутри на быт, внутрисемейные отношения и профессиональную деятельность купцов, в какой-то мере реконструировать происходившую на протяжении столетия эволюцию их представлений об окружающем мире. В последнее время интерес к наследию купечества не только сохраняется, но и возрастает: сохранившиеся тексты активно публикуются и переиздаются. Многие из них нуждаются в тщательном анализе, а целый ряд, прежде всего переписка, еще остается не введенной в научный оборот.

⁶² ОПИ ГИМ. Ф. 469. Д. 11. Л. 10 об.–11 об.

И.Г. АДОНЬЕВА

**ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ТЕМАТИКА
РУССКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

канд. ист. наук,
Новосибирский государственный
технический университет
e-mail: adoinessa@yandex.ru

В статье проанализирована историко-правовая тематика русских ежемесячников второй половины XIX – начала XX в. На ее содержание влиял ряд обстоятельств, прежде всего состояние судебной системы и ее реформа. После судебной реформы 1864 г. преобладали вопросы функционирования судебной власти. Воздействие оказывали идейно-политические ориентиры издания и преобладание в науке государственно-исторической школы. Либеральные журналы обращали внимание на правовые аспекты взаимодействия государства и общества в прошлом, стремясь связать развитие России и приведение законодательства в соответствие с потребностями населения. Для народнических и марксистских изданий историко-правовые сюжеты не играли существенной роли в связи нацеленностью авторов и читателей на разрешение современных им проблем, аналогов которых в прошлом найти было невозможно.

Ключевые слова: правовой дискурс, ежемесячники, история права, интеллектуальная культура.

Пристальное внимание историков и юристов второй половины XIX – начала XX в. к развитию отечественной и зарубежной юстиции было обусловлено как особенностями процессов, происходивших в науке, так и социальными, политическими и экономическими изменениями в Российской империи. Эти тенденции были между собой связаны. Как отметила Н.В. Иллерицкая, «историческая наука воспринималась как наука социальная, призванная выполнять прогностические функции, правильно ставить и решать вопросы, обеспечивающие последовательное продвижение страны по пути социального прогресса. Поэтому историческая наука неизбежно становилась частью общего модернизационного проекта: прошлое необходимо знать, чтобы извлекать из него уроки, и на основе этих знаний исправлять в нужном направлении современность. Вот почему социальные отношения стали представляться приоритетными и оказались в центре изучения историков и правоведов. Под влиянием этих внешних для науки факторов определилась и центральная исследовательская проблематика: новое звучание приобретали тради-

ционные темы — история власти и государства, история общины, но появились и новации — особое место занимает история сословий и история крепостного права».¹ Кроме того, с середины XIX в. в России шло постепенное вытеснение традиции правом в качестве способа регулятора общественных отношений. Это совпало с возможностью публичного обсуждения актуальных проблем, которое происходило, в том числе, на страницах «толстых» журналов, адресованных образованному обществу. Состояние российской юстиции, тяжелое до реформы 1864 г. и спорное после, в сочетании со сложными экономическими, политическими и социальными реалиями сделало правовую тематику востребованной интеллектуальной элитой, сотрудничавшей в ежемесячниках, и читателями, пытавшимися найти ориентиры в быстро меняющемся мире.² Юридическое содержание ежемесячников, как научное, так и информационно-аналитическое, было ответом на запросы читателей: ученых и литераторов, учащейся молодежи, помещиков.

Серьезным его элементом стали историко-правовые сюжеты. Значимость истории в целом как способа социальной и культурной самоидентификации возростала на протяжении рассматриваемого периода; в ней видели ключ к пониманию настоящего и будущего страны. Историки и правоведы второй половины XIX в. искали в прошлом свой социально-политический идеал.³ Преобладающей с 1830-х гг. в науке стала воспринятая у немецких юристов государственно-историческая школа права. В соответствии с ее основными положениями, право каждого народа рассматривалось как проявление «народного духа», передающегося из поколения в поколение и развивающегося так же, как язык и нравы. Поскольку единые тенденции в развитии права разных народов отрицались, значение придавалось национальным источникам права. Это имело важное значение в образовании и исследовательской практике историков и юристов, имевших в данном отношении общую основу. Одновременно с этим стремление найти наиболее оптимальную возможность взаимодействия государства и общества, организации сферы юстиции побуждало интеллектуалов обращаться к отечественной и европейской истории. Это порождало

¹ *Иллерицкая Н.В.* Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX в. М., 1998. С. 7.

² *Рейтблат А.И.* Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М., 2014. С. 24; *Малинова О.Ю.* Общество, публика, общественность в России середины XIX – начала XX века: Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1. М., 2012. С. 428–464.

³ *Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара, 2011. С. 19.

различные варианты интерпретации правовых явлений прошлого и их репрезентации. Историко-правовая тематика, неизменно востребованная исследователями, актуализировалась в печати в связи как с конкретными текущими событиями, так и с политикой отдельного издания вплоть до личных предпочтений редактора. Ее содержание в ежемесячниках второй половины XIX – начала XX в. и формировавшие авторы представлены в табл. 1.

Таблица 1

Историко-правовая тематика русских ежемесячников
второй половины XIX – начала XX в.*

№	ФИО, годы жизни	Проблематика
«Русский вестник»		
1	Афанасьев А.Н. (1826–1871)	Судебные чиновники XVIII в.
2	Бланк П.Б. (1821–1886)	Уложенная комиссия Екатерины II
3	Брикнер А.Г. (1834–1896)	Правовые воззрения эпохи Петра I
4	Вызинский Г.В. (1834–1879)	Европейское право в дофеодальную эпоху
5	Градовский А.Д. (1841–1889)	История государственного права и устройства
6	Ланге Н.И. (1821–1894)	Право древней Руси
7	Лешков В.Н. (1810–1881)	Имущественные и личные права по законодательству Петра I; законодательство XVIII в.
8	Лохвицкий А.В. (1830–1884)	История церковного управления и права
9	Победоносцев К.П. (1827–1907)	История крепостного, гражданского, уголовного права
10	Рачинский А.В. (1826–1877)	Политико-правовые суждения XVII–XVIII вв. о крепостном праве
11	Соловьев С.М. (1820–1879)	Зарождение русского государства и права
12	Чичерин Б.Н. (1828–1904)	История русской сельской общины и сословий, духовные и договорные грамоты русских князей
13	Щебальский П.К. (1810–1886)	Судебные учреждения эпохи Петра I
14	Щербань Н.В. (1831–1894)	История судебных учреждений Франции
15	Утин Б.И. (1832–1872)	История суда присяжных
«Русское обозрение»		
16	Кулаковский Ю.А. (1855–1919)	Соотношение церковного и светского права Византии
17	Тихомиров Л.А. (1852–1923)	Исторические аспекты монархической государственности
«Вестник Европы»		
18	Богданович М.И. (1805–1882)	Государственные преобразования Александра I
19	Герье В.И. (1837–1919)	История римского права

20	Карабчевский Н.П. (1851–1825)	Французская адвокатура XVIII в.
21	Ковалевский М.М. (1851–1916)	Широкий круг историко-этнографических сюжетов
22	Костомаров Н.И. (1817–1885)	История абсолютной монархии
23	Никитский А.И. (1842–1886)	Теория родового быта в древней Руси
24	Слонимский Л.З. (1850–1918)	Исторические аспекты международных отношений и международного права; политические и правовые учения
25	Утин Б.И. (1832–1872)	Соотношение светского и церковного законодательства
«Русская мысль»		
26	Благовещенский Н.А. (1859–?)	Римское право
27	Дитятин И.И. (1847–1892)	Русское законодательство XVI–XVIII вв. о городах, городском самоуправлении; земские соборы
28	Камаровский Л.А. (1846–1912)	Исторические аспекты международного права
29	Ключевский В.О. (1841–1911)	Представительство на земских соборах; Боярская дума; история крепостного права
30	Милюков П.Н. (1859–1943)	Зарождение государственно-исторической школы в России
31	Ремезов М.Н. (1835–1901)	Римское право
«Северный вестник»		
32	Абрамов Я.В. (1858–1906)	История сословий
33	Дьяконов М.А. (1855–1919)	Право Московского царства
34	Капустин С.Я. (1828–1891)	Исторические аспекты финансового законодательства
35	Пономарев С.М. (1865–1889)	Обычное право
36	Суворов Н.С. (1848–1909)	Европейское влияние на древнерусское право; церковное право
37	Яроцкий В.Г. (1855–1917)	История правовых учений
«Мир Божий»		
38	Красноперов И.М. (1839–1920)	Община и вече Древней Руси
39	Виппер Р.Ю. (1859–1954)	Государство и общество в Средние века

* Подсчитано автором на основании сплошного просмотра указанных изданий за 1856–1905 гг.

Историко-правовая тематика ежемесячников была выдержана исключительно в академическом ключе. Осмысление прошлого отечественной и зарубежной юстиции представляло исследовательский интерес и для историков, и для юристов, но при этом не относилось к кругу актуальных с точки зрения настоящего правовых вопросов.

В разделах «Внутреннее обозрение», «Современная летопись», «За границей» интенсивно обсуждалось текущее отечественное и зарубежное законодательство. Также историко-правовая проблематика часто оказывалась вписана в более широкий контекст изучения прошлого или являлась введением к рассмотрению современного положения того или иного вопроса.⁴ Количественное выражение статей историко-правового содержания в «толстых» журналах представлено в табл. 2.

Таблица 2

Статьи историко-правового содержания в русских ежемесячниках (1856–1905 гг.)*

Журнал, годы издания	Тематика	
	История российского права	История зарубежного права
«Русский вестник» (1856–1906)	13	10
«Русское обозрение» (1890–1898)	3	0
«Вестник Европы» (1866–1918)	13	9
«Русская мысль» (1880–1918)	9	3
«Русское богатство» (1880–1918)	1	0
«Северный вестник» (1885–1989)	8	2
«Мир Божий» (1892–1906)	1	4

* Подсчитано автором на основании сплошного просмотра указанных изданий за 1856–1905 гг. Данные представлены в абсолютных величинах.

Максимальное количество статей, посвященных истории права, присутствует в «Русском вестнике», причем их подавляющее большинство вышло в «либеральный» период 1856–1862 гг. Это связано с интенсивным обсуждением будущей судебной реформы, стремлением сравнить развитие юстиции России и европейских стран, главным образом Англии и Франции. М.Н. Катков привлекал в свой журнал преподавателей Московского университета, в том числе и после «консервативного поворота» в направлении издания. При этом, если на начальном этапе востребованы были статьи по широкому спектру историко-юридических вопросов, вплоть до описания следствий по громким уголовным делам, то в дальнейшем приоритет отдавался текстам государственно-правовой и международно-правовой направленности.⁵ Также редактор сохранил свой интерес к го-

⁴ *Вязинский Г.В.* Западная Европа в дофеодальную эпоху // *Русский вестник*. 1859. № 1. Кн. 1. С. 68–117; *Муравьев Н.В.* Наши тюрьмы и тюремный вопрос // *Русский вестник*. 1878. № 4. С. 481–517.

⁵ *Победоносцев К.П.* Анекдоты из XVIII столетия: Убийство Жуковых // *Русский вестник*. 1860. № 12. С. 462–501; *Градовский А.Д.* Исторический очерк учреждения генерал-губернаторов в России // *Русский вестник*. 1869. № 11. С. 5–31; *Шебальский П.К.* Политическая система Петра III // *Русский вестник*. 1868. № 10. С. 502–531.

сударственному строю Англии: в 1860-е гг. неоднократно выходили статьи, посвященные истории парламентаризма.⁶ В «Русском обозрении», наоборот, практически отсутствуют статьи историко-правовой тематики, за исключением работы Л.А. Тихомирова, посвященной монархической государственности.⁷ Это связано с особенностями авторского корпуса, в котором почти не было юристов, и временем существования журнала. В последнее десятилетие XIX в. историко-правовые сюжеты не были настолько востребованы читательской аудиторией.

В либеральных и либерально-народнических изданиях авторы обращались к конкретным правовым проблемам прошлого. Таким был цикл статей И.И. Дитятин в «Русской мысли», посвященный истории городского самоуправления России с XVII в.⁸ Можно предположить, что тот интерес, который демонстрировал к истории права редактор «Русской мысли» В.А. Гольцев, был обусловлен фактическим обрушением по политическим причинам его академической карьеры. А предметом его научных интересов были финансы и государственное управление XVII–XVIII вв.⁹ В «Вестнике Европы» историко-правовая тематика стала эпизодической, привязанной, например, к конкретному популярному автору (М.М. Ковалевский), или для обоснования актуальной позиции (Л.З. Слонимский), то есть практически не была отдельным предметом для анализа.¹⁰ Внимание к истории европейского права начинает выражаться не столько в изучении его институтов, сколько в представлении доктрин западных юристов. Кроме того, большое значение приобретала публикация обширных рецензий на историко-правовые труды, которые имели самостоятельную научную ценность. Например, в «Северном вестнике» практически все статьи, посвященные прошлому отечественной

⁶ Бидерман К. Происхождение и развитие представительных учреждений в Англии и Франции // Русский вестник. 1865. № 4. С. 586–636; Гнейст Р. Представительная система в Англии // Русский вестник. 1865. № 6. С. 704–735.

⁷ Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения // Русское обозрение. 1897. № 5. С. 17–64.

⁸ Дитятин И.И. Из истории русского законодательства XVII–XVIII столетий // Русская мысль. 1888. № 1. С. 87–112; Дитятин И.И. Из истории русского законодательства XVII–XVIII столетий // Русская мысль. 1888. № 2. С. 98–132; Дитятин И.И. К истории «Жалованных грамот» русским городам 1785 г. // Русская мысль. 1885. С. 13–50.

⁹ Гольцев В.А. Государственное хозяйство во Франции XVII в. М., 1878; Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII в. СПб., 1896.

¹⁰ Слонимский Л.З. Наша международная политика в недалеком прошлом: Трактаты с Германией 1825–1888 гг. // Вестник Европы. 1888. № 11. С. 320–354; Ковалевский М.М. Местное самоуправление в Америке и его историческое развитие // Вестник Европы. 1885. № 2. С. 793–820.

и зарубежной юстиции, выполнены именно этом жанре.¹¹ В 1898 г. в журнале был опубликован труд немецкого юриста Р. Штаммера «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории». В «Русском богатстве» историко-правовая тематика не была представлена вовсе, за исключением единственной статьи, в которой затронуты исторические аспекты уголовной ссылки в Сибирь.¹² Косвенно это можно связать с большим вниманием изданий к современным читательской аудитории социально-экономическим вопросам.

В «Мире Божьем», имевшем репутацию марксистского издания, историко-правовые сюжеты были большей частью вписаны в публикуемые по главам масштабные исторические работы (например, «Общественно-исторические очерки» К. Каутского, «Общество, государство и культура на Западе в XVI в.» Р. Виппера). Их авторы могли иметь совершенно различные идейные позиции. Это сочетается с тем, что практически все юридическое содержание издания было публицистическим с серьезным вниманием к рабочему законодательству и правовым аспектам женского движения. Эти вопросы были важны для настоящего и будущего, пути их разрешения искали в новациях, а не в следовании традиции. Поэтому в журнале не нашлось места для детального анализа государственно-правового развития России и Европы.

На историко-правовое содержание русской журнальной прессы оказывали влияние следующие факторы. Во-первых, это состояние системы юстиции империи и ее социально-экономическое положение в целом. На этапе обсуждения судебной реформы обращение к прошлому было вызвано желанием интеллектуалов обеспечить преемственность и/или найти наиболее оптимальную модель организации судебной сферы. Данные обстоятельства стали причиной и интереса читателей к истории права. После судебной реформы 1864 г. гораздо более существенными для жителей империи стали вопросы функционирования органов правосудия и правопорядка. Появлялись и развивались новые отрасли права. Это привело к тому, что с конца 1860-х гг. историко-правовые публикации постепенно вытеснялись со страниц «толстых» журналов. Во-вторых, влияние оказывали идейно-политические ориентиры издания. Журналы, отстаивающие

¹¹ Пономарев С. Древнее право: Современный обычай и древний закон проф. М.М. Ковалевского // Северный вестник. 1886. № 12. С. 149–157; Дьяконов М. Несколько слов по поводу нового историко-юридического исследования // Северный вестник. 1885. № 3. С. 173–185; Новые книги: Курс истории русского права // Северный вестник. 1887. № 3. С. 149–153.

¹² Дижур С. Русская ссылка: Ее история и ожидаемая реформа // Русское богатство. 1895. № 4. С. 51–63.

либеральные ценности, не могли не обращать внимание на правовые аспекты взаимодействия государства и общества в прошлом, стремясь доказать возможность успешного развития России при условии приведения законодательства в соответствие с потребностями населения. Для народнических и марксистских изданий историко-правовые сюжеты не играли существенной роли в связи нацеленностью как авторов, так и читателей на разрешение современных им проблем, аналогов которых в прошлом найти было невозможно.

М.К. ЧУРКИН

**ПОТЕНЦИАЛ ЭГО-ИСТОЧНИКОВ
В ИССЛЕДОВАНИИ МИГРАЦИОННОГО
ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

д-р ист. наук,
Омский государственный
педагогический университет
e-mail: proffchurkin@yandex.ru;

Статья посвящена проблемам научной рефлексии миграционного поведения крестьянства. Принимается во внимание, что крестьянский дискурс инициировался «сверху», а источником знаний о крестьянстве выступали преимущественно материалы нормативно-правового характера, официального делопроизводства, статистики, фрагментарных свидетельств представителей интеллектуальных элит. «Голоса крестьян», запечатленные в текстах, исходящих непосредственно из крестьянской среды, отодвигались на задний план, не вписываясь в общий шаблон навязанных представлений о крестьянстве и моделях его социокультурного поведения. Обращение к эго-источникам открывает перспективы реконструкции индивидуального жизненного опыта крестьян-переселенцев, реализуемого в условиях социокультурной ситуации переселенческого движения.

Ключевые слова: эго-текст, дискурс, крестьянство, коммуникации, миграционное поведение.

В сложившихся историографических практиках крестьянство, вовлеченное в массовые переселения, исследовалось, главным образом, как обезличенный участник аграрной колонизации. Преобладавшая в отечественной аграрной истории советского времени традиция, уповавшая исключительно на свидетельства так называемой «лошадиной» статистики в оценке уровня жизни крестьянства и состояния крестьянских дворов, усложнилась в ранний постсоветский период подходом, разработанным школой А. Гершенкрона, рефлексирующей аграрные процессы и их акторов в контексте категорий «отсталость – прогресс». Лишь в последние два десятилетия наметилась тенденция к принятию во внимание социально-психологических характеристик представителей земледельческого сословия, типичных поведенческих реакций, коммуникативных практик, определяющих социальность крестьянства, в том числе и в миграционном процессе. Исключением являются работы Н.Н. Покровского и его школы, в ко-

торых внимание к «человеческой составляющей» истории крестьянства проявилась давно.¹

Вне спектра исследовательского интереса по-прежнему остаются сюжеты, позволяющие вскрыть структуры крестьянской повседневности на микроуровне, социальное поведение и приемы его вербализации в условиях миграций, что, несомненно, способствовало бы большему проникновению в систему координат уникальности крестьянской жизни и позволило бы с большей долей уверенности и достоверности судить о типическом и уникальном, присущем крестьянству.

Нельзя не признать того факта, что крестьянский дискурс является наиболее зашифрованным и неразгаданным. Причины такого положения дел в локальной автономности и сословной замкнутости крестьянства, что обуславливает многовековое «молчание» этого слоя русского общества. Наконец, крестьянство сохраняло традиционный тип социальной памяти и самовыражалось посредством традиции, что чаще всего исключало создание письменных текстов. Правда, они создавались крестьянами-старообрядцами.² И все же «голоса крестьян» в истории России были значительно тише и приглушеннее голосов средиземноморских крестьян. Увы, современный российский исследователь крестьянских миграций XIX в. вынужден в большей мере ориентироваться на отголоски и эхо-свидетельства тех, кто непосредственно контактировал с крестьянином, их понимание и интерпретации крестьянской жизни, что представляет картину с серьезными искажениями, поскольку «визитеров» в крестьянскую среду, независимо от политических взглядов и платформ, объединяла общая эволюционистская установка: представление о крестьянстве в параметрах категории «отсталость – прогресс». Положению в аграрной историографии сопутствовала и своеобразная источниковедческая обстановка. Интенции позитивизма, направляющие исследователя к установлению закономерностей исторического процесса, погружали его в систему жесткой и одиозной иерархии источников, в которой хранилищем информации о крестьянстве выступали преимущественно материалы нормативно-правового характера, официального делопроизводства, статистики, фрагментарных свидетельств представителей интеллектуальных элит. По замечанию М.Ф. Румянцевой «в последнее время

¹ См.: Зольникова Н.Д. Н.Н. Покровский как исследователь // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 4–13.

² См.: Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974; Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002.

явно актуализировалась тенденция к иллюзорной “достоверности” и “объективности” исторического знания, достигаемых путем так называемой “критики исторических источников”». ³ В данном контексте «голоса крестьян», запечатленные в текстах, исходящих из крестьянской среды, отодвигались на задний план, не вписываясь в общий шаблон навязанных представлений о крестьянстве и моделях его социального и культурного поведения.

Привлечение к исследованию крестьянских «эго-текстов» определяет цель работы, состоящей в детализации и расшифровке миграционного поведения крестьян, с учетом индивидуального опыта субъекта, реализуемого в условиях социокультурной ситуации, сопровождавшей акт переселения в Сибирь.

В определении такого сложного и неоднозначного понятия, как эго-текст (само-свидетельство, авто-текст, я-документ), акцентируется внимание на изучении состояний, но не событий. Таким образом, эго-источник, в отличие от источника личного происхождения, позиционируется не столько как поставщик информации, сколько как резервуар и транслятор личных переживаний, внутренних духовных ощущений и авторской идентичности. Более того, категория «эго-источник» объективно шире «источника личного происхождения», поскольку к «эго-материалам» с полным правом принадлежат все тексты, в которых заложена социальная, этнографическая, биографическая, социально-психологическая информация, фиксирующая культурные коды эпохи.

В этой связи тексты, исходящие непосредственно из крестьянской среды, способствуют приращению нового знания, в границах которого фиксируется реакция членов традиционного сообщества на социальные процессы, полнее раскрываются структуры повседневной жизни сословия, точнее формулируются представления о регионе водворения, ⁴ что открывает перед исследователем возможности обретения новой оптики в проведении крестьяноведческих исследований и миграционного поведения, в частности.

Наконец, обращение к эго-источникам дает возможность включиться в сферу эмоционально-психического переживания одного лица (группы, социальной организации), в которой это лицо (группа, социальная организация) интерпретирует данные переживания.

³ Румянцева М.Ф. Источниковедение vs источниковедение в краеведении и новой локальной истории // Новая локальная история: По следам интернет-конференций. 2007–2014. Ставрополь, 2014. С. 235.

⁴ Родигина Н.Н. «Земля обетованная» или «каторжный край»: Сибирь в восприятии крестьян Европейской России второй половины XIX века // Моя Сибирь: Вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 2002. С. 24–33.

Одним из примеров, предполагающих разработку и внедрение в исследовательские практики крестьяноведения нового алгоритма анализа эго-источника, может служить письмо крестьянина-переселенца И.Е. Белякова, опубликованное в 1899 г.⁵

Ценность данного источника определяется тем, что исследователь имеет возможность не только получить сведения собственно биографического содержания об авторе (бывший крепостной, грамотный, семейный, инициативный), но и наблюдать его эмоциональное состояние в условиях социокультурного контекста — обстоятельств крестьянской повседневности в месте компактного проживания, ситуации, в которой осуществлялось принятие решения о переселении, подготовки переселенческого действия, преодоления дороги, обустройства в местах водворения.

Осмысление эмоциональной выразительности и экспрессивности материалов письма И.Е. Белякова дает возможность реконструировать ментальные реакции и поведенческие стратегии, что позволяет поставить под сомнение широко растиражированные теории о крестьянском «инстинкте бродяжничества», склонности к совершению спонтанных миграционных действий. Территориальный локализм крестьянства, органическая привязанность к месту проживания наглядно фиксируются в эмоционально-чувственной характеристике родной деревни: «Одним словом, скажу я про свою местность, что бывал я на западе до г. Бобруйска (Минской губ.) и на юге до города Царицына (Саратовская губ.), и на севере не более 150 верст, и нигде не находил такого прекрасного по природным условиям местоположения... Кто бы ни побывал в нашем селе из временно служащих, как-то: попы, управляющие, волостные писаря и последние подлецы — кабатчики, все они через месяц принимают вид здорового телосложения, и если кому приходится лишаться места — всякий обещается вспоминать пушкинскую жизнь».⁶

Анализ экспрессивности текста письма открывает не только психологическое состояние автора в момент его создания, но и содействует выяснению его эмоционального отношения к переселению и обустройству в регионе водворения. В ситуации принятия решения эмоционально-экспрессивная составляющая выражена наиболее рельефно: «Там бают: вон вчера ночевал у Петрушки Малитенного нищий, там был и сейчас оттуда, видел своими глазами, как казна строит для прибывших переселенцев целые села и деревни под одну крышу, а местами большие казармы, чтобы на первый раз поместить

⁵ Письмо крестьянина И.Е. Белякова о переселении в Сибирь // Русское богатство. 1899. № 3. Отд. 2. С. 1–14.

⁶ Там же. С. 2.

семей по десять, а потом казна построит каждому по дому, а если где нет лесу — каменные».⁷ Сам автор письма к подобным утверждениям относится скептически, что позволяет говорить о твердом знании И.Е. Беляковым преимуществ и недостатков, связанных с самим актом переселения.

Личностный характер повествования эго-текста И.Е. Белякова облегчает реконструкцию коммуникативного пространства автора, что дает возможность сформировать представление о широком круге участников миграционного действия. Текст письма воссоздает все уровни коммуникации: физический, психологический, социальный, интеллектуальный.

Так, физический уровень коммуникаций демонстрирует включенность И.Е. Белякова во внутриобщинное распределение бытовых обязанностей, механизмы взаимодействия с другими членами общества.

Психологический уровень, предполагающий обмен сокровенной, личностной информацией в условиях неформального общения, предметно проявился в представлениях соотечественников Белякова о лучшей доле и в народной экзотизации переселенческого чиновника: «...Как приедешь на место, Господи благослови, — лошадь, а потом — корову, пять овец, одну свинью и две курицы, чтобы сразу полным хозяином был, а потом денег по 300 рублей на каждый дом. Все говорили, что Царь уже все приготовил, — только идите, дети на землю от... господ: они вас просят у меня»; или: «...Через сутки нас отправили и приехали мы в Омск, где первым долгом заявили к незабвенному всеми переселенцами за его кроткое ко всякому обращение господину Андрею Афанасьевичу Станкевичу, который спросил нас, во-первых: откуда мы? — “Мы Пензенской губернии...” — “Так, а я сам российский уроженец — Смоленской губернии”, сказал Станкевич. Тогда на душе стало повеселее...».⁸

Социальный уровень рельефно выразился в пафосе коллективных действий, подчинении индивидов логике и стратегиям общественного поведения, а также локальной идентичности: «Днем и ночью всюду были слышны вопли дочерей, бегущих через несколько домов к родной матери с рыданием и просьбой: “Не дайте мне умереть в Окиане и Иртыше! Я удушусь, либо удавлюсь лучше, а в Сибирь с мужем не поеду”. Мужья, видя такое несогласие, избрали лучшее средство против своих жен (да я и сам страдал свою жену целых 6 месяцев): говорили, что если кто не поедет к мужу добром, то после будут гнать этапом...».⁹

⁷ Письмо крестьянина И.Е. Белякова о переселении в Сибирь... С. 5.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Там же.

В процессе интеллектуальной коммуникации на первый план в письме И.Е. Белякова выходит мыслительная деятельность, проявляющаяся в памяти и воображении автора. Так, в последней части повествования текст Белякова представляет собой своеобразный способ интеллектуальной рефлексии, направленной на оценку сложившейся ситуации. Показательно, что эмоциональная манера повествования, предложенная адресантом, выдает автора как инициатора переселения: «Когда поехали от Омска, то стали встречать старожильческие села и деревни с убогими церквями, с узкими изогнутыми улицами и неровными домами... Тут-то и начал меня проклянуть мой родной отец, 60 лет от роду: “чтобы провалилась эта проклятая Сибирь! Кто ее и создал, да и кто сюда завез, тому бы в трахтарары”...».¹⁰ Характерно, что эмоционально-экспрессивное напряжение, с которым И.Е. Беляковым передаются подробности обустройства в Сибири, в значительной степени является следствием коммуникации и «коллективного заражения», в результате чего сам автор становится невольным соавтором образа «проклятой Сибири».

Индивидуальные крестьянские прошения, ходатайства, жалобы, письма на родину, сосредоточенные в архивных фондах волостных и уездных правлений, местных по крестьянским делам присутствий, региональных и центральных органов управления, также обладают выраженными признаками эго-текстов и могут способствовать раскрытию признаков миграционного поведения крестьян. При работе с таким типом документов следует учитывать обстоятельства их составления, применение шаблонных моделей письма, незримое присутствие во всех текстах стороннего автора — сельского писаря или единственного грамотного мужика на всю округу, случайного чиновника.

Вместе с тем, даже при посредничестве стороннего составителя, в тексте обнаруживается эмоциональная авторская линия, линия жизни истца. Чтение крестьянских ходатайств о переселении в Сибирь подтверждает, что при формулировании основных причин, объясняющих крайнюю потребность в миграциях, наряду с указанием рациональных факторов — малоземелья, роста народонаселения — крестьяне часто использовали фразеологические обороты, выдававшие их эмоциональное состояние, как то: «тяжела наша жизнь и едва выносима от скудности во всем», «помощь необходима, в противном случае ожидает голодная смерть» и т.д.¹¹ Заявления крестьян о своем «невыносимо бедственном» положении, как уже отмечалось, часто выступали в качестве традиционного стилистического хода, клише, порожденного ограниченностью фантазии писаря, когда прошения

¹⁰ Письмо крестьянина И.Е. Белякова о переселении в Сибирь... С. 4.

¹¹ ГАВО. Ф. 26. Оп. 30. Д. 68. Л. 333–334; ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 128. Л. 48; ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 290. Л. 7; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3384. Л. 43.

от крестьян составлялись по одному шаблону,¹² и в то же время отчеты переселенческих чиновников, командированных для произведения оценки имущественного положения просителей, нередко подтверждали искренность крестьянских высказываний.¹³

Не менее продуктивными с точки зрения реконструкции миграционных настроений крестьян-переселенцев в социокультурном контексте являются прошения об обратном перечислении на родину. В данной ситуации эмоционально-личное очерчивается резче, поскольку желание переселиться в Сибирь часто являлось плодом «коллективного заражения», тогда как возвращение в места прежнего проживания становилось результатом индивидуального опыта (радость и надежда на всех одна, горе и печаль у каждого свои).

Переселенец Григорий Сысоев, ходатайствуя о возвращении на родину в Могилевскую губернию, в частности, сообщал: «В 1901 г. я переселился на водворение на Государственную землю в Тобольскую губернию и приписан к обществу деревни Новоказанской Ишимского уезда Сладковской волости с семейством моим... Проживши там два года, обнаружилось за это время, что доставшийся мне участок земли, по случаю частого истребления урожая яровых и ржаных посевов от внезапных ранних морозов и других известных условий жизни, лишает меня возможности к правильному ведению хозяйства, так что далее оставаться там на жительстве является совершенно невозможным и для будущего моих детей крайне разорительным. Ввиду этого я в январе сего 1904 г. переселился на прежнее мое место жительства». По сведениям крестьянского начальника, старший сын просителя Алексей¹⁴ (22 года), остался в Сибири.

В данном случае можно говорить о формировании линии судьбы крестьян в социокультурной ситуации крестьянских миграций. Наконец, все авторы эго-текстов, являясь одновременно и их персонажами, включены в коммуникационную среду, взаимодействия в которой неизбежно производят коллизии, обнажающие сугубо личное в миграции: конфликт с сыном, братом, вынужденное сиротство, тоска по родине.

Письма крестьян-переселенцев на родину представляют собой акты личного общения, в которых через эпистолярные отношения воспроизводятся модели коммуникации корреспондентов, открывают возможности проникновения в пространство их частной жизни. Так называемое «наивное письмо», составленное «обычными» людьми, для которых написание текста не являлось повседневной профессиональной практикой, может играть существенную роль в

¹² ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 290. Л. 11–18.

¹³ Там же. Л. 48.

¹⁴ ГУТО ГАТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 231. Л. 1.

реконструкции эмоциональной и когнитивно-рефлексивной составляющих деятельности человека.¹⁵

Фронтальный просмотр писем переселенцев Полтавской губернии, водворенных в Томской губернии, позволяет констатировать высокую вероятность реконструкции биографий крестьян-мигрантов в условиях переселенческого движения. Письма на родину, преисполненные эмоционально-личностного пафоса, упрощают восстановление обстоятельств частной жизни корреспондентов, эмоционально-психической сферы, а также коммуникативного окружения.

Тематический план писем, помимо шаблонных формул, призванных запечатлеть характерные для общества традиционного типа модели межпоколенческих взаимоотношений, охватывает и сферу личных ощущений и эмоционального состояния адресанта.

Важно, что информация об адресанте, содержащаяся в письмах, тесно корреспондирует с социальными условиями, в которых осуществляется переселение и водворение на новых местах. Можно говорить о том, что линия жизни авторов писем выстраивается в обстоятельствах поиска и поддержания сословной и региональной идентичности: «Уведомляю тебя, брат, что я приехал на место до Петра Малюта со своим семейством и расспросил про свой участок; а як он далеко от ихняго участка, то я не ездил на его смотреть и остановился жить около своих соседей: Петра Малюта, Архипа Коваленка, Федора Сагайдака и Самойла Пономаренка».¹⁶

Сохранение контактов с группой, маркируемой в качестве «своей», сходство условий проживания в местах выхода и водворения, находило соответствующее эмоциональное отражение в эго-тексте. Упомянутый выше корреспондент, подчеркивая прочность внутригрупповой солидарности, отмечает и совпадение ландшафтной среды, что, по всей вероятности, позволило ему поддерживать позитивную идентичность: «...Я с малолетства ходил по степям и опять выехал на вольные степени: сена косить можно сколько желаешь и пахать для хлеба тоже самое, сколько угодно и силы хватит».¹⁷

Разрыв связей с привычным окружением приводил к кризису идентичности и, как следствие, кризису адаптации, актуализируя эмоционально-экспрессивную манеру изложения хода событий, вскрывая сферу личных переживаний адресантов и адресатов письма. Переселенец из Полтавской губернии, водворившийся в Барнаульском округе Томской губернии, в письме к родителям информирует: «Уведомляю я вас, что разлука с вами была так тяжела для меня,

¹⁵ Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: Образы и судьбы. СПб., 2010. С. 13.

¹⁶ Там же. С. 394.

¹⁷ Там же.

что несколько дней сряду я не в силах был преодолеть своей грусти; молитва единственным утешением была в это время».¹⁸ Крестьянка М.Г. Зюбанова той же губернии, переселившаяся в Сибирь, пишет на родину: «Отец и маменька! прошу вас, смилосердитесь надо мною несчастною на чужой стороне, простите мое согрешение, о котором я вам написала о себе — простите меня..., не дайте мне погибнуть от своей дурной воли, пришлите мне денег, хотя 20 рублей. Я ворочусь к вам в Россию и упаду пред вами до стоп ваших, что вы выручите из этой стороны».¹⁹ Примечательно, что крик о прощении и помощи, обращенный М.Г. Зюбановой к близким, при внимательном прочтении текста дает возможность обнаружить личный, интимный мотив биографии адресантки: «Прошу вас, когда будете посылать письмо с деньгами, то пишите на имя Григория Пимовлинка. Адрес: в Томскую губернию в Барнаульский Горный округ, в Новопокровскую волость с передачею в новый заселок “Каявушку”, солдату Григорию Тихоновичу Пимовленку»,²⁰ ставшему, по всей видимости, причиной конфликта с родителями.

Таким образом, смещение фокуса внимания исследователя с вопросов информативности источника к эмоциональным переживаниям и ощущениям автора эго-текста позволяет вывести крестьянство за границы системы координат пассивного объекта социальной жизни, увидеть в его мышлении и действиях признаки самостоятельного автономного субъекта исторического процесса. Очевидно, что контакт с эго-текстом неизбежно приводит к определенному изменению исследовательской «оптики» и направляет историка к области человеческих чувств и переживаний — сферы наименее уловимой и, соответственно, наименее освоенной в истории вообще и истории массовых движений (миграций), в частности.

Наконец, усложнение подхода к работе с источниками личного происхождения, перезагрузка их в новом качестве как эго-источников имеет двоякие последствия. Очевидно, что подобный алгоритм открывает видимые перспективы реконструкции биографий индивидов, с последующим возвращением их имен в историю. Важно и другое. Исследование переселенческого движения и, в частности, различных аспектов миграционного поведения крестьян в условиях новых методологических вызовов исторической науки, ориентирует историка как на расширение источниковой базы сельской истории вообще, так и на видоизменение подходов к работе с источниками традиционного типа.

¹⁸ Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории. С. 397–398.

¹⁹ Там же. С. 399–400.

²⁰ Там же.

М.В. ЗЕЛЕНОВ, Н.Ю. ПИВОВАРОВ

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ
И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ЦК РКП (б)
(1919–1924 гг.)***

д-р ист. наук,
Российский государственный архив
социально-политической истории, Москва
e-mail: mvzelenov@gmail.com

канд. ист. наук,
Российский государственный архив
новейшей истории, Москва
e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

В статье рассматривается делопроизводство ЦК как выборного органа (создание протоколов заседаний Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК) и как учреждения (делопроизводство отделов ЦК и административного аппарата).

Ключевые слова: РКП (б), делопроизводство Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК.

В статье рассматривается проблематика исследования делопроизводства ЦК РКП(б), а не само делопроизводство. Избранные хронологические рамки обусловлены, с одной стороны, временем становления руководящих органов ЦК и аппарата ЦК (создание Политбюро, оргбюро и Секретариата ЦК и отделов при секретариате ЦК в 1919 г.), а с другой — созданием к 1924 г. внятной делопроизводственной практики.

Рассмотрены основные научные проблемы, возникающие при изучении истории делопроизводства ЦК в источниковедческом и археографическом аспектах. В качестве основных источников послужили протоколы заседаний Пленумов, Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК и материалы к ним, документы отделов Секретариата ЦК за 1919–1924 гг.,¹ а также тематические папки, хранящиеся в РГАНИ.

* Подготовлено в рамках гранта РГНФ, проект № 16–01–00247.

¹ РГАСПИ. Ф. 17.

Источниковедение истории КПСС давно привлекает исследователей,² ими даны характеристики основных групп источников. Источниковедческие и археографические проблемы делопроизводства ЦК РКП (б) затронуты в работах Н.Н. Покровского, М.В. Зеленова и С.Г. Петрова.³ Реконструкция секретного делопроизводства ЦК РКП (б) за 1919–1924 гг. проведена В.И. Шишкиным, Г.А. Куренковым и Н.Ю. Пивоваровым,⁴ документы по истории делопроизводства ЦК как выборного органа опубликованы М.В. Зеленовым, Н.Ю. Пивоваровым и А.А. Чернобаевым,⁵ М.В. Зеленовым и Н.Ю. Пивоваровым реконструирована история субъекта этого делопроизводства.⁶

ЦК РКП (б) официально являлся и выборным органом, и учреждением (ведомством), что было закреплено в Уставах РКП (б) 1917 и 1919 гг.

Структуры ЦК как учреждения постоянно менялись. Так, например, в 1919 г. ЦК состоял из Политбюро, Оргбюро, Секретариата и структур на правах отделов ЦК (Федерация иностранных групп, Областные Бюро ЦК, Политуправление РВСР, Отделы (Части) особого назначения). При Оргбюро и Секретариате существовали различные отделы, при Политбюро создавались временные комиссии с консультативными функциями. При Оргбюро существовал Отдел нелегаль-

² См.: *Ждановская З.В., Жибарев П.Б., Маслова А.Т. и др.* Обзор источников истории КПСС. М., 1961; *Маслов Н.Н., Степанов З.В.* Очерки источниковедения и историографии истории КПСС. Л., 1974; *Варшавчик М.А.* Источниковедение истории КПСС. М., 1989.

³ *Покровский Н.Н.* Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) первой половины 1920-х гг. // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 18–46; *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука. Нижний Новгород, 2000; *Петров С.Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП (б) как источник по истории Русской Церкви (1921–1925 гг.). М., 2004.

⁴ *Шишкин В.* «Белые пятна» истории, или тайны советской партократии // Посев. 1990. № 5. С. 119–123; *Куренков Г.А.* От конспирации к секретности: Защита партийно-государственной тайны в РКП (б) – ВКП (б): 1918–1941 гг. М., 2015; *Пивоваров Н.Ю.* Формирование секретного делопроизводства в аппарате ЦК РКП (б) в 1919–1924 гг. // Клио-2016: Сб. материалов 6-й междунар. конф. молодых ученых и специалистов. М., 2016. С. 426–429.

⁵ См. цикл публикаций под общим названием «И.В. Сталин и “конструирование” партийной власти»: Исторический архив. 2017. № 1, 2, 3, 6.

⁶ *Пивоваров Н.Ю.* Роль и место совещания заведующих отделами ЦК РКП (б) в административной системе ЦК РКП (б): 1922–1924 гг. // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сб. материалов 7-й междунар. конф. молодых ученых и специалистов «Слио-2017». М., 2017. С. 362–364; *Зеленов М.В., Пивоваров Н.Ю., Крылова А.В.* Бюро Секретариата ЦК РКП (б) 1921–1924: Структура, кадры, функции // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Сер. «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2017. № 2.

ной работы; при Секретариате создавались структуры, направленные на управление аппаратом ЦК (общий отдел, управление делами, финансовый, отряд особого назначения), на управление партийными организациями (отделы информации, инспекторско-разъездной, организационно-инструкторский, учетно-распределительный), на управление идеологией (издательский, школьно-просветительский), управление социальными отношениями (по работе среди женщин и по работе в деревне). Направления воздействия ЦК (управление аппаратом ЦК, партийными организациями, идеологией и социальными отношениями) на протяжении двадцатых годов не менялись, а структуры (отделы) постоянно трансформировались.⁷ В отделах ЦК работали члены партии, которые оформлялись на работу в обычном порядке и никем, конечно, не выбирались.

Делопроизводство ЦК как учреждения менялось на протяжении 1919–1924 г., изменялся состав и виды документации, формы, движение документов, субъекты делопроизводства и т.п. В 1922–1924 гг. ведение обычного и секретного делопроизводства было формализовано и структурировано по заданию генерального секретаря ЦК И.В. Сталина, внесшего порядок в документооборот. С 1923–1924 гг. делопроизводственные основы ЦК почти не менялись. В ноябре 1923 г. были утверждены правила документооборота, основанные на введении единой регистратуры и единого архива ЦК РКП (б).

Входящие документы поступали в Отдел регистратуры Управления делами (в 1921–1922 гг. — в общую канцелярию Секретного отдела ЦК), где они регистрировались дежурным в книге входящих документов (эти книги отчасти сохранились). Кроме того, на входящий документ заводилась карточка учета, которая в дальнейшем сопровождала документ, вплоть до окончательного решения вопроса. Эта контрольная картотека не сохранилась в полном объеме, однако контрольные карточки по некоторым вопросам остались в материалах Оргбюро и Секретариата. До 1922 г. входящий документ сразу направлялся в профильный отдел секретариата ЦК. С весны 1922 г. после регистрации документ направлялся в Бюро Секретариата, где помощники секретарей ЦК⁸ решали, куда его направить — в отдел Секретариата для решения вопроса или одному из секретарей ЦК, курировавшему ту или иную область работы. Отдельное делопроизводство было у Истпарта и Учетно-распределительного отдела. Карточки учета направлялись в карточное бюро входящей почты, где

⁷ Подробнее см.: Зеленов М.В. Становление аппарата ЦК и институт секретаря ЦК РСДРП (б) – РКП (б) в 1917–1922 гг. // Уч. зап. Волго-Вятской академии гос. службы. Т. 6. Нижний Новгород, 2008. С. 78–86.

⁸ Институт помощников секретарей возник в мае 1922 г.

карточки сортировались по учреждениям и парторганизациям, а также характеру переписки (что было необходимо для выдачи справок).

Исходящие документы составлялись в 2 экземплярах, подписывались зав. отделом или секретарем ЦК, регистрировались в единой регистратуре, после чего первый экземпляр отправлялся адресату, а второй оставался в архиве. Журналы исходящих документов сохранились частично и не отражают всей полноты корреспонденции.⁹ На исходящие документы составлялась карточка, которая поступала в карточное бюро исходящей почты, где она занимала место в картотеке (сортировка по учреждениям, парторганизациям и лицам). На карточке делалась отметка об исполнении. В дальнейшем карточка использовалась в справочной работе. Исходящий документ регистрировался также и в экспедиционной части Общей канцелярии, где указывалось, кто и когда отправил ту или иную корреспонденцию. Эти карточки не выявлены.

Основная работа по несекретному делопроизводству легла на Управление делами (УД) ЦК, издававшее приказы по личному составу, распоряжения хозяйственного характера и т.п. Приказы УД ЦК, в том числе по личному составу, за 1921–1922 гг. недоступны для исследователей, так как вывезены в загородное архивохранилище.¹⁰ Ежедневные «Распоряжения» УД содержат приказы как по личному составу, так и по организации отделов Секретариата ЦК, но не выделены в отдельные дела и представлены неполно, хотя это самый точный и полный источник по трансформации аппарата ЦК, изменению штатов и перемещению сотрудников. Субъектами делопроизводства ЦК как учреждения были различные структуры Управления делами ЦК.

Основные источниковедческие проблемы при работе с этими видами документов — выявление и систематизация документов, установление динамики их формы, создания их формуляра, истории санкционирования, сохранности и т.п. Главная источниковедческая проблема — определение источниковой ценности каждого вида документа, которые создавались в ЦК как учреждениям.

Основные археографические проблемы при издании этих документов — их транскрипция, способ воспроизведения формуляра: передавать ли документ графически, со всеми колонками и графами, или можно передавать текст в строку, отказавшись от передачи точ-

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 458, 459, 460, 461, 462. Журналы исходящих документов за февраль 1922 г. – февраль 1923 г. содержат только сведения о рассылке выписок из протоколов выборных органов ЦК. Журнал рассылки «пакетов» за март-апрель 1923 г. (Ф. 17. Оп. 84. Д. 649) фиксировал рассылку протоколов выборных органов ЦК.

¹⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 73. Д. 181, 182, 317, 318.

ной формы различных учетных карточек, распоряжений, граф книги входящей документации и т.п.

Как выборный орган ЦК был представлен разными структурами. Сам ЦК выбирался на съезде. Избранный состав ЦК собирался на пленарные заседания, на первом после съезда пленуме избирались члены Политбюро, Оргбюро и секретари ЦК. Заседания этих выборных органов, как правило, оформлялись протоколом (с конца 1923 г. отдельные вопросы стенографировались). Делопроизводство ЦК как выборного органа включает в себя документооборот по подготовке заседаний, оформлению протоколов и рассылке как протоколов, так и отдельных постановлений.

Сохранившиеся протоколы пленумов ЦК, Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК за 1919–1921 гг. почти не содержат материалов к ним, что объясняется тем, что их, как правило, не было. Это оправдывалось состоянием Гражданской войны, необходимостью оперативно решать как внешне-, так и внутриполитические проблемы. Повестка дня заседаний Политбюро формировалась накануне заседания, зачастую вопросы ставились членами Политбюро на самом заседании, материалы не сохранялись в делопроизводстве ЦК, при этом часть материалов находится в секретариате Председателя СНК В.И. Ленина, поскольку он председательствовал на заседаниях Политбюро. Только после окончания Гражданской войны заседания Политбюро были регламентированы: с ноября 1922 г. повестка дня заседаний Политбюро составлялась заранее 1-м помощником генерального секретаря ЦК А.М. Назаретяном, материалы к заседанию Политбюро должны были поступать за день до заседания в секретариат Политбюро вместе с проектом резолюции и инициативной запиской, после чего они размножались в 30 экземплярах и рассылаться как участникам заседаний, так и заинтересованным ведомствам для подготовки к заседанию. Конспиративные вопросы (и материалы) проводились через Политбюро особым порядком.

Повестка дня заседаний Секретариата формировалась под контролем секретаря ЦК В.В. Куйбышева с 1922 г. следующим образом: в нее включались, прежде всего, вопросы, уже рассмотренные накануне на Совещании заведующих отделами ЦК, во-вторых, вопросы, принятые опросом секретарей, и, наконец, вопросы, которые подлежали рассмотрению на самом заседании Секретариата ЦК. Эти вопросы вносились как секретарями, так и заведующими отделами ЦК.

Заседание выборных органов оформлялось протоколом, который потом размножался в 125 экземплярах и рассылался политической элите страны для сведения. Несколько экземпляров оставались для вырезок — их наклеивали на карточки, которые потом расставлялись

в картотеке по нескольким категориям: 1) по парторганизациям, 2) по темам (предметный каталог) и 3) по персоналиям. Эти картотеки сохранились в РГАСПИ и РГАНИ, но находятся в служебном пользовании и не доступны читателям.

Специфика протоколов заседаний выборных органов ЦК состоит в том, что они являются результатом делопроизводственной деятельности ЦК как учреждения и результатом политической деятельности ЦК как выборного органа.

Субъектами делопроизводства ЦК как выборного органа были различные структуры Секретного отдела ЦК, а с 1922 г. — Бюро Секретариата ЦК.

Источниковедческие проблемы делопроизводства ЦК как выборного органа состоят в установлении истории текста протоколов. Источниковая ценность протоколов ЦК заключается в том, что они являются источником по истории гражданского права и правоотношений (отношения собственности, материальный и нематериальный статус человека), по истории юридических и физических лиц, истории правоотношений (трудовых, семейных, административных, уголовных и т.п.), а также истории внеправовых норм (аксиологии — ценностных ориентиров — идеологии).

Археографические проблемы делопроизводства ЦК как выборного органа (протоколов заседаний пленумов, Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК) состоят, прежде всего, в определении основного текста (рецензии). Представляется, что основным текстом при издании протоколов и протокольных постановлений должен быть их чистовой вариант, который потом размножался и рассылался (так называемый подписной и рассылочный экземпляры), а вариантами — черновые секретарские записи. Это основано на понимании протоколов как источника двойной природы — результата делопроизводственной и политической практики.

Следующая проблема — составление заголовка к документу, определение его вида. Если публикуется не протокол, а элемент его основной части, то можно этот элемент назвать как «протокольное постановление» (если оно включалось в протокол) и «внепротокольное постановление», если оно принималось, но в протокол не включалось.

Следующая археографическая проблема — передача текста (транскрипция). Нет особых проблем, если мы публикуем весь протокол, а если мы публикуем его часть, то встает проблема передачи начального и конечного формуляра протокола. Публикуется весь список присутствующих? Публикуются ли удостоверительные знаки машинистки на протоколе (корраборация)? Воспроизводятся ли под-

писи (сигнатура)? Как передаются печати и штампы? Все эти и другие вопросы не находят аргументированного ответа в историографии.

Создание легенды к публикуемому документу также является проблемным местом. Как правильно описать документ и орудия письма, бумагу, 2-й и 3-й экземпляры протоколов — как копии или же как машинопись, как правильно описать чистовой и черновой варианты протоколов? Чистовой машинописный вариант протоколов Политбюро за 1919–1922 гг. создавался впервые в 1925–1926 гг. по распоряжению Сталина, до этого существовал только черновой рукописный вариант. Как корректно описать этот вариант — как «машинописная копия» или же как «машинопись»?

Таким образом, для дальнейшего изучения и научного издания делопроизводственных документов ЦК как учреждения необходимо исследовать динамику документооборота и делопроизводства (механизма принятия решений); изучить виды документов и создать справочник видов и разновидностей документов ЦК; реконструировать структуру, штатное расписание и кадры ЦК, создать справочник по аппарату ЦК.

Для изучения и научного издания корпуса протоколов ЦК как выборного органа необходимо проанализировать его как источник по истории взаимоотношений партийного права и всех остальных отраслей права; как источник по истории внеправовых норм и отношений; источник по истории политической системы Советской России.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ	– Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
БАН	– Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ВМЧ	– Великие Минеи Четьи
ВНИИР	– Всероссийский научно-исследовательский институт реставрации музейных ценностей (Москва)
ГАВО	– Государственный архив Воронежской области
ГАКК	– Государственный архив Красноярского края
ГАКО	– Государственный архив Курской области
ГАНО	– Государственный архив Новосибирской области
ГАСО	– Государственный архив Свердловской области (Екатеринбург)
ГАТО	– Государственный архив Томской области
ГАСШ	– Государственный архив в г. Шадринске
ГБЛ	– Государственная библиотека им. В.И. Ленина (Москва, до 1992)
ГИМ	– Государственный исторический музей (Москва)
ГПНТБ СО РАН	– Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск)
ГУТО ГАТ	– Главное управление Тюменской области. Государственный архив г. Тобольска
ДАИ	– Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения
ИИ СО РАН	– Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск)

- ИИФиФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (Новосибирск)
- ИРГО – Императорское Русское географическое общество
- ИСГЗ ФАНО – Информационная система государственных заданий Федерального агентства научных организаций
- ИТЛ – Исправительно-трудовой лагерь
- КазДА – Казанская Духовная Академия
- КГБ – Комитет государственной безопасности
- КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
- Лихачев – *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1–3.
- МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- МИИАН – Материалы для истории Императорской академии наук
- НА РБ – Национальный архив Республики Бурятия (Улан-Удэ)
- НГТУ – Нижегородский государственный технический университет
- НИР – Научно-исследовательская работа
- ОГОН – Отделение Гуманитарных и Общественных Наук
- ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников ГИМ
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
- ОРЯС – Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- РАН – Российская Академия наук
- РВСР – Революционный военный совет Республики
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГАНИ	– Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РГБ	– Российская государственная библиотека (Москва)
РИБ	– Российская историческая библиотека
РИСО	– Редакционно-издательский совет
РНБ	– Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РПЦ	– Русская Православная Церковь
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
СНК	– Совет Народных Комиссаров
СО АН СССР	– Сибирское отделение Академии наук СССР
СО ИРГО	– Сибирское отделение Императорского Русского географического общества
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
СПб ИИ РАН	– Санкт-Петербургский институт истории РАН
СПбДА	– Санкт-Петербургская Духовная Академия
СПбФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
ТГИАМЗ	– Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТОДРЛ	– Труды Отдела древнерусской литературы
ТОКМ	– Томский областной краеведческий музей
ТСЛ	– Троице-Сергиева Лавра (Сергиев Посад)
УГИ УрФУ	– Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета (Екатеринбург)
УК РСФСР	– Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

УрО РАН	– Уральское отделение Российской академии наук
УрФУ	– Уральский федеральный университет (Екатеринбург)
УФАН	– Уральский филиал Академии наук СССР
ЦК	– Центральный Комитет
ЦК РКП (б)	– Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии (большевиков)
ЦНБ УрО РАН	– Центральная научная библиотека Уральского отделения Российской академии наук
ЧОИДР	– Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
SBRAS	– Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
UrBRAS	– Urals Branch of the Russian Academy of Sciences

SUMMARY

N.D. Zolnikova

**Daily life during the custody in Collective Labour Camps and Lubyanka Prison:
Correspondence of N.N. Pokrovsky with his relatives in 1957–1963**

Doctor of Historical Sciences
Institute of History, SBRAS
Novosibirsk
e-mail: nnpokrov@gmail.com

The article observes private letters of N. Pokrovsky and his closest circle and describes his daily life during custody at Lubyanka and Mordovian Labour camps. The paper emphasizes the most significant topics discussed in correspondence and examines priorities, which defined lifeway of Pokrovsky and his relatives.

Keywords: prisoners, administration, camp labour work, science, foreign languages.

N.P. Matkhanova

**«I have never regretted my... decision and have not left Siberia»
(from the memoirs of N.N. Pokrovsky)**

Doctor of Historical Sciences,
Institute of History, SBRAS
Novosibirsk
e-mail: istochnik_history@mail.ru

The article describes the circumstances of resettlement of N.N. Pokrovsky to the Novosibirsk Academgorodok, and the donation of M.N. Tikhomirov's collection (manuscript, early-printed books and documents) to the Siberian Branch of RAS. The paper discovers the significance and interrelation of those facts.

Keywords: historiography, history of archeography, Siberian Branch of AS, N.N. Pokrovsky, M.N. Tikhomirov.

V.M. Lourie

The Origin of «Russian» Esther Hebrew, Hellenistic period greek, Syrian, Slavic

Dr. habil. (Philosophy)
National Research University
The Higher School of Economics
Perm
e-mail: hieromonk@gmail.com

The earliest Slavonic translation of the Book of Esther is very similar to the Masoretic Hebrew text, whereas quite different from the two known Greek recensions. The language of the original of this Slavonic translation remains an object of hot discussions since the 1890s to our days. The two suppositions so far available – on either Hebrew or Greek original – are both having their strong and weak sides. In the present article, two new claims are put forward: 1. that the Slavonic is a direct translation from a lost Syriac recension that was, in turn, translated from a lost Greek one, and 2. that this lost Greek recension was produced within the Hellenistic Jewish milieu in Alexandria.

Keywords: Esther, Slavonic Bible, Second Temple Judaism, Slavonic translations from Syriac.

V.A. Melnichuk

Female Images of XII century in the Book of Royal Degrees

Novosibirsk State University
e-mail: valalmel@gmail.com

The article is devoted to female images of XII century in the Book of Royal Degrees: Euphrosyne of Polotsk, Maria Shvarnovna (the first wife of Vsevolod III «Big Nest»), Anna (the wife of Rurik Rostislavich). The living of Euphrosyne is fully described in Zhitie (Vita), whereas the records of Maria only consider the final period of her lifetime since the onset of her disease. Anna's life is discussed briefly. Nonetheless, the passage from the Gospel devoted to Anna emphasizes the main theme of all excerpts devoted to female images – the motive of transience of mundane life. Therefore, it presented a perspective on the history of XII century – as depicted in the Book of Royal Degrees.

Keywords: Steppennaya kniga, annals, Euphrosinya of Polotsk, Ann Rurykswife, Princess Mary.

V.V. Podoprigora

**Genre Specificity of the Chronicles of Volyn Monomakhovich of the XIII c.
in the edition of Khlebnikov copy**

State Public Scientific
Technological Library, SBRAS
Novosibirsk
e-mail: 5812_m@ngs.ru

The research analyses features of the third part of South Russian chronicles (the chronicles of Volyn Monomakhovich of the XIII c.), which can be outlined by appealing to its text in Khlebnikov copy of the XVI c. The paper describes main distinctions of its two editions and aims of creator of Hypatian Codex that provided the third part of collected chronicles with a formal structure of an official chronicle. Observations of time structure of narrative in Khlebnikov copy can suggest other solutions for the problems of text formation and authorship attribution, and explicate genre uniqueness of a literary monument. The chronicles of Volyn Monomakhovich of the XIII c. can be characterized as an example of legendary type of historical narrative, which is unique for older chronicles.

Keywords: Notes of Khlebnikov, the chronicles of Volyn Monomakhovich, historical narrative, genre, memorat.

M.S. Krutova

**Novel description of Sacristy of Trinity Lavra of St. Sergius:
hypotheses and discoveries**

Doctor of Philology
Russian State Library
Moscow
e-mail: mskrutova@yandex.ru

The study defines the features of novel description of handwritten collection of sacristy of Trinity Lavra of St. Sergius and represents observations and hypotheses associated with it. The novel edition shows physical preservation of manuscript books that were modified with the lapse of time. The paper outlines the fact that in the last decades the unique manuscript books, which had been introduced for scientific use, obtain special titles (e.g. Gospel of Chitrovo, Gospel of Feodor Koshka, Gospel of Simeon Gordiy («the Proud»), Gospel of Nikita Romanov, e.t.c.). The research also states that the Psalms of Ivan IV «the Terrible»

include exceptional marginalia in geometric shapes that indicate the purpose of Psalm. One more textological feature was discovered in tetrsgospels: each chapter of Gospel has a list of text fragment titles («kephalas») before it, and those lists mismatch the real division of text in the book.

Keywords: archeography, paleography, textology, marginalia, description of handwritten books.

L.I. Zhurova

**«Maximus of Greek Trial Minutes» and the ecclesiastical publicism of XVI century
(Daniel, the Metropolitan of Moscow, and Maximus the Greek)**

Doctor of Philology
Institute of History, SBRAS
Novosibirsk
e-mail: zhurova@ngs.ru

The article is devoted to analysis of «Maximus the Greek Trial Minutes» excerpts. The paper establishes semantic and structural relations between publicistic essays and documentary «evidences» of Holy Writ, words of Daniel, Metropolitan of Moscow, and replies of Maximus the Greek. The paper describes several aspects of writers' creative work and defines their compositional and semantic functions.

Keywords: Maxim the Greek, Metropolitan Daniel, journalism, message.

T.A. Isachenko

The Image of Athos in Letters of Maximus the Greek and Sergiy Shelonin

Doctor of Philology
Russian State Library
Moscow
e-mail: Isachenko33@yandex.ru

The article considers legends of the Holy Mountain, stated in oral traditions and manuscripts. Parts of them are strongly associated with Maximus the Greek. The Legend of the «lot» of Holy Mother of God was briefly mentioned in letters of Maximus, narrowly discussed in chronographic «convoy» of «Azbukovnik»'s third edition (written by Sergiy Shelonin, approximately in 1660), in narrations of «Imagined Paradise» book published by printing office of Valday Iversky Monastery in 1658–1659, and even in «tales» of Chudov Hierodeacon of Damaskin (1680s).

Keywords: «Letters» of Maximus the Greek, «Azbukovnik» by Sergiy Shelonin, «Memories of the Holy Mountain of Athos», «Imagined Paradise», Chudov Hierodeacon of Damaskin.

A.V. Sirenov

On the Letter of Silvester to A.B. Gorbatyi-Shuisky

Doctor of Historical Sciences
St. Petersburg State University
a.sirenov@spbu.ru

The article considers the letter of priest Silvester of Cathedral of Annunciation to the prince Alexander Borisovich Gorbatyi-Shuisky. The author supposes that in the list of NLR, collection of M.P. Pogodin 1567 the final author's edition of the Letter with Silvesters original corrections is preserved.

Keywords: XVI century, priest Silvester, letter, editorial revision.

T.V. Panich

Siberian Epistles of Ignatius (Rimskiy-Korsakov): Literary Peculiarities

Doctor of Philology
Institute of History, SBRAS
Novosibirsk
e-mail: istochnik_history@mail.ru

In this article the author examines the Siberian epistles of Ignatius (Rimskiy-Korsakov) that aimed the schism. As a study material for this research a list of epistles that was included into the Afanasiy Kholmogorskiy's library has been chosen. Different types of sources used by the author (literature, documents, spoken language) are determined; literary peculiarities of the texts are analyzed. In addition, in this article the narrative type texts are examined (stories about Old Believers' self-immolation) that were included into the Third Epistle; their function in the essay composition is defined.

Keywords: XVII c., Ignatius, patriarch of Siberia and Tobolsk, epistles, Ural-Siberian Old Believers, stories about the Old Believers' self-immolation.

L.V. Titova

On the functions «apparitions» in polemic works of deacon Feodor and Avvakum the Protopope

Candidate of Philology
Institute of History, SBRAS
Novosibirsk
e-mail: titova_istochnik@mail.ru

The article examines features of deacon Feodor's «apparitions» in his «Letter for my son Maxim» and using the complex of «apparitions» for the development of certain topics. Author pays special attention to specificity of «another's apparitions» of deacon Feodor and Avvakum the Protopope, clarifying its function in polemic works of Old Believers leaders.

Keywords: publicism of Old Believers, polemic works, «apparition», «miracle», Letter of deacon Feodor to his son Maxim, Zhitie (Vita) of Avvakum the Protopope.

M.N. Klimova

**The History of «Story of Oedipus» in Russian literature
(The Origins of «Tale of Pope Gregorius»)**

Candidate of Philology
Scientific Library
Tomsk State University
e-mail: klimov.1955@inbox.ru

The «story of Oedipus» deals with incestuous parricide and is widely known in the world folklore and literature. In Old Russian writing this subject is represented by several «stories of incestor». So, the article is devoted to one of the most renowned and artistically significant of those stories – the «Tale of Pope Gregorius». It is suggested that this type of «Oedipus story» represents the abolition of archaic principle of transfer of power through the maternal line. The key editions of Old-Russian Legend (Brief edition in the collection of Roman Deeds) are considered in the international context of versions of «Gregorius» type, which allows assuming its multiple occurrence in East Slavic handwriting tradition.

Keywords: international stories, «the story of Oedipus», incest, archaic inheritance systems, Old-Russian literature comparative studies, textology.

E.M. Yukhimenko

Menaion Reader (Chetyi Minei) of Vyg and the Typicon of Vyg Community

Doctor of Philology
State Historical Museum
Moscow
e-mail: em_yukhim@mail.ru

The article is devoted to analysis of the two largest monuments of the Vyg Old Believers' culture: Typicon of Vyg-Leksa Old Believers' Community and Vyg Chetyi Minei. Vyg written sources of the first half of the XVIII century testify that the initiator of these endeavours was Peter Prokop'ev, the author of the first typicon for the cenobitic monastery. Comparative analysis of the composition and the text of these monuments allowed to confirm their close genetic relationship and to identify specific examples, indicating the simultaneity of drawing up Chetyi Minei and the basis of Vyg Typicon. Special attention was paid to continuity between Vyg typicon's tradition and that of Solovki.

Keywords: Old Believers, Vyg Pomeranian Community, Solovetsky monastery, Chetyi Minei, Typicon, statutory reading, hagiography.

O.D. Zhuravel

«Legend of the phenomenon of Nicholas of Myra “the Wonderworker” to Grigory, a man of Tomsk» – memorial of Siberian Literature of the beginning of XVIII.

Article one

Doctor of Philology
Institute of History, SBRAS
Novosibirsk
e-mail: helgazhuravel@gmail.com

The article is devoted to the insufficiently studied literary memorial of the beginning of XVIII century written in Tomsk. The study describes genre specificity of the Legend, which is identified as sermon aimed at moralizing the community of Tomsk. The paper defines literary sources and reveals linkage with folk-religious culture of specific cult of Saint Nicholas “The Wonderworker” and genre of «apparitions» based on verbal tradition.

Keywords: Siberian literature, hagiography, apparitions, sermon.

N.S. Guryanova

Memories of the Past in eschatological schemes of Old Believers

Doctor of Historical Sciences
Institute of History, SBRAS
Novosibirsk
e-mail: gurian@academ.org

The article studies the process of appealing of church reform opponents (initiated by Patriarch Nikon) to the memories of the past aiming to defend their right to remain in opposition to innovations. Analysis of collected manuscripts allowed concluding that the first generation of defenders of the Old rites used historical facts as arguments and gradually expanded range of materials intended for describing the events and evaluating them as evidence of Nikon's deviation from the faith of forefathers. In the authors' works appealing to this argument became the evidence of the alleged conquest of the world by antichrist.

Keywords: church reformations, schism, handwritten collections, memories of the past, eschatological study.

P.I. Mangilev, Archpriest
The Hectographed Editions of the Old Believers
in the Book-manuscript Collections of Ekaterinburg

Candidate of Historical Sciences
Yekaterinburg Seminary
e-mail: mangilev_petr@mail.ru

The report provides information on the Old Believers' hectographed editions in the book-manuscript collections of Ekaterinburg: Collection of the Regional Archeographical Research Laboratory of the Ural Institute of Humanities at the Ural Federal University, Collection of the Sverdlovsk Regional Museum of Local History, and Collection of the Library of the Ekaterinburg Theological Seminary. The analysis of the content of collections has been provided. Special attention is paid to the editions published in the Urals.

Keywords: Hectographed Editions of the Old Believers, D.V. Batov, P.M. Bezvodin, V.I. Usov, A.T. Melnov.

A.V. Mangileva
The Reading of Students of the Theological Schools
in the first half of the 19th century

Doctor of Historical Sciences
Yekaterinburg Seminary
e-mail: mangileva-anna@yandex.ru

The article concerns the reading interests among the students of theological schools in the first half of the 19th century. The main information sources for the article are notes of archimandrite Antonin (Kapustin)'s diary. The memoirs of I.Ya. Porfiriev and D.N. Mamin-Sibiryak have been used as additional sources. Scrutinizing the diary of archimandrite Antonin (Kapustin) the author has observed some change in the literary tastes of the seminarian. The role of family and school in the formation of culture of reading among the children of the clergy is analyzed as well.

Keywords: History of the Russian Orthodox Church, theological school, the reading interests, archimandrite Antonin (Kapustin), professor I.Ya. Porfiriev, D.N. Mamin-Sibiryak.

T.G. Kazantseva
Hectographical Singing Manual of Old Believers
(Collection of Institute of History, SB RAS): The Attribution Problem

PhD in Art History
State Public Scientific Technological Library, SBRAS
Novosibirsk
e-mail: kerzak2002@mail.ru

On the basis of a single existing copy the article discusses the Old Believers' musical theoretical handbooks published at the beginning of the XIX century in hectograph print. The author gives it codicological characteristic, describes its structure, analyzes the content of its chapters, identifies its sources. On the basis of comprehensive study of this manual a hypothesis according to which its author was a well-known Old Believer book publisher L.F. Kalashnikov is formulated. In the foundation of the system of proofs of this hypothesis are the principles of textological analysis; facts of the biography of L.F. Kalashnikov and of history of Old Believer liturgical singing at the turn of the XIX–XX centuries are brought as additional evidence.

Keywords: liturgical musical culture of Old Believers, hectographs, singing manuals, Znamenny chant, L.F. Kalashnikov.

I.N. Nikanorov

«Paternal Testaments» collection and epistolary legacy of Fedoseyans

Postgraduate
Institute of History, SBRAS
Novosibirsk
e-mail: nikanoroviw@gmail.com

The paper considers the establishment of Fedoseyan movement tradition in the second half of the XIX c., which was reflected in «Paternal Letters» collection including letters of preceptors of Preobrazhenka Cemetery. Analysis of subject index (based on thorough understanding of collection's content) allows concluding that the compilers added those letters with the view of argumentation and elucidation of significant statutory documents of Fedoseyans from the «Paternal Testaments». The findings show that both «Paternal Letters» and «Paternal Testaments» collections represent a single body of documents reflecting the establishment of Fedoseyan movement tradition.

Keywords: collections of Old Believers, Fedoseyan movement, Preobrazhenka Cemetery, preceptors, letters, collections.

N.A. Mudrova

Book collections of Ural scientists of the second half of the XIX – first half of the XX century in the funds of Ekaterinburg

Candidate of Historical Sciences
Central Scientific Library UrBRAS
Yekaterinburg
e-mail: mudrova@cbibl.uran.ru

The article presents a brief overview of books stored in the collections of Yekaterinburg (Sverdlovsk regional Local Lore Museum and Sverdlovsk regional universal scientific library) from the libraries of scientists who lived and worked in the Urals in the second half of XIX – first half of XX century. The author describes collections received at different times from members of the Ural society of lovers of natural science (O.E. Cler, M.O. Cler, G.O. Cler, I.P. Ivanov, P.P. Boklevskiy, M.V. Malakhov, N.K. Chupin, etc.) and from other figures of science and culture of the Ekaterinburg (A.A. Anfinogenov, etc.). This study is a continuation of research conducted by the Central scientific library UrBRAS to study scientific and cultural heritage of Urals and Russia.

Keywords: the history of libraries, book collections, scientists, the Ural society of lovers of natural science, Sverdlovsk regional local-lore Museum, Sverdlovsk regional universal scientific library.

E.I. Dergacheva-Skop, A.Yu. Borodikhin

Joint Catalogue of manuscripts, Old Printed and Rare Books in Collections of Siberia and Far East: the preparatory works

Doctor of Philology
Novosibirsk State University
e-mail: e_dergacheva-skop@post.nsu.ru

Candidate of Philology
State Public Scientific Technological Library, SBRAS
Novosibirsk
e-mail: borodichin@spsl.nsc.ru

The article presents the results of multi-year collaboration between archeographers at the State Public Scientific and Technical Library, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, and the Novosibirsk State University. This collaboration is aimed at preparing a

series of «The Materials to the Joint Catalogue of Manuscripts, Early Printed Books and Rare Editions from Siberian and Far Eastern Collections». Special attention is given to the history of composing the series, which is focused on describing the Church Slavonic works from these collections and introducing them to scientific use.

Keywords: cameral archeography, Church Slavonic works, Master Catalogue, book monuments (rare books), Siberia, Far East.

A.A. Yudin

The books of Baltic Old Believers in M.N. Tikhomirov's collection

State Public Scientific
Technological Library, SBRAS
Novosibirsk
e-mail: alexey_yudin@mail.ru

The article presents the results of study of the manuscripts of M.N. Tikhomirov's collection (State Public Scientific Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk). The author identifies owner stamps, notes and other special features of the book monuments that previously belonged to Old Believer community libraries and private collections of Old Believers. The obtained data allow to localize the use of a part of the manuscripts in the former Northwestern Krai (the area including the current Baltic States).

Keywords: M.N. Tikhomirov's collection, Old Russian manuscripts, owner stamps, notes, signs, Old Believer communities of Baltic region.

Makarius (Veretennikov), Archimandrite

**The Russian Orthodox Church Assembly of the time
of the Patriarch Ignatius of Moscow**

Doctor of Theology
Moscow Theological Academy
e-mail: office@lavra.ru

The article describes the decision-making process considering matrimony of Pseudo-Demetrius and Marina Mniszech, made by Russian Orthodox Church and Ignatius of Moscow, the Patriarch. This decision was discussed during the Roman Catholic Church meeting and The Council of Trent and met huge controversy due to Russian intolerance of mixed marriages.

Keywords: Pseudo-Demetrius, Marina Mniszech, the Patriarch Ignatius of Moscow, Russian Orthodox Church, matrimony, marriage, coronation.

A.A. Brodnikov

Memory of Ancestors' Merits in the Family of Perfiriev, Service men of Irkutsk

Novosibirsk State University
e-mail: dora_179@ngs.ru

The article conducts the research on two petitions of retired boyar I. Perfiriev and his grandson, members of «military aristocracy» of Irkutsk garrison. Those petitions contain significant records about the military service of the father of Perfiriev dynasty, famous researcher M. Perfiriev, and his son I. Perfiriev. The documents also reveal the fact that the merits of ancestors are memorized in the Perfiriev family as some record, the protograph of both historical sources under consideration. Family members cherished those records and used them in case of need when appealing to authorities.

Keywords: service men, memory of ancestors' merits, Irkutsk, dynasty of military service men.

I.L. Mankova

The formation of female monasticism in Western Siberia in the XVII century

Candidate of Historical Sciences
Institute of History and Archaeology UrBRAS
Yekaterinburg
e-mail: ilman.08@mail.ru

The article considers the early history of the female monasticism in Western Siberia. Analyzing the history of seven monasteries, the author identifies three stages of formation of the female monasticism: life of nuns among the laity; the nuns' settlement near the parish churches or in the male monasteries; the construction of the monastic complex. The author concludes most of nuns were women who lived in the nearest district, the monasteries functioned as almshouses. The disgraced nuns were sent to certain monasteries. The author defined the sources of subsistence of monastic communities: the government's salaries and alms, the small contributions, the needlework and the help of male monasteries. The female monasteries did not have patrimonies.

Keywords: colonization of Siberia, history of Russian Orthodox Church, monasticism, female monasteries.

I.A. Nikulin, Priest

**Taxes and duties of parish community and population of Siberian diocese
in the late XVII**

Candidate of Theology, Candidate of Historical Sciences
Ekaterinburg Theological Seminary
e-mail: nikulinivan@yandex.ru

By the end of XVII c. Siberia established taxation system on the Orthodox population in Siberia in favor of Tobolsk House of Bishops. Firstly, system included annual payments for the whole parish community («dani»); secondly, taxes were paid by elders («alms money») and clergy («pesoshnye» money) as well. Taxation system also assumed some extraordinary taxes for clergymen obtaining or changing their places. Special income item considered wedding and funeral duties. Author reveals tax amounts, compares them to the taxations of other dioceses and describes differences from the norm determined by Patriarch Joakim in 1687. Main sources used during research include Income Book of Tobolsk House of Bishops 1696/1697 and charters of Siberian metropolitans of the last third of XVII.

Keywords: Tobolsk House of Bishops, Ignatius (Rimskiy-Korsakov), Saint Sofia's house, «dani», duties, Siberian diocese, «desyatilnik», tax collector.

A.Kh. Elert

The Image of Tradesmen in Studies and Sources of XVII–XVIII cc.

Doctor of Historical Sciences
Institute of History, SBRAS
Novosibirsk
e-mail: alexanderelert@yahoo.com

The paper is devoted to source analysis that allows observing the evolution of term «promyshlennyye lyudi» and defines the value of «promyshlenniki» in the history of Siberia. Considering the XVII century, the sources include acts, reports and clerical materials. Nevertheless, evaluations of an image of «promyshlennyye lyudi» appeared in scientific literature only in the first half of XVIII century, and the most informative sources were written during the Second Kamchatka expedition (The Great Northern Expedition, 1733–1743) by S.P. Krashennikov and G.W. Steller. These sources allow us to assume that by the

middle of XVIII c. tradesmen had lost their significance in the history of development of Siberia as special class of Siberians.

Keywords: history of exploration and development of Siberia in XVII – the first half of XVIII cc., «promyshlennyye lyudi», Second Kamchatka Expedition, S.P. Krashennikov, G.W. Steller.

I.A. Shipilov

**Translator of the Second Kamchatka expedition I.P. Yakhontov
as Explorer of Siberia**

Institute of History, SBRAS
Novosibirsk
e-mail: Shipilof@yandex.ru

The article for the first time represents all functions fulfilled by the translator I.P. Yakhontov in the Second Kamchatka expedition based on comprehensive study of his materials, including previously unknown ones. The study also gives thorough description of Yakhontov as the explorer of Siberia. The author analyses numerous sources and historiographies (both in Russian and Deutsch languages) and shows that Yakhontov excelled as translator, but took responsibilities as copyist, clerk and multifunctional researcher – ethnographer, geographer and naturalist.

Keywords: history of exploration of Siberia, Second Kamchatka expedition, translator I.P. Yakhontov, record keeping, travel descriptions, ethnography of Yakuts and Buryats.

S.A. Beloborodov

On the Nevyansk Old Believers meeting, 1741/1742

Candidate of Historical Sciences
Urals Federal University
Ekaterinburg
e-mail: s.a.beloborod@yandex.ru

The article considers topics connected to «stareishinstvo» – tradition of appointment of «elder among equal» in the community of Ural Old Believers «beglopovovtsy» in the second quarter of XVIII century. Based on direct and indirect sources author examines that principle of «benison transfer» suggested by Old Believers' historiographers of XIX c. was not quite simple. Job, which supervised Ural «beglopovovtsy», died in May 1741, and his successor, Jacob, arrived at Ural only in March 1742. Old Believers meeting that had «blessed Jacob for being the elder» took place in Nevyansk in the period between those dates, but was never mentioned in domestic historiography before.

Keywords: Ural Old Believers «beglopovovtsy», «stareishinstvo», Nevyansk Old Believers meeting, priests Job and Jacob.

A.G. Mosin

**Frequency Lists of Last Names of Clergymen
as historio-anthropomorphic representation of regional clergy**

Doctor of Historical Sciences
Urals Federal University
Ekaterinburg
e-mail: alexg28@yandex.ru

The article considers the possible use of frequency lists of last names to research of historical-anthropomorphic fund of clergy in prerevolutionary Russia. Based on the lists of diocesan clergy and students of theological schools it shows the peculiarity of the structure

of anthroponymy and the variety of surname frequency depending on formation conditions of regional and historical concentration of clergymen surnames. The author outlines the perspectives for using frequency lists of surnames of parish clergy from different dioceses in ancestral histories research as well.

Keywords: historical anthroponymy, parish clergy, frequency list of surnames, artificial surnames.

L.M. Dameshek

**Christianization of aboriginal Siberians as a part of suburban policy of Russia
in the second half of XIX c.**

Doctor of Historical Sciences
Irkutsk State University
e-mail: levdameshek@gmail.com

The paper describes missionary actions of Russian Orthodox Church amongst aboriginal Siberians in terms of suburban policy. The authors emphasizes that confessional policy of Russia against Siberian foreigners was an integral part of imperial policy among Siberian lands. All measures taken by the autocratic regime in relation to the Church in Asian Russia were based upon the acknowledgement of huge political and sociocultural value of spreading Orthodox Christianity among «inorodtsy» (aliens). Foreigners considered adoption of Orthodoxy as a part of integration policy, but it was a significant sociocultural process as well. Thus, in the Russian model of colonization of eastern periphery political and sociocultural goals were mutually reinforcing. This distinguished the Russian colonization policy in the periphery from that of the colonial empires of the Western nations.

Keywords: N.N. Pokrovsky, Siberia, «inorodtsy», Orthodox Church, incorporation, policy towards the periphery.

S.Yu. Akishin

**Lecture course of the Assistant Professor A.A. Dmitrievsky
on the History of Divine Service in the Russian Church**

Ural Federal University
Ekaterinburg
e-mail: nikomachus@gmail.com

In the article based on handwritten materials from the Dmitrievsky's Fund (Manuscript Department of the National Library of Russia), the author makes an attempt to reconstruct the program of the lecture course on the History of Worship in the Russian Church, which was read to the students of the Kiev Theological Academy in 1882–84. The main sources that formed the basis for the lecture course are also identified in this article. The author concludes that Alexey Dmitrievsky used a wide range of historical sources and studies both on the history of the Russian Church and the Liturgics. It has been found that during his work with the research literature the scientist did not always identify borrowings correctly, as he did not intend to publish the lecture course.

Keywords: Liturgics, History of Worship in the Russian Church, Kiev Theological Academy, A.A. Dmitrievsky.

Ye.V. Komleva

Ego-documents of Siberian Merchants (the end of XVIII – XIX c.)

Candidate of Historical Sciences
Institute of History, SBRAS
Novosibirsk
e-mail: feudal@history.nsc.ru

The paper examines the characteristic features of ego-documents produced by Siberian merchants in the late XVIII – XIX c. The author analyses components of the body of extant ego-documents and their information potential based on the examples of memoirs, diaries and journals written by Siberian tradesmen and members of their families. The work pays exclusive attention to analysis of private correspondence from family archives of merchants Basnins of Irkutsk and Larionovs of Krasnoyarsk. Some of merchant epistolary notes are introduced to scientific community for the first time.

Keywords: Siberia, merchants, cultural and educational level, Ego-documents, memoirs, diaries, correspondence, journals.

I.G. Adonyeva

**Historical and Legal Subjects in Russian Magazine Press
in the second half of XIX – the beginning of XX century**

Doctor of Historical Sciences
Novosibirsk State Technical University
e-mail: adoinessa@yandex.ru

The article analyzes historical and legal content of the Russian monthly magazines of the second half of XIX – early XX centuries. Its content was influenced by a number of factors, especially by the state of the judicial system and its reform. Other factors included ideological and political orientation of a journal; domination of the «state school» in historical science. Liberal journals drew attention to the legal aspects of interaction between state and society in the past, seeking to link development of Russia and bringing the legislation in line with the needs of the population. Historical and legal issues did not matter for magazines Marxist and narodism orientations, as their authors and readers were aimed at resolving contemporary problems that had no parallels in the past.

Keywords: Legal discourse, monthly magazines, history of law, intellectual culture.

M.K. Churkin

**The Potential of Ego Sources in the Study of the Migratory Behavior
of the Russian Peasantry in the second half of XIX – beginning of XX centuries**

Doctor of Historical Sciences
Omsk State Pedagogical University
e-mail: proffchurkin@yandex.ru

The article is devoted to the problems of scientific reflection of the migratory behavior of the peasantry. It is taken into consideration that the peasant discourse was initiated «from above», and the source of knowledge about the peasantry was mainly materials of regulatory and legal nature, official records management, statistics and fragmentary evidence of representatives of intellectual elites. «Voices of the peasants», imprinted in texts emanating directly from the peasant environment, had been moved to the background, and they were not fitting into the general pattern of imposed ideas about the peasantry and models of its socio-cultural behavior. The appeal to ego-sources opens the prospects for reconstructing the individual life experience of peasants, realized under the conditions of the socio-cultural situation of the resettlement movement at all its stages.

Keywords: ego-text, discourse, peasantry, communication, migratory behavior.

M.V. Zelenov, N.Yu. Pivovarov
Archeographical and source study problems
of the records management of Central Committee of the RCP (b) in 1919–1924

Doctor of Historical Sciences
Russian State Archive of Social
and Political History

Moscow

e-mail: mvzelenov@gmail.com

Candidate of historical sciences

Russian State Archive of Recent History

Moscow

e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

The paper considers the records management of the Central Committee as an elected body (taking minutes of the sessions of PolitBuro, Organisational Bureau and the Secretariat of the Central Committee) and as the institution (records management of the Central Committee departments and apparatus).

Keywords: the Central Committee apparatus, records management, the secretariat of the Central Committee, the General Department, the protocols of the Politburo, the Bureau of the Bureau, the Secretariat of the Central Committee, and the departments of the secretariat of the Central Committee.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 5

Новые источники для изучения биографии академика Н.Н. Покровского

Н.Д. Зольникова

Повседневная жизнь на фоне Лубянки и ИТЛ: Переписка
Н.Н. Покровского и его близких в 1957–1963 гг..... 7

Н.П. Матханова

«Я никогда не пожалел о сделанном... выборе и не уехал
из Сибири» (из воспоминаний Н.Н. Покровского)..... 42

Литература и книжность XII–XX вв.

В.М. Лурье

Происхождение «русской» Есфири: Еврейский → греческий
эпохи эллинизма → сирийский → славянский 52

В.А. Мельничук

Женские образы XII в. в Степенной книге 67

В.В. Подопригора

Жанровая специфика Летописи волынских Мономаховичей
XIII в. в редакции Хлебниковского списка..... 74

М.С. Крутова

Новое описание Ризницы Свято-Троицкой Сергиевой
Лавры: Гипотезы и находки 82

Л.И. Журова

«Судный список Максима Грека» и церковная
публицистика XVI в. (митрополит Даниил и Максим Грек)... 90

Т.А. Исаченко

Образ Афона в сказаниях Максима Грека и Сергия
Шелонина 101

А.В. Сиренов

О послании Сильвестра князю А.Б. Горбатову-Шуйскому ... 109

Т.В. Панич

Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова):
Литературные особенности 120

Л.В. Титова

О функции «видений» в полемических сочинениях
дьякона Федора и протопопа Аввакума 132

<i>М.Н. Климова</i>	Из истории «Эдипова сюжета» в русской литературе (к вопросу о происхождении повести о папе Григории)	140
<i>Е.М. Юхименко</i>	Выговские Четии Минеи и богослужебный устав Выговского общежития.....	149
<i>О.Д. Журавель</i>	«Сказание о явлении Николая Мирликийского Чюдотворца томскому гражданину Григорию» — памятник сибирской литературы начала XVIII века. Статья 1.....	157
<i>Н.С. Гурьянова</i>	Память о прошлом в эсхатологических построениях старообрядцев	166
<i>П.И. Мангилев, протоиерей</i>	Старообрядческие гектографированные издания в книжно-рукописных собраниях Екатеринбурга.....	176
<i>А.В. Мангилева</i>	Круг чтения учащихся духовных школ в первой половине XIX в.....	186
<i>Т.Г. Казанцева</i>	Старообрядческая гектографированная певческая Азбука из собрания Института истории СО РАН: Проблема атрибуции.....	194
<i>И.Н. Никаноров</i>	Сборник «Отеческие завещания» и эпистолярное наследие федосеевцев.....	214
<i>Н.А. Мудрова</i>	Книжные коллекции уральских ученых второй половины XIX – первой половины XX в. в фондах Екатеринбурга.....	220
<i>Е.И. Дергачева-Скоп, А.Ю. Бородихин</i>	Сводный каталог рукописей, старопечатных и редких книг в собраниях Сибири и Дальнего Востока: Подготовительные материалы.....	231
<i>А.А. Юдин</i>	Книги старообрядцев Прибалтики в собрании М.Н. Тихомирова.....	243

Проблемы отечественной истории и источниковедения XVII–XX вв.

- Макарий (Веретенников), архимандрит*
Собор Русской Церкви времени Патриарха Игнатия 253
- А.А. Бродников*
Память о заслугах предков в семье иркутских служилых
людей Перфирьевых 258
- И.Л. Манькова*
Формирование женского монашества в Западной Сибири
в XVII в. 266
- И.А. Никулин, священник*
Денежные сборы с приходов и населения Сибирской
епархии в конце XVII в. 275
- А.Х. Элерт*
Образ промышленного человека в исследованиях
и источниках XVII – первой половины XVIII в. 282
- И.А. Шипилов*
Переводчик Второй Камчатской экспедиции И.П. Яхонтов
как исследователь Сибири..... 291
- С.А. Белобородов*
О Невьянском соборе 1741/1742 г. 301
- А.Г. Мосин*
Частотный список фамилий священно- и церковно-
служителей как историко-антропонимический «портрет»
регионального духовенства 307
- Л.М. Дамешек*
Христианизация народов Сибири как составная часть
окраинной политики Российской империи во второй
половине XIX в. 314
- С.Ю. Акишин*
Лекционный курс приват-доцента А.А. Дмитриевского
по истории богослужения в Русской Церкви 323
- Е.В. Комлева*
Эго-документы сибирского купечества
(конец XVIII – XIX в.)..... 330
- И.Г. Адоньева*
Историко-правовая тематика русской журнальной прессы
во второй половине XIX – начале XX в. 339

<i>М.К. Чуркин</i>	
Потенциал эго-источников в исследовании миграционного поведения российского крестьянства во второй половине XIX – начале XX в.	347
<i>М.В. Зеленов, Н.Ю. Пивоваров</i>	
Археографические и источниковедческие проблемы делопроизводства ЦК РКП (б) (1919–1924 гг.)	356
Список сокращений.....	363
Summary.....	367

Научное издание

**Проблемы сохранения
отечественной духовной культуры
в памятниках письменности XVI–XXI вв.**

Сборник научных трудов

Редактор *В.А. Ромодановская*

Подписано в печать 23.11.2017.
Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 26,4. Усл. п. л. 24. Тираж 300 экз.

Институт истории СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Отпечатано в типографии «Апостроф»
630083, Новосибирск, ул. Большевицкая, 177